Я. Г. Риер

ОЧЕРКИ СТАНОВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2016

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Электронный аналог печатного издания:

Я. Г. Риер
Очерки становления средневековых европейских государств
в контексте общеисторических процессов:
природная среда и социальное развитие
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 412 с. : ил.

ISBN 978-985-568-173-2

В Очерках представлен сравнительный анализ становление государств на разных территориях европейского континента в раннем средневековье. Учитывая, что указанная эпоха была началом истории большинства европейских народов и многих из существующих ныне государств, синхронное рассмотрение становления этих государств позволяет лучше понять и современные межгосударственные отношения, а также причины стремления к обретению собственной государственности у тех народов, которые ее не имели ранее. Поскольку истоки европейских государств лежат в более ранних эпохах, в Очерках затронуты и основные проблемы возникновения государственности, начиная с поздней первобытности. Особое внимание уделено роли природной среды в формировании древних и средневековых государств. Учитывая, что широкий интерес современного читателя к прошлому порождает многообразие его интерпретаций, автор анализирует некоторые новые методики современных исторических исследований.

Очерки предназначены, прежде всего, студентам-историкам второй ступени обучения (магистрантам), аспирантам, учителям-историкам. Полезны они будут как дополнительный материал и студентам первой ступени обучения, учащимся гуманитарных спецклассов, а также широкому кругу любителей истории.

УДК 94(4)“04/14”(075.8)
ББК 63.3(0)4я73

Риер, Я. Г. Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие [Электронный ресурс] : пособие / Я. Г. Риер. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 3 экз.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
http://www.msu.mogilev.by

ISBN 978-985-568-210-4
(электронное издание)

© Риер Я. Г., 2016
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2016
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронный аналог, 2016

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В наше время учебные программы часто не могут угнаться за жизненными потребностями. Это касается и изучения истории. Теперь, когда информационные технологии сблизили не только страны, но и континенты, разделение учебных дисциплин на отечественную и зарубежную историю выглядит устаревшим, если не сказать даже – анахронизмом. Все познается в сравнении. Сопоставляя развитие разных стран, мы можем лучше понять и собственное прошлое, которое было тесно связано с тем, что происходило у соседей, ближних и дальних. В итоге легче выявляются и локальные различия, и общие черты народов как отдельных регионов, так и целых континентов. В результате сравнительного анализа вырабатывается общий, как бы *стереоскопический взгляд* на наше общее прошлое.

Исходя из изложенного, предлагаемые Очерки, устанавливая межпредметные связи, рассматривают исторические процессы, происходившие на разных территориях европейского континента в раннем средневековье в их единстве. Учитывая невозможность «объять необъятное», в Очерках выделен один из существенных элементов тогдашней истории – становление государств. Важность этого элемента состоит в том, что указанная эпоха стала началом истории большинства европейских народов и многих из существующих ныне государств. Синхронное рассмотрение становления государств того времени позволяет лучше понять и современные межгосударственные отношения, а также причины стремления к обретению собственной государственности у тех народов, которые ее не имели ранее.

Поскольку истоки европейских государств лежат в более ранних эпохах, в Очерках затронуты и основные проблемы возникновения государственности в человеческой истории, начиная с поздней первобытности. Ранние государства, как и вообще жизнь людей в доиндустриальные эпохи была тесно связана с природой, зависима от нее. Поэтому в Очерках уделяется особое внимание роли природной среды в формировании древних и средневековых обществ и государств.

Как известно, проблемой изучения ранней истории является недостаток материалов, источников, что способствует различным интерпретациям прошлого. В Очерках на эти проблемы и разногласия также обращено внимание. Автор анализирует современные подходы и методики исторических исследований. Особенно это относится к новым методам, ставшим достоянием науки в последнее время (компаративистика, клиометрия). Такой подход, надеемся, позволит читателям увидеть «кухню» исследователей и лучше понять стоящие перед историками проблемы. А заодно, быть может, выбрать те из них, которые они возьмутся изучать сами.

Очерки предназначены, прежде всего, студентам-историкам второй ступени обучения (магистрантам), аспирантам, учителям-историкам. Полезны они будут как дополнительный материал и студентам первой ступени обучения, учащимся гуманитарных спецклассов и широкому кругу любителей истории.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ
Основные задачи и проблемы истории

История – это наука о прошлом
и наука о будущем.

Люсьен Февр[1]

История как диалог с прошлым. Трудности изучения истории. Критерии точности в исторической науке. Цивилизационный подход. Воспитательная роль истории и историческая мифология. Моделирование в истории. Проблема государственности.

Мысль известного французского историка прошлого столетия, вынесенная в эпиграф, парадоксальна. Понятно, история изучает то, что уже свершилось. Но как и чем она обращена в будущее, которое волнует, очевидно, всех?

В нашей жизни все имеет свое начало. И грядущее начинается уже сегодня, оно развивается из того, что есть теперь. А то, что существует в наши дни, возникло из предыдущего, недавнего и более отдаленного. И так – по цепочке – мы приходим к необходимости познавать прошлое, причем не только близкое, но и удаленное на века и тысячелетия, вплоть до истоков человечества. В этом познании и состоит главная задача истории как науки. Но прошлое безбрежно по количеству фактов и их взаимосвязей. Все познать невозможно. Как определить достойное внимания?

Приведу мнения некоторых авторитетных современных историков. Изучая прошлое, мы «*задаем ему именно те вопросы, которые волнуют нас и наших современников*» [Уваров, 2006, с. 5]. «*Историк воссоздает, измышляет прошлое, исходя из тех вопросов, которые ставит перед ним настоящее*» [Афанасьев]. «*Всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории*» [Миллер]. И далее: «*…мы задаем источникам далекого прошлого, т.е. людям, которые их создали, интересующие нас вопросы*» [Гуревич, 2007, с. 12]. «*Мы не можем задавать прошлому вопросы, которые нас оставляют холодными, которые нас не интересуют. В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес. И поэтому естественно,*

[1] См. [Бродель, 2000].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что историк вопрошает прошлое от имени современности» [Гуревич, 1996].

Итак, «*История сегодня – это постоянно продолжающийся, постоянно возобновляемый диалог современности с прошлым*». Конечно, в прошлом нельзя найти буквальные ответы. Поэтому обращаться к прошлому должны специалисты. «*Вопросы к прошлому задают все, но существуют правила и ограничения, в которых хорошо разбираются именно профессиональные историки… – профессионалы такого диалога*» [http://polit.ru/article/2014…]. Но и профессионалы не единообразны – они строем не ходят. Они подходят к прошлому со своими взглядами на мир, со своим мировоззрением. Конечно, у историков оно формируется на основе их знаний. Но ведь они живут не в башнях из слоновой кости – воспитание, окружение, повседневные интересы тоже на них влияют. Поэтому и к прошлому они могут обращаться по-разному.

Волгоградский историк И.И. Курилла использовал сравнение из геометрии: есть «*объемный предмет сложной формы. Мы его спроецировали на одну стенку, получили круг, на другую – квадрат. Работа историка – это в каком-то смысле проекция, мы стараемся приблизиться к объемному взгляду, но в любом случае к этому идеалу можно стремиться, но он никогда достигнут не будет, потому что мы еще не знаем всех возможных проекций этого сложного предмета*». И далее: всех фактов учесть невозможно. «*Так или иначе, производится какой-то отбор фактов из каких-то дополнительных соображений… Источники отбираются исходя из того, что может помочь … ответить на этот вопрос. И в этом смысле, конечно, игнорируется всё то, что с точки зрения историка не дает ответа. Здесь действительно могут потеряться какие-то важные свидетельства*» [http://polit.ru/article/2014…]. Ведь события, как заметил Бродель – «*это пыль*», даже великие события. Они не обретают смысла, пока мы не можем включить их в исторический контекст [Валлерстайн, 2001, с. 152]. То есть понять их причины и взаимосвязи. А для этого необходимо и умение догадываться – то есть интуиция [Валлерстайн, 2006, с. 52]. В этом изучение истории приближается к искусству. Что еще более усложняет работу исследователя, хотя и делает ее чрезвычайно увлекательной.

Но, чтобы история не превращалась в беллетристику, интуиция не должна отрываться от фактов. Они – основа. Факты встраиваются в выяснение причин их появления. Затем исследуется развитие этих фактов и их превращение в новые события и явления, то есть устанавливаются причинно-следственные связи. Из фактов и событий создаются взаимосвязанные цепочки. Переплетение множества таких цепочек образует исторический процесс, понимание которого – конечная задача историков [Кульпин, 2008, с. 196–199]. Так познается *логика исто-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рии, ее законы. Только на этой основе могут создаваться адекватные картины прошлого, то есть его *реконструкции* [Вен, с. 87–88]. И если конкретная реконструкция получает признание у специалистов, то ее можно считать научной [http://polit.ru/article/2014/12/04/...].

Так происходит отбор исходного исторического материала для изучения. *Обновление вопросов к прошлому* происходит постоянно, что и делает историю динамично развивающейся наукой. Но ее изучение усложнено проблемой исходных данных – источников: чем древнее эпоха, тем меньше о ней свидетельств, а те, которые доступны, страдают неполнотой. Поэтому ученым многое приходится додумывать, реконструировать, что ведет к множеству суждений и теорий. Но тогда историческое исследование превращается не только в изучение совокупности исторических фактов, но их интерпретацию, предполагающую объяснение причинно-следственных связей между фактами в рамках определенной концепции. Это порождает субъективизм, что, однако, неизбежно. История – «*продукт деятельности историка, а не простое отражение объективной реальности*» [Уваров, 2003, с. 329]. Или, как заметил последователь Люсьена Февра, Фернан Бродель, история – это сон историка.

Другая проблема истории – неполнота источников и отсутствие возможности проверить выводы опытом, экспериментом. За это представители *естественных наук* часто упрекают историков. Мол, исторические представления, знания о прошлом невозможно доказать; ведь нельзя адекватно их воспроизвести. Популярные ныне исторические реконструкции ведь всего лишь игра, иллюстрация событий. Да, проблема такая существует. Но она решается многократными проверками источников, их сопоставлением. По одному известию или находке выводы не делаются. Собираются многие данные из разных мест, сравниваются. Археологи, например, опираются на серии артефактов с разных памятников и территорий. Для письменных источников проверяется их достоверность; например, степень осведомленности авторов текстов (очевидец, современник или же хронист, писавший о прошлом с чужих данных). Частные оценки обсуждаются в дискуссиях. В итоге отбираются лишь такие суждения и выводы, которые не содержат противоречий и признаются большинством специалистов. Но при этом подразумевается, что новые данные, если они появятся, могут изменить прежние выводы. В такой конкуренции идей происходит постоянное уточнение исторических представлений.

В нашей историографии такое многоголосие еще не очень распространено. Ибо советские историки были приучены работать в рамках одного «единственно верного учения» – догматически и упрощенно понятого марксизма. Такой подход уже цитировавшийся современный российский медиевист П.Ю. Уваров назвал *манихейским*: «*Убежден-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ность в том, «что правда всегда одна», свойственна и большинству постсоветских историков…Точка зрения может быть либо правильной, научной, либо неправильной, ненаучной. С ней даже и бороться не следует, ее проще просто игнорировать» [http://magazines…][1].

Но без разномыслия и дискуссий нет развития. Как заметила французский социолог Кристин Марсан «*цель науки в том, чтобы предлагать позитивную критику вклада предшественников*» [http://inosmi.ru/world/20150719…]. Обновление – свойство любой науки. И естественнонаучные знания также постоянно пересматриваются. Например, неделимый для древних греков атом уже, как известно далеко не таков. А поиски действительно элементарных частиц никак не остановятся…**Думается, критерием точности, соответствия исторических построений тому, что действительно происходило в прошлом, могут считаться логически непротиворечивые связи с современными событиями, о которых мы располагаем достаточно полной информацией.** Как заметил востоковед Л.Б. Алаев «*историк лучше понимает изучаемый им период, если он знает,* ***чем дело кончилось***» [Алаев, 2002, с. 51, выделено мной. – *Я.Р.*].

Очевидно, изучение прошлого начинается с конкретики: со сбора и анализа источников о жизни людей на определенной территории в ограниченном хронологическом периоде. Но это лишь начальный этап работы историка. Человеческая жизнь не происходит в изолированном пространстве. Даже, к примеру, изолированные от соседей островитяне зависят от природы (климата, ресурсов). Поэтому результаты любого частного исследования необходимо включить в широкий исторический контекст: сопоставить с тем, что происходило как у соседей, так и, по возможности, в общеисторическом масштабе. То есть произвести *компаративные* (сравнительные) исследования. «*В каждом случае мы должны мыслить в терминах целого, а не части, видеть главы повести как события жизни общества, а не отдельного его члена, следить за судьбами его представителей – не за каждым в отдельности, а в общем потоке… Вглядываясь в историю с этой точки зрения, мы в мутном хаосе событий обнаружим строй и порядок и начнем понимать то, что прежде казалось непонятным*» [Тойнби, с. 26].

Применительно к теме предлагаемых Очерков имеется в виду рассмотрение внешних и внутренних истоков государственности от наиболее общих форм до конкретных раннесредневековых государств. Лишь проделав такую работу, мы можем переходить выработке представле-

[1] *Манихейство* – учение, возникшее в Иране в III в. н.э., исходило из черно-белого видения мира, делившегося на мир света (добра) и мир тьмы (зла), между которыми идет смертельная борьба.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ний о том, как происходило создание конкретных обществ и государств, чье развитие напрямую или через определенные изменения продолжается и в наше время. В итоге понимание причин и сути известных ныне различий между народами и их особенностей получит прочную основу. В этом видится главная цель исторического исследования, «*…ибо поставленная Вергилием задача “познать причины вещей” никогда не покидает сердце истинного историка*» [Тойнби, с. 642]. Именно поэтому английского историка А. Тойнби считают подлинным создателем цивилизационного подхода в изучении истории. Его предшественники, прежде всего Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер не только не были профессиональными историками, но и обращались к прошлому человечества сквозь призму современных им политических реалий, т.е., по сути, были публицистами [http://polit.ru/analytics...]. Порой их причисляют к историкам, ставя в один ряд с Тойнби, называя «историками-циклистами» [Луговской]. Но, в отличие от Тойнби, занимавшегося историей античности и Балкан, специальных исследований Данилевский и Шпенглер не вели[1]. Данилевского вообще упрекали в рассмотрении общественного развития с помощью классификаций, свойственных естественным наукам, называли его подход разновидностью «зоологического национализма» [Мартынюк, с. 443; http://polit.ru/article/2007/11...; http://polit.ru/article/2012/02...].

Представление о цивилизации как противопоставлении варварству возникло в европейской историко-философской мысли еще в XVIII в. Указанные выше авторы исходили из неоднородности человеческого развития, что отражалось в разнообразии *локальных цивилизаций* (культурно-исторических кругов – по Данилевскому). Среди современных исследователей отношение к этому понятию неоднозначное, ибо оно противоречит представлению о *единстве исторического процесса*. В дальнейшем изложении спор о правомерности *цивилизационного подхода к истории* будет рассмотрен подробнее. Здесь же заметим, что в последнее время сложился и определенный компромиссный подход, который рассматривает историю, по крайней мере, с начала капиталистической эпохи (XIV–XV вв.) как единый процесс взаимодействия различных элементов целостного организма – *мир-системный анализ.* Такой подход был предложен американским социологом Иммануилом Валлерстайном [Валлерстайн, 2006; Фурсов]. В определенной степени он соединяет *цивилизационный подход* с представлениями о едином всемирно-историческом процессе. Но особенности предшествующих

[1] Н.Я. Данилевский, прославившийся вышедшим в 60-е гг. XIX в. обширным сочинением «Россия и Европа», был по образованию ботаником, занимался зоологией. О. Шпенглер, известный изданной после Первой мировой войны книгой «Закат Европы», был учителем математики. При всех их заслугах недостаток систематических исторических знаний сказывался.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

периодов человеческой истории концепция Валлерстайна не отражает [Горюнов, с. 17].

Еще одна сторона истории, ее назначения – воспитательная роль примеров из прошлого. Это значение истории подчеркивали еще в древности и грек Плутарх, и римлянин Светоний, и китаец Сыма Цянь, заметивший, что история учит, как совершать хорошие дела, и не совершать дурные. Значит и на это уже тогда был общественный запрос. Но такой запрос мог проистекать, естественно, лишь от образованных слоев, а таковые в древности были только в правящем сословии. Ибо только оно обладало соответствующим досугом и средствами для обучения. Так рождалась традиция отбирать образцы из жизни знати и для нее. Тем более, что власть имущие, как казалось, управляли жизнью, а, значит, и историей. Учили на примерах личностей, оставшихся в памяти, в легендах. Так история смыкалась с преданиями, мифами, закрепляла их авторитетом прошлого. Такая традиция использования истории сохранилась и позднее.

В средние века мифологизированная история получила дальнейшее развитие. По крайней мере, в Европе возрождение истории, не вошедшей в первоначальный образовательный минимум – *семь свободных искусств*, – началось с потребностей знатных родов, особенно королевских, в обосновании своих прав на власть, на земли. И в дальнейшем создание политических, затем, национальных мифов оставалось важной задачей творчества историков. Обилие интересов, которые приходилось обеспечивать служителям музы истории – *Клио*, так же, как и вышеуказанные проблемы с количеством и качеством источников, добавило многообразие точек зрения и концепций, внесло в них элемент конъюнктуры. Для истории как науки это плохо, так как порождает манипулирование фактами. Но видеть такую проблему надо. Уберечь от нее могут лишь честность исследователей и их профессиональный уровень[1].

Поскольку прошлое, седая древность не потеряли свой авторитет и в наше время, спрос на историческое мифотворчество сохранился. Французский исследователь Этьен Франсуа отметил, что «*выбирая способ увековечить прошлое, нация в то же время выбирает свое будущее*» [http://polit.ru/lectures/2010/03/18/…]. Но существует и более *потребительское* отношение к истории. Московский историк А. Каменский недавно привел характерную фразу неназванного им российского политика: «*Историю учат для того, чтобы гордиться*» [http://www.echo.msk.ru/programs/assembly]. Но, как метко заметил писатель и дра-

[1] Как бы это пафосно не звучало, соглашусь с мнением видного современного историка европейского средневековья: «*В конечном счете критерием истинности оказывается корпоративная честность и человеческое достоинство историка. И с этой позиции история должна быть в высшей степени нравственной наукой. Для историка быть субъективно точным – значит быть профессионально нравственным*» [Уколова, с. 184].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

матург Э. Радзинский: «*История не нуждается ни в ваших слезах, ни в ваших аплодисментах – она нуждается только в одном, в слове "понимать"*» [http://www.echo.msk.ru/programs/dithyramb]. То есть главная задача историков – выработка знаний о прошлом, а не подбор фактов под преходящие интересы современников. Вновь обращусь к Алаеву. История это наука, которая стремится к адекватному отражению прошлой действительности. И она необходима, «*если мы хотим понимать, что происходит*» [Алаев, 2002, с. 62].

Но в массовом сознании, в исторической памяти политиков и публицистов знаний о прошлом обычно хватает лишь на 2–3 поколения, что характерно, кстати, и для дописьменной, фольклорной традиции. На более углубленное «копание», поиски истоков не только любителям, но и обращающимся к прошлому иным гуманитариям (политологам, социологам, философам) обычно не хватает ни знаний, ни профессиональной школы. И возникает так называемый *презентизм* – «*механическое проецирование (перенесение) нашего сегодняшнего понимания отдельных явлений, терминов и т.д. на прошлое*», – способный «*извратить понимание истории*» [http://polit.ru/news/2010/…].

Ведь, на что уже обращалось внимание, установление исторической истины (насколько это вообще диалектически возможно) требует не только владения огромным массивом фактов, но умения найти в их существовании и взаимодействии стержневые процессы, закономерности, а также обнаружения в исторических процессах «*специфически внутреннего смысла, рождающегося из соотношения их элементов*»[1]. Для этого необходимо начинать с самых общих явлений, определявших основные параметры человеческой истории. Затем рассматривать внутреннюю структуру каждого параметра, его составляющие в рамках конкретного исторического процесса определенного общества, локальной цивилизации, выделять главные, определяющие и второстепенные, сопутствующие явления[2]. Ведь «*в противоположность философии, социологии и политической экономии – история – наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном, уникальном и неповторимом*» [Гуревич, 1997, с. 74], а «*социальную дичь поймать не так просто*» [Бродель, 2000]. Ибо, помимо выяснения фактов прошлого, надо понять мотивы поступков людей того времени, увидеть их цели, разобраться в их образе жизни, поведении и миропонимании. То есть – постараться посмотреть на тогдашний мир *их* глазами.

---

[1] Закавыченная мысль принадлежит литературоведу Б.М. Эйхельбауму и касается формального анализа стихотворных текстов [цит. по: svobodanews.ru/], но вполне уместна в данном контексте.

[2] Этот, в общем-то, дедуктивный метод, применяется в исторических исследованиях. Но математик сформулировал его для историков более определенно и назвал *методом последовательных приближений* [Магаршак].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ограниченность и отмеченная частая нечеткость исторических источников, сложности их интерпретации порождают не только обилие точек зрения на многое, происходившее в прошлом. Развитие естественных наук и связанные с ними современные технологии позволяют оперативно обрабатывать большие массы данных. Возникли возможности работать не только с материалами неживой и живой природы, но с их искусственными копиями – моделями. Моделирование пришло и в общественные науки, прежде всего в те области, в которых существуют серии статистических однородных данных. Это касается социологии и современной истории, особенно экономической и демографической. Постепенно математические методы, по мере их совершенствования, стали проникать и вглубь веков, где модели используются для вероятностных реконструкций.

Такие реконструкции, как и вообще моделирование исторических процессов более свойственны не истории, а наукам, использующим ее источники для изучения общественных отношений. Это, прежде всего, *социология*, а также *политическая антропология*. Для этих наук главное – поиски ответов на вопросы «как» и «почему», тогда как историки сначала выясняют «когда» и «где». А затем исследуют развитие жизненных реалий, а не общих моделей.

Социологи, обращаясь к истории, «*обычно работают с прошлым, как со статичным объектом*» [http://postnauka.ru/faq…]. Потому большинство историков к таким социологическим подходам относятся осторожно и применяют их неохотно. Впрочем, частично из-за присущей большинству гуманитариев недостаточной математической подготовки. Но, также, из-за понимания трудностей с добычей и оценкой исходного исторического материала. В итоге, как заметил английский историк и социолог Питер Бёрк, «*многие историки до сих пор рассматривают социологов как людей, которые выражают очевидные вещи на варварском и абстрактном жаргоне, у которых отсутствует чувство места и времени, которые без всякой жалости распределяют индивидов по жестко определенным группам, и еще называют все эти действия "научными"*» [Савельева][1].

Классик французской историографии 30-х гг. прошлого века Марк Блок уверял, что социологи отводят историку «*определенное место – только подальше, в жалком уголке наук о человеке; что-то вроде подвала, куда социологи, резервируя за своей наукой все, поддающееся, по их мнению, рациональному анализу, сбрасывают факты человеческой жизни, которые им кажутся наиболее поверхностными и произвольными*» [Блок, с. 16]. Последователь Блока, Фернан Бродель назвал диалог историков и социологов «*диалогом глухих*» [Бродель,

[1] Краткое изложение книги см. [http://postnauka.ru/longreads/37740].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

2000]. Но полвека спустя историк Кристофер Ллойд, напротив, поставил в заслугу социологам то, что большинство попыток навести мосты между противостоящими сторонами предпринимались… со стороны «*социальной науки/теории*» [Савельева]. Утверждение «*спорное, но предмет обсуждения необычайно важен применительно к исторической социологии и социальной истории*» [Савельева].

Тем не менее, новые методы все шире используются в исторических исследованиях. К сожалению, не всегда профессионально, что приводит не только к неточностям, но даже фальсификациям. В дальнейшем изложении будет представлен анализ некоторых новых методик работы с историческим материалом.

Итак, основа понимания любого предмета, и история не исключение, – глубокие знания. Выбор темы предлагаемых Очерков определен тенденцией нашего времени к созданию обособленной национальной государственности. Будут рассмотрены процессы формирования *государств в средневековой Европе*. Ибо именно в средние века сформировались все основные европейские народы и складывались основы нынешней политической карты континента.

Но начнем с анализа *сущности и функций государств*. Последнее особенно существенно в условиях лавинообразного разрастания государственных служащих – *чиновников*. Этому слою ведь тоже, как когда-то знати, необходимо обоснование их необходимости для общества. Наилучшее оправдание – в прошлом. Тем более, что чиновничество – *бюрократия* – непременный атрибут государств уже с глубокой древности. По новейшим данным, бюрократия появилась еще в дописьменную эпоху, в ранних восточных деспотиях, когда для организации учета и контроля в Месопотамии появились первые учетчики и контролеры, для своих нужд, кстати, создавшие и письменность. Оттуда же – и первые дошедшие до нас писанные для всех правила – Законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.). Иными словами, бюрократия – такое же изобретение древности, как и письменность, торговля, деньги, государство, законы, литература и др. [Якобсон, с. 93–94, 123]. Вполне обосновано мнение, что «*государство – это есть большая группа людей, причастных к управленческому труду (именно в таком случае происходит качественное изменение и складывается особый чиновничий, бюрократический этос)* [Крадин – http://www.socionauki.ru...]»

Заметим, что проблема государственности, его становления и региональной специфики актуальна и **в белорусском обществе**. Именно эта злободневность определила хронологические и территориальные рамки наших Очерков. История государственности в белорусских землях началась именно в средние века и может быть понята в сопоставлении с общеевропейским развитием. **Лишь выводя нашу историю из**

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

европейского контекста можно не только ее понять, но и определить нынешнее наше место в ней. Ибо истоки белоруской государственности лежат в общеславянском развитии с начала новой эры. А расселение древних славян, как будет показано, с современными политическими границами не имело ничего общего. На становление государственной организации существенно, а поначалу и определяюще влияли соседи, близкие и дальние. Их историю тоже надо знать. К сожалению, сравнительная история у нас не очень распространена[1].

Этот недостаток постараемся преодолеть. В нижеследующих Очерках сначала будут рассмотрены общие представления о сущности и признаках государства, особенности его появления как специфической формы организации общества при распаде первобытности, влияние на формирование и типы государственности природной среды. Затем проследим и сопоставим пути формирования основных средневековых европейских государств. При этом основное внимание будет уделено выявлению и анализу причин возникновения в ходе развития варварских племен политического многообразия, присущего Европе и поныне.

Таким образом, предлагаемые Очерки выходят за традиционные рамки учебных курсов, разделяющих историю на отечественную и зарубежную (всеобщую). Развитие государственности будет рассмотрено в тех взаимосвязях, в которых развивались европейские народы раннего средневековья. Такой подход позволит выявить как общие закономерности истории континента, так и локальные особенности развития отдельных народов и стран, проявляющиеся и в наше время различиями, порой, противоречиями и даже конфликтами. Об их исторической природе и пойдет речь далее.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

[1] На аналогичную ситуацию в современной российской историографии сетовал один из нынешних ведущих специалистов по древнерусскому источниковедению И.А. Данилевский: «*У нас история России изучается сама по себе, а история мира сама по себе. Это плохо*» [http://polit.ru/article/2012/08/24/danilevsky…].

Очерк 1

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ФАКТОРЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Государство есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы.

Гуго Гроций.
«О праве войны и мира» (1625 г.)

Наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо.

Аристотель

Понятия государства. Начало политогенеза. Подзнепервобытные, потестарные и раннегосударственные образования. Истоки социального и имущественного неравенства. Собственность и власть.

В наиболее общем и обобщенном представлении **государство** – это системообразующая структура, имеющая особые полномочия, или «*набор учреждений, созданный для того, чтобы обеспечивать функционирование общества…*» [Пиотровский, с. 57].

Существует множество определений государства, что, как заметил видный современный голландский антрополог Хенри Дж.М. Классен, связано с идеологическими воззрениями[1]. Сам он, стараясь быть нейтральным, назвал государство особым видом социальной организации, выражающим специфический тип общественного строя. Оно является отражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [Классен, 2006, с. 72].

Но в стремлении максимально обобщить автор создал, по сути, оболочку понятия, которую можно наполнять содержанием, исходя как из конкретного материала, так и из субъективных представлений. Вспоминается восходящая к Ф. Энгельсу формула государства (в современном изложении): «*Наличие регулярного, формального административного аппарата, искусственного территориального деления*

[1] Уже в 1931 г. этих определений насчитывалось более 145 [Влит, с. 388]. О современной историографии проблем политогенеза см.: [Пузанов, 2009; 2009а].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

или регулярной системы налогообложения» [Коротаев, 2000, с. 265–266]. Но, как будет показано далее, это более конкретное определение тоже неточно, или, мягче говоря, неполно. То же относится к близкому определению современного американского антрополога Луиса Карнейро, подразумевающего под государством «*автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов*» [Карнейро, 2006, с. 55].

Показательно, что во вводной статье к сборнику, посвященному путям перехода к цивилизации, строгое определение государства отсутствует [Коротаев, Крадин, Лынша]. Немецкий историк Ригоберт Гюнтер полагал, что государство есть исторически меняющаяся форма организации власти. Арабист А.О. Большаков заметил, в противоположность Энгельсу, что под государственным образованием не обязательно понимать такое, в котором сформировались аппарат подавления и система налогообложения [Захаров, с. 18].

Рассматривая понятие государства, А.Д. Захаров обратил внимание на то, что при всех его формах и вариантах должны существовать неизменные основы, иначе нельзя вести речь об одном, хотя и меняющемся явлении [Захаров, с. 7]. И далее он оттачивает данный вывод разбором концепции В.А. Якобсона, распространенной среди российских востоковедов в 90-е гг. прошлого века.

Якобсон определяет государство как институт, возникавший на определенной ступени усложнения общества, когда становится необходимым появление особых специалистов и начинается переход от обычая к закону [Якобсон, 1997, с. 6–7]. В принципе, это логично. Но, поскольку исследователь имеет в виду самые ранние государства Месопотамии, Захаров отмечает нечеткость самих данных о них [Захаров, с. 9][1]. Приводя также вполне справедливое суждение Якобсона о том, что наличие государства должно фиксироваться в осознании его существования соответствующим социумом [Якобсон, 1997, с. 11], его оппонент приводит констатацию из того же рецензируемого текста отсутствия «*на древнем Ближнем Востоке… еще самого понятия "государства"*» [Якобсон, 1997, с. 14; Захаров, с. 10]. Критикует Захаров и мнение Якобсона о разделении всех государств на первичные, возникшие в результате внутреннего развития и вторичные, создание которых было связано с влиянием окружающей среды и обстановки [Якобсон, 1997, с. 8]. Захаров отмечает, что это мнение противоречит его же, Якобсона, упомянутой выше концепции возникновения государства на

[1] Те же проблемы возникают при анализе динамики политической эволюции у кочевников, причем в исторически куда более близкое время [Базаров, Крадин, Скрынникова, с. 148].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стадии усложнения первобытного общества в ходе его естественного развития [Захаров, с. 10–11].

В целом концепция Якобсона признается внутренне несогласованной [Захаров, с. 12]. Разбирая далее суждения некоторых других российских востоковедов, Захаров приходит к выводу об их нечеткости, прежде всего терминологической и, отсюда, о неполном соответствии рассматриваемым реалиям [Захаров, с. 19]. Своего же представления о государстве Захаров при этом не формулирует.

Приведенная полемика – лишь малая часть современных дискуссий о государствообразовании. Следовательно, необходимо внимательнее отнестись к самой категории «*государство*», учитывая известные у гуманитариев вольности в понятийном аппарате. Впрочем, отмеченная нечеткость понятия *государства* отражает сложность самого явления, размытость его границ в соотношении с другими близкими формами общественной организации.

На это обратил внимание социолог Л.Е. Гринин, подчеркнув необходимость учитывать динамику становления государственности: «*Водораздел между государственными и негосударственными образованиями... лежит не только в наличии или отсутствии того или иного признака, а в большей или меньшей развитости определенных признаков и их особой комбинации, а также в эволюционных возможностях политий разных типов*»[1] [Гринин, 2007, с. 127]. Для раннего государства, по мнению исследователя, наличие достаточно оформленного и специализированного аппарата управления вообще не является обязательным. При этом отличие раннего государства от негосударственных форм политической организации, состоит «*в росте значения верховной власти и в большей ее способности перестраивать традиционную структуру общества; в появлении или закреплении новых способов формирования управленческих кадров и новых способов управления обществом и контроле за ним; а также в большей формализации политических и управленческих решений...*» [Гринин, 2007, с. 126; см. также: Бондаренко, Коротаев].

Отсюда и более общее определение Гринина: государство обычно понимается как «*…достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и* ***претендующая*** *на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий*» [Бондаренко,

[1] В настоящее время понятие *полития*, введенное Аристотелем как название формы власти в Афинах, чаще используется для обозначения любой политической единицы. См., напр.: «Полития – независимое политическое образование любого масштаба, такое как независимая община, простое или сложное вождество, архаическое или развитое государство» [Турчин, С. 290].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Гринин, Коротаев, с. 29]. Выделенное в цитате слово как бы подчеркивает динамику процесса возникновения государства и, в конце концов, сложность определения времени его появления. Очевидно, в разных конкретных условиях эти начальные признаки не будут одинаковыми.

Более того, уже цитированные авторы обращают внимание на то, что современные знания об архаических обществах свидетельствуют о необязательности сведéния их *политогенеза* исключительно к возникновению государственности. Ибо политическая эволюция приводила и к другим формам (моделям) общественной организации. В современной политической антропологии появились представления о нелинейности человеческой истории в ее движении от плохого к хорошему, т.е. необязательности прогресса.

Ибо в разных культурах добро и зло понимается неодинаково. Отсюда – критериев социального прогресса не существует, вернее, они субъективны[1] [Коротаев, Крадин, Лынша, с. 25–29, 75; Коротаев, 2003, с. 5–10; Миницкий, с. 27]. Иными словами, исторический *процесс* не обязательно является синонимом развития общечеловеческого *прогресса*, что подтверждается многими историческими примерами, в том числе упадком и исчезновением государств, народов и даже цивилизаций. Как заметил А.В. Коротаев, «*общества, вопреки эволюционной модели, не карабкаются по одной для всех лестнице, а находятся на распутье*» [Бондаренко, 2000; Коротаев, 2003, с. 75–76, 91, 130]. Вывод пессимистичный, навеянный, вероятно, современными европейскими проблемами, но соответствующий историческим реалиям.

Другое дело, что иные, негосударственные, альтернативные модели в большинстве своем либо уничтожались, либо поглощались государствами, либо сами трансформировались в таковые. Отчего создание государственности следует признать основным направлением политогенеза, а альтернативные пути – «*боковыми*».

Но, тем не менее, сосуществование таких моделей параллельно с государствами позволяет исследователям выделять их как «*аналогов раннего государства*». Имеются в виду общества с развитой торговлей, наличием частной собственности и имущественного неравенства, сложными религиозными культами и т.д., но без административно-политических структур [Бондаренко, Гринин, Коротаев, с. 28–29; Гринин, 2006а]. Отсутствие последних заменялось, очевидно, нормами коллективной ментальности, то есть традициями, скреплявшими и дисциплинировавшими своим авторитетом соответствующие сообщества. Но также очевидно, такая организация могла существовать лишь в определенном вакууме, изоляции от других сообществ. Ибо соприкосновение с соседями требовало уже более четкой, обычно военной организации, что нарушало шаткое равновесие традици-

[1] Неизбежно субъективны [Wittfogel, P. 420]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

онного поведения. Потому такие общества (негосударственные) оказались в историческом процессе неустойчивыми, даже тупиковыми ответвлениями в политической эволюции. В современной русскоязычной литературе их называют *вождествами*[1]. Первоначально в вождества, по этнографическим данным, могло входить около 3 тыс. человек [Васильев, 1983].

Подводя итог анализу форм и путей политогенеза Гринин сформулировал общее представление о государстве как категории, «*с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества;… отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка*» со «*следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы*» [Гринин, 2006, с. 523].

Здесь хотелось бы особо обратить внимание на последнюю мысль пункта *в*: а именно – возможность **изменять** нормы данного общества. Представляется, эта возможность окончательно отрывает описываемую организацию отнегосударственных, спаянных, как отмечалось выше, добровольно исполняемыми традиционными, ментальными нормами, обязательными в силу их укорененности (привычности) и для рядового населения, и для верхов. Иными словами, «скрепой» негосударственной формы, как и в первобытности, должен быть общественный консенсус[2]. Возможность его нарушения и есть переход к той форме, которую называют государственной. Отсюда – прав Якобсон – «*наличие государства констатируется наличием законов*» [Якобсон, с. 91].

Но не в теории, а в исторических реалиях переходные формы формируются не только медленно, но и неотчетливо. Поэтому Гринин, вслед за Классеном и чешским антропологом Петером Скальником, применяет категорию *раннего государства*, в котором рассмотренные признаки обнаруживаются не в полной мере и относит к ним, в том числе, даже Европу XI–XIII вв., как Западную, так и Древнюю Русь, где огромные области с легкостью меняли монархов «*при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследника*» [Гринин, 2006, с. 527–531; см. также: Куббель, с. 156].

---

[1] «Неуклюжая калька с англ. chifdom, но другого в русском языке нет и некоторые просто пишут *чифдом*» [Якобсон, с. 82]. Предложил это название в 1955 г. американский этнолог К. Оберг, отнеся его к форме политической организации, предшествовавшей образованию государств (от английского *chief – вождь*). Употребил его на русском без перевода, как кальку с английского востоковед Л.С. Васильев [Васильев, 1983; см. также: Карнейро, 2000, с. 88; Куббель, 153].

[2] Эта функция власти, организующая и консолидирующая, была основана еще на первобытных традициях [Куббель, с. 157].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Сложившееся (развитое, зрелое) государство может стоять над обществом, управляя им (авторитарные государства) или быть встроенным в общество в качестве организующего учреждения (демократические государства). В первом случае государство воспринимается его населением как явление высшего, сакрального порядка (в духе древнекитайских *легистов*[1]). Во втором – как рабочий орган гражданского общества[2]. Разнообразие форм и типов государственной организации складывалось исторически. В целом, появлением тех форм социальной организации, которые затем были названы государственными, заканчивается первобытность и начинается эпоха цивилизаций[3].

Показательно **происхождение термина**. В русском и западноевропейских языках оно различно. Западное обозначение основано на латинском слове *state*, которое на русский и переводится как государство. Но изначально, и в современных западноевропейских языках *state* (англ.), *lo stato* (ит.), *Staat* (нем.) означает также территорию, пространство. Русское же название – производное от «***государь***». Оно обозначало не организацию, а либо хозяина «*владения, владельца холопов, либо верховного правителя и которое часто являлось русским эквивалентом латинского слова dominus*». Американский русист «*Ричард Пайпс даже настаивал на том, что слово "государство" более адекватно может быть переведено на английский не как state, а как domain, наверное, в смысле "господское владение"*… «*Древнерусское слово "господарь", или "осподарь", этимологически связанное с однокоренными словами "господь" и "господин", первоначально означало "хозяин, владелец холопов и домашнего хозяйства"*». Известно с XI–XII вв., а в XV в. появилось производное от него – *господарство*. Тогда же, при Иване III *господарь* стал именоваться *государем*, с сохранением прежнего значения хозяина имущества и холопов. С появлением династии Романовых в 1613 г. возник титул «*государь всея Руси*». И, отсюда – государство как личное владение государя, а его жители – не просто подданные, а слуги правителя – холопы. Показательно, что еще Иван Грозный писал английской королеве Елизавете в 1570 г. о своем разочаровании характером ее правления, которое он считал неприем-

[1] Легизм, напомним, это – возникшее в IV в. до н.э. учение о примате государственной силы, закона и наказания. Легисты утверждали, что государство – это хозяин, деспот. Действует принцип «*слабый народ, сильное государство*», которому, во имя обеспечения порядка все подчинены. В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана [Духовная культура Китая, с. 291–294]. Здесь прослеживается явная связь с позднепервобытными обществами.

[2] В соответствии с разработанной в XVII–XVIII вв. теорией общественного договора голландца Гуго Гроция, англичанина Томаса Гобса и французских просветителей.

[3] Подробно о теоретических проблемах становления государственности и их изучении в современной политической антропологии см.: [Гринин, 2005, 2006; Крадин, 2004].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лемым для самодержца. Показательно, что переводчики этого письма не могли найти в английском языке адекватный эквивалент русскому слову *государство*. В XVI – начале XVII в. словом *state* (англ.) стали обозначать аппарат управления, независимый как от правителя, так и от управляемых. В России *государство* в значении «аппарат управления» стали использовать в XVIII в., но без представления о его независимости. Показательно, что в русский проникло с латинского лишь понятие status, но только для обозначения социального положения человека [Хархордин]. Такое различие в терминах отражает разные пути формирования государств на Западе и Востоке Европы и это будет подробно рассмотрено далее[1].

Здесь же **обратимся к сложившимся ныне общим представлениям о политической эволюции позднепервобытных обществ в *потестарные* и *раннегосударственные*.** Прежде всего – о власти как основе любой организации. Как справедливо заметили Х.М. Думанов и Я.С. Смирнова, новейшие данные этнологии «*показали существование власти и, шире, системы доминирования не только в человеческих обществах, но и в зоологических сообществах*»[2]. Но, вслед за указанными авторами «*не будем рассматривать здесь эту философскую проблему*». Заметим только, что эта проблема прямо связана и с более общей – наличием *неравенства*, которое в человеческом обществе также было всегда, ибо заложено в биологических законах существования животного мира. Соответственно, раз оно есть, то для упорядоченного существования в самых примитивных сообществах возникает иерархия, то есть – ***власть***[3].

Обществ со сложившейся иерархией называют **потестарными**. Термин *потестарное общество* в 70-е гг. прошлого века использовали советские этнографы Ю.В. Бромлей, а вслед за ним Л.Е. Куббель для обозначения наличия власти в первобытности[4]. Однако **социальная иерархия и основанная на ней власть, заметим, по сути, и созда-**

[1] К слову, частое теперь отождествление *государства* с понятием *родина* – новинка нового времени, когда с оформлением наций стали образовываться *национальные государства*. Изначально государство – прежде всего – территория.

[2] Добавим: древние государи усвоили принципы диктаторского управления «*на примере вожаков стадных животных*» [Воробьев, Куриц].

[3] Даже в стаде (стае) есть вожак. Представление о первобытном равенстве – «*очень серьезное заблуждение, от которого давно пришло время отказаться. Неравенство всегда существовало в истории человеческого общества*» [Крадин, 2004, с. 25–26; см. также: Васильев, 2007, с. 111–112].

[4] **Потестарное** – от лат. potestas – власть. Термин не совсем точный. Ведь отношения власти существуют не только в первобытности, но и во всех стадиях общественного развития. В 1979 г. Л.Е. Куббель предложил называть политическую антропологию «потестарно-политической этнографией», а спустя десять лет им была написана первая (и пока, в сущности, единственная обобщающая) книга на русском языке на данную тему [Куббель; см. также Крадин, 2004, с. 5].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вала человеческие сообщества. И эта власть формировалась обычаями, основывалась на них. «*Совокупность действовавших в общине обычаев, обеспеченных этой властью, была обычным правом. Этнологи смело говорят об обычном праве уже в раннепервобытной общине*» [Думанов, Смирнова, с. 33–34].

Специально рассматривавший переходные к государству общества Куббель считал продуктивным «*предложенное Х. Классеном и П. Скальником подразделение форм раннего государства на три последовательных этапа: зарождающееся (inchoate), типическое, переходное. Раннее государство отличает в качестве характерной черты нестабильность, больше того в не столь уж малом, по-видимому, числе случаев и обратимость*» [Классен, 2006, с. 73; Куббель, с. 156][1].

Хотя наш основной интерес ограничен Европой, причем, прежде всего, варварской, нельзя кратко не отвлечься на **начальные этапы появления государств** вообще. Ибо это процесс имеет всемирный характер: почти все общества на определенной стадии своего развития создавали те сложные формы управления, которые и образуют государства.

Развитие **первой, предгосударственной формы политической организации – вождеств** – началось около 7 тыс. лет назад[2]. Примерно 5 тыс. лет назад вследствие их внутреннего развития и конфликтов между ними возникают первые государства [Холл, с. 46].

Вождество, по мнению первым применившего это понятие К. Оберга, являлось формой политии, промежуточной между автономными поселениями и государствами и было выделено на материалах Центральной и Южной Америки, хотя вполне подходило, по мнению Карнейро, к другим народам и территориям. Затем другой американский исследователь – Эдмон Р. Сервис рассмотрел вождество в предложенной им эволюционной схеме между племенем и государством [Карнейро, 2000, с. 87–89]. Васильев в качестве синонима вождества применяет и термин *протогосударство* [Васильев, 1983].

По сути то, что Оберг назвал вождествами – племенные единицы с местными вождями, имеющими судебную и военную власть, подчиненными верховному вождю – в отечественной литературе называются *племенными союзами*. Обычно различают *простые* и *сложные (высшие) вождества*. Последние Карнейро предложил назвать *компаундными* (compounds) по аналогии с химическими соединениями: сначала атомы объединяются в молекулы, затем молекулы – в более сложные соединения, а не просто в суммы исходных единиц (атомов) [Карнейро, 2000, с. 91].

[1] Первоначально Классен назвал такое государство *примитивным*. Хотя затем он принял термин Скальника «раннее государство», но первое название говорит само за себя [Пузанов, 2009].

[2] Более ранние образования – племена – по археологическим материалам начали фиксироваться с 13 тыс. лет назад [Даймонд].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Здесь подчеркнуто, что на первом этапе малые племена[1], состоящие обычно из объединений нескольких соседних родственных по происхождению, а, следовательно, по быту и языку, родов, объединяются в некую более обширную общность с признанием над собой власти вышестоящего в иерархии верховного вождя. Так возникает простое вождество. Высшее, компаундное вождество – уже более целостное образование с формирующимися дополнительными структурами управления. В них уже верховные вожди начинают обрастать слугами, уполномоченными проводить решения вождей на местах, куда вожди, в силу обширности территорий, не могли регулярно добираться. «*Главными отличиями вождеств являются централизованное управление и наследственный иерархический статус*» [Темушев, 2015, с. 8].

По мнению социолога Чарлза Спенсера, в небольшом племени с централизованной властью внутренняя специализация отсутствует, и вождь не может передать власть своему подчиненному. В роли системы, принимающей решения, выступает одна единственная семья (линидж) или аналогичный социальный компонент – группа родственников, чей лидер одновременно является деревенским главой. Отсюда власть вождя ограничена территориально, радиусом вполдня пути от центрального поселения. «*Когда политическое усиление вождества достигает операциональных пределов, начинаются изменения*»: вожди должны назначать на места администраторов – появляется бюрократия. Разделение и делегирование власти, наличие бюрократии характерно уже для государства [Спенсер, с. 138–152].

Создание высших вождеств не обязательно завершается инкорпорированием (включением) простых вождеств (малых племен) в новую общность. Высшие вождества могут и разрушаться. Карнейро иллюстрирует это американским материалом [Карнейро, 2000, с. 92–93]. В раннесредневековой Европе соответствующим примером является судьба «державы Само», существовавшей в первой половине VII в. в Среднем Подунавье и распавшейся после смерти ее предводителя (мы еще к этому объединению вернемся). Сохранявшиеся высшие вождества, в которых развиваются и укрепляются новые структуры управления, Карнейро называет *консолидированными* [Карнейро, с. 93].

Соотнося традиционные представления о племенных союзах с вышерассмотренными теориями политогенеза, изучавший становление древнерусской государственности российский историк В.В. Пузанов выделил «*3 уровня (стадии) интеграции:*

1) военный союз «племенных союзов» с целью противодействия общей внешней опасности;

[1] О малых племенах по археологическим материалам Восточной и Центральной Европы см. [Риер, 2010а, с. 33–35].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

2) объединение двух и более «племенных союзов» под эгидой сильнейшего, который представлял по отношению к ним зародыш публичной власти (зависимость устанавливалась, в основном, силовым путем, выражалась в уплате дани, порядок управления в подчиненных объединениях оставался прежним);

3) ликвидация местных институтов власти и замена их наместниками, посылаемыми из господствующего «племенного союза».

Достижение 3-го уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества, известный отрыв публичной власти от основной массы населения и наличие аппарата принуждения (прежде всего, по отношению к подчиненным «племенным союзам»). Поэтому в образованиях данного типа уже просматриваются основные контуры ранней государственности» [Пузанов, 2007, с. 202–205; Пузанов, 2009].

Отсутствие резкой грани между догосударствеными формами и государством в политической антропологии констатировал и другой исследователь древнерусской истории – Е.А. Шинаков [Шинаков, 2009, с. 20].

Джаред Даймонд, американский биолог, антрополог и известный популяризатор историко-географических знаний, одним из отличий вождеств от государств считает численность входящих в них людей: в вождествах обычно насчитывалось от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч жителей, в государствах – более 50 тыс. Также вождества редко имели центры – столицы. Главное же, что в вождествах расслоение существовало по родовому признаку (правящий род и все остальные), в государстве – по выполняемым функциям (знать состояла из разных родов – появляется чиновничество). Соответственно вождества формировались по родо-племенному признаку, государства – по территориальному. В государствах также появляется и письменность. В итоге к государственной организации приводит постепенное усложнение вождеств [Даймонд, с. 399–444, Табл.14.1].

Итак, **следующий этап – <u>государственная организация</u>**. Каковы внутренние движущие силы ее возникновения? Ведь именно они делали устойчивыми происходившие в вождествах процессы общественной консолидации и постепенное создание устойчивых иерархических структур. К внешним причинам следует отнести, прежде всего, войны, которые способствовали этой консолидации. Но если не было внутренних «скрепов», с исчезновением внешней опасности та же смерть лидера, что произошло с упомянутым выше объединением Само в 658 г., привела и к ликвидации этого надплеменного сообщества. Справедли-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

во замечание: «*Войны и завоевания – не причина, а следствие возникновения развитых политических структур*» [Васильев, 1983].

Если же исходить из того, что «*самые ранние государства возникли по внутренним причинам, то встает вопрос: почему люди, живущие сравнительно независимой жизнью, без институтов принуждения и эксплуатации, приняли навязанную им эксплуатацию и принуждение?*» [Саутхолл, 2000, с. 130]. Здесь, думается, Э. Саутхолл упростил ситуацию[1]. Независимости в первобытной жизни не было – выживание требовало коллективных усилий, что создавало и сохраняло как родовые коллективы, так и их ассоциации – малые племена. А в этих коллективах изначально существовала определенная субординация, и, значит, система подчинения.

Впрочем, как отмечалось, определенная *иерархия*, основанная на разделении функций и *субординации* существует уже в животном мире, причем даже у насекомых – вспомним муравьев. Известна она у обезьян, в том числе, очевидно, была и у родоначальников человечества. Есть *вожаки*, есть их приближенные, так сказать *ближний круг*, есть остальные – массы, *народ*. Вожак определяется по природным данным: сила и порождаемая ею наглость, а также, естественно, природная сообразительность, которая, как известно, встречается и у высокоорганизованных млекопитающих. Таким образом, иерархичность в самых примитивных коллективах – стадах – имеет природное, естественное происхождение и, очевидно закреплялась в ходе эволюции лучшей выживаемостью и распространением тех сообществ, в которых вырастали наиболее успешные лидеры. Естественно, таковых в каждом коллективе не должно было быть много. Иначе – раздрай и все, к чему он приводит…

Отсюда – люди естественным путем унаследовали соответствующую организацию из живой природы. Но в человеческих коллективах действовали не только инстинкты и рефлексы, наследованные и приобретенные; в них существует и интеллектуальное, мыслительное начало. То есть в человеческих сообществах формировался социум, который наследовал от тех же стад приматов природное, биологическое неравенство, принимавшееся как данность. И, соответственно, такое социальное неравенство можно считать естественным[2], основанном не на осмысленном выборе, а на все том же рефлекторном и эволюционно обусловленном поведении.

---

[1] Классен заметил, что вопрос Саутхолла сформулирован не очень удачно. У первобытных людей не было выбора: «*Социально-политические феномены возникали как непредвиденные следствия предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей*» [Классен, 2000, с. 10]. Кратко это укладывается в известную формулу А.Тойнби – *общества либо отвечают на возникавшие вызовы, либо погибают*.

[2] Ср.: *естественное право*.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Среди современных антропологов бытует мнение, что социальные связи устанавливались с возникновением регулярного взаимообмена, первым объектом которого стали женщины [Васильев, 1983; Васильев, 2000, с. 96; Васильев, 2007, с. 97–98]. Известный синолог (китаист) Л.С. Васильев основывается на идеях, прежде всего, одного из ведущих антропологов – К. Леви-Стросса [Levi–Strauss, P. 32]. Исходя же из вышеизложенных соображений, можно полагать, что социальные связи накладывались на уже имевшиеся стереотипы поведения, среди которых и были патриархальные инстинкты, основанные на роли самцов у высокоорганизованных млекопитающих[1].

Представляется, однако, что обмен начинался не с этого и имел, надо думать, биологическую, физиологическую причину. Прямохождение, выделившее Homo erectus из других приматов, усложнило процесс рождения: через сузившиеся тазовые кости из-за вертикального положения тела матери мог пройти лишь неполностью сформировавшийся плод. В итоге он появлялся на свет как бы недоношенным, что породило необходимость его длительного выхаживания и зависимость его матери от другого родителя. Так начали устанавливаться более прочные, чем у животных, семейные связи[2]. Они и потребовали **социализации**, т.е. формирования отношений, основанных не на инстинктах, а на необходимости взаимопомощи, поддержки и того самого **обмена продуктами**[3].

Таким образом, **«очеловечивание» началось с создания относительно прочных брачных пар – прообраза семей.** В них и стали аккумулироваться необходимые им продукты, что положило **начало формированию представлений о собственности** внутри рода. Обмен же женщинами – следующий этап социальных процессов, возникавший уже после формирования брачных пар, очевидно, по причине необходимости продолжения рода при возникновении половозрастного деления и межродовых контактов.

Впрочем, это особая тема. В нашем же случае важно констатировать этап возникновения обмена, сопровождавший и формирование представлений об индивидуальной собственности, которая в итоге стала аккумулироваться выделявшимися лидерами не только для пре-

---

[1] В литературе все чаще встречается мнение о том, что *матриархата* – как особого исторического периода – времени господства женщин, в реальной истории не было. Вероятно, материнский род был таковым лишь по отсчету родства и по статусу прародительницы. Во главе же коллективов все равно были мужчины [Васильев, 2007, с. 100].

[2] *Парная нуклеарная семья, как это показано специальными современными исследованиями, с ее половыми, репродуктивными, экономическими и воспитательными функциями возникла на заре общества.... Роль нуклеарной семьи была в доземледельческих группах весьма значительной* [Васильев, 1983].

[3] *Социализация* – это **осознанная** программа социального поведения, присущая роду Homo, в отличие от программы поведения животных, основанной на инстинктах. См. подробнее [Васильев, 1983; Степин; Флиер, с. 42–43].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стижного обмена, но и для закрепления достигнутого статуса за своими наследниками – детьми и, соответственно, их матерями. Что и породило **зарождение института частной собственности**[1]. Хотя поначалу и, судя по этнографическим данным, в семьях и общинах длительное время господствовало равенство, а сами семейные пары были непрочными. Прослежены случаи, когда женщина вступала в брак на протяжении жизни 6-8 раз. Неравенство было как бы ролевым: лидеры и приносившие в группу наибольшее количество пищи заметно выделялись среди остальных бóльшими правами на потребление. Но главным было не владение, а место в общине – престиж. Наиболее удачливые становились лидерами [Васильев, 1983]. Что, естественно, постепенно способствовало обособлению и накоплению собственности в отдельных семьях.

Саутхолл, вслед за М. Годелье считает, что в первобытных обществах господство и эксплуатация возникали постепенно и воспринимались как обмен за услуги лидеров, в том числе и за гарантию безопасности, и защиту от сил высшего порядка. Последнее вело к сакрализации роли старейшин, в подчинении которым люди не видели угнетения [Саутхолл, 2000, с. 130–131]. Здесь можно добавить, что такое изначальное подчинение воспринималось как естественное, ибо иных форм существования тогда не было. Поэтому и не могло рассматриваться как неравенство в нашем понимании, и к данному явлению лучше применить термин *субординация*.

Таким образом, **социальное неравенство не есть продукт человеческого развития, и уж тем более не следствие возникновения неравенства имущественного, а предшествовало ему, причем изначально в человеческой истории**[2]. Иное дело, поскольку **такое** социальное неравенство воспринималось как естественное и, поначалу, очевидно, не сопровождалось имущественным расслоением, последнее, когда оно появилось, стало восприниматься как нарушение привычных, традиционных норм и обычаев. И, судя по многочисленным историческим и этнографическим сведениям, первоначально вожди, если и концентрировали какое-то богатство, то должны были определенным спосо-

[1] Иными словами, не собственность породила семью (как утверждали Л. Морган и Ф. Энгельс), а семья привела к собственности [Херлихи]. Это доказывает и появление полигамии среди наиболее знатных и, следовательно, обеспеченных мужчин, что произошло при переходе к оседлости. Но многоженство не распространилось, так как при создании ранних государств кланы, основанные на полигамии, препятствовали самой идее государственности, то есть объединению вокруг одного правящего рода не на родственных, а на служебных обязанностях.

[2] Следовательно, левые политические идеи о первобытном равенстве, которое надо вернуть и восстановить изначальную справедливость, основаны на ложной посылке и потому утопичны.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

бом его раздавать остальным членам возглавляемого ими коллектива в виде религиозного ритуала, пира, взносов, раздач, служб[1] и т.п.

Как заметил специалист по первобытной истории А.И. Першиц, «*внутриобщинной эксплуатации непосредственно предшествовал порядок, названный К. Поланьи редистрибуцией и состоявший в передаче части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей на различные общественные нужды, в том числе на содержание самих этих вождей. С усилением роли последних расширялись возможности как для злоупотребления общинными фондами, так и для постепенного увеличения доли вождей, все более превышавшей их непосредственные потребности. Одновременно зарождались и развивались права вождей на общинные земли и их власть над общинниками*». По сути, это – «*разделение труда между работниками и организаторами*» [Першиц, с. 26; Polanyi, p. 9, 13, 153; см. также: Тацит, Гл. 15; www.echo.msk… /848319-echo/[2]]. Соглашаясь с таким порядком «простые люди» постепенно и сами привыкали к подчинению, т.е. создавали соответствующую традицию, и формировали у своих лидеров представление об их избранности, о праве на особые функции и место в обществе.

В итоге **естественное** социальное неравенство постепенно, с ростом опыта и организованности лидеров и их окружения, особенно в условиях столкновений с соседями, перерастало в имущественное. Причем именно те общества, где это происходило раньше, стали развиваться в ранние государства и даже империи, оттесняя иные, с патриархальным имущественным равенством, в которых достояние, накопленное по обычаям у вождей, распределялось на всех. В итоге те племена, где сохранялось первоначальное имущественное равенство оттеснялись на обочину истории. Происходил, так сказать естественный эволюционный отбор, не прекратившийся и теперь[3].

Собственность, переходя по наследству, стала концентрироваться в семьях лидеров. Так формируется потомственная знать, отделяв-

[1] Вспомним, что в Древней Греции существовали *литургии* (повинности состоятельных горожан на общественные нужды), а в Риме существовали общественные (без вознаграждения) *муниципальные обязанности*, что, кстати, позволяет некоторым исследователям **не считать** их на ранних стадиях подлинными государствами.

[2] Не следует удивляться ссылке на ресурс популярной радиостанции. Ибо в ее программах часто участвуют серьезные специалисты, которые в свободной беседе нередко формулируют свои мысли более открыто и парадоксально, так что грех этим не воспользоваться.

[3] Если провалы попыток разных *коммунаров* в истории (те же табориты, анабаптисты, исмаилиты и др.) еще можно объяснить объединением против них богатых и власть имущих, то каковы «достижения» современных распределительных экономик, типа Северной Кореи, Кубы, да и СССР? Вспомним, как богатели выросшие на идеях равенства францисканцы и тамплиеры и, в конце концов, все христианские церкви.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

шаяся от остального, рядового населения по мере усложнения условий жизни. Это проявилось при переходе к оседлости, особенно с началом освоения премудростей металлургии. Именно тогда, в наиболее благоприятных географических условиях, при концентрации соответствующих ресурсов – в Месопотамии и долине Нила начинается переход к более сложной организации, не кланово-семейной, а к вождеству, затем и к государству. Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что еще в большей степени возвышает и его самого и его клан. Сакральность, в свою очередь закрепляет и права на собственность, освящая ее. **Собственность начинает сопровождать власть и подчиняется ей** [Васильев, 2000, С. 98–101; Васильев, 2007, с. 130; см. также: Каштанов]. Т.е. сакральной становится не собственность вообще, а только принадлежавшая правителям, которые, тем самым, становятся собственниками всего, чем управляют, в том числе и возникавшими государствами: сакрализация власти делает ее легитимной в глазах народа.

Итак, изначальное, естественное социальное неравенство на определенном этапе перерастало в имущественное, что непосредственно было связано с генезисом государственности. Развитие института **редистрибуции**, закрепление за выделившимися «лучшими людьми» (знатью) и власти, и права распоряжаться общей собственностью постепенно привело к накоплению у знати ресурсов для принуждения[1]. Его можно было осуществлять как косвенно, через возможность оказания дополнительной помощи нуждающимся общинникам, так и напрямую, с помощью формировавшегося вокруг правителей окружения – дружинников[2].

Дружинники, кстати, формировались не только за счет военных столкновений и грабежей чужаков, но за счет все того же перераспределения части общего продукта. Так появился один из существенных элементов государственности: управление населением за его счет, но в интересах правящей верхушки – т.е. **угнетения**. Ведь слаб человек. Знатный, имея власть, даже при личной порядочности и нестяжательстве (таким людям порой достаточно самой возможности управлять) окружен и родственниками, и помощниками (теми же дружинниками), интересы которых тоже надо учитывать. Аппетит приходит, как известно, во время еды. К тому же, и это принципиально важно, за счет накопления собственности властные кланы становятся наследственными. Сначала, как отмечалось, это происходило естественным путем – ря-

[1] *Редистрибуция* – букв. *перераспределение* [Васильев, 1983; Васильев, 2007, с. 116].

[2] Как писал в конце I в. н.э. о германцах римский публицист и историк Публий Корнелий Тацит: «*Никому не зазорно состоять их* [вождей] *дружинниками*» [Тацит, Гл. 13].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

довое население добровольно отдавалось под начало лучших и даже соглашалось на то, чтобы звания вождей передавались их детям, как лучше подготовленным[1]. Но ведь дети вождей не обязательно наследовали их качества, а, значит, уже могли и не иметь соответствующего авторитета. А привычки распоряжаться общим продуктом уже стали традицией, т.е. нормой. И незаметно добровольное подчинение превратилось в угнетение. Так «*простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности, ни выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть*» [Саутхолл, 2000, с. 231]. **Власть сублимировалась в собственность** [Васильев, 1983; Васильев, 2007, с. 140–147].

Вообще, «*власть существует как отношение между людьми: теми, кто доминирует, и теми, кто позволяет над собой доминировать*» [Бойцов, с. 317]. Отсюда вполне логична и такая точка зрения, навеянная современной постсоветской действительностью: «*Власть родилась от вымогателя, ныне называемого красивым словом рекетир… Со временем власть стала самостоятельной и необходимой общественной функцией, а с появлением государств обрела сакральность. Народ уже не тяготился властью, то есть рекетиром, а уповал на нее. Власть стала необходимостью*» [http://www.echo.msk.ru/blog/spb_msk…]. «*В отличие от "простой" банды, требованиям которой подчиняются по принуждению, под угрозой применения оружия, государственному органу с какого-то момента начинают подчиняться добровольно. Правитель претендует на право подчинять себе своих подданных. Если те не оказывают сопротивления, то, судя по всему, они не просто привыкли подчиняться, но и признают право государственных структур диктовать им свои условия. Это, собственно, и обеспечивало правителям возможность с помощью небольших вооруженных отрядов подчинять себе большие группы людей, которые чаще всего были достаточно хорошо вооружены и вполне могли отстоять свое право неподчиняться требованиям, которые они не признавали законными*» [Данилевский, 1998, с. 163][2]. Но к этому, обобщенному феномену власти мы вернемся далее. Тем более, что о природе и, особенно, о содержании государства есть разные точки зрения, частично уже отмеченные выше.

---

[1] *«Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя»* [Тацит, Гл. 13].

[2] Английский исследователь Норман Дэвис приводит турецкую пословицу: «*Власть – это кормушка, и тот, кто от нее не кормится, – свинья*» [Дэвис, с. 477]. На мафиозный характер варварских дружин, возникавших в процессе грабежей распадавшихся римских провинций, затем распространившийся и на привычки грабить и собственное население, обратил внимание польский историк Лешек Слупецкий, указавший, что такие дружины и создавали ранние государства в послеримской Европе [Слупецки].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Здесь же подчеркнем, что в процессе формирования собственности происходило и обособление, и укрепление власти как основы будущего государственного устройства. В обществе появляется устойчивое деление на слои (страты – лат.) – возникает социальная *стратификация*. Белорусский исследователь С.Н. Темушев относит такие общества к «*ранжированным*». «*Важнейшим отличием политического устройства ранжированного общества является выделение центральной власти, обособленной от массы населения*». Такие «*стратифицированные общества стоят уже непосредственно на пороге государственности*» [Темушев, 2015, с. 87–88].

Процесс этот начался со времени возникновения, как отмечалось, оседлого земледельческого населения в неолите, но растянулся, вследствие крайне медленного хозяйственного прогресса, на несколько тысячелетий, до развитого бронзового века на Ближнем и Среднем Востоке (конец III – II тыс. до н.э.), и до начала и даже середины железного века в Средиземноморье, на Дальнем Востоке и в варварской Европе (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

Одним из важных последствий укрепления прав власть имущих на собственность стало возникновение постоянных платежей в виде налогов. «*С течением времени общинникам со все большей степенью обязательности приходилось выплачивать администрации долю своего продукта (избыточный продукт) в виде взноса, который имел отчетливую тенденцию становиться не только достаточно весомым (обычно не меньше десятины), но и регулярным*». В итоге «*для верхних слоев структуры все увеличивавшийся избыточный продукт становился материальной основой заметного улучшения жизненного стандарта и изменения всего образа жизни, включая характер потребления*». У знати постепенно скапливается богатство, порой даже избыточное [Васильев, 1983], обладание которым становится важной, отличительной особенностью правящего слоя и его консолидации. Знать монополизирует право на управление – появляется особый слой – *чиновники*. Знатность наделяет их, как и военных, наследуемым статусом. **Формируется привилегированное служилое сословие**. Оно формирует систему «*распределения ресурсов, механизма изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя*», что является «*важным признаком государственности*» [Темушев, 2015, с. 4, 210].

Закрепляясь в своем статусе, это сословие стремится сохранять за собой и своими потомками данную в обеспечение их службы собственность. Там, где природные условия не требовали централизации, собственность становится безусловно частной (античный мир). В иных случаях права на нее остаются условными (государства Востока, европейское средневековье).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Специально рассмотревший теории генезиса государства[1], уже упоминавшийся выше Карнейро заметил, что «*ни одна из существующих ныне теорий возникновения государства не является полностью удовлетворительной*». И лишь одна, по его мнению, «*убедительно объясняет, как возникло государство*» – его собственная [Карнейро, 2006, С. 55][2]. Звучит претензионно, потому уделим ей внимание. Исследователь решительно отвергает теории, основанные на национальных факторах, и, тем более представления об изобретении государственности некоей гениальной нацией. Теории типа той, которую связывают с идеей французского просветителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, он также отвергает, ибо в истории неизвестны случаи подписания человеческими группами некоего «Общественного договора». Эту теорию он относит к «*волюнтаристским*» [Карнейро, с. 56]. Представляется, однако, что исследователь либо упростил, понял буквально, либо вообще вульгаризировал теорию Руссо, который, во-первых, исходил из реалий более близкой ему эпохи, а не опирался на примеры еще неизвестной в XVIII в. первобытности. Во-вторых, скорее, он имел в виду договор как некую общую форму согласия разных общественных групп, не обязательно оформленную в привычную нам форму[3].

Так же к волюнтаристским Карнейро отнес теорию, названную им «*автоматической*», согласно которой изобретение земледелия автоматически привело к появлению прибавочного продукта, отсюда – к разделению труда и, через него – к государству. Среди ее основных адептов антрополог называет британского археолога Гордона Чайлда. Автор же указывает, что «*сельское хозяйство не создает автоматически прибавочного продукта*», что теперь известно на многих примерах. В частности, это прослежено у американских индейцев, знавших земледелие, но не имевших излишков, пока европейские переселенцы не научили их производить то, что хорошо продавалось. Отсюда Карнейро сделал вывод, что хотя технически первобытные индейцы могли производить избыточную продукцию, у них не было для этого социальной мотивации [Карнейро, с. 56–57]. Возможно, добавим, и покупателей, т.е. спроса тоже не было. Иными словами, насколько глубоким у них было это самое разделение труда?

К таким же волюнтаристским, то есть искусственно сконструированным теориям Карнейро относит «гидравлическую гипотезу» немецкого исследователя Карла Виттфогеля. В изложении Карнейро эта

[1] Кратко основные концепции происхождения государства можно найти в книге: [Крадин, 2004, с. 97–98].

[2] Впервые эта статья была опубликована в журнале «Science» в 1970 г.

[3] Кстати, и теперь даже политологи нередко называют договором между народом и властью нигде не зафиксированное согласие: правьте, как хотите, но обеспечьте нам стабильность…

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гипотеза выводит возникновение государств в засушливых регионах из объединения сельских общин для совместного проведения обширных ирригационных работ. Организация этих работ и породила особые органы управления, т.е. государство. И здесь Карнейро, опираясь на более поздние исследования археологов, приводит примеры того, что, в тех регионах, которые приводит для иллюстрации своих выводов Виттфогель – в Месопотамии, Китае, Мексике – государственная организация сложилась еще до проведения крупномасштабных ирригационных работ. Более того, именно наличие данной организации и позволило осуществить масштабные гидротехнические работы. Иными словами, ирригация не была причиной появления там государственности [Карнейро, 2006, с. 57]. Уточнение существенное.

Но соответствующие данные появились уже много позже того времени, когда Виттфогель писал свое исследование. Кроме того, для немецкого ученого главным было (к чему мы вернемся в следующем Очерке, на с. 43–44), разобраться в генезисе деспотических режимов, а не государств вообще [Мун, с. 28]. Понимая это, Карнейро дальше замечает, что в рамках этих интересов Виттфогеля он с ним не спорит, но подчеркивает, что не организация ирригации стала причиной появления тех конкретных государств [Карнейро, с. 68].

Думается, это формальный подход. Ведь как уже отмечалось, государственность возникала постепенно, проходя через несколько фаз (этапов) и окончательно сложилась на указанных территориях, в особых, специфических формах именно благодаря ирригации. Для ее осуществления и потребовалась консолидация больших масс людей (организации общественных работ – по Карлу Марксу). Упрек Карнейро, как и в случае с Руссо, вызван, скорее, разными целями и подходами авторов. Руссо писал для современного ему предреволюционного французского общества, указывая цель преобразований, Виттфогель в середине XX в. искал истоки современного деспотизма. У обеих история была лишь базой для политических теорий. Карнейро же – ученый и озабочен, прежде всего, точным пониманием и интерпретацией исходного материала. В идеале, конечно, лучше, если философы и политологи будут опираться на строго научные заключения специалистов в конкретных отраслях исторических знаний. Но, как видим, это далеко не всегда возможно[1].

После изложенной критики Карнейро представил свою концепцию образования государства. Главным в объединении первобытных общин

[1] Рассматривая историю как результат органичного взаимовлияния социально-экономических и природно-географических процессов, современный российский историк и, одновременно, природовед Э.С. Кульпин поддержал именно выводы Виттфогеля, показав роль ирригации в Китае еще во II тыс. до н.э., т.е. в догосударственный период [Кульпин, 1999, с. 22–48, 69–70].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в новую общность он считает принуждение, прежде всего – войны. Признавая, что данная идея разрабатывается многими авторами со второй половины XIX в., он разворачивает собственную аргументацию и приводит примеры из разных территорий и эпох. Но, учитывая, что в ряде случаев войны к появлению государств не приводили, отмечает и необходимость иных условий, при которых война «*дает начало государству*». Среди них, прежде всего, это те регионы, где земледельческие угодья ограничены природой (горами, морями, пустынями). Там, где резервной земли было много, войны не вели к развитию общественной организации, ибо население рассредоточивалось. Там же, где, в силу роста населения, был достигнут предел плодородных земельных резервов (при данном способе обработки земли), начиналась борьба за ресурсы с окружающими народами. При этом высокая плотность населения способствовала опережающему, по сравнению с соседями, совершенствованию социальной организации. Побежденные же теряли самостоятельность, платили дань, а у победителей появлялась организация для их эксплуатации.

Так, по Карнейро, возникали вождества. То есть дополнительным фактором был демографический рост. В дальнейшей борьбе, теперь уже между соседними вождествами, выявлялось победившее с более сложной структурой для управления нового образования, которое уже можно называть государством. Должностными лицами такого образования становились те индивиды среди победителей, которые отличились в войнах. Они занимали соответствующие места в управлении вместе с правителем и его родственниками, становясь ядром высшего класса, а завоеванные превращались в низший класс. Этот процесс автор проследил на территории Перу и затем экстраполировал на другие, более известные ранние государства [Карнейро, с. 57–67][1].

В целом, изложение убедительно. Но хотелось бы заметить, что, поскольку исходная, по автору, составляющая государствогенеза – война дополнялась не менее обязательными дополнительными условиями: демографическим ростом, недостаточностью природных ресурсов (свободной земли), технологическими ограничениями (уровнем агрикультуры), то может и не следует так строго ранжировать условия на основное и дополнительные. Ведь войны возникали именно из-за борьбы за ресурсы. В таком случае главным становится плодородие, а также

[1] На роль сторонних импульсов в возникновении государств указывал известный востоковед Л.Б. Алаев, заметивший, что «*самостоятельное возникновение государства произошло лишь в шести точках Старого Света… Большинство же государств возникло под влиянием первичных государственных обществ, т.е. при участии сильного* ***внешнего фактора****, который в теориях политогенеза не учитывается*» [Алаев, 2009, с. 212]. Последнее категоричное утверждение исследователя, как видно даже из нашего краткого рассмотрения, ошибочно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ограниченность земли на данной конкретной территории. Плодородие стимулирует урожайность и, следовательно, демографический рост[1].

Уплотнение населения способствует росту конкуренции и выдвижению креативных личностей. Возраставшее число людей нуждается в дополнительных ресурсах и вот тогда и начинается борьба за существование с соседями – войны. А в них побеждают и более многочисленные, и лучше организованные, и, что может возникнуть вполне случайно, выдвинувшие лучших лидеров в нужное время и в нужном месте. То есть тут клубок объективных и субъективных условий.

Можно добавить уже цитированного Саутхолла, заметившего, что хотя «*исторически многие государства создавались посредством войн, но самые ранние, первичные государства, вероятно, возникали лишь на основе внутреннего, эндогенного процесса*» сакрализации власти вождей [Саутхолл, 2000, с. 131]. Справедлив вывод Классена о том, что социальная эволюция представляет собой «*результат комплексного взаимодействия экономических, идеологических, демографических и социологических факторов… Все подобные изменения возникают в результате действий людей, что является причиной противодействия других людей*» [Классен, 2000, с. 20][2].

И далее: для формирования сложного стратифицированного общества, каким является государство, «*необходима достаточная численность населения, …общество должно контролировать определенную территорию, …должна существовать система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения, …должна существовать идеология оправдания и объяснения существования*» иерархии и неравенства. Но для срабатывания указанных условий необходим и некий повод, толчок, действие или событие, которые ученый рассматривает как еще одно необходимое условие складывания государства. Среди таких поводов выделены и охота за рабами, и необходимость ирригации, и защита дальней торговли. Затем наступает «*эффект снежного кома: если он пришел в движение, то двигается все быстрее и быстрее*». Но если среди указанных факторов возникали противоречия, выделя-

[1] Саутхолл приводит в пример Месопотамию, где еще в V тыс. до н.э. «*высокая продуктивность земледелия позволила достичь беспрецедентной плотности населения*» [Саутхолл, 2000, с. 133]. Добавим, в благоприятной географической зоне. В раннесредневековой Европе, впрочем, тоже было достаточно примеров возникновения ранних государств при повышении плотности населения вследствие успехов в обеспечении продовольствием (подробнее рассмотрим далее).

[2] Отсюда, кстати, вытекает и аргумент против модных ныне, особенно у непрофессионалов в истории, *теорий заговоров*. На каждое коллективное действие (если оно публично не озвучено – то и является заговором) рождается (обычно стихийно, но может и осознанно) много противодействий, т.е. других заговоров. А дальше – чья возьмет…

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лись лишь отдельные из них, то могли возникать иные, более слабые, догосударственные формы социально-политических организаций. А в целом, заключает Классен, создание государств – длительный процесс. Он приводит пример Франции, чей путь к развитому государству занял 7 веков: от Хлодвига (конец V в.) до Филиппа II (вторая половина XII в.) [Классен, 2006, с. 76–81].

Итак, в генезисе государственности первичны именно внутренняя организация ранних социумов и состояние ресурсов, которыми они располагают. Попытка «оптимизации» этих ресурсов в наиболее благоприятных для первичного земледелия регионах приводила, в том числе и к ирригации. Что на примере Перу при создании террасных полей отметил и Карнейро [Карнейро, с. 61]. То есть мы возвращаемся к идеям Виттфогеля, и даже более ранним – к Марксу и другим (о чем – в следующем Очерке).

Выводы.

1. Развитие форм и взаимосвязей в человеческом сообществе породило множество сложных принципов его организации, объединяемых в понятие *государство*. Государственная организация появилась в процессе общественного развития, когда прежде единые родо-племенные структуры стали усложняться.

2. Консолидация, рост и усложнение структуры человеческих коллективов порождали обширные территориальные образования, внутри которых выделялись особые слои, занятые управлением. Появлялась власть, основанная не на родовом (семейном) авторитете старшего, а на властных полномочиях. Такие общества в современной литературе называют *потестарными*. В них выделяется элита с предводителями, власть которых отделяется от остального населения особыми интересами и правами. Предводители – вожди – приобретают особый статус. Их власть опирается, прежде всего, на исполнение интересов военных элит, которые, в свою очередь, и составляют основную опору правителей.

3. В потестарных обществах формируются новые, часто надэтничные территориальные образования – *вождества*. Они бывали аморфными, неустойчивыми. Но если создавались благоприятные условия, возникала преемственность в управлении – вожди превращались в монархов и формировалась более устойчивая структура управления, основанная на выделившемся служилом слое с особым статусом. Так формируются *ранние государства*.

4. Рассмотренный в пунктах 1-3 процесс складывания государственности представляет собой общую схему, выработанную на основе изучения первобытной, древней и раннесредневековой истории, а также жизни обществ, сохранявших до недавнего времени первобытные порядки, изучаемые антропологами. Именно из антропологии пришли

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в исторические исследования вышеприведенные понятия (потестарное общество, вождество).

5. Не все общества поднялись до уровня государственной организации. Для этого, как было показано в Очерке, требовалось сочетание ряда внутренних и внешних факторов. Прежде всего: благоприятная природная среда, способствовавшая развитию хозяйства и росту населения, которое в итоге своими доходами могло содержать элиту. Такие условия изначально возникли в долинах великих рек Северного полушария от Нила на западе до Янцзы и Хуанхэ на Дальнем Востоке в IV–II тыс. до н.э. В I тыс. до н.э. государственность стала формироваться и в Восточном Средиземноморье. Специфические условия «речных» цивилизаций породили централизованные государства, в которых права на власть и собственность концентрировались у правителей. Природные условия «морских» цивилизаций (Древние Греция и Рим) позволяли существовать небольшим самостоятельным хозяйствам, что породило децентрализацию власти – греческую демократию и римский республиканский порядок.

В следующем Очерке рассмотрим этот процесс подробнее.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 2

ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНОСТИ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ

Роль природной среды. «Морские» и «речные общества». Восток и Запад в древности.

Наряду с **разнообразием форм перехода человечества к государственной организации** особенностью этого процесса была его асинхронность в разных регионах. Начавшись в полосе от Северной Африки до тихоокеанских берегов Китая еще в III–II тыс. до н.э., он наиболее интенсивно происходил в I – начале II тыс. н.э., не завершившись, однако, кое-где и теперь. Ныне первобытные племена известны в отдельных районах Тропической Африки и бассейна Амазонки. Надо подчеркнуть, что основные формы социальной организации надъэтничны, близки или даже идентичны у разных народов[1]. Поэтому причины множественности форм и темпов общественного развития надо искать во внешних факторах, влиявших на человеческие сообщества. Основным из них является географическое окружение – **природная среда**.

Развитие представлений о роли и значении различных природных факторов в истории общественной мысли от античности до нашего времени проанализировал в недавней публикации российский исследователь Л.Е. Гринин [Гринин, 2011], что избавляет нас от необходимости представлять здесь соответствующий историографический обзор. Можно лишь заметить, что исследователь справедливо подчеркнул несостоятельность популярных в публицистике теорий А.Л. Чижевского и Л.Н. Гумилева о прямолинейном воздействии природы на общество[2]. С другой стороны, обращает на себя внимание продуктивность существовавшего уже в античности, а также среди мыслителей Просвещения представления о влиянии географической среды на социальное и общественное развитие, на появление античной демократии и восточ-

[1] Встречающиеся в публицистике и, реже, среди профессиональных историков мнения об исключительности и даже уникальности внутреннего устройства жизни тех или иных народов, о существовании некоего «народного духа» опровергаются наличием общераспространенных форм социальной организации: роды, племена, затем монархи, административно-чиновничьи структуры. При всех частных различиях они выполняли и выполняют идентичные функции, позволяющие, кстати, правящим слоям разных народов находить между собой общий язык. Впрочем, об этом писал и Карнейро.

[2] Вспомним те же *циклы Чижевского*. Критично пишет о «цикломании» при изучении климата Н. Дэвис [Дэвис, С. 47].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ных деспотий. Гринин считает их наивно прямолинейными[1]. Но с точки зрения уровня знаний тех времен такие догадки свидетельствуют, наоборот, о высоком уровне мышления и прозорливости их создателей. То же относится и к аналогичным воззрениям арабского мыслителя XIV в. Ибн Халдуна, также обратившего внимание на влияние природных факторов в формировании специфических черт различных племен и народов[2].

Позже предположения о взаимосвязи деспотической организации общества с ирригационным земледелием на древнем Востоке высказывали А. Смит, Дж.Ст. Милль, Р. Джонс [Пиков; http://shraibman...]. Уже в наше время эти идеи нашли отражение во вполне, на мой взгляд, обоснованной концепции уже упоминавшегося Виттфогеля. Далее эту проблему рассмотрим подробнее.

Анализируя значение окружающей среды в истории, Гринин указывает, среди других, на роль природных ресурсов для появления аристократии и государственности: «*В условиях более бедных почв чаще возникает военная прослойка, которая получает землю за военную службу. Разное плодородие почв колоссально влияет на плотность и численность населения, что, в свою очередь, отражается на уровне организации государства*» [Гринин, 2011, с. 172; см. также Нефедов, 2008, с. 39–40]. Созданию организации, в том числе и военной, способствовал и рельеф. Равнинные территории не имели естественных рубежей и для обороны своих территорий, а также успешных нападений племена должны были совершенствовать свои общественные структуры [Девис, с. 39].

«*Экологический оптимум раньше и лучше всего проявил себя в долинах великих рек с плодородными почвами и регулярными либо спорадическими разливами, удобрявшими почву илом. Связь между*

[1] Действительно, древнегреческий миф о «плохой Азии» и «хорошей Европе», сформулированный под влиянием греко-персидских войн Геродотом и Аристотелем, имел с современной точки зрения наивные аргументы, хотя интуитивно суть схвачена верно. Но критикуемое Грининым рассуждение Шарля Монтескье о роли бесплодной Аттики в установлении демократии и, наоборот плодородия Лакедемона в формировании аристократической формы спартанского правления не столь уж наивно. Ссылка на то, что «*мало ли было мест с плодородной почвой, но лишь в немногих местах был строй, соответствующий спартанской илотии*» [Гринин, 2011, с. 181], требует контекста, то есть сочетания всех тех условий, которые оказались уникальными именно в Аттике, в отличие от других малоплодородных земель. Это близость к морю, рельеф, климат, рано возникшая в силу многих факторов поликультурность хозяйства и т.д. (подробнее – ниже). Зато мысли Монтескье о природном факторе («империи климата») «разбудили» того же А. Барнава с его более рациональными объяснениями влияния природы не на психику, а на хозяйство. Этот подход и получил обоснование в дальнейших исследованиях влияния внешней среды на общество.

[2] Вполне обоснованно выглядят представления Ибн Халдуна о том, что лишь умеренный климат благоприятен для человека, а природа севера и юга препятствует развитию культуры, надолго сохраняет дикость [Ионов, с. 146].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

такими реками и возникновением древнейших очагов цивилизации была замечена и изучена давно и обстоятельно» [Васильев, 1983].

Гринин отмечает также значение коммуникаций, водных ресурсов и ирригации, а также отношений с соседями. Действительно, все древнейшие цивилизации возникли в плодородных долинах рек. Но все они, достигнув определенного уровня, упирались в некий потолок и, в одних случаях, разрушались под ударами более молодых сообществ (Древний Египет, Месопотамия), в других – так и существовали многие столетия, почти не меняясь (Китай)[1].

Как показал опыт античных народов, а так же норманнов, куда важней для динамики развития оказалась не степень плодородия почв, а наличие удобных морских коммуникаций и вообще развитие мореплавания, которое компенсировало ограниченность у тех и других земельных ресурсов. Подробнее мы рассмотрим это далее.

Плодородие земли скорее способствовало, прежде всего, демографическому развитию, накоплению таких людских ресурсов, из которых выделялась правящая прослойка и, главное, мог накапливаться необходимый для содержания знати прибавочный продукт. Соответственно, повышение плотности населения стимулировало разделение труда и вообще производственный прогресс, а, значит, и то накопление богатств, роль которого особо выделял в середине XIX в. английский мыслитель Г.Т. Бокль. Он же в своем, по сути, панегирике Европе, вполне убедительно показал, что в условиях более холодного климата Европы (в сравнении с Востоком) значительные расходы на потребление вели к ограничению ренты, а, значит, и разницы доходов между богатыми и бедными. Поэтому, как он замечал, у европейцев было больше личного достоинства, свобод, демократии и, в итоге – прогресса [Бокль, с. 161; см. также: Гринин, 2011, с. 186; Ионов, с. 233–234].

Особый сюжет – **влияние моря на общественное развитие, в том числе и на историю ранних государств**. Первым, судя по обзору [Гринин, 2011, с. 186], на специфику «морских цивилизаций» обратил внимание в XIX в. географ, социолог и публицист Л.И. Мечников. Показателен путь, проделанный Мечниковым к сделанным выводам. Очень способный и креативный молодой человек из интеллектуальной семьи[2], он с юности примыкал к революционному движению, за что в 1856 г. был исключен из Харьковского университета. Впрочем, это не помешало ему поступить в университет Петербургский. Кото-

[1] Развитие Китая, как и других «восточных тигров» сошло с наезженной колеи лишь в наше время с принятием западной капиталистической модели в экономике (с учетом, естественно, собственных традиций).

[2] Среди предков – литераторы-энциклопедисты из молдавских дворян (по отцу) и обрусевших евреев (по матери), младший брат – нобелевский лауреат по физиологии И.И. Мечников.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рый, однако, он покинул спустя полтора года из-за безденежья. В итоге не получивший систематического образования, по сути – самоучка, из-за многообразных интересов и конфликтного характера не задерживавшийся подолгу ни на одной службе, окончательно уехал из России в 1860 г. на Запад, где сошелся с русскими и европейскими левыми (социалистами и анархистами)[1], участвовал, не смотря на инвалидность (из-за туберкулеза с юности) в движении Дж. Гарибальди. Зарабатывая литературной и педагогической деятельностью, много путешествовал, побывав, в поисках заработка, в том числе и в Японии [см.: Евдокимов, 1995; Евдокимов, 2013; http://ru.wikipedia.org...].

В зрелые годы, обобщая накопленный жизненный опыт, Мечников обратился к поискам логики человеческого развития. В итоге, на основе своих лекций в Невшательской академии (Швейцария) он подготовил рукопись, изданную уже посмертно, в которой проследил тесную связь цивилизационного развития с природной средой, уточняя, а, отчасти, и опровергая существовавшие до него суждения, прежде всего Монтескье и Бокля [Мечников]. Природа в данном случае, привлекла его внимание как причина формирования различий в человеческой истории.

Он писал: «*В настоящей книге мне хотелось бы выяснить влияние физико-географической среды на развитие и прогресс цивилизации и попытаться найти общую синтетическую формулу, позволяющую выразить в кратких словах, не теряясь в частностях, те отношения и взаимную связь, которые существуют между определенной физико-географической средой и различными стадиями социальной эволюции, между различными периодами коллективной истории человеческого рода*».

В отличие от предшественников, он обратил особое внимание на первоначальное влияние рек, затем – морей. Он не только четко выделил основные водные бассейны – «*колыбели цивилизаций*»: Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ, попутно обратив внимание, что все они располагались в одной географической широте – между 20 и 40 градусами, но и объяснил возникшее в них деспотическое устройство потребностью в ирригации.

«*Необходимым последствием и логическим результатом всех физико-географических условий Египта являлось осуждение древних египтян под иго деспотизма… Объясняется это, конечно, тем, что ни один народ не испытывал настолько сильно необходимости в центральной воле для более рациональной организации материальной жизни и для производства всего необходимого для пропитания*». В этом проявилась, так сказать сверхзадача автора – доказать прогрессивность кооперативной организации общества (в духе близких

[1] Современники причисляли его скорее к кругу А.И. Герцена.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ему идей анархизма). Мечников замечает, что «*Даже с самого начала истории Египта физико-географические условия нильской долины нисколько не ставили перед ее обитателями необходимости угнетения и деспотизма. Наоборот, вся среда, где жили первые обитатели Египта, толкала их к солидарности, к коллективной работе, к товарищескому труду и кооперации; только это и послужило причиной дальнейшего процветания Египта и развития цивилизации*».

Но, далее он констатировал, что «*жители Древнего Египта разрешили поставленную перед ними природой задачу во втором смысле: все они обратились в "рабов"*». Также и «*положение Месопотамии совершенно достаточно для того, чтобы объяснить возникновение здесь очага цивилизации, подобного египетско-нильской цивилизации*». При этом, замечает автор, с развитием «*деспотизм..., обусловленный физико-географическими условиями, начинает до некоторой степени проникаться элементами человечности и стремится оправдать свое существование общественной пользой*».

Попутно Мечников заметил, что изобилие жарких земель не создавало у их жителей стимула к труду и потому «*Великие исторические цивилизации по крайней мере на материках Старого Света сосредоточены исключительно в умеренном поясе*».

Обратившись к Европе, автор сделал вывод, что «*Вступление на историческую арену финикийских федераций было началом для западного мира новой великой цивилизации международного характера, носившей черты морской культуры, совершенно отличной от древних цивилизаций, бывших изолированными друг от друга и имевших речной характер. Финикия, Греция и Рим – вот главные представители этой новой фазы цивилизации*». Это вполне соответствует современным представлениям, что свидетельствует о глубине мыслей автора. Но приверженный идее стадиальности, он делает вывод: «*Европейская цивилизация принадлежит ко вторичному, средиземноморскому, фазису развития, тогда как восточные деспотии возникли в первом фазисе цивилизации*».

Автор соглашается с немецким исследователем К. Бёттигером, который в «*труде о Средиземном море первым высказал идею: Средиземное море послужило той переходной географической средой, где произошел переход древних речных цивилизаций, речного культурного мира, представителями которого и до сих пор являются Китай и Индия, к океаническому периоду наших дней*». В соответствие с таким подходом, Мечников выделяет период «*древних речных цивилизаций*» (до IX в. до н.э.), «*средиземноморский период*» (от финикийцев до конца средневековья), «*океанический период*» (новое время, от открытия Америки и «*всемирная эпоха*», начавшаяся в его время). При этом ав-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тор справедливо заметил, что «***истинным творцом истории следует считать вообще среду, а река имеет значение лишь потому, что является как бы синтезом многочисленных географических условий***» (выделено мной. – *Я.Р.*).

Можно вполне согласиться с автором биографического очерка – В.И. Евдокимовым, что Л.И. Мечников многими своими статьями и брошюрами, и, особенно, подготовленной книгой начал создавать научную школу. И лишь последовавшая кончина не позволила ему более полно оформить и обосновать свои взгляды, подготовить учеников. Последующее «*причисление его идей то к географическому детерминизму, то к географическому направлению в социологии – всего лишь удавшаяся на многие годы попытка втиснуть что-то не совсем понятное в готовую классификацию. Между тем прошло достаточно лет, и видно, что концепция мировой истории, предложенная Мечниковым, есть синтетическое обозначение многих ответов на вопросы человечества, имеющие вневременной характер*» [Евдокимов].

Следует однако, добавить, что, на мой взгляд, в наши дни уже нельзя абсолютизировать смену стадий (эпох), что, возможно, идет от идеи неуклонного прогресса, свойственной левым европейским интеллектуалам с XIX в. Ведь древние «речные» деспотии вполне унаследовались восточными деспотиями средневековья, плавно перешедшими в новое время и в наши дни. А антитеза их – западное общество – выросло непосредственно из античности с ее демократическими институтами и частной собственностью[1]. Впрочем, понимание множественности путей человеческого развития в середине XIX в. еще только зарождалось, начиная от уже упоминавшейся книги Н.Я. Данилевского [Данилевский; см. также: Риер, 2000а; 2003, с. 7–8]. Подробнее об этом – далее.

Ближе к концу XIX в. влияние географического окружения на образование и строение государств, т.е. на политическую организацию изучал немецкий географ и социолог Ф. Ратцель: «*Государство как организм тесно связанный с землею*». Он стал одним из основателей т. наз. «антропогеографической школы», сторонники которой стремились изучать явления культуры в связи с конкретными, прежде всего географическими условиями, в которых эти явления наблюдаются [http://geopolitics…; http://www.countries.ru/...; http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%...; см. также: Гринин, 2011, с. 192].

Здесь к месту можно вспомнить, что проблемы влияния природы на общественное развитие коснулся и К. Маркс в своем известном тезисе

[1] Здесь уместно подчеркнуть, что в современной литературе обычно под Западом имеют в виду латинскую, католическую Европу, в противоположность византийской [Ле Гофф, 2008, с. 17–18]. И если связь Запада с античностью всегда подразумевается, то ведь и Византия вышла из античного мира. Мое мнение о причинах «раздвоения» постантичного мира см. [Риер, 2003, с. 54–56].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

об «азиатском способе производства». Хотя, констатировав соответствующие особенности Востока, Маркс не углублялся в эту тему, она широко обсуждалась в марксистской историографии XX в. и оказалась весьма продуктивной именно с распространением представлений о развитии человеческой истории через множество локальных цивилизаций.

Но развил эти идеи уже в середине XX в. упоминавшийся выше социолог и синолог К.А. Виттфогель (1896–1988), выделивший «*гидравлические общества* (*hydraulic society*)» – восточные деспотии, возникшие в областях с ирригационным хозяйством. К этому же типу он отнес и близкие к ним централизованные государства (Византию, Турцию, Россию). Исследователь напрямую увязал появление и существование деспотических обществ Востока с потребностью в общественных работах для обеспечения ирригации и контроля над паводками, отчего и появился его специфический термин [Wittfogel; http://ej.ru/…; http://mirslovarei.com/...; http://mirslovarei.com/content_soc/vostochnyj-despotizm...; Мун; Пиков; http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/].

Однако его выводы встретили возражения, особенно в левой ученой среде, где не были приняты. Отмечалось, что деспотические режимы существовали не только там, где требовалась ирригация и, наоборот, не везде использование ирригации породило деспотизм[1]. Полагаю, однако, эта критика была вызвана не столько изъянами концепции Виттфогеля, сколько его политической биографией.

С юности, пришедшейся на бурные события в Германии после Первой мировой войны он увлекся марксизмом, публиковался в коммунистических газетах и приобрел в среде единомышленников определенный авторитет. Но в дальнейшем, как сам впоследствии признавался, «*главную идею его жизни – теорию “восточного деспотизма” – ему подсказал все же не К. Маркс, а именно М. Вебер*» [Пиков]. К этой своей теории он подошел по-немецки основательно, получив серьезную подготовку у известных в 20-е гг. прошлого века немецких китаеведов. Восприняв марксизм не догматично, стремясь развить его, Виттфогель не боялся критиковать его отдельные положения. Глубоко вникнув в китайскую историю, он обвинил Маркса и Энгельса в отказе от дальнейшей разработки идеи «азиатского способа производства» из-за критики анархистов, предсказавших опасность создании бюрократического и даже тоталитарного общества при соединении коммунистических идей с восточными традициями восточного деспотизма. Виттфогель утверждал, что в полемике с Бакуниным на вопрос «Исчезнет ли эксплуатация и эксплуатируемый класс после ликвидации частной собственности на средства производства и централизации этих средств в руках государства?» Маркс не ответил намеренно, ибо не смог убедительно опровергнуть

[1] См. выше, с. 32–33 (мнение Карнейро).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лидера и теоретика анархизма [Wittfogel, P. 487, 488]. Таким образом, заключил Виттфогель, Маркс совершил грех против науки [Мун, с. 28].

Наблюдая за становлением советского общества и посещая СССР в конце 20-х – начале 30-х гг., Виттфогель сумел распознать тоталитарную сущность сталинизма именно как формы восточного общества. После прихода к власти Гитлера и кратковременного ареста он эмигрирует в США, где занимается, в основном, синологией и в таком качестве совершает поездку в Китай. В эти годы он выступил с резкой критикой политических процессов в СССР, а после заключения в 1939 г. известного пакта Молотов-Риббентроп официально заявил о разрыве с коммунистами. С этого времени Виттфогель для советской историографии перестал существовать: рассматривался как ренегат коммунистического движения, антисоветчик. Книги его не выдавались читателям библиотек, в том числе и основной его труд, изданный в 1957 г. в США – «Восточный деспотизм», в котором он сравнивал восточный деспотизм с коммунистическим тоталитаризмом и заявлял, что политический строй СССР является последней и наиболее логичной формой восточного деспотизма. Не случайно, хотя издана «Восточная деспотия» на всех европейских языках и ей посвящено множество научных статей и книг крупных специалистов, русского перевода нет [Wittfogel, P. 5–6, 439–441; Пиков; Мун, с. 28; Фейгин].

Но и правые западные интеллектуалы из-за многолетнего увлечения марксизмом к работам и взглядам Виттфогеля также относились весьма критично. Сказывалось сохранение в «словаре» ученого марксовой социологической терминологии[1].

При малейшей возможности подчеркивалось, что его концепция не соответствует фактам истории. Виттфогеля критиковали и многие китаеведы, в том числе один из его учителей, за абсолютизацию значения ирригации в земледелии как Китая, так и других восточных обществ. Автор популярной, хотя тоже не без изъянов цивилизационной концепции А. Тойнби, заметил, что Виттфогель *«“лает не на то дерево”, ибо самые худшие формы тотальной власти возникли в странах не с ирригационным землевладением, а с дождевым орошением»*[2] [Пиков]. Для автора одного из наиболее известной концепции локальных цивилизаций подход Виттфогеля был неприемлем как попытка применить к истории стран Азии марксистский тезис об определяющей роли

[1] С точки зрения К.А. Виттфогеля, без этих факторов анализ геополитики не может быть научным и продуктивным. В своем труде «Геополитика, географический материализм и марксизм» Виттфогель отмечает, что именно марксизм, в отличие от спекулятивной буржуазной науки способен нарисовать целостную и полную картину исторического развития человечества. Там же он критикует представление о том, что К. Маркс будто бы не интересовался исследованием природы [http://shraibman…].

[2] О концепции А. Тойнби см.: [Риер, 2003, с. 8–9].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

производства по отношению к иным элементам общественной жизни. Характерно название одной из рецензий на «Восточный деспотизм» – «Деспотизм концепции». Автору указывали на роль многих других факторов в истории Востока, на увлечение критикой тоталитарных режимов, в том числе советского и китайского времен Мао, что действительно имело место. Очевидно, Виттфогель до конца жизни сохраняя элементы марксистской методологии, продолжал полемику с прямолинейным, догматичным толкованием идей Маркса.

Думается, не совсем удачно (может, только в русском переводе) звучит и само определение Востока как «hydraulic society (гидравлического общества)». Может, точнее было бы назвать эти общества основанными на особой гидроагрикультуре или, проще, ирригационными, что делает в своем обзоре Г.Г. Пиков [Пиков][1]. Более того, как справедливо заметил М. Фейгин, «*…теперь уже, по прошествии десятилетий, становится ясно, что особенными делают общественные системы Востока не только искусственное орошение земель и отсутствие частной собственности на средства производства, но и многие вещи сугубо политического и цивилизационного порядка*» [Фейгин]. Тем не менее, целый ряд авторов горячо поддержали выводы Виттфогеля, выделившего существенный фактор, объяснявший дихотомию Восток – Запад [Мун: Пиков; Фейгин; Pulleyblanke; Spate].

Критика Виттфогеля с политических, мировоззренческих позиций не входит в нашу задачу. Но упреки в том, что и исторические факты вступают в противоречие с концепцией данного исследователя, необходимо рассмотреть, ибо они связаны с анализом генезиса государственности. Обратимся к уже упоминавшейся выше критике со стороны исследователя происхождения ранних государств Карнейро. Критикуя автора «Гидравлического общества» американский антрополог привел пассаж из данной книги. Способы организации социального контроля (в этих обществах) «*…появляются, когда в поисках нового земледельческая община или протоземледельцы обнаруживают большие запасы влаги в засушливом, но потенциально плодородном районе… Некоторое число земледельцев… вынуждено применять организационные механизмы, которые – на основе домашинной технологии – представляют тот самый шанс на успех; при этом они должны работать в сотрудничестве со своими товарищами и подчинить себя прямой власти*» [Wittvogel, P. 18].

Ссылаясь на работы археологов 50–60-х гг. прошлого века, Карнейро отмечает, что в Южной Месопотамии не найдено свидетельств того, что установление государственной власти было первоначально связано с необходимостью управлять главной системой каналов. Так

[1] Вариант *гидротехническое* общество [Мун, с. 28] выглядит уж как-то современно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

же и в Китае первоначально появилось большое число «*хорошо подготовленных работников, подкрепленных армией*», которые и сделали возможными грандиозные проекты по ирригации. И в Мексике, продолжает Карнейро, «*создание крупномасштабных ирригационных систем, как оказалось, не предшествовало классическому периоду, … первые государства появились раньше…*». Исследователь признает при этом, что «*крупномасштабная ирригация там, где она осуществлялась… способствовала … росту мощи и размеров государства*». Но если обращаться не к дискуссии о природе деспотизма, что, собственно, интересует Виттфогеля, а к истокам государственности (что исследует Карнейро. – *Я.Р.*), то «гидравлическая теория» ответа не дает [Карнейро, 2006, с. 68].

Как видно, критик при этом особо подчеркивает: с тем, что сама по себе ирригационная система способствовала укреплению государства, которое, добавим, в силу необходимости должно было быть централизованным, он не спорит. Но в таком случае и предмета для критики нет! Деспотизм ведь не выскакивал, как «черт из табакерки», а формировался в процессе становления и усложнения той организации земледельцев, которая в итоге становилась тем, что мы называем государством. К тому же необходимость существования при этом мощной военной организации также очевидна[1].

Разобраться в дискуссии поможет обращение к междисциплинарным исследованиям, предпринятыми в 90-е гг. прошлого века московским философом и востоковедом Э.С. Кульпиным. Он предложил изучать прошлое как единый природно-социальный процесс, назвав такой подход *социоестественной историей* [Кульпин, 2008; Кульпин, 2014][2]. Применив данный подход к изучению становления китайского общества, Кульпин обратил внимание на то, что дренажные каналы для отвода избыточной влаги обнаруживаются на Среднекитайской равнине еще во II тыс. до н.э., когда климат был влажнее, чем позднее, в пору создания первых государств в Китае. В I тыс. до н.э. наступило похолодание, изменившее ландшафты и животный мир. Растущее население было вынуждено приспосабливаться к новым условиям и перейти к земледелию. Распространение последнего привело к увеличению пашни, в том числе и за счет вырубки лесов, что вело к дефициту влаги и необходимости орошения. То есть ирригация стала следствием сочетания природных и хозяйственных мутаций еще в догосударственную,

[1] Хотя «*первичные надобщинные политические структуры… могли возникать и в иных условиях... Именно ирригационные инфраструктуры способствовали стабилизации политической власти и быстрому развитию возникавших на такой основе государств* [Васильев, 1983].

[2] Подробно о методике исторических исследований и воззрениях Э.С. Кульпина см.: [Риер, 2015].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

первобытную эпоху, а не наоборот, что вполне укладывается в выводы Виттфогеля о Китае.

И в наиболее полном объеме ирригационные работы в Древнем Китае проводились при самом деспотичном режиме, в годы правления Цинь Шихуанди. Хотя крупные оросительные системы, в целом, охватывали лишь 7% всех поливных площадей тогдашнего Китая, но именно на них опиралось изначальная мощь Цинь Шихуанди [Кульпин, 1999, с. 29–29, 40–42, 79–80, 93]. Влияние природы на развитие социальных процессов несомненно. И в древности, и в средние века практически все китайские правители особо заботились об ирригационных системах, что нашло «*свое логическое завершение в законах эпохи Мин*». Эти системы были наиболее важны в Южном Китае, где с VII–VI вв. до н.э. начинает распространяться культура риса, требовавшая значительных водных ресурсов. Культивирование риса, подчеркивает Кульпин, обращаясь к специфике китайской истории, усиливало зависимость крестьянских общин от государства, препятствовало выделению отдельных обособленных хозяйств и не требовало развития агрикультуры, что способствовало общему застою, характерному для китайской цивилизации [Кульпин, 1999, С. 44, 143–162; Кульпин, 2014, с. 167, 173–175, 216–223, 237; см. также: http://polit.ru/lectures/2010/03/11][1].

Кстати, роль географических особенностей, даже климатических колебаний в становлении и древнеегипетского государства в IV тыс. до н.э., и арабского в VI–VII вв. прослежена в некоторых работах современных российских востоковедов и климатологов [http://shraibman…; Коротаев и др., 2007].

Главная же мысль Виттфогеля, пожалуй, состояла в том, что восточное общество в силу необходимой централизации формировалось на отрицании прав собственности индивидов, заменяя их системой тотального контроля над всеми основными ресурсами, что в итоге и порождало деспотизм, ибо лишало не только отдельных членов сообществ, но и локальные коллективы (общины) возможностей самообеспечения. С территориальным и демографическим разрастанием такого государства росла и роль посредников между верховной властью, правителем и подвластным населением – той самой бюрократии, людей «*аппаратного государства*».

Такая система, подчеркивал Виттфогель, стремится не допустить формирование иных политических сил, а потому препятствует формированию крупных состояний, с чем, кстати, связано отсутствие в

[1] Иная цивилизационная динамика продемонстрирована в Японии. Где культивирование риса дополнялось морским промыслом, занимавшим важное место в продовольственном обеспечении японцев, а также рано, с VIII в. возникавшей частной земельной собственностью (по тем же, примерно, причинам, что в античной Греции, о чем – далее) [Кульпин, 1999, с. 198–205, 215; Риер, 2003, с. 119–121].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

азиатских странах майората (единонаследия), а также возможностью для возвышения людей низкого происхождения, если они проявляют способность служить властям. Из этого, кстати, автор делает вывод о неточности марксистского определения классов, ибо в восточном обществе сила правящего класса не связана с собственностью. Мелкая частная собственность существует, но носит подчиненный характер.

Здесь, заметим, вполне уместна формулировка востоковеда Л.С. Васильева о таких обществах: *власть – собственность*. Эти общества, отмечал Виттфогель, стабильны и не способны, в отличие от западных, к преобразованиям. К таким обществам он относил и российское. При этом анализ и выводы Виттфогеля основаны на анализе способа производства как базиса (производительные силы и производственные отношения), т.е. на марксистском, историко-материалистическом подходе. Но, в отличие от Маркса, он равное внимание уделял и социальным, и естественным, природным факторам материального производства [http://shraibman…; Мун; Пиков].

На противоречивости оценок воззрений Виттфогеля сказываются и споры между самими востоковедами о ранней истории древнейших государств, вызванные известной ограниченностью фактического материала. В целом же автор «Восточного деспотизма» представил «*хозяйственное объяснение необходимости централизованного политического управления в “гидравлических обществах” и “предпринимательских” государствах», раскрыл «источники их длительного процветания и последующего застоя, а вместе с тем резко отрицательно описывал весь социокультурный строй и психологический климат в этих обществах*» [Ерасов, 2000, с. 6].

Поскольку актуальность анализа причин специфичности Востока особо возросла во второй половине прошлого века и в наше время, обращение к творчеству Виттфогеля, с учетом критики, представляется теперь весьма уместным. Влияние климатических колебаний на человеческое развитие теперь активно изучается и историками, и климатологами. При этом важно осознавать, что на особость Востока влияли и другие стороны все той же географической среды: например, соседство земледельцев со степняками, о чем речь пойдет ниже[1].

Примерно в те же годы, когда была опубликована концепция Виттфогеля, на проявившиеся уже с древности различия «морских» и «кон-

[1] Здесь же заметим, что это соседство превращало в централизованные деспотии даже возникавшие как демократические полисы ранние городские центры Месопотамии. В итоге там сложились те режимы, которые попали в рассмотренную концепцию Виттфогеля. Так что упрек данному исследователю в абсолютизации связи «речные сообщества – деспотии» некорректен. Пусть не реки способствовали созданию таких режимов, но раньше или позже они все равно там возникали под влиянием иных географических факторов – соседства со степью и незащищенностью от ее обитателей.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тинентальных» цивилизаций обратил внимание бельгийский египтолог Жак Пиренн, сын знаменитого медиевиста Анри Пиренна. В 7-томнике «Главные тенденции мировой истории» [Pirenne][1] континентальным авторитарным цивилизациям были противопоставлены атлантические, «морские» цивилизации, основанные на индивидуализме, свободе и либерализме [Справку см.: http://dic.academic.ru...]. За это Ж. Пиренн в советской литературе был заклеймен реакционером и так же, как Виттфогель, не переводился. Подробнее к связи восточных деспотий с ирригацией и другими природными факторами мы вернемся далее [См. также: Риер, 2003; Риер, 2006].

Однако прежде представим **общее понимание влияния природной среды на исторические процессы** и, прежде всего, на социальное развитие.

Многократно доказано тормозящее влияние экстремальных природных факторов, которые наиболее ярко проявляются в экваториальных и полярных зонах земного шара. В обоих случаях и жара с буйной растительностью джунглей, и полярный холод заставляли проживавших в этих условиях людей тратить все имевшиеся у них ресурсы на борьбу за существование. Там же, где изначально географические условия были к людям максимально лояльны, как, например, в тихоокеанской Полинезии, где потребности для существования удовлетворялись минимальными усилиями, там общество не получало стимулов к совершенствованию и, следовательно, к развитию. В результате, в обеих зонах: в условиях наиболее благоприятной и наиболее агрессивной природной среды человеческие сообщества без внешнего воздействия не выходили за рамки первобытности[2].

Более пригодной для прогресса оказалась полоса северного полушария Евразии между 42° северной широты и Северным тропиком. Там и сложились все древние цивилизации. Мягкий субтропический климат не требовал от населения значительных затрат на обогрев и позволял круглый год добывать продукты питания. Полноводные реки Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ обеспечивали необходимый для земледелия водный режим и обновляемые плодородные почвы[3].

[1] **Pirenne J.** Les grands courants de l'histoire universelle, v. 1–7, P., 1945–1956.

[2] Такой тип развития назван *адаптационным* [Бондаренко, с. 203].

[3] Можно отметить и довольно экзотическую, но вполне приемлемую точку зрения о том, что все древние цивилизации возникали и рядом с тектоническими разломами. Обнаруживший это американский геолог Эрик Форс объясняет свое наблюдение более плодородной почвой в местах деятельности вулканов, а также богатством источников воды в сейсмически активных зонах. Но более важным фактором он считает то, что геологическая нестабильность требует сложную организацию общества, что и могло способствовать расцвету мощных цивилизаций [http://polit.ru/news/2008...]. Такой фактор, в частности, отсутствовал в аналогичных широтах Северной Америки. Что, наряду с однообразным рельефом и единым типом хозяйства не способствовало прогрессу тамошнего населения.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Все это позволило древнейшим земледельцам указанных территорий уже в III–II тыс. до н.э. выйти на такой уровень обеспечения основных жизненных потребностей, который предоставил им возможность освободить от повседневного рутинного труда небольшую часть соплеменников для организационно-управленческих функций. Прежде всего такое освобождение коснулось лидеров (старейшин, вождей) и их окружения, из которого стала формироваться *знать.*

Складывалось специфическое разделение труда: от основной массы населения отделялись правящие верхи. Происходило это там, где природные условия благоприятствовали не только успешному хозяйствованию, но и концентрации населения. Более плотное население на ограниченной территории на раннем этапе истории обеспечивало необходимые ресурсы как для хозяйственной деятельности – земледелия, строительного дела, в том числе ирригации, – так и для выполнения военных и административных функций.

Как видно, в основе прогресса региона лежала благоприятная географическая среда. Но она же в дальнейшем затормозила его развитие. Дело в том, что по соседству с высокоразвитыми земледельческими цивилизациями располагались обширные территории, пригодные лишь для примитивного первобытного присваивающего хозяйства. Это – примыкавшие к вышеназванным речным долинам степи и полупустыни, на просторах которых активное земледелие было невозможно из-за недостатка влаги и быстрого истощения почв при их обработке.

В таких условиях основным способом существования оставалось скотоводство, причем кочевое. Ибо растительность пастбищ восстанавливалась медленно и вслед за поиском корма для скота перемещались его владельцы. В таких условиях не появлялся избыточный продукт, не возникала необходимая для интенсивного развития концентрация населения и, как следствие, затруднялась консолидация знати – ключевого элемента для перехода от первобытности к цивилизации. Лишь контакты с более развитыми земледельцами способствовали некоторому общественному прогрессу у кочевников. Но это происходило много позднее, уже в средневековую эпоху [Риер, 2003, с. 102; Колесник]. Пока же кочевники восполняли свои потребности в продуктах ремесла и земледелия набегами на более развитые цивилизации.

Набеги эти были критично опасны для земледельцев из-за уязвимости последних. В отличие от кочевников, у которых не было стабильных баз, ресурсы оседлого населения отличались доступностью. Их оборона лишала земледельцев столь необходимой в военных конфликтах мобильности, которая и была основным преимуществом номадов. К тому же защита инфраструктуры (прежде всего, поселений и ирригационных

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сооружений) требовала и существенных затрат на сооружение укреплений[1]. Хотя и земледельческие народы не отличались особой гуманностью в войнах, но кочевники выделялись особой жестокостью [Васильев, 2007а, с. 25, 445]. Очевидно, это вытекало из более низкого уровня их общей культуры, не обогащенной знаниями и нормами, свойственными оседлым мирам[2]. Численно уступая земледельцам, кочевники практиковали массовый террор, не заботясь о сохранении ресурсов, которыми могли бы воспользоваться в дальнейшем. А затем занимались вымогательством. В боевом же искусстве, особенно в мобильности, номады превосходили оседлое население [Крадин, 2000, с. 8–13].

Еще более значительные расходы вызывала необходимость восстановления разрушаемого кочевниками. Прежде всего, это относилось к ирригационным системам. Их роль следует выделить особо, ибо без них нельзя было преодолеть основной недостаток столь благоприятных для земледелия субтропических долин – неравномерное распределение влаги по временам года. Все основные и системообразующие реки указанных территорий имеют ледниковое происхождение и разливаются во время их максимального таяния, то есть летом, в наиболее важный период вегетации растений. Но южная жара ведет к быстрому испарению влаги и в остальные сезоны указанные регионы страдают уже от нехватки воды. Успешное развитие всех древних земледельческих обществ было обеспечено изобретением и возведением сложных ирригационных сооружений, охранявших от затопления угодья во время паводков и сохранявших влагу в засушливое время. Все это, как и оборона от нападений, требовало не только больших затрат, но и весьма сложной организации строительных работ, которые в то, доиндустриальное время, были возможны лишь за счет привлечения огромных масс работников. В таких условиях существенно возрастала норма эксплуатации трудового населения [Риер, 2003, с. 103; Мельянцев, 1996, с. 65].

Проблемой ранних земледельческих сообществ было и отсутствие экологического опыта при их сильной зависимости от географической среды. Так, например, в долине Хуанхэ, когда теплый климат II тыс. до н.э. сменился похолоданием с начала I тыс., разросшееся за благоприятное время население для расширения продовольственной базы существенно расширило посевные площади за счет пастбищ и лесов.

[1] Как наиболее яркий пример вспомним Великую китайскую стену, которая, кстати, кочевниками довольно успешно преодолевалась.

[2] Резко, но, думаю, справедливо было замечено: «*Оседлость – это источник знания своей земли и любви к ней. Номадизм – это паразитарное и потребительское отношение к земле. Пришел, съел, разрушил. Испоганил. Поскольку же изгаженное не полюбишь, пошел искать еще где-нибудь, чтобы съесть и разрушить*» [http://www.inosmi.ru/ukraine…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В итоге оголившиеся возвышенности перестали удерживать необходимую влагу, а животный мир сократился. Следствием стало и сокращение продовольственной базы для населения, что послужило толчком к конфликтам за угодья с соседями [Кульпин, 1999, с. 23-48].

Так ирригация, потребности как защиты от нападений, так и нового «жизненного пространства» потребовали объединения и оказывались под силу лишь тем обществам, в которых формировалась сильная централизованная власть. Консолидация ресурсов подчиняла малые хозяйства общей дисциплине. В таких условиях не только труд организовывался внешними силами – общей властью, но и источник существования – земля – оказывалась общим достоянием. При ирригации невозможно было ее индивидуально обслуживать. Общим же достоянием могла управлять лишь надобщинная, и даже надплеменная власть. Поскольку же, как отмечалось, она должна была быть централизованной – возникали монархии. А так как правители оказывались фактическими хозяевами основного жизненного ресурса – земли, они превращались в неограниченных властителей – **деспотов**[1]. Таким образом, **соседство с агрессивным кочевым миром ускоряло консолидацию земледельцев и формирование у них государств.**

Иные формы правления, основанные на таких первобытных традициях, как общинные собрания с правом участия в управлении всех взрослых полноправных мужчин данного коллектива (рода, общины, племени) сохранялись в удаленных от активной жизни, изолированных горных анклавах. Изначально – у тех же кочевников, а также в торговых центрах, возникавших на путях сообщений, чаще в удобных приморских бухтах. Но эти торговые центры, специфические города-государ-

[1] Есть, однако, возражения против категоричности определения *восточный деспотизм*. «*"Идеальная модель" восточного деспотизма составлена отнюдь не на обобщении существенных свойств восточных обществ, а выведена умозрительно из схематики противопоставления "правильного" Запада и "неправильного" Востока*». При таком подходе не учитывается, в частности, регулирующая роль государства, особенно в условиях ирригации [Ерасов]. В реальности, естественно, все было сложнее и разнообразнее, учитывая многовековую историю, разнообразие территорий и народов Востока. Но рассмотренные условия, которые объективно вели к централизации, препятствовали укреплению индивидуальных хозяйств, что, в итоге и вело к всевластию правителей, т.е. к деспотизму. Умозрительность в данном случае выявляет закономерность, а частности, которыми оперирует Б.С. Ерасов, существовали в рамках именно данной формы управления. Неслучайно именно на Востоке, в Китае возник *легизм* (учение о праве власти на подчинение людей вплоть до насилия). В повседневной практике это выражалось в приоритете интересов коллектива по сравнению с интересами личности. Особенно такая система относится к территориям, где возделывался рис, требовавший сложную организацию полива [См., напр.: Жебин; Крылов, С. 273; Нефедов, 2003, с. 20; http://realty.polit.ru...]. Исключение – Япония – было порождено островной изолированностью, отсутствием внешних опасностей и поликультурностью, сближавшей ее с Древней Грецией, «*Европа, причаленная к берегам Китая*» [Непомнин; Кульпин, 1999, с. 198].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ства с коллективной формой правления на Востоке обычно поглощались более мощными соседними монархиями[1].

У номадов в процессе военных столкновений с земледельческими обществами и по мере накопления внутренних богатств также формировалась деспотическая власть военачальников. Поэтому некоторые кочевые сообщества, как, например созданные монголами в средние века, порой относят к государствам. И, учитывая их сложную внутреннюю организацию, называют империями, что как будто свидетельствует о дискуссионности проблемы государственности номадов [Крадин, 2004, с. 193; Скрынникова, 2006, с. 512; Хазанов, 2006][2]. Но если историю тогдашних монголов сопоставить с историей ранних венгров и болгар, становится понятно, что государства у них появлялись лишь при переходе к оседлости или при устойчивой эксплуатации земледельческих территорий.

Иной пример – гунны и иные, вплоть до современных номадов, так и оставшихся «при своих интересах». Ведь кочевники стремились не столько завоевывать земледельческие территории, сколько «не слезая с коней», получать доходы от неэквивалентной торговли с ними и «подарки» от подчинившихся правителей [Крадин, 2006, с. 501], что не меняло коренной основы их обществ. В теоретическом плане власть у кочевников опиралась не на особый, надплеменной аппарат управления и принуждения – государство, а на консенсус, основанный на авторитете, что принято называть *вождеством*, пусть порой столь организованным, что к приведенному понятию добавляют приставку *супер-* [Бартфилд, 2006, с. 430–432; Крадин, 2006, с. 504–505]. Даже огромные объединения кочевников, часто именуемые империями, были по сути лишь непрочными конфедерациями, существовавшими исторически крайне непродолжительное время [Крадин, 2000а, с. 318–328; Крадин, 2001; Крадин, 2004, с. 194; Крадин, 2007, с. 356–365]. В обычных условиях у кочевников не было и четкого выделения границ [Жумангабеков]. Лишь возникавший в ходе завоеваний симбиоз с покоренными земледельческими обществами порождает некую сложность в определении наиболее крупных из известных империй, созданных номадами [Базаров, Крадин, Скрынникова, с. 149; Васютин, 2010].

В общем, следует согласиться с категоричным выводом: «*Кочевничество демонстрирует максимум потенции скотоводческих обществ, в которых они, принципиально не изменяя основ своей жизнедеятельности, подняться не могут. Даже при создании благоприят-*

[1] Так случилось, например, с торговыми городами раннесредневекового Индокитая [Риер, 2007, с. 66, 76, 106].

[2] Т.Д. Скрынникова против отнесения тогдашнего монгольского общества к государствам и считает его суперсложным вождеством [Скрынникова, 2000, с. 354].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ных условиях империй они неустойчивы и имеют обратимый характер… Кочевнический путь развития исчерпал себя уже в древности и его следует признать тупиковым» [Павленко, с. 118–119]. «*В политическом отношении все скотоводческие народы оставались на догосударственном уровне*» [Львова, с. 45]. «…*Кочевые сообщества кое-кто фальшиво именует империями, ни одно из них само по себе никогда по уровню развития не выходило за рамки примитивного протогосударственного образования, пусть и достаточно крупного. Только в тех случаях, когда кочевники, подчинив себе то или иное государство, население которого вело оседлую жизнь, сами оседали, они могли создать более развитую форму государственности*» [Васильев, 2007а, с. 18].

Тем не менее, в литературе иногда можно встретить упоминания о «государствах кочевников». Например, о «*государстве гуннов*», проникших в Европу в IV в. н.э. [Григорьев, 2014]. Но быстрый и практически бесследный распад их объединения, уже в середине V в. продемонстрировал его **негосударственный характер**. Это было вождество, не имевшее четких границ и опиравшееся на грабеж оседлого населения. Назвать его государством можно лишь из-за терминологической неаккуратности. Память в Европе гунны оставили лишь тем, что непривычной для тогдашних европейцев свирепостью вызвали массовые перемещения варваров, названное Великим переселением народов.

Вернемся к географической среде. Специфические природные условия территорий, с подачи древних греков названные *Востоком*, способствовали созданию хозяйственно-административной системы в виде деспотий, то есть жестко структурированных монархий[1]. Аналогичная государственная организация возникала и в других регионах, где природные условия требовали коллективной организации труда. Это относится к экваториальной Африке, доколумбовой Америке и даже к Восточной Европе. Но, поскольку во всех этих регионах распад родовых отношений и государствообразование происходили значительно позднее, отложим пока их рассмотрение и обратимся к территориям, на которых новые общественные порядки формировались в более ранние времена, синхронные рассмотренным выше очагам древних цивилизаций, но в иных географических условиях.

[1] *Деспотия* – не только авторитарная, тиранническая власть правителя, но и производный от нее произвол исполнителей, отсутствие гарантий прав индивида [Васильев, 2007, с. 434]. Известная устойчивость деспотий на Востоке – от *патернализма*, который, как и деспотии, вырос из патриархальных первобытных семей в условиях необходимого из-за природы (ирригация) и соседей (кочевники) централизованного управления. Такое управление, в обмен на беспрекословное подчинение гарантирует стабильность и безопасность [Васильев, 2007а, с. 409–410].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Речь пойдет о **Восточном Средиземноморье** – колыбели античной цивилизации[1]. Эта часть северной кромки субтропиков оказалась, пожалуй, в наиболее благоприятных природных условиях. Жаркий климат здесь смягчался морем.

То же можно отметить и для Юго-Восточной Азии (совр. Индокитай и Индонезия). Но данный регион характерен природным однообразием, переувлажненностью в условиях тропических температур и отсутствием контрастных времен года. Что, как отмечалось, не стимулирует развитие. Сложившееся еще в I тыс. до н.э. земледельческое хозяйство в своих основных формах остается основой жизни населения региона и в наше время. Важно отметить, что, в отличие от Ближнего Востока, земледелие в Юго-Восточной Азии было представлено **не** зерновыми культурами, а корнеплодами, которые и менее урожайны, и не столь калорийны, и, в отличие от зерна, долго не хранятся, особенно в жарком климате [Васильев, 2001, с. 29–31]. Мореходство, за исключением отдельных городов малайского побережья, не вышло за пределы прибрежного рыболовства. Добыча жемчуга хотя и росла по мере умножения спроса, прежде всего из Европы, но уже в новое время, как и выращивание пряностей. Но эти отрасли не сказались на хозяйственном прогрессе в силу особенностей социальных порядков региона.

Природа средиземноморского побережья Балкан отличалась существенным разнообразием. Климат, более благоприятный для людей по сравнению с тропиками, стимулировал разностороннюю деятельность населения. Смена времен года способствовала развитию поликультурного хозяйства. Покрытые растительностью склоны гор были пригодны не только для разведения мелкого рогатого скота, но также для садоводства и огородничества. Изрезанная береговая линия Южных Балкан и обилие островов в Эгейском море способствовали мореходству. Разнообразие ландшафтов с разными отраслями хозяйства на Балканах, в прибрежной полосе Малой Азии, Сирии, Северо-Восточной Африки стимулировали возникновение устойчивого обмена.

На этой основе уже в начале II тыс. до н.э. сложилась знаменитая Крито-Микенская культура, позднее названная *Эгейской цивилизацией*, охватившая прибрежные земли Южных Балкан и Малой Азии. По характеру и структуре она была близка соседним: Древнеегипетской и Месопотамской. Здесь сложились центры племен с выделившейся рабовладельческой знатью. Как и везде на Востоке, ее влияние опиралось на возможности захвата рабов из соседней первобытной периферии. Дешевый рабский труд позволял накапливать ресурсы и создавал условия для общего высокого уровня жизни населения, концентриро-

[1] Сопоставление Востока с античным миром, как представляется, подтверждает рассмотренную выше концепцию Виттфогеля.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вавшегося в укрепленных центрах и вокруг них. Но многочисленность этих центров и их разбросанность по периферии региона воспрепятствовали консолидации этой культурной общности, в отличие от других, сугубо земледельческих Древневосточных цивилизаций. Ведь последние объединялись речными долинами. Эгейский же мир сложился вокруг моря, которое не могло быть центром, хотя и формировало хозяйственное единство прибрежных анклавов через мореплавания.

Природный катаклизм середины II тыс. до н.э. – катастрофическое извержение вулкана на о. Фера (Тира) – разрушил блестящую культуру Крита[1]. Около 1200 г. до н.э. какие-то «народы моря» довершили разгром государств Крито-Микенского мира[2]. К концу II тыс. до н.э. начались усобицы, отразившиеся в легендах о Троянской войне. На них наложилась экспансия первобытных дорийских племен с Северных Балкан. Это были не затронутые ахейской цивилизацией горцы, практиковавшие отгонное скотоводство при незначительной роли земледелия (в горах пригодных земель было мало). Но преимущества дорийцев состояли в сплочении родовой организации и знакомстве с обработкой железа, очевидно, под влиянием их северных соседей – кельтов. И как только долинные ахейские государства на Балканах ослабли, дорийцы устремились на них [История Европы, т. 1, с. 166 (доряне); Клейн, 2007, с. 4, 25–27, 156–157; Лебедев, 2005, с. 94].

Но благодатная природа способствовала относительно быстрому подъему хозяйства и культуры среди нового населения, не только перенявшего прежние достижения, но и создавшего *классическую* Древнюю Грецию – основу античной цивилизации. В ней географическая специфика, даже уникальность региона породили иную, чем на Древнем Востоке, форму государственности.

Пересеченные ландшафты, сочетавшие в себе разнообразные угодья: от горных пастбищ до субтропических садов и огородов, не требовали для продовольственного обеспечения жителей создания крупных земледельческих хозяйств со сложными ирригационными системами, присущими другим очагам древнейших цивилизаций. Многообразие садово-огородных культур делало питание населения более устойчивым и сбалансированным, чем, в земледельческих цивилизациях Востока. Нехватка угодий для земледелия в небольших долинах гористых Южных Балкан компенсировалась возможностью морских промыслов, чем и занялась значительная часть растущего населения.

Морское дело – важный фактор ускоренного общественно-экономического прогресса, ибо не только увеличивало продовольственную базу

[1] Подробнее см.: [Коротаев и др., 2007, с. 41]. Там же указана и основная литература об этом событии.

[2] Язык у них, по современным данным был индоевропейским. Пришли они из Нижнего Подунавья [Клейн, 2007, с. 152–153, 158].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

населения, но и расширяло его кругозор. Совершенствуются суда и навыки управления ими. Развиваются морские перевозки, торговля, в том числе и дальняя[1]. Следует заметить, что вплоть до позднего средневековья морские перевозки были и наиболее комфортным (несмотря на штормы) и коммерчески выгодным способом передвижения и торговли. Ибо суда были вместительнее любой повозки, требовали меньше усилий для перемещений, а с появлением парусов расходы на тяглую силу еще более сокращались (простые паруса древние греки знали).

А для общественного развития морское дело и возникшая из него торговля важны появлением людей, свободных от поземельной зависимости, веками сковывавшей основных кормильцев любого доиндустриального общества – крестьян. Поле деятельности и источник существования людей моря – свободные водные просторы, где их ограничивали только штормы и пираты, но никак не власть общинных собраний, старейшин и возникавшей знати. И когда у древних греков, как и на Востоке, знать начала превращаться в правящее сословие и подчинять своей власти рядовое сельское население, именно моряки – рыболовы, владельцы судов с экипажами – оказались той массой, которую знать не могла подчинить, ибо не имела, естественно, власти над морем – источником существования мореходов[2]. К тому же в гористой Греции (кроме Беотии и Фессалии) землевладения знати были невелики и не могли служить ей опорой в подчинении остального населения, как на Востоке. Поэтому даже в VIII в. до н. э. «*знатные роды вынуждены были считаться с мощными традициями общинно-родового строя*» [Вахрушев].

К людям, связанным с морем, по статусу и интересам примыкали ремесленники. Бурное развитие древнегреческого ремесла стимулировалось несколькими основными причинами:

Во-первых, горы давали разнообразное сырье (от камня до различных металлов).

Во-вторых, сложившееся многоотраслевое хозяйство стимулировало разнообразный спрос.

В-третьих, рост населения при ограниченных земельных ресурсах уже к IX в. до н.э. выталкивал избыточное деревенское население не только в море, но и в портовые центры, где и возникали мастерские.

В-четвертых, порожденный ограниченностью аграрных ресурсов и демографическим давлением дефицит продовольствия, который греки, благодаря развитию мореходства, решали поиском зерновых регионов и торговлей с ними.

[1] Мореходство было развито и в Юго-Восточной Азии. Но оно не породило устойчивую торговлю, ибо, как отмечалось, регион отличался единством производимых продуктов, что, следовательно, не стимулировало обмен.

[2] Флот демократизировал Афины еще и тем, что моряком мог стать любой, даже самый бедный, не имевший средств служить в пехоте (гоплитом) [Мак-Нил, с. 352].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Дело в том, что завоевывать сырьевые регионы, как это делали деспотии на Востоке, а позднее и Рим, разбросанные по Аттике, островам Эгейского моря и берегам Малой Азии греческие города-государства не могли: людских ресурсов не хватало. Получение зерна из Египта, Причерноморья и других мест было возможно лишь при организации взаимовыгодного обмена с туземцами – торговли.

А для этого надо было заинтересовать «зерновладельцев» соответствующим товаром – нужными им ремесленными изделиями, что и создало спрос для греческих ремесленников, внутренний рынок у которых был, естественно, ограничен. Уровень развития торговли оказался таким, что уже в VIII в. до н.э. в Восточном Средиземноморье впервые в мире появилось устойчивое денежное обращение. Подобные явления были в различной степени характерны и для других древних цивилизаций. Но **описанное их сочетание, благодаря специфическим природным условиям, отмечено именно в Древней Греции**, что и способствовало ее динамичному развитию [подробнее см. Кульпин, 1999, с. 48–52; Кульпин, 2014, с. 153, 156, 162–167, 241–248; Риер, 2003. с. 25–27; Фролов, 2004[1]].

Наиболее последовательно рассмотренные процессы осуществлялись в Аттике, что и вывело ее центр – Афины – ближе к середине I тыс. до н.э. в лидеры всего региона. Сказалась ограниченность аграрных угодий в сочетании с развитым морским делом, в противоположность, например, соседней Беотии, жители которой при наличии земельных ресурсов не выходили за рамки традиционного земледелия, за что афиняне стали их воспринимать как нелюбопытных, простоватых и даже туповатых [Тойнби, с. 27,126–128, 213, 228][2].

Рост торговли и денежного обращения оттеснил от центра развивавшейся политической жизни традиционную земельную аристократию, усилил влияние торговцев и ремесленников. Это – **ключевой момент формирования античной цивилизации**, в отличие от цивилизаций Востока. Ведущее значение приобретают не просто богатства (недвижимость, сокровища), а экономическая активность. В результате появился дополнительный импульс не только для развития ремесел, но и для всей общественной и даже политической жизни эллинов. Расширялся кругозор людей, многообразнее становились их интересы и источники существования. Но, главное, в греческом обществе впервые

[1] В монографии Э.Д. Фролова представлен и анализ основных научных воззрений о Древней Греции от позднемикенского времени до классического периода (XIII–VI вв. до н.э.).

[2] Если общеисторические построения Тойнби вызвали обширную и вполне обоснованную критику и даже констатацию неточностей в изложении отдельных событий, то его знания по античной истории общепризнаны. Можно указать на его тонкий анализ противоположного Афинам устройства Спарты, увязанного с особенностями природы и хозяйства Пелопоннеса [Тойнби, с. 198–207].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

возник и экономически укрепился неаграрный уклад, сложился слой людей, чье благополучие было связано не с землей, а с ремесленной и торговой деятельностью, с рыночной экономикой. А это меняло и социальные порядки.

Первыми торговцами в регионе, как известно, были финикийцы. Но их поселения были разбросаны по всему побережью и они фактически оказались посредниками между соседями – земледельческими монархиями. Е.Т. Гайдар считал, что именно близость восточных деспотий помешала финикийцам развиваться в том же направлении, по которому позднее пошли греки [Гайдар, 2005, с. 27–28]. Но, представляется, главное – рассредоточенность финикийцев по всему побережью при оторванности от окружавшего их населения, в отличие от греков, для которых морская торговля была не самоцелью, а результатом успешных поисков дополнительных источников существования[1].

Развитие производства на продажу и, соответственно, торговли обособляли грека от своей же общины. Самодостаточным становился индивидуальный, частный труд. И **в начале VI в. до н.э. в Греции, впервые в мире, возникает частная собственность самостоятельных хозяев** [Васильев, 1990, с. 414–416; Красильщиков, с. 8; Фадеева, 1998, с. 68–71; Фролов, 2004; Ханкевич]. При этом превращение свободных соотечественников в рабов было запрещено, чем была заблокирована восточная модель развития [Фурсов, с. 29–31; Штаерман, 1989, с. 87][2].

Поскольку свободные собственники имели независимые от старой аристократии источники существования, традиционные позиции последней оказались подорванными. Все полноправные жители полиса получали в принципе равные экономические и политические права. И, что существенно, они не платили прямых налогов [Кошеленко, 1984; Кошеленко, 1990; Фролов, 2004, с. 140; Гайдар, 2005, с. 33–34][3].

В итоге:

Во-первых, индивидуальный труд с полным правом собственности на его результаты породил конкуренцию – двигатель общественного прогресса.

Во-вторых, из-за необходимости согласования многочисленных частных интересов **возникла демократия**: в управлении обществом

---

[1] «*В отличие от финикийцев (что и обеспечило эллинам победу над ними в конкурентной борьбе), греки не ограничивались перевозкой на своих судах чужих товаров, но торговали в основном собственной продукцией: ремесленными изделиями, вином, оливками и т.д.*» [Кагарлицкий, с. 48].

[2] Впрочем, как известно, и мусульман в исламских странах нельзя было обращать в рабов. Но там это не повлияло на общественные порядки, ибо важен общий контекст исторического развития, совокупность всех условий.

[3] Конечно, не следует забывать, что гражданское общество в Древней Греции было ограничено только полисом, только свободными, и только мужчинами [Рэвяка, Фядосік, с. 9].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стала участвовать не только знать, аристократия, но все полноправные граждане[1].

Равноправие свободных общинников было характерно и для сельского населения [подробно см.: Фролов, 2004]. Но в традиционных обществах, государствах-монархиях над общинами стояла монаршая администрация; самоуправление в общинах распространялось лишь на текущую внутреннюю жизнь, да и то не во всех ее проявлениях. Греческие полисы были независимыми, самостоятельными государствами.

Кстати, в сходных природных условиях морского побережья Юго-Восточной Азии, как отмечалось, также возникли аналогичные образования. Но там они не были обособлены в географическом плане от соседних монархий и не стали столь массовыми, как в рассматриваемом регионе [Васильев, 2001; Риер, 2007, с. 78, 84–84, 89–90, 124–125].

Не все признают полис государством [Гринин, 2006б, с. 339]. М. Берендт, например, писал: «*Полис не был государством, а, скорее, “безгосударственным обществом” – эгалитарным, нестратифицированным, без аппарата принуждения... Он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта и способы эксплуатации, свойственные ранним аграрным государствам, не существовали в древнегреческом мире (до эпохи эллинистических империй)*». И далее: «*В полисах не было ни постоянной армии, ни полиции, ни общественной системы обвинения. И приговоры исполняли сами*». «*Рабы у греков были частными и таков был контроль над ними. А весь полис должен каждому в этом контроле помогать*». «*Особенностью полиса было отсутствие прямого налогообложения – тоже характерной государственной функции. А общественные нужды финансировались через обременительное выполнение богатыми литургий, за что они компенсировались почестями*» [Берендт, с. 235–245].

Но так же в раннее средневековье было и в варварской Европе. Очевидно, отрицать в таком случае наличие государства можно, воспринимая таковое лишь при наличии аппарата принуждения. Однако последнего действительно не было, точнее, почти не было до складывания устойчивого правящего сословия (у франков – до Каролингов – VIII в., на Руси – до XII в.).

Причину разногласий о раннем государстве голландский антрополог Э.Ч.Л. ван дер Влит видит в «*сущностной амбивалентности (двойственности) государства*». С одной стороны, его институты реальны, с другой – его понятие исключительно абстрактно, мистично и вездесущно. Рассмотрев проблему государственности в античном полисе и позиции разных авторов, покритиковав подход Берендта, иссле-

[1] Под ними понимались члены конкретной городской общины, уроженцы данного города-государства.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дователь заключил, что в античной Греции государство заключалось в идеологии гражданства с соответствующими правами и обязанностями [Влит, 2006, с. 388, 408].

В рассмотренной полемике, представляется, прав Л.Е. Гринин, увидевший водораздел между государственными и негосударственными образованиями не только в наличии или отсутствии того или иного признака, но в большей или меньшей развитости признаков и их комбинаций [Гринин, 2007, с. 13][1]. Античные полисы он отнес к ранним государствам, в которых еще не сформировались ряд признаков, особенно бюрократических [Гринин, 2006б, с. 342–373].

Берент ставит вопрос: «*Как же в условиях отсутствия государства поддерживалось внутреннее разделение и регулировались различные интересы? И как греческому полису при отсутствии центральной власти и при отсутствии территориального единства удавалось поддерживать свою сплоченность? Эти вопросы выходят за рамки статьи*» [Берендт, с. 256].

Здесь следует заметить, что:

во-первых, такая структура действительно оказалась неустойчивой. Без внешних врагов, объединявших греков, они враждовали между собой и потеряли свои свободы, попав под власть македонцев, принесших более типичную – монаршую власть. Впрочем, такой же путь прошли и римляне – от сплоченной общины и *римского права*, основанного на общих для всех принципах, а не на прецедентности обычного права, до империи и падения;

во-вторых, вероятно, рыночные отношения, породившие частную собственность у греков, были отчасти самодостаточными для автоматического поддержания порядка и без специальных органов управления и принуждения, т.е. без бюрократии, как на Востоке. Очевидно, при отсутствии внешней угрозы демократия устойчива сама, поскольку опирается на **экономические интересы граждан**.

По-видимому, известное представление о государстве как органе принуждения и даже насилия возникли под влиянием опыта нового времени и современности. Изначально же были действительно разные формы, выполнявшие функции организации обществ. В дальнейшем наиболее приемлемым и, следовательно, устойчивым оказалась именно та форма, какую мы и считаем государством: с аппаратом управления и принуждения, налоговой системой и социальными функциями. Но ведь в современных демократических государствах есть много негосударственных институтов, действующих в общеправовом поле, но самостоятельно: общественные организации, партии, самоуправления

[1] Пример медленного вызревания государственных порядков и структур прослежен на процессе формирования элементов японского государства в IV–VI вв. [Воробьев].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

на местах, так называемые НГО (негосударственные организации). Очевидно, частнособственническая рыночная система, порождающая личную ответственность и самостоятельность, дисциплинирует общество и без жестких рамок деспотических режимов, выросших из земледельческих аристократий древности.

Итак, логика экономического развития, порожденная географической спецификой, зародила в древнегреческом обществе и частную собственность, и демократическое государство, без которого, как показывает наша современная история, рыночная экономика не может успешно развиваться. Но и последующая история античного общества свидетельствовала о том же. Индивидуализация семьи и хозяйства, оформление частных прав на имущество, в том числе и на землю, подкреплялось у греков новой нормой – открытому и морально оправданному стремлению всех граждан к благополучию, богатствам, что было закреплено в реформах Солона, позднее – Клисфена [см. подробно: Фролов, 2004, с. 103–109, 135–139, 168–170; История Европы, т. 1, с. 131, 228].

Законодательно закрепленное равноправие полноправных граждан и разработка механизма ограничения политических амбиций лидеров (через остракизм) на время не только стабилизировало ситуацию, но и усилило те полисы, где указанные порядки были проведены наиболее последовательно (прежде всего – Афины)[1].

Однако усобицы, борьба за гегемонию, усиление роли рабов в экономике ослабили полисные центры, и в IV в. до н.э. гегемония в регионе перешла к северной окраине Балкан – Македонии. Но в силу аграрного характера в ней традиционно была сильна землевладельческая аристократия – в этом страна была ближе древним обществам Востока. Распространившись при Александре вплоть до Инда, эллинистическая Греция «овосточилась», а затем попала под власть Рима.

В близких географических условиях **римское общество** поначалу воспроизвело греческие политические формы, получившие латинское название – *республика*. Как и в греческих полисах, но не в процессе развития, а уже при формировании римского общества «*в качестве коллективных ценностей для всей гражданской общины были приняты ценности индивидуальные*» [Дементьева, с. 215]. «…*Рост товарного обмена в Италии… нашел свое юридическое выражение в создании в поздней республике беспрецедентного торгового права. И высшим, главным достижением нового римского права было, что вполне соответствовало его социальному контексту изобретение понятия неограниченной собственности*». Даже в Греции частная собственность «*всегда была относительной, иными словами, обусловленной превос-*

[1] На этой основе сформировалось известное высокомерие греков, передавшееся позднее всем европейцам [Дэвис, с. 77].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ходящими или сопутствующими правами других властей и сторон или обязательствами по отношению к ним. Именно римское право впервые освободило частную собственность от всех внешних условий или ограничений, проведя новое различие между простым владением. Римское право собственности, значительная часть которого была посвящена собственности на рабов, служило концептуально чистым выражением коммерциализированного производства и обмена товаров…» [Андерсон, С. 67]. С точки зрения римского права, собственность частного лица никем не могла быть ограничена [Филиппов, с. 620, 635].

Однако обширные земельные и людские ресурсы постепенно «поворачивали» римские порядки «лицом к востоку» – в имперскую эпоху произошла его «ориентализация» [Штаерман, 1989, с. 92]: республика сменилась принципатом, потом – доминатом, то есть режимами, основанными на личной власти правителей. В такой форме западная часть империи не устояла перед натиском варваров и исчезла в V в. н.э., а восточная – Византия – постепенно переросла в типичную монархию.

По мнению многих исследователей, античное общество возникло как исключение, зигзаг истории, при котором в особых условиях было достигнуто равновесное сочетание рыночной экономики и демократической государственной системы [Риер, 2003, с. 30]. Л.С. Васильев в многочисленных публикациях наряду с подчеркиванием уникальности античного общества, пишет о непредсказуемой, необъяснимой мутации, породившей античность, но при этом уходит от объяснения данного феномена, называет ее появление случайностью, недостаточно проясненной современной наукой [Васильев, 2007, с. 8; Васильев, 2007а, с. 416; Васильев, 2008, с. 101–102].

Думается, объяснение все-таки есть и кроется оно в уникальном сочетании природно-географических условий, о чем шла речь выше.

Так античная Европа – этот полуостров Азии, «*небольшой азиатский мыс*», «*аппендикс Евразийского континента*» [Бродель, 2008, с. 303; Ясперс, 1991, с. 93; Рашковский, 2006, с. 132] – с крушением античной цивилизации была как бы поглощена своим материком[1]. Он же представлял иную природную среду, которая и отразилась в изменении политической системы. Среди причин гибели античного мира, помимо кризиса рабства, на коем основывалось все основное благополучие греков и римлян, называют не только накопленное на зависть варварам богатство, но и высокомерие, «*самодовольное преклонение перед плохо функционирующей политической системой*» [http://inosmi.ru/world/20130303…].

[1] Топоним *Европа* пришел с Востока. «*Это семитское слово, служившее у финикийских моряков для обозначения заката и употребленное в новом значении в VIII веке до н. э.*» [Ле Гофф, 2008, с. 22–23].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Исчезновение античного общества в европейской историографии с XVI в. стало рассматриваться как рубеж перехода от древности к средневековью. Восток, не знавший античности в силу, прежде всего, рассмотренной природной специфики, не познал и столь резкого перехода к иной цивилизационной организации. Восточные общества продолжали существовать в сложившейся с древности цивилизационной парадигме, основанной на централизованной (государственной) земельной собственности и порожденной ею деспотической власти [Риер, 2003, с. 13][1]. Впрочем, многие восточные авторы приняли возникшую в Европе периодизацию из-за ее технологического удобства – четко очерченных хронологических рамок [см., напр.: История Востока, 1999, с. 5, 638–639]. Хотя разнообразие моделей человеческих сообществ и в древности, и, особенно, в средние века, порождает многочисленные дискуссии о сущности обозначенных эпох.

Но, по крайней мере, один явный рубеж между классической древностью и средневековьем бесспорен: выход из первобытности народов, расселявшихся за пределами северных субтропиков – зоны сложения первых цивилизаций. Начавшись в первой половине I тыс. н.э., новый этап формирования цивилизаций постепенно охватил все основные регионы человеческого обитания: от Японии на востоке, государств Индонезийского архипелага и Центральной Африки на юге, Центральной Америки на западе, Европы к северу от Альп и Карпат. Новые государства складывались уже в более разнообразной природной среде. Но влияние последней продолжало играть существенную роль. Именно географическими условиями можно объяснить причины постепенного возвышения Западной Европы, развитие которой с начала II тыс. стало ускоряться настолько, что постепенно другие сообщества, в том числе и классические цивилизации Востока, оказались отстающими.

Вывод.

Как было показано, специфика географической среды оказала решающее влияние на формирование двух основных форм государственной организации Восточной и Средиземноморской. Их появление в древности определило два основных пути развития человечества на всю его дальнейшую историю.

В следующем Очерке обоснуем сделанный вывод более подробным анализом влияния природы на человечество. Тема сама по себе весьма обширна и требует отдельного внимания[2].

[1] Личные права порождались лишь частной земельной собственностью: от античных норм, через средневековые западноевропейские вассалитет и корпоративность [см., напр.: Хачатурян Н.А., 2007, с. 21–27].

[2] В исторической литературе практически как синонимы употребляются разные термины: *природная среда*, *географическая среда*; их влияние на человечество соответственно: *природный* (*географический*) *фактор* [Гринин, 2011, с. 169]. Будем следовать этой практике, хотя *природное*, в принципе, шире *географического*.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 3

ПРИРОДА, ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Влияние климатической изменчивости на историческое развитие в древности и средневековье. Температурные графики от первобытности до нового времени. Мнения климатологов и историков. Природа и особенности расселения европейцев в железном веке и раннем средневековье. Географическая среда, климат и демография как факторы хозяйственного, общественного и политического развития варварского мира раннесредневековой Европы.

Среди причин разнообразия форм становления и развития человечества одной из важнейших является, как уже отмечалось, природная среда. Замечено это было еще в древности. Влияние географической обстановки, среды обитания, погодных условий на жизнь людей и даже на общественные порядки отмечали и средневековые мыслители. Французские просветители прямо связывали различия порядков Европы и Востока с географией и климатом. Но это были, в основном, логические умозаключения, основанные на поверхностных наблюдениях и догадках, на здравом смысле.

Первым научным анализом этих явлений можно считать рассмотренные в Очерке 2 (с. 39–42) исследования географа и социолога Л.И. Мечникова, обратившего внимание на зависимость типов социального устройства от водной среды (рек и морей) и географической зональности. Больше известна высказанная тогда же, в середине XIX в. К. Марксом идея об *азиатском способе производства*, обусловленном спецификой природных условий, в которых формировались государства Востока. Влияние природы на общественное устройство с конца XIX в. изучалось представителями антропогеографической школы. К середине XX в. влияние окружающей среды на социально-политические порядки уже не вызывало сомнений у специалистов. Дискуссии велись лишь о политическом подтексте: только ли природа обуславливала специфику политического устройства. Вспомним рассмотренные выше исследования К. Виттфогеля и Ж. Пиренна о связи «речных цивилизаций» с деспотиями и возникшую дискуссию (с. 31–32, 43–45).

Во второй половине XX в. уже стало ясно, что природная среда на протяжении человеческой истории не оставалась неизменной. Хотя долгое время это не принималось во внимание – природа считалась неизмен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ным фактором исторических процессов. Действительно, с завершением последнего оледенения уже более 10 тыс. лет основные географические параметры – очертания материков, рельеф, речная сеть, природные зоны – остаются в целом стабильными. Подъем и опускание земной коры проявлялось лишь на отдельных прибрежных территориях и не влияло на общие очертания береговых линий [Самаркин, с. 31–33]. Изменения в площадях распространения лесов и их видовом составе отмечены в начале I тыс. н.э. в Сибири[1]. В Европе они начались лишь с начала II тыс. как результат антропогенного воздействия растущего населения. Это были *великие расчистки*, начавшиеся на западе континента с XI в. На востоке Европы леса оставались фактически нетронутыми до второй половины II тыс. [Риер, 1987]. На границе с восточноевропейской степью ситуация с растительностью и – шире – с природной зональностью из-за особенностей хозяйственной деятельности населения стала меняться с XIV–XV вв., что, например, способствовало упадку Золотой Орды [Кульпин, 2004, с. 127–131, 153–154; Кульпин, 2005, с. 17–20; Кульпин, 2007, с. 67–83].

Но с середины прошлого столетия стали появляться локальные исследования по истории наиболее изменчивого элемента природной среды – **климата**[2]. У климатологов отсчет можно начинать, пожалуй, с работ английского климатолога [Lamb], среди историков – от французского медиевиста [Ле Руа Лядюри]. В российской историографии этой темой специально занимались еще в начале XX в. [Боголепов, 1907; 1912; 1928], а с 80-х гг. вышла целая серия публикаций [Борисенков, 1982; Борисенков, Пасецкий, 1983, 1988; Дулов].

Конец прошлого столетия, благодаря проблемам «глобального потепления», характерен появлением ряда работ по истории климата, проведенных специалистами-климатологами (о них – далее). Их результаты позволили уточнить характер климатических колебаний. Но попытки природоведов самостоятельно определить влияние природной изменчивости на характер исторических процессов требуют определенных комментариев.

Итак, хотя жизнь доиндустриальных, аграрных обществ тесно связана с погодой, особенно с ее изменчивостью, реконструкции климатов прошлого – слабое место и в истории, и в климатологии. Исторические источники содержат мало сведений о климатических колебаниях. Со-

[1] На это явление в начале 50-х гг. прошлого века обратил внимание Л.Н. Гумилев, занимаясь историей кочевых народов Дальнего Востока. Но его воззрения вызвали ряд критических откликов, которые касались, однако, не самих природных процессов, а оценки их влияния на историю народов региона [Гамбожапов]. Позднее специалисты обратили внимание и на ошибочность обобщений, ибо климатические колебания, о которых идет речь, по разному проявлялись даже в соседних землях [Клименко, 2003, с. 30–31].

[2] **Климат** – это многолетний режим погоды, или усредненное состояние атмосферы примерно за 30 лет, которое откладывается в памяти одного поколения [Кислов, http://polit.ru/].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

общений о погодных аномалиях в далеком прошлом немало. Однако они разбросаны во времени и пространстве и общую картину истории климата по ним представить сложно. Более точные геологические и другие естественнонаучные данные также отрывочны. Все это порождает скепсис в отношении уже опубликованных сведений о климатах прошлого. Как заметил американский исследователь П. Кунихолм, «*Понятие климата часто используется историками для объяснения того, что иначе объяснить невозможно. Соответственно, большая часть того, что написано о влиянии климата и об изменении климата, должна восприниматься с предельным скептицизмом*» [по Клименко, 2000, с. 7].

Тем не менее, накопленный к настоящему времени материал позволяет представить общую динамику климатических колебаний уже с первобытных времен. Основным показателем состояния климата являются среднегодовые температуры. Приведем сводный график температурных колебаний в Северном полушарии за последние 100 тыс. лет составленный профессором Ричардом А. Мюллером из университета Беркли (Калифорния, США) (рис. 1):

Рис. 1. Температурные колебания за последние 100 тыс. лет (по Мюллеру) [http://muller.lbl…, Fig. 4]

На рис. 2 представлен более подробный график состояния температуры после завершения последнего оледенения, сопоставленный с основными историческими событиями (обозначены точками):

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 2. Климат за последние 12000 лет (по Мюллеру) [http://muller.lbl.… Fig. 3][1]

Оба графика температурных колебаний составлены по результатам глубокого бурения гренландских ледников и демонстрируют, что прогресс человечества начался и происходил в период наиболее высоких температур, наступивших в последние 12 тыс. лет, то есть после последнего оледенения. На одном из пиков потепления, в V тыс. до н.э. обозначилось эпохальное достижение – переход от присваивающего к производящему хозяйству – возникло земледелие. И в дальнейшем, при всех климатических колебаниях минимальные температуры не опускались ниже 1,5°С от средних.

Рис. 3. Изменение средней температуры в Северном полушарии с IX в. до н.э. (по Клименко, Климанову, Федорову) [Клименко и др.]

[1] Согласно недавним сообщениям, существенное потепление, отмеченное в VIII–VI тыс. до н.э. по находкам сохранившейся арктической фауны, было, по-видимому, связано с временным изменением орбиты Земли [http://inosmi.ru/arctica…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Аналогично выглядит график изменений средних температур с I тыс. до н.э. и по наше время, основанный на обобщении обширного списка исследований последних десятилетий группой климатологов из Московского энергетического института под руководством геофизика, профессора В.В. Клименко[1] (рис. 3).

С 90-х гг. прошлого века Клименко представил также сводные графики климатического развития северного полушария от середины IV тыс. до н.э., а также попытался определить характер влияния колебаний климата на историю народов и государств в древности и средневековье [Клименко, Климанов, Федоров, 1996; Клименко, 1998; Клименко, Слепцов, 1999; Клименко, 2000; Клименко, 2003][2].

Исследователь отверг как неточные представления о климатах прошлого, которыми обычно пользуются современные историки [Ле Руа Лядюри; История Европы], и предпринял попытку самостоятельно выяснить характер влияний климатической изменчивости на человеческую историю. Для этого он сопоставил температурные графики с основными (по его мнению) историческими событиями. Эти события он отбирал, по собственному признанию, из исторических атласов и справочных изданий по всемирной истории.

Опираясь на составленные графики (рис. 4), Клименко обратил внимание на совпадение начальных этапов формирования как древневосточных цивилизаций, так и древнегреческого общества классического периода с периодами существенного падения среднегодовых температур и общего ухудшения климатической обстановки. И сделал довольно парадоксальный вывод о том, что «*в эпохи локального ухудшения климата (похолодание, или уменьшение числа осадков, или и то и другое) доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов массовым переселением, образованию новых государств. В эти же времена происходит необычайное обострение человеческого разума и интеллекта, осуществляются невиданные доселе культурные и технологические прорывы. Эпохи улучшения климата оставляют совсем мало следов в истории – им сопутствуют лишь ослабление централизованной власти, внешне беспричинное обострение внутренних противоречий, распад веками существовавших государств, крушение империй. Не будет преувеличением сказать, что эпохи потепления с их материальным благополучием являются одновременно эпохами интеллектуальной и духовной деградации*» [Клименко, 1998].

[1] О В.В. Клименко см.: http://shalygin.ru/strannik.htm.

[2] В конце 2010-х гг. В.В. Клименко руководил лабораторией глобальных проблем энергетики Московского энергетического института и считался создателем направления *историческая климатология* [http://polit.ru/lectures/2010/03/23…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 4. Реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV–I тыс. до н.э. по В.В. Клименко

Тренд подмечен интересный. Но насколько он адекватен историческим процессам рассматриваемых эпох? Автор-климатолог подчеркивает понимание опасности субъективизма: «*Никакой, даже самый выдающийся, автор не может устоять от соблазна подогнать те или иные события под свою схему, привести устаревшую, но более соответствующую авторскому замыслу хронологию, принизить или, наоборот, возвысить значимость тех или иных исторических событий*». Поэтому он опирается на исторические атласы, составленные группой международных экспертов, «*включающей около 140 видных современных историков*» [Клименко, 1998]. Но, не будучи историком, он, вероятно, не заметил того, что эти атласы представляют лишь сводки наиболее ярких событий, без анализа их многочисленных внутренних взаимосвязей, и, что еще более важно, не вскрывают внутренних «пружин» исторических процессов, необходимость чего уже отмечалась выше. Отсюда и рассмотренные далее неточности[1].

Так же, как опыт вождения и самая подробная инструкция не помогут автолюбителю сделать серьезный ремонт, так и привлечение авторитетных публикаций не избавляет климатолога от тех недостат-

[1] Критично оценил Атлас, использованный Клименко, историк античности С. Г. Карпюк: «*...атлас – это не научная выборка событий, а субъективная их подборка*» [Карпюк, 2010, с. 30–33].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ков в понимании исторического процесса, которых он старается избежать. Очевидно, как верно заметили о сотрудничестве природоведов и историков польские археологи Станислав Курнатовский и Тадеуш Вислянский, каждый должен работать в своей дисциплине присущими ей методами и лишь затем согласовывать полученные результаты [Kurnartowski, Wiślański][1].

Впрочем, в более поздних публикациях, уже в соавторстве с историками [Коротаев, Клименко, Прусаков; Клименко, Мацковский, Пахомова, 2012; Клименко, Мацковский, Пахомова, 2012а] исследователь вполне корректен в подходах и выводах. Очевидно, он и сам заметил необходимость сотрудничества с профессионалами при междисциплинарных исследованиях. Но и от прежних воззрений не отказался, ибо ссылается, без комментариев, на свои более ранние историко-климатические публикации. В итоге произведенный Клименко подбор исторических фактов получился субъективным.

Проанализируем. Но прежде отметим, что сам приведенный график температурных колебаний (рис. 4) сомнений не вызывает. Ибо он опирается, как подчеркивает Клименко, «*на палеоклиматический метод, основанный на анализе спектров ископаемой пыльцы различных видов растительности, содержащейся в отложениях торфяных болот*». Хотя он, признает автор, «*в силу ряда физических и биологических причин ограничен по точности*», но в сочетании с модельными данными «*позволяет получить более подробную и полную картину климатических изменений*» [Клименко, 1998]. Тем более, что этот график совпадает с вышеприведенными графиками Мюллера.

Впрочем, и среди климатологов нет единства в точности их расчетов. Так, скепсис существует по отношению даже к расчетам для более позднего времени – Высокого Средневековья. Оценка, сделанная в 70-е гг. прошлого века английским климатологом Х.Х. Лэмбом, который перенес данные о существенном потеплении в XI–XIII вв., известное в Центральной Англии, на все Северное полушарие [Lamb, 1977], была позднее подвергнута сомнению. Ибо она не учитывала возможные локальные отклонения [Bradley, 2003].

Также и известное увеличение сведений о плохой погоде в русских летописях XIII–XIV вв. может отражать не только отрицательный климатический тренд, но и банальное увеличение источников в сравнении с предыдущими столетиями, на что обращали внимание исследователи [Алексеев, 1960, с. 63; Дулов, с. 15–16]. Может, потому климатолог, А.В. Кислов, анализируя глобальные климатические изменения

[1] Отвечая критику концепции глобального потепления А.Илларионова климатолог А. Кириленко заметил: «*у А. Илларионова известная позиция, но он – экономист, что тут сказать? Он – не профессионал в этой области*» [http://www.polit.ru/science/2009/…]. Ну, так и проф. Клименко не профессионал в истории…

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и тренды, проявил осторожность в анализе климатических колебаний прошлого. Он указывает, что и в малом ледниковом периоде были теплые сезоны, а колебания с периодами в 50–100 лет, которые часто фигурируют в графиках из-за того, «*что разрешающая способность многих индикаторов составляет 10–50 лет*», не позволяют делать более четкие выводы [Кислов, 2001, с. 247–251].

Итак, Клименко констатирует, что ранние цивилизации и государства повсеместно – в Средиземноморье, Месопотамии, Юго-Восточной Азии, Европе и даже Америке возникают «*практически одновременно на исходе IV тыс. до н.э. Это время – эпоха самого сильного за последние 9 тыс. лет похолодания и повсеместного ухудшения климата*» [Клименко, 1998]. Уже неточность! Не только Новый Свет еще был далек от зарождения цивилизаций, но и европейцы в это время еще выходили из первобытности, даже продвинутые средиземноморцы (кроме населения бассейна Эгейского моря, но и те создали свою знаменитую крито-микенскую культуру лишь в первой половине II тыс. до н.э.). Значит, никакого совпадения с отрицательным климатическим трендом, обозначенным в графике Клименко (рис. 4) – **нет**!

Отсюда излишне категоричным выглядит общий вывод автора: «*На протяжении почти трех тысячелетий метроном исторических эпох бился в точном соответствии с климатическими ритмами*». И далее: «*В эпохи локального ухудшения климата (похолодание, или уменьшение числа осадков, или и то и другое) доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов массовым переселением, образованию новых государств. В эти же времена происходит необычайное обострение человеческого разума и интеллекта, осуществляются невиданные доселе культурные и технологические прорывы. Эпохи улучшения климата оставляют совсем мало следов в истории – им сопутствуют лишь ослабление централизованной власти, внешне беспричинное обострение внутренних противоречий, распад веками существовавших государств, крушение империй. Не будет преувеличением сказать, что эпохи потепления с их материальным благополучием являются одновременно эпохами интеллектуальной и духовной деградации. Если задуматься над сказанным, то первоначальное крайнее удивление поразительной синхронности климатических и исторических событий уступает место вполне понятному рассуждению о соотношении духовного и материального прогресса. Конечно же, материальное процветание никогда не сопутствует духовному росту, и обстоятельства, способствующие тому и другому, зачастую не просто различаются, но прямо противоположны. Человек не способен обучаться иным, чем через страдания, путем*» [Клименко, 1998].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Впрочем, подводя к апологии Священного Писания, автор вполне резонно заключает, что «*в истории как будто нет смысла и нет божественного Промысла, а есть движение Земли и Луны, Солнца и планет, приливы и отливы вулканической и тектонической деятельности, пульсации геомагнитного поля, колебания циркуляции атмосферы и океана – все те причины, которые определяют изменения климата и их распределение по поверхности земного шара. Человек со всем его разумом и беспредельным эгоцентризмом есть такая же часть природы, как леса и реки, ледники и океанические течения, и управляется климатическими ритмами в такой же степени как и другие части биосферы*» [Клименко, 1998].

В принципе, на этом можно и остановиться, ибо хотя избыточная глобализация автора приводит к существенным неточностям и натяжкам, но общий вывод вполне адекватен современным представлениям о развитии доиндустриальных цивилизаций. Однако интересен ход частных рассуждений Клименко, растиражированный на рубеже тысячелетий во многих популярных средствах массовой информации, в том числе и в интернете[1]. Они позволяют сделать выводы, полезные для понимания развития исторических процессов.

Так, Клименко констатирует, что «*разработка финикийцами первого алфавита… около 1100 г. до н.э. совпадает с начальным периодом потепления, результатом которого должно было явиться иссушение Восточного Средиземноморья*». И что с того? Где связь? Попытка объяснить это тем, что сложности преодоления возникшего климатического препятствия подвигли активных финикийцев (пассионариев – по Гумилеву) как-то усовершенствовать средства коммуникации между разбросанными по всему Средиземноморью анклавами выглядят логичной, но с нашей, современной «колокольни». Насколько допустима такая модернизация причинно-следственных процессов столь давних эпох? Для ответа полезен сравнительный анализ возникновения письменности у других народов, в том числе у более «молодых», лучше обеспеченных источниками. Может ответ будет близок найденному Клименко, но зато он будет обоснован именно по правилам исторической науки. Иначе получаются поиски на уровне здравого смысла. Но

[1] Тем более, что автор в таких воззрениях не одинок, ибо представляет концепцию, выработанную центром «Социоестественной истории», руководимым Э.С. Кульпиным [см., напр.: Кульпин, Пантин; а также: www.kulpin.ru/...; www.iglt.ru/...]. Направленность деятельности этого центра актуальна – комплексное изучение влияния природы на человеческую историю, рассматриваемую глобально. Но, как это часто бывает среди специалистов, приходящих в историю из естествознания, они абсолютизируют то, что им ближе по своей первой специальности. Вспомним Козьму Пруткова: «*Узкий специалист подобен флюсу*». Актуальное, в духе современных междисциплинарных исследований стремление опереться на разные области знаний не избавляет от необходимости строго профессионального подхода к источникам и методам каждой используемой науки, что, впрочем, отмечалось выше.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

именно здравый смысл приводил первобытных людей к наивным представлениям вроде того, что гром порождает скачущий по небу всадник – громовержец, а земля – плоская, какой ее и видит стоящий на ней человек… Считать же по этой причине первобытные религии адекватно отражавшими мироустройство едва ли кто-либо теперь решится.

Попробуем сопоставить температурный график, составленный проф. Клименко для IV–I тыс. до н.э. (рис. 4) с основными событиями того времени (рис. 5). Прежде всего – это существование древних цивилизаций и государств, появление, развитие и угасание которых отражает основные достижения тогдашнего исторического процесса.

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЕРАТУРЫ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рис. 5. График температур по В.В. Клименко (Реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV–I тыс. до н.э.) с наложением на него общих хронологических рамок существования основных государств в древности

Как видно, общие хронологические рамки практически всех основных древних цивилизаций совершенно не связаны с температурными колебаниями, приведенными в графике Клименко. Древний Египет действительно возник в период падения температуры. Но подъем древнего царства пришелся на существенное потепление, а в период нового похолодания (2400–2100 гг.) происходил его упадок, сменившийся новым подъемом в эпоху Среднего царства (2100–1650 гг.). Дальнейшая история Египта вплоть до конца II тыс. пришлась как на периоды по-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нижения, так и медленного повышения температуры. В начале периода (при похолодании) Египет переживает нападение гиксосов, но потом достигает наивысшего расцвета, причем именно при постепенном потеплении (1500–1100 гг.). Последующее ухудшение климата совпало и с постепенным упадком этой великолепной цивилизации.

Явно видно, что взлеты и падения древнеегипетских царств с приведенным температурным графиком совершенно не коррелируются. Отдельные совпадения могут быть и не случайными, но влияли на эту цивилизацию лишь в ряду других, более существенных причин, среди которых ведущими были социально экономические и связанные с ними демографические, порождавшие неравномерности развития народов региона.

Природа воздействовала в большей степени своей общегеографической спецификой, требовавшей ирригации, которая определяла и политическую организацию, и хозяйственную устойчивость и военные возможности. Существенную роль играла история соседних народов. Без их развития взлеты и падения древнеегипетского общества также необъяснимы. Ибо в столь плотно заселенном регионе можно найти массу примеров, когда ослабление одного народа совпадало с усилением соседнего, который и становился на время гегемоном. Это наблюдалось во взаимоотношениях Египта с хеттами, с Миттани, с Ассирией. А история Древней Месопотамии вообще пестрит соперничеством живших там народов и даже их локальных объединений, взлеты и падения которых постоянно чередовались.

Не проявились погодные тренды и в истории Иудеи. Возникнув на подъеме температуры, она просуществовала и при резком похолодании, и при столь же резком потеплении. Ее судьбы куда больше зависели от активности многочисленных и более многолюдных, а от того и более сильных соседей.

Погодные колебания могли нагляднее проявиться на истории изолированных регионов, не испытывавших внешних влияний и вторжений. Это более подходит к обособленному от соседей Древнему Китаю. Но, как видно из рис. 5, возникнув на климатическом спаде, китайское общество успешно преодолело все погодные колебания и даже усилилось во второй половине I тыс. до н.э., в эпоху династий Цинь (первая централизованная империя), а затем и Хань. Последняя и укрепилась именно в период существенного подъема температуры.

Эгейский мир развился в эпоху температурного оптимума, классическая Греция – также. Но если начало ее становления приходится действительно (по Клименко) на время ухудшения климата, то расцвет – именно на его резкое улучшение. Ну, а становление Рима однозначно совпало со стабильным положительным трендом.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Детальный разбор построений Клименко на материалах античной истории произвел уже упоминавшийся С.Г. Карпюк. Он проанализировал ряд его работ и заключил, что «*труды В.В. Клименко оставляют противоречивое впечатление*». Положительно оценив обращение к проблеме влияния климатических изменений на историческое развитие, привлечение и обобщение большого количества палеоклиматических данных, позволивших «*проследить изменения климатических параметров как по Северному полушарию в целом, так и по отдельным регионам*», автор анализа указал на многочисленные неточности в подборе и интерпретации исторических данных [Карпюк, 2007]. Но в целом Карпюк оценил вклад климатолога положительно [Карпюк, 2010, с. 15–63]. Мои же оценки более критичны, ибо я обратился к работам Клименко о климатах не только в древности, но и в средние века, где он, может из-за большего объема исторического материала больше и «намудрил» [см.: Риер, 2012; Риер, 2012в].

Итак, древние цивилизации возникали там, где существовали наиболее благоприятные природные условия для развития земледелия, позволившие получать продовольствие сверх минимально необходимого. Климатические колебания могли эти процессы ускорять, могли затруднять, но не были их первопричинами. **В результате у первобытных сообществ появилась возможность выделения слоев, освобожденных от повседневной добычи пропитания для выполнения иных, жизненно необходимых функций: защиты угодий и организации управления. С этого началось усложнение социальной организации вплоть до появления отделявшихся от родов структур, положивших начало государствам.** На ранних этапах человеческого развития это произошло к югу от примерно 40° северной широты. В Европе же государства вне Средиземноморья возникли хотя и позже, но в полосе между 45–55°, то есть там, где на Востоке земледелия вообще не знали [Павлов, с. 260].

Как же это происходило?

В лесную зону Европы **земледелие**, отмеченное с неолита и распространившееся в эпоху бронзы (IV–III тыс. до н.э.), пришло из Передней Азии или с новым населением (индоевропейцами) или «*в порядке диффузии идей*» без смены населения [Клейн, 2007, с. 174][1]. В дальнейшем земледелие распространялось от германцев, балтов и славян на северо-восток Европы, в финно-угорские земли. В I тыс. до н.э. преобладал наиболее приемлемый при тогдашнем техниче-

[1] Территория сложения индоевропейцев, как и время их возникновения – дискуссионны из-за, прежде всего, сложности установления процессов мутации древних языков и материальных остатков первобытных племен. Наиболее научно фундированные из современных гипотез предполагают их формирование как в Малой Азии, так и в Центральной Европе [Клейн, 2007, с. 78 сл.].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ском уровне подсечно-огневой способ обработки лесных земель. Однако на открытых, свободных от лесов землях могла применяться и залежная система полеводства (рис. 6) [Краснов, 1971, с. 55–62, 151–154].

Рис. 6. Распространение земледелия в Европе в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (пунктирные линии – примерные границы и выделенные по археологическим материалам земледельческие очаги в лесной зоне)

Но в лесных финно-угорских землях Северо-Восточной Европы земледелие известно лишь в отдельных анклавах у более развитых племен (дьяковская археологическая культура) и едва ли было основой хозяйства вплоть до начала II тыс. н.э. Ибо даже в раннем средневековье оно фиксируется крайне невыразительно: отдельными, по сути, единичными находками топоров и серпов, причем далеко не у всех племен. До прихода в эти земли славян в последней трети I – начале II тыс. н.э. у местного населения преобладало лесное, охотничье и рыболовное хозяйство [Кирьянов; Краснов, 1967, с. 46; Краснов, 1971, с. 86–87, 149–163; Минасян; Риер, 2000, с. 100; Финно-угры с. 26, 32, 63, 71–72, 90, 105, 114, 363, 375].

Впрочем, археологические материалы последнего времени позволяют предполагать более широкое владение навыками земледелия у

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

западных финно-угров (Эстония, Приильменье) уже со второй половины I тыс. до н.э. и более широко – в I тыс. н.э. в форме подсеки и, возможно, лесного перелога. Там могло иметь место западное влияние балтийского населения, знакомого с пашенной обработкой земли [Еремеев, с. 317, 392, 521–523]. Пашенное земледелие, наряду с подсекой, было известно и славянам, расселявшимся во второй половине I тыс. н.э. в Северо-восточной Европе среди балтов и финно-угров. Это четко иллюстрируется картографированием находок железных наконечников пахотных орудий – наральников в Восточной Европе (рис. 7) [Седов, 1982, с. 236–237, 274]. Славяне несли в эти лесные земли навыки более высокой культуры земледелия, выработанные южнее, в лесостепи, где, как будет показано ниже, происходило формирование славянского этноса и где было, хотя и опосредованное, влияние провинциально-римской культуры. Клин, образованный находками наральников на севере, в Приильменье – свидетельство появления там славян непосредственно из балтийского побережья Центральной Европы (нынешнее польское Поморье).

Рис. 7. Распространение земледелия в Европе во второй половине I тыс. н.э.
На врезке: распространение пахотных орудий в Восточной Европе
[Седов, 1982, с. 274]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Такой характер распространения земледелия определялся условиями, в которых оказались европейские племена к северу от Средиземноморья. В зоне распространения подсеки и перелога отсутствовала сплошная таежная растительность, распространенная к востоку и северу. Причерноморские и поволжские степи, более пригодные, казалось бы, для земледелия, во-первых, были тяжелы для легких первобытных земледельческих орудий варваров, во-вторых, страдали нехваткой влаги, и, в-третьих, были поистине «диким полем», территорией обитания кочевников от II тыс. до н.э. до середины II тыс. н.э. А по мере продвижения на запад усиливалось мягкое влияние Атлантики, суровые сплошные хвойные массивы все чаще перемежаются более редкими лиственными лесами, кустарниками, легче поддающимися сведению под поля. В результате по мере роста населения германцы из прибрежных к Северному и Балтийскому морям земель на рубеже новой эры начали продвигаться на юг.

В чем же специфика и даже уникальность Европы? Начнем с природных факторов. Хотя европейский континент расположен к северу от 70° северной широты, на условия проживания в нем влияли не только широтные показатели – удаленность от экваториальных зон, но меридиональные – примыкание к Атлантическому океану на западе. Смягчающий эффект водных масс Атлантики наиболее ощутим на западе континента и убывает по мере продвижения к востоку. В итоге на одной и той же широте зимняя температура к востоку понижается, в то время, как на одной и той же долготе она остается неизменной (в определенных границах) от севера до юга. Например, средняя зимняя температура в Бергене (Норвегия) и Лионе (Франция), отстоящих друг от друга на 1500 километров, но расположенных на одном меридиане – одинакова. К западу от линии Венеция – Гамбург средняя температура самого холодного месяца в году – января – всюду, включая побережье Норвегии вплоть до Полярного круга, выше нуля. К востоку от этой линии январская изотерма быстро падает и вдоль Уральского хребта составляет –15°С [Баччи, с. 34; Кульпин, 2004, с. 127].

Особенностью Европы также является протяженная береговая линия. По соотношению с общей площадью Европы она превышает другие континенты, составляет около 37 тыс. км (что почти равно длине экватора). При этом отличается сильной изломанностью, что способствовало раннему зарождению мореходства, его интенсивному развитию и обеспечивало доступность значительных территорий в доиндустриальное время. Последнее дополнялось и богатой речной сетью, способствовавшей заселенности континента и связям между его различными регионами. К благоприятным для жизни факторам Европы относится и ее рельеф. «*По-настоящему горная местность – высо-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

той более 1000 м над уровнем моря – составляет в Европе всего 7% общей площади, а две ее трети имеют рельеф ниже 300 м. Средняя высота в Европе не превышает 300 м, в то время как в Америке она составляет почти 600 м, а в Азии – более 1000 м. Те высокие горы, какие есть в Европе, скорее разделяли потоки переселенцев, чем препятствовали их продвижению». Основную роль в процессе заселения континента и последующих миграций играли равнины, обеспечивавшие доступность занятий сельским хозяйством. «*Исключительно разнообразна флора Европы, причем здесь произрастали культуры и сугубо местные, и характерные для многих зон земного шара*». Следует подчеркнуть, что бóльшая часть территории континента была пригодна для оседлого проживания людей уже с древности [Баччи, с. 35–36; Дэвис, с. 35; История Европы, 1993, гл. 2; Самаркин, с. 30–33].

Рис. 8. Расселение кельтов в Европе (по Аймарду): 1 – область латенской культуры; 2 – области, занятые кельтами в процессе расселения [Монгайт, с. 243]

Земли к северу от римского лимеса (пограничных укреплений) в середине I тыс. до н.э. заселяли *кельты*, в последующие столетия расселившиеся по Центральной и Западной Европе в различных направлениях (рис. 8). Кельты сформировались в III тыс. до н.э. при расселении индоевропейцев, носителей шнуровой керамики и каменных боевых топоров. Непосредственно истоки кельтов обнаруживаются

Электронный архив ВГУ им. П.М. Машерова

в Южной Германии и Среднем Подунавье конца эпохи бронзы. С VII в. до н.э. они, первые в Центральной Европе, осваивают технику плавки и обработки железа [История Европы, т. 1, с. 203–208, 492; Кузьменко, с. 165–166; Мюссе, 2008, с. 13–16; Тодд]. Их продвижение на обширные территории, в земли других племен, обеспечивалось ранним, в сравнении с соседями, переходом к черной металлургии. Но к рубежу эр, к началу германского расселения кельты уже растеряли свои преимущества первооткрывателей, и оставленные наиболее активными кельтскими группировками места их первоначального проживания в Центральной и Западной Европе выглядели довольно пустынными. На эти земли, в более теплые и равнинные области по сравнению с их родиной – Южной Скандинавией – и устремились *германцы*[1].

В историографической традиции с подачи еще римских авторов сложилось довольно стойкое **представление о неполной оседлости германцев**. Об этом писали Цезарь, Плиний Старший, Страбон, Тацит. Последний, описавший германцев наиболее подробно, косвенно объяснил такое представление небрежным, с точки зрения римлян, отношением их к земле: «*От земли они ждут только урожая хлебов… единственное и самое любимое их достояние – скот*» [Тацит, гл. 26, 5]. В сравнении с римлянами они не возделывают, а «насилуют» землю [Кнабе, с. 142]. В новое время такие представления стали общим местом, иногда встречаются и в более поздних изданиях. Но достижения, прежде всего, археологии, в XX в. убедительно продемонстрировали наличие у древних германцев устойчивого земледельческого хозяйства [Риер, 2000, с. 46–47, 133–135][2], что отражено уже и в советских вузовских учебниках с 80-х гг. [см. напр.: История средних веков, с. 16][3].

В связи с этим едва ли можно согласиться с представлением о едином типе хозяйства и образа жизни у ранних азиатских кочевников и древних германцев, встречающемся в некоторых новейших работах специалистов по номадам [Колесник, с. 143; Крадин, 1992, с. 190]. Очевидно, известные перемещения древних народов, в том числе и германцев в поисках «жизненного пространства» для оседания на новых землях нельзя отождествлять с передвижениями кочевников. Первые осваивали новые территории и, пусть примитивнее, чем римляне, но воссоздавали земледельческое хозяйство и соответствующее земле-

[1] Современные подходы к формированию германцев и их соседей уже с бронзового века подробно см.: [Кузьменко].

[2] Там же указана и соответствующая немецкая литература.

[3] Малколм Тодд справедливо отметил стремление римлян, в частности, Цезаря, через подчеркивание дикости германцев возвысить собственные деяния [Тодд]. Другой английский историк, Перри Андерсон назвал германцев времен Цезаря «*оседлыми земледельцами с преимущественно пастушеским хозяйством*» [Андерсон, с. 106]. О том же писала и В.П. Буданова [Буданова, Горский, Ермолова, с. 33].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

пользование, вторые – или сохраняли свой образ жизни при эксплуатации подчинившихся им земледельцев, или сами переходили к оседлости. Но тогда уже менялось и их общественное устройство, как, например, у венгров. Но об этом – далее.

Почему же столь активные кельты постепенно как бы рассосались на просторах Европы, а северяне – германцы оказались численно превосходящими?[1]

Пожалуй, единственное рациональное объяснение можно найти **в сопоставлении природной среды, в которой существовали кельты и германцы.** Кельты расселялись по влажным лесистым равнинам, где ресурсов для повседневной жизни при довольно редком населении хватало. Опасных соседей вплоть до рубежа новой эры у них не было. Не было и стимулов ускоренного развития[2]. Германцы же в силу проживания на побережье Северного и Балтийского морей и при ограниченности сельскохозяйственных угодий начали, как ранее греки, осваивать мореходство, что существенно ускорило их развитие. Ибо помимо дополнительного источника пропитания – морепродуктов, плавания не только расширяли кругозор, но и способствовали развитию торговли, которая, как известно, есть двигатель прогресса. Неслучайно, выходцы из Скандинавии – викинги – в последние века I тыс. н.э. основали по Европе не меньше колоний, чем в свое время древнегреческие мореходы. То есть, как показал анализ древнегреческой истории, <u>море – вот основа активности, в том числе и демографической</u>.

Плавания расширяли кругозор и позволяли северным мореходам – норманнам – находить лучшие места для обитания. Сам подвижный образ жизни делал их легкими на подъем, а бедность отчих земель агрессивными там, где они видели возможность осесть в более благоприятных условиях. Примечательно, что первыми активность проявили жившие на островах Западной Балтики готы, сначала заселившие южную Прибалтику, а затем, в начале новой эры, добравшиеся до Причерноморских степей. Также и жители побережья Северного моря осваивали Галлию (франки) и Британию (саксы, англы, юты, фризы). В процессе расселения германцы приобретали, естественно, и новые ресурсы для развития, и новый военно-политический опыт, особенно в бывших римских провинциях.

Германское расселение, как видно, было разнонаправленным. Но основным, генеральным направлением германского расселения

[1] *Германцами* их назвали кельты [Буданова, Горский, Ермолова, с. 9].

[2] Показательно, когда Цезарь вторгся в Галлию и местные кельты (галлы) оказались перед угрозой порабощения, их военачальники после ряда поражений сумели разгадать многое в римской тактике, и лишь общая военная и финансовая мощь Рима позволила последнему завоевать Галлию. То есть, когда нужда заставляла, у кельтов мог проявляться творческий потенциал…

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стало южное и юго-западное, где варваров ждала богатая добыча в римских провинциях[1]. Туда, кстати, бежали в конце IV в. изгнанные из Причерноморья кочевниками-гуннами готы. На протяжении первой половины I тыс. н.э. германцы, еще не составив большинства в римских провинциях, постепенно разрушили их государственность, основав на их месте свои протогосударства – варварские «королевства» (рис. 9)[2].

Рис. 9. Варварские королевства в Европе VI в.
[Ле Гофф, 1992. Рис. 2]

Обращаясь к географическим факторам, интересно сопоставить вышеприведенную карту (рис. 9) с ландшафтной картой континента: все ранние варварские государства, как и территория римского лимеса, на которой они расположились, ограничивалась складчатым (герцинским) рельефом (рис. 10) [Бродель. 2002, с. 35]. А к северо-востоку от него население послеледниковых равнин (восточные германцы и славяне) до VIII–IX вв. сохраняло первобытные порядки.

[1] Подробно о расселении древних германцев см.: [Буданова, Горский, Ермолова, с. 19–33, 46–74].

[2] Термин *королевство* для той эпохи условен, сам титул – *король* – возник, как известно, лишь в конце VIII в. из имени первого средневекового западноевропейского императора Карла Великого.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 10. Герцинские массивы показаны штриховкой, альпийские складчатости – черным цветом, белые линии обозначают направление горных хребтов. Пробелы на севере относятся к межальпийским и заальпийским пространствам. Пунктиром отмечены границы распространения древних ледников (по Броделю)

Интенсивность продвижения германцев в римские провинции подстегивалась и климатическими имениями. Благоприятный, в целом теплый климат III–IV вв. сменился затем существенным похолоданием, длившимся примерно до середины – конца VII в. Отмечались зимы, когда по льду можно было пересекать Босфор и Адриатическое море, а летом наблюдались засухи. Потом началось потепление, перешедшее в так называемый климатический оптимум X–XI вв. [Бессмертный, 1981, с. 172–173; Борисенков, 1982, с. 14–23; Колебания…, с. 352; Ле Гофф, 1992, с. 9; Шевеленко, 1969, с. 90; Jankuhn, 1977, s. 55; Lange, 1971, s. 11–12; Willerding, 1977][1].

Совпадение во времени смены природной и цивилизационных фаз – не случайно. Конечно, климатические изменения едва ли стали первопричинами гибели античного общества, но углубить уже возникший кризис они могли, ухудшив, прежде всего, условия хозяйствования, причем именно там, где оно поднялось над примитивным, первобытным уровнем и требовало определенной организации.

График климатических, вернее температурных колебаний времен античности и раннего средневековья представлен вышеупомя-

[1] Разбежки в датах связаны с хронологическими различиями наступления климатических изменений в разных местностях континента, что отразилось как в исторических источниках, так и в результатах современных измерений климатических событий прошлого.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нутым климатологом Клименко. Этот график колебания температур в Северном полушарии с VI в. до н.э. по VIII в. н.э. (рис. 11) в целом соответствует вышеприведенным представлениям историков. Очевидно, небольшое снижение температуры в III–IV вв. н.э. (1 на рис. 11) тогдашние наблюдатели не ощутили и не отразили в своих записях, потому их не заметили и историки. Зато последующее похолодание воспринялось современниками как катаклизм. Причем выход из этого отрицательного тренда в VII в., показанный на графике, очевидно, в материалах того времени также не отразился. Вероятно, тогдашние немногочисленные европейские авторы в условиях политической нестабильности и примитивного хозяйства не заметили начавшееся улучшение климата и отметили его лишь в следующем, VIII в., когда обозначился известный хозяйственный подъем. Можно предположить, что субъективное восприятие погодных трендов могло и не совпадать с реальными температурными колебаниями.

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЕРАТУРЫ
И ОСНОВНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ
с VI в. до н.э. до VIII в. н. э.

Рис. 11. График температур по В.В. Клименко [Клименко, 2000] с наложением общих хронологических рамок античных и раннесредневековых государств

К сожалению, составитель графика – природовед – в поисках причинно-следственной связи климатических изменений с историческими

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

процессами не учел такую аберрацию в восприятии природных явлений [Клименко, 2000]. В итоге его выводы выглядят еще более неточными, чем рассмотренные нами выше (с. 65–74), посвященные более ранним эпохам.

Указания на достижения времен отрицательного климатического тренда III – середины V в. можно дополнить не менее показательными данными о развитии классической Греции, а затем и Рима в VI в. до н.э. – II в. н.э. Наоборот, отрицательный температурный тренд совпал с упадком Рима и ликвидацией западной части империи. Усиления китайской династии Хань также пришлось на потепление, а ее упадок совпал с похолоданием. Последующее укрепление Китая, охватившее несколько столетий, – эпоха Тан – также началось при росте температур. То же относится и к Индии эпохи Гуптов.

Глубокое похолодание VI в. способствовало упадку прежне весьма развитых земледельческих государств аравийского Йемена, что подмечает и сам Клименко, правда, уже с коллегами историками. Сопровождавшее похолодание увлажнение в южной Аравии разрушало высокотехнологичное террасное земледелие Йемена. К началу VII в., ко времени проповедей Мухаммада, хиджры в Ясриб, т.е. к становлению ислама погодный тренд изменился и началось потепление. Хотя весь VII в. еще оставался относительно холодным и особенно сухим в центральной Аравии. Ослабление южноаравийских государств вызвало перемещение аравийского населения и выдвинуло на самостоятельную роль торговый путь в Хиджасе с возвышением Мекки в начале VII в. [Коротаев и др., 2007, с. 13–22, 39–59]. Так что аравийская история VI–VII вв. как раз показывает отрицательную роль климатических катаклизмов.

Расцвет манихейства в Уйгурском каганате в VIII–IX вв. – «*важной политической силы Центральной Азии того времени*» [Клименко, 2000] – локальное явление, каких можно много подобрать под заданную концепцию. Куда более значимым был в эти столетия прогресс каролингских франков. Можно добавить и совпадение по времени упадка цивилизации майя с наступившей в X в. н.э. в Центральной Америке засухой (количество атмосферных осадков снизилось тогда на 40%) [http://inosmi.ru/latamerica…].

Более адекватную корреляцию климатических колебаний с историческим процессом представил в исследовании по истории климата уже упомянутый профессор Ричард А. Мюллер [Muller]. В отличие от графика Клименко, отражающего обобщенные тренды, график Мюллера представляет не усредненные, а реальные амплитуды температурных колебаний, что точнее отражает ситуацию (рис. 12).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 12. Климат за последние 2400 лет по Мюллеру [http://muller.lbl…, Fig. 2]. Перевод пояснений в графике: FallofRome – Падение Рима; Cathedrals – соборы (имеется в виду «время соборов» по Ж. Дюби [Уваров, 2004]); BlackDeath – Черная смерть; Littleiceage – Малый ледниковый период

Приведенный график основан на анализе результатов бурения льдов Гренландии. Наложение на него ключевых событий европейской истории демонстрирует, как указывает автор, устойчивую корреляцию теплой погоды с успехами античного и средневекового европейских обществ. И наоборот – прямую связь периодов похолоданий с кризисами: *низкие температуры ухудшали условия производства продуктов питания и были ответственны за голод, войну и социальные конфликты* [http://muller.lbl…]. Так, расцвет римской республики был достигнут в период более теплый, чем ныне. В пик потепления начала II тыс., когда климат в Северном полушарии был теплее нынешнего, Европа испытала хозяйственный и культурный подъем. Гибель Рима, нападения викингов и «Черная смерть» пришлись, соответственно, на времена резких похолоданий.

К таким же выводам пришел и швейцарский палеоклиматолог Ульф Бунтген с коллегами: «*Влажные и теплые летние месяцы приходятся на периоды римского и средневекового процветания, – пишут авторы. – Увеличение амплитуды климатических колебаний в 250–600 годах нашей эры совпали по времени с распадом Западной Римской Империи и смятением периода миграций*». И далее: «*Ярко выраженное высыхание [Европы] в III веке наложилось на серьезный кризис в Западной Римской Империи, отмеченный вторжениями варваров,*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

политическими бурями и экономическими беспорядками в нескольких провинциях Галлии» [Кинвер][1].

Рис. 13. Температура Северного полушария в IX–XX вв. по Даценко и Иващенко. Тонкая сплошная линия на графике соответствует реконструкции изменений температуры в Центральной Англии Лэмба [Lamb; Даценко, Иващенко]

Аналогичная картина температурных колебаний получена недавно гидрометеорологами Н.М. Даценко и Н.Н. Иващенко. Использовав считающуюся репрезентативной для анализа европейского климата во II тыс. н.э. дендрохронологическую шкалу из Северной Скандинавии, они ввели в нее поправку с учетом особенностей формирования годичных колец, которые, как оказалось, при избыточном потеплении демонстрируют не увеличение, а уменьшение прироста деревьев[2]. В итоге представленный названными исследователями график практически совпал с опубликованными в 70-х гг. прошлого столетия выводами Х.Х. Лэмба о существенном потеплении в начале II тыс. и «малом ледниковом периоде» с его середины, позднее оспоренными Манном, Брэдли и другими (рис. 13) [Даценко, Иващенко].

Рис. 14. Температурные колебания в Северном полушарии во II тыс. (по Брэдли)

[1] Новейшие исследования климата прошлого также свидетельствуют о прямой связи расцвета древних империй с длительным устойчивым потеплением, а социальных катаклизмов – с похолоданиями [http://polit.ru/article/2013...].

[2] Это, как отмечают исследователи, связано с недостатком влаги для роста деревьев в жаркие годы.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Как видно, этот график весьма близок вышеприведенному графику Мюллера (рис. 12). Впрочем, графики Манна и Брэдли, построенные с привлечением данных о солнечной и вулканической активности, причем свойственной не только Северному полушарию, тоже демонстрируют рост температуры в начале II тыс. и похолодание в XV–XIX вв. [Bradley]. Пафос дискуссии связан с оценкой потепления нашего времени. Лэмб считал температуры XI–XIII вв. самыми высокими во II тыс. На графике Даценко и Иващенко такими же теплыми (по крайней мере в Скандинавии) были XIV и даже XV вв. Брэдли уравнивает этот теплый период с современным, а Манн в своей знаменитой «клюшке» и его многочисленные сторонники средневековый теплый период не считают чем-то исключительным, настаивая на феноменальности лишь нынешнего потепления (рис. 15)[1]. Выяснение этой проблемы, однако, оставим климатологам, тем более, что здесь в научный спор включены политические и финансовые интересы, связанные с финансированием экологических проектов [см.: Кислов; http://inosmi.ru/world/20130310...; http://www.washprofile.org/...; http://www.kataklizmic.narod.ru/...; http://www.polit.ru/lectures/2007/...; http://www.polit.ru/science/2009/...; http://www.polit.ru/lectures/2010/...]. Нас во всех приведенных графиках интересует общее совпадение оценок климатических трендов в средние века[2].

Рис. 15. Различные реконструкции температуры за 2000 лет по Манну, Джонсу, Брэдли и др. [Bradley, 2003, Fig. 1]

[1] Выражение «клюшка Манна» появилось в современной литературе о климате от представленного американским климатологом Майклом Манном графика с резким повышением температуры с конца XX в. (рис. 15), что напоминает задранный вверх крючок лежащей горизонтально клюшки.

[2] Теплые XIV и XV вв. у Даценко и Иващенко, не совпадающие с другими графиками, очевидно, могут отражать локальные условия источника данных, то есть древесных спилов из Скандинавии. Есть сведения, что при общем совпадении климатических тенденций в Центральной и Восточной Европе малый ледниковый период на северо-востоке континента начался еще в XII в., смещаясь затем на юго-запад к XIV в. [Изменчивость, с. 190].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Те же результаты дали традиционные методы анализа исторических данных, сопоставленные с историко-климатологическими (рис. 16–18):

Рис. 16. Климатические кривые за последние 5 тыс. лет
(по Борисенкову и Пасецкому [Борисенков, Пасецкий, с. 56])
А – средняя (за каждые 100 лет) ширина колец (в мм) одного из видов сосны на верхней границе леса в горах Уайт-Маунтис (Калифорния). Положительные отклонения роста показывают, что температура теплого сезона (апрель – октябрь) выше средней многолетней. Б – наступание и отступание аляскинских ледников

Рис. 17. Показатели климата последнего тысячелетия
(по Борисенкову и Пасецкому [Борисенков, Пасецкий, с. 66])
А – индекс суровости зим в Париже и Лондоне (осреднение по 50-летиям),
Б – вариации содержания изотопа O^{18} в колонках льда Гренландии,
В – средняя ширина колец деревьев сосны в Калифорнии, отражающая температуру сезона роста (осреднение по 20-летиям),
Г – средние годовые температуры Центральной Англии (осреднение по 50-летиям)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 18. Цены на зерно в Англии, Франции, Италии и Дании с 1200 по 1900 г. (25-летние скользящие средние)
(по Борисенкову и Пасецкому [Борисенков, Пасецкий, с. 69])

Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий констатировали наличие в середине I – второй трети II тыс. н.э. в Европе наличие двух явных климатических фаз: малый климатический оптимум VIII–XII вв. и малый «ледниковый период» XIII–XVIII вв. При этом, если в Гренландии максимум потепления приходился на VIII–X вв., то в Англии – на XII–XIII вв. На Русской равнине уже с XII в. отмечено нарастание внутрисезонной изменчивости климата. Благоприятные погодные условия вернулись в Восточную Европу во второй трети XIII в. Это было время максимума тепла и на западе континента. В XIV в. вся Европа уже страдала от переувлажнености и холодных зим, когда опять замерзала Адриатика [Борисенков, Пасецкий, с. 500–503].

Таким образом, можно считать, что разные исследователи разнообразными способами пришли **к единой картине климатических колебаний в новой эре** и споры больше касаются представления о том, является ли нынешнее потепление уникальным или лишь одним из многих колебаний в истории. Но именно благодаря этим спорам историки получили в свои руки более точные данные о прошлом климате Европы.

Однако если прежде разрозненные данные давали климатологам поводы для скепсиса и иронии, то появившийся вполне репрезентативный массив новой информации, очевидно, породил у некоторых исследователей климата самоуверенность, которая привела к появлению собственных исторических интерпретаций. Яркий пример – уже отмеченные историко-климатические сопоставления проф. В.В. Клименко. Очевидно,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ошибочный вывод исследователя о корреляции прогрессивных периодов в истории с климатически неблагоприятными временами предопределен усреднением на его графике температурных колебаний.

Произошло то же, что и с «клюшкой Манна». Стремясь наглядно продемонстрировать наступившее глобальное потепление, последний убрал из своего графика детализацию, заменив ее линией, демонстрирующей общий температурный тренд, «потеряв» при этом «*период потепления, который пережила Европа 1 тыс. – 700 лет назад и "малый ледниковый период" в Европе (начался в 17 веке, продлился до середины 19-го)*» [Mann, Bradley, Hughes; http://www.polit.ru/lectures/2010...; http://www.washprofile...; http://www.kataklizmic...][1]. В итоге исчезли реальные климатические колебания. Но ведь именно они определяли восприятие погоды современниками.

Кстати, и теперь: весь пафос спора о *глобальном потеплении* связан с невозможностью установления нынешнего климатического тренда из-за хаотичных ежегодных погодных колебаний. И если климатологи с их нынешними знаниями спорят, то что говорить о древних… Тенденции становились понятными спустя десятилетия и то, если были стабильными. Тогда они замечались людьми, и они реагировали хозяйственными, поселенческими, политическими и иными изменениями. Соответственно, **на исторические процессы влияли лишь устойчивые, то есть длительные тренды, существенно менявшие природные условия**. К частным и частым колебаниям люди привыкали [Риер, 2000, с. 20].

Точные же графики с широкими амплитудами колебаний демонстрируют чуть ли не *броуновo* движение температур (если, к тому же, учесть, что эти температуры определены по косвенным признакам: годичные кольца деревьев, ледниковые скважины и то лишь в отдельных регионах Северного полушария. Экстраполяция этих данных на все полушарие требует признания и локальных различий[2]).

Впрочем, и сам Клименко в более подробном изложении тоже привел ряд детальных графиков [http://www.polit.ru/lectures/2007...; Климен-

[1] Дискуссии о потеплении и его причинах продолжаются. Становится неочевидной роль в потеплении концентрации CO_2, что снижает роль антропогенного фактора [См., напр.: http://www.lenta.ru/news/2011/11/22...; http://www.lenta.ru/news/2011/11/25...]. Важно, что современные климатические проблемы стимулируют общественное внимание к изучению климатов прошлого более тонкими и точными методами, чем обычно применяют историки. Последние, получив новую информацию, в свою очередь, могут точнее оценить роль природно-климатических факторов в человеческом развитии.

[2] Вспомним, что все последние годы погода существенно разнится на западе и востоке Европы, причем более экстремальной она оказывается ближе к Атлантике: снежные заносы зимой и паводки летом заметнее в Англии, Франции и даже Испании. Наоборот, экстремально жаркое лето 2010 г. наблюдалось в Восточной Европе, на западе континента жара оказалась более умеренной. Такой же разброс данных мог быть и в средние века.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ко и др., 2012а]. Тренды в них видны нам и теперь. Однако, повторюсь, если мы, оснащенные сложным современным инструментарием и хоть какими-то сведениями о климатах прошлого ожесточенно спорим: что нас ждет – потепление или похолодание, тем более люди прошлого не могли отличить текущие погодные изменения от климатических трендов[1]. Я это к тому, что изменения погоды влияли на человеческую деятельность через определенный временной лаг (промежуток). И чем древнее было общество, чем меньшими знаниями обладало, и ниже был его технический уровень, тем медленнее и неадекватнее оно реагировало на изменения климата. Естественной реакцией, прежде всего, могли быть или сокращение популяции вплоть до ее вымирания или переселение.

Технический и культурный прогресс, который увидел у древних Клименко стал доступен лишь на определенном уровне. Таком, какой, например, был достигнут европейцами к середине II тыс. н.э., когда на них практически не отразился так называемый *малый ледниковый период*. Если в начале его, в XIV–XV вв. ощущались кризисные явления (аграрный кризис на западе, политические проблемы на востоке континента, связанные с последствиями монгольского нашествия), то впоследствии, особенно на западе, началось всестороннее ускорение общественно-экономического развития (становление капитализма). Причем, влияние похолодания на проблемы XIV–XV вв. еще надо вычленять из всего комплекса хозяйственных, демографических, социальных и политических процессов, среди которых в Западной Европе:

- предшествующий рост населения и урожайности, великие расчистки на западе (в благоприятные XI–XIII вв.!);
- запустение из-за освоения малоплодородных лесных почв;
- коммутация крестьянских повинностей с постепенной ликвидацией личной зависимости;
- катаклизмы, вызванные Столетней войной и «Черной смертью».

В Восточной Европе тогда же:

- последствия монгольского завоевания;
- образование и разрастание ВКЛ;
- уход части населения с пригодных для сельского хозяйства, но небезопасных из-за кочевнической опасности лесостепей в северные леса [Кульпин, 2002, с. 120; Риер, 2000, с. 25, 28; Goehrke, s. 30–40, 50–52].

[1] Не могу удержаться и воспроизведу остроумное замечание писателя Чарльза Волфорта, приведенное климатологом А. Кириленко: «*Погода – это принятие решения, надеть сегодня трусы или кальсоны. Климат – это отношение количества трусов и кальсон в шкафу*» [http://www.polit.ru/science/2009...].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Так что детерминировать общественные изменения прежде всего климатическими колебаниями не приходится[1]. О сложности же самих климатических процессов свидетельствуют и приводимые Клименко детальные графики температурных колебаний и влажности с середины I тыс. н.э. на Восточноевропейской (Русской) равнине, построенные на основе анализа изменений толщины колец деревьев, а также данных исторических источников и палинологии (анализа ископаемой пыльцы, которая извлекается из кернов торфяных болот) [http://www.polit.ru/lectures/2007…].

Предваряя эти графики, автор подчеркивает, что они выглядят, «*как температурный график лихорадочного больного…, между отдельными годами могут существовать гигантские различия. Временами они в соседние годы достигают 4–5°С. Это проявление того, что называется естественной изменчивостью климата. Но только часть этих событий детерминирована*». При этом среднегодовые данные, например, не показывают общеизвестного выраженного похолодания в Европе V–VII вв. н.э. и климатического оптимума XI–XII вв. (рис.19). На нем, и то неявно, заметно лишь потепление во второй половине X в. и более определенно отражен «малый ледниковый период» XIV–XIX вв. Очевидно, что среднегодовые температуры сродни средней температуре по больнице, которые приближаются к реальности лишь во времена эпидемий. Так и здесь определяются лишь существенные тренды.

Нагляднее выглядят последующие графики зимних и летних температур (рис. 20–21). Они также не фиксируют явного похолодания V–VII вв. – очевидно, его и не было в Восточной Европе. Зато в них явно выделяется потепление X–XIII вв., с отмеченной и в русских летописях нарастающей неустойчивостью погоды уже с XII в. А «малый ледниковый период» отличается снижением, прежде всего, летних температур, что наиболее критично для земледелия. И пока к такой ситуации крестьяне не привыкли, это отрицательно сказывалось на продуктивности их хозяйств, что вполне могло усугубить общий упадок русских земель в XIV–XVI вв. Эти графики хорошо дополняются схемой распределения осадков (рис. 22), демонстрирующей преобладание увлажненности в холодные годы, хотя четких закономерностей сопоставление графиков не выявляет. Впрочем, нельзя забывать и точности самих графиков…

[1] Как заметил в одном из своих выступлений Клименко, «*антропогенный фактор – только один из факторов*» изменения климата, «*А другие… не зависят от воли человека*» [http://www.polit.ru/lectures/2007…]. Так же и климатические изменения – лишь один из факторов, изменявших человеческую историю.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 19. Отклонения средней годовой температуры (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщенные данные).
Источник: НИЛ Глобальных проблем энергетики МЭИ (По Клименко) [http://www.polit.ru/lectures/2007]

Рис. 20. Отклонения средней температуры лета (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщенные данные).
Источник: НИЛ Глобальных проблем энергетики МЭИ (По Клименко) [http://www.polit.ru/lectures/2007]

Рис. 21. Отклонения средней температуры зимы (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщённые данные).
Источник: НИЛ Глобальных проблем энергетики МЭИ (По Клименко) [http://www.polit.ru/lectures/2007]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 22. Отклонения среднего годового количества осадков (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщенные данные). Источник: НИЛ Глобальных проблем энергетики МЭИ (По Клименко) [http://www.polit.ru/lectures/2007]

Еще нагляднее это видно по вышеприведенным графикам Мюллера (рис. 12).

Те же параметры отражены и на рис. 23. Публикуя более подробное сопоставление климатических изменений с российской историей, начатой с X в., Клименко и А.М. Слепцов приводят детальный график температурных изменений в Восточной Европе во II тыс. (рис. 23) [Клименко, Слепцов; Слепцов].

Рис. 23. Среднегодовая температура воздуха в центре Русской равнины в IX–XVI вв. (обобщенные данные). Точками обозначены датировки важнейших исторических событий (по Клименко и Слепцову)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

В принципе, он совпадает с вышеприведенными. Отклонения могут быть обусловлены территориальными привязками исходных данных. Поэтому выглядят несколько преувеличенными утверждения авторов, что ряд работ прежних лет «*можно отнести скорее к художественной, нежели к научной литературе, поскольку объем накопленной к времени их написания объективной информации (в первую очередь, конечно, климатической и геофизической) был явно недостаточен для ответственных обобщений*»[1]. И уж тем более самонадеянно выглядит продолжающаяся попытка авторов обосновать свои представления о стимулирующем влиянии на цивилизационные процессы климатических аномалий уже на материалах русской истории.

Прежде всего, при всех оговорках авторов предпринятый ими отбор 70 фактов русской истории, которые они считают ключевыми, выглядит случайным. Упрощение, которое себе позволили авторы, утверждая, что избыток информации вредит выводам, нельзя принять. Лишних фактов не бывает[2]. Не знаю как у климатологов, хотя и у них попытки усреднить данные графиков приводят к скандалам, как с «клюшкой Манна» (его обвинили в подтасовке фактов), но у историков выбор лишь «ключевых фактов» ведет к субъективизму. И хотя авторы это признают, но поступают с историей именно так.

К тому же принцип отбора экспертных свидетельств сделан непрофессионально. Предпочтение отдано справочникам начала прошлого века и иностранным изданиям, о чем уже писалось выше. Последнее – аналогично тому, если бы изучать английскую историю по советским энциклопедиям. Есть и просто неточности. Например, отнесение начала Руси к IX в. слишком спорно (подробнее об этом – далее).

Другие субъективно отобранные факты вырваны из исторического контекста. Например, возвышение Москвы в первой половине XIV в. Да, оно было, но на фоне подчинения других княжеств. Почему им погода не помогла? Или она только к Москве благоволила? Или, «*окончательное объединение всех русских земель и достижение формальной независимости при Иване III*», и далее: «*юго-восточная экспансия при последних Рюриковичах*», которые случились во время погодных экстремумов. Получается, погода, опять-таки, благоприятствовала только Руси, а ее неудачливым соседям мешала? Удивляет и вывод: «*…частота важнейших исторических событий заметно возрастала при приближении к климатическим экстремумам*». Что люди заранее знали о будущих пиках и изломах температурных колебаний?

[1] К ним авторы отнесли и монографию Х. Лэмба, данные которой, как отмечено выше, вполне укладываются и в современные построения, о чем писали Даценко и Иващенко.

[2] Важна их «субординация». Но выстраивание явлений и фактов по их значимости – сложная аналитическая и самостоятельная исследовательская работа, которую не заменить подбором общих, зачастую справочных материалов.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

И если сам температурный график, как и другие профессионально сделанные Клименко с коллегами климатические таблицы представляются существенными достижениями в изучении истории природы и помогут историкам в их работе, то выводы Клименко с соавторами, при всем уважении к проделанной работе, с учетом их многократных оговорок о стремлении к объективности и понимании множественности причин исторических событий, следует признать дилетантскими[1].

Чтобы не быть голословным, привожу вышеуказанный график Клименко и Слепцова с указанием хронологических рамок наиболее заметных, системообразующих этапов, во многом определивших ход средневековой истории древнерусских земель в первой половине II тыс. (рис. 24):

Рис. 24. Среднегодовая температура воздуха в центре русской равнины и основные этапы истории региона в IX–XVI вв.
На врезке: Поселенческая активность в древнерусскую эпоху[2]

[1] Некритичная увлеченность природными факторами в исторических процессах приводит, порой, к нелепостям, как, например, утверждение о влиянии уже упоминавшейся январской изотермы на историю взаимоотношений Польши и России уже с эпохи Киевской Руси. Как утверждает автор этой мысли, указанная изотерма является естественной географической границей между хозяйственными, и, следовательно, ментальными типами [Олейников]. Но от польско-русской (восточнославянской) границы на Западном Буге до изотермы – вся Польша и половина территории Германии. Странно, что автор не придал значения расстоянию между Бугом и Рейном. Здесь больше оснований для суждений о разнице между центром и западом Европы. А различия, в том числе и постепенно сложившиеся ментальные между западными и восточными славянами, связаны совсем с иными процессами [Риер, 2003, с. 57–97]. Кстати, редактор сборника, где был помещен вышеприведенный пассаж, в другом издании тоже упомянул известную изотерму, но более корректно, как границу между Римом и варварами [Кульпин, 2004, с. 127]. Хотя далее в статье легко «перепрыгнул» через тысячелетие, от позднеантичных варваров к Золотой Орде. Как видно, точность нужна при анализе не только физических, но и исторических процессов!

[2] Указанная поселенческая активность определена путем подсчета выявленных археологами древнерусских поселений, датируемых указанными веками [Риер, 2008. с. 19].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Не подвергая сомнению приведенные графики климатологов, что мне, как историку делать нет оснований, приходится констатировать, что прогресс в человеческой истории связан именно с теплой погодой, с потеплениями. Впрочем, анализ многочисленных письменных источников в сопоставлении со сведениями о таяниях альпийских ледников в позднее средневековье и новое время позволил французскому историку Э. Ле Руа Лядюри, известному тонкими наблюдениями исторических процессов, не только отвергнуть цикличность климатических изменений в прошлом, но и заметить, что **сама по себе температура мало что дает для оценок человеческого развития** [Ле Руа Лядюри, с. 217–223].

Но идея детерминированности исторического прогресса неблагоприятными климатическими условиями, очевидно, столь увлекла проф. Клименко, что он продолжил ее рассмотрение уже на общем фоне развития человечества с VII по XVIII вв. [Клименко, 2003]. В обширной статье он представил подробный график температурных колебаний в северном полушарии с привязкой к нему основных, по его мнению, исторических событий, подтверждающих сформулированную ранее и рассмотренную нами выше концепцию.

Как и в других исследованиях по истории климата проф. Клименко интересен своими графиками, основанными на широком анализе многочисленных данных, прежде всего полученных в последнее время разнообразными современными методами. Они, в принципе, не противоречат тому, что уже было известно, в частности, о средневековом климате, но отличаются большей детализацией и профессиональными пояснениями. Эту работу можно только приветствовать. Но обращением к общеисторическим проблемам, рассуждениями о парадоксальном влиянии климата на развитие человечества, автор, повторюсь, очевидно, превысил пределы своей компетенции и потому впал в свойственную многом «технарям» ошибку – прямолинейную трактовку событий по принципу: «после этого – вследствие этого».

В истории упрощенные схемы, где одно логически вытекает из другого, работают далеко не всегда, вернее, почти никогда. История – это деятельность людей, многих людей, коллективов, толп, масс, в которых даже выдающиеся личности, самоуверенно видевшие себя во главе процессов, лишь следуют неким трендам. Величие их – в умелом, иногда просчитанном, но часто интуитивном улавливании этих трендов. Сами же «пружины» исторических процессов настолько разнообразны, что их анализ требует весьма тонкой аналитики, синергетических подходов, используемых для изучения саморегулируемых систем. Предполагается, что причинные связи в обществе, как и в природе, носят статистический характер. Но, в целом, однако развитие социума не подчиняется статистическим закономерностям [Хвостова, 2000, с. 190].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вернее, они столь многообразны, что не поддаются полному вычленению и статистическому анализу. Ведь если некая физическая частица движется строго по заданным ей законам, человеку свойственен разум, и он может вести себя и рационально, и иррационально [Фядосік, 2001, с. 58]. То есть он может по-разному реагировать на одни и те же внешние условия и раздражители [Риер, 2003, с. 4].

Повторю, трудно согласиться с пафосом Клименко об определяющем влиянии климата на историческое развитие: «*История климата средневековья не была столь удручающе монотонной – напротив, по своему драматизму и далеко идущим последствиям она вполне соответствовала социальной истории того же периода и изобиловала множеством острых сюжетов, несомненно, самым серьезным образом влиявших на жизнь людей той эпохи*» [Клименко, 2003, с. 7]. Подчеркну: исторические процессы столь многофакторны, что исследовать их движущие силы надо для каждого конкретного случая, избегая априорных широких обобщений.

Если, например, понижение температуры в V–VI вв. совпало с гибелью Западной Римской империи, то это не значит, что понижение температуры в IX в. привело к столь же драматичным последствиям. К этому времени, по крайней мере, у франков (а от них шла в то время основная информация) уже началось движение по восходящей – повышался уровень агрикультуры вплоть до появления, местами, регулярного севооборота, создавались сеньории, обладавшие определенной хозяйственной и социальной прочностью (иначе как бы из них выросла динамичная в будущем западная цивилизация?)[1].

Здесь следует обратить внимание на климатический детерминизм Клименко, проявленный и в вышеприведенной цитате, и вообще в его сочинениях по истории климата. Вспоминается Козьма Прутков: «*Узкий специалист подобен флюсу*». Против этого, кстати, предостерегал и Ле Руа Лядюри, обращая внимание на поверхностность попыток прямолинейно увязывать климатические колебания с историческими явлениями [Ле Руа Лядюри, с. 16–17]. Он, кстати, как отмечалось, скептически отнесся и поискам 33-летних циклов в климатических изменениях. И где эти циклы на графике Клименко (рис. 23)?

На данном графике (рис. 23) бросается в глаза сглаженность погодных колебаний VII–VIII вв., заметно отличающаяся от всех последующих столетий. Связана она, скорее, не с действительными процессами, а с отсутствием более детальных данных. Похолодание же IX в. было не очень продолжительным и перемежалось, судя по графику, существенным потеплением в середине столетия. То же относится и к последующим векам. И лишь с XV в. наметилась устойчивая (с всплеском

[1] Подробнее об этом – далее.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тепла в первой половине XVI в.) тенденция к усредненному понижению температуры – т. наз. «Малому ледниковому периоду». Но это понижение, не менее драматичное, чем похолодание IV–VI вв., не имело уже столь катастрофических последствий: государства не разрушались, народы не переселялись. То есть, действительно, погода влияла на историю, но не прямолинейно, а опосредованно многими другими процессами. Так в чем не прав Ле Руа Лядюри? В своей монографии о климате он сопоставил данные о ледниках с сообщениями об урожае и ценах на виноград в Южной Франции, отражавших ежегодные погодные колебания. Вот на доходы виноделов эти колебания действительно влияли самым непосредственным образом.

Далее Клименко приводит доказательства похолодания IX в., а затем констатирует существенное потепление в последующие столетия, подчеркивая его высокие параметры, то есть подтверждает наличие уже известного историкам климатического оптимума. Новое в этом – демонстрация нестабильности этого оптимума, наличие внутри его холодных лет. Также подчеркивается наличие локальных отклонений от общей тенденции [Клименко, 2003, с. 9, сл.].

Что ж, это как раз доказывает отсутствие прямой связи между климатом и историческими процессами. Ибо первые века II тыс. в целом для Европы были временем хозяйственного подъема и, соответственно, политического развития. Отмечался и демографический бум (относительно предшествующего времени). А на западе континента (при более плотном населении) в XI–XIII вв. происходила производная от роста населения и хозяйственного прогресса внутренняя колонизация, завершившаяся в XIV в. формированием современного аграрного ландшафта. Рост населения с увеличением числа поселений известен и в домонгольской Руси.

Похолодание XI – первой половины XII в. и отдельные пики холода в другие годы на отмеченном демографическом и хозяйственном тренде не отразились. И пусть «*термин “средневековая теплая эпоха” не следует понимать упрощенно, т.е., как указание на то, что во всех частях света происходило равномерное повышение температуры*» [Клименко, 2003, с. 13–14], не следует и преувеличивать значение частых колебаний климата. Очевидно, лишь длительные погодные тренды, заставлявшие отказываться от устоявшихся бытовых и хозяйственных привычек, заставляли людей менять жизненный уклад и тем влияли на историю.

Дальнейший анализ рассуждений проф. Клименко о влиянии средневековых погодных колебаний на исторические процессы выходит за хронологические рамки наших очерков (рис. 25). Поэтому подведем итог:

- «пологий график» VII–VIII вв. (единственный в н.э.) не от неполноты ли исторических данных в это раннее время? Тогда получается,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что последующие резкие колебания связаны не с климатологическими данными, а с нарастанием исторических материалов.

• VIII в. – бенефициальная реформа и становление каролингской империи при первых Каролингах.

• Колебания погоды IX в. – распад империи Карла Великого.

• Конец IX – начало X в. – разгром Великой Моравии, но также становление Империи и династии Капетингов.

• Вторая половина XII в. на пике потепления – укрепление Франции при Филиппе II, хозяйственный и демографический подъем на Руси.

• На XIII в., при устойчивой погоде, приходится основное число основанных в средние века городов в Центральной Европе (рис. 25). При резком похолодании первой половины XIV в. количество возникших городов также резко сокращается. Но объясняется это, скорее всего, исчерпанием накопившихся прежде людских и материальных ресурсов. К середине XIV в. наблюдается некоторый рост числа новых городов. Затем, и при резком потеплении второй половины XIV в., и при похолодании XV в. прирост новых городов постоянно сокращался. Продемонстрированная динамика, как видно, игнорировала климатические колебания, ибо зависела от ряда демографических, хозяйственных, социальных, и политических факторов.

• Первая половина XIV в. – ухудшение условий для сельского хозяйства из-за местами непродуманного сведения лесов, усиления паводков, коммутация повинностей в западноевропейской деревне, способствовавшие ухудшению положения крестьян и их здоровья. На это наложилась «Черная смерть» в середине столетия.

Рис. 25. Реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария для VII–XVII вв. н.э.по В. Клименко [Клименко, с. 8, рис.1] и некоторые существенные события европейской истории, несовпадающие с его общими выводами

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

И в целом: если погодные катаклизмы наваливаются неожиданно, то социальные изменения накапливаются десятилетиями и не могут быть мгновенным отражением погодных мутаций! Парадоксальный вывод Клименко о стимулирующем влиянии неблагоприятных климатических периодов на людскую креативность не находит подтверждения.

Представляется, что проф. Клименко и его сторонники поддались свойственной многим ученым естественнонаучного направления привычке подходить к прошлому с современными технократическими мерками: если природа ставит преграды, гордый человек находит в себе силы их преодолевать[1]. Это, кстати, чисто западноевропейский комплекс, возникший во время промышленного переворота XVIII–XIX вв., который позднее прямолинейно выразил в своей известной фразе И.В. Мичурин: «*Мы не можем ждать милостей от природы…*».

В древности, да и в средние века, и это известно широкому кругу обществоведов, существовало иное отношение к природе, основанное на признании ее господства и необходимости существования в гармонии с ней. Аграрный мир, в каком и пребывало человечество до европейских достижений нового времени, не мог иначе[2]. И прогресс в доиндустриальное время обеспечивался именно медленным, стихийным проникновением в суть природных явлений без попыток их изменить. Даже у тех, кто осознавал возможность воздействовать на природу, не было для этого соответствующих ресурсов. Вспомним знаменитое архимедово: «*Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю*».

И лишь когда спустя 2300 лет технического прогресса такая точка опоры появилась (атом?), продвинутое человечество призадумалось: а не пора ли остановиться? Появились экологисты, «зеленые»… Но это уже результат негативного опыта XX в. Да, возможно о силе человеческого духа мечтали и авторы Библии, что указывал и Клименко (см. выше). Но такие мечты свидетельствуют лишь о предвидении древних интеллектуалов. Однако они не вошли в реальную общественную

[1] В серии интервью средствам массовой информации, не сдерживаемый строгими рамками научной дискуссии, профессор Клименко дал полную волю своим фантазиям [http://civilg8.ru/; http://www.ogoniok.com/archive...]. Исторические факты в них подобраны так, что выводы климатолога выглядят весьма убедительно. Интервьюеры-журналисты, естественно, в дискуссии с маститым климатологом не вступали. Напористостью же автор напоминает печально известного акад. Фоменко… С другой стороны, в недавно изданной книге, уже в соавторстве с историком-востоковедом [Коротаев], проф. Клименко вполне обоснованно соотнес сведения о климатических катаклизмах VI в. в Средиземноморье и Аравии с социально-политическими кризисами в Византии и у арабов.

[2] До нового времени поведение людей характеризовалось почти полной зависимостью от окружающей среды. «*До промышленной революции человек продолжал удовлетворять свои потребности в энергии за счет растений и животных: растения давали пищу и топливо, животные – пищу и механическую энергию (...). Можно предположить, что от 80 до 85% энергии, находившейся в распоряжении человечества в любую* эпоху, *предшествовавшую индустриальной революции, давали растения, животные и сам человек*» [Баччи, с. 34].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

практику, а, наоборот, из-за невозможности практической реализации сублимировались в грезы об идеальном и недостижимом на Земле, в религиозные представления.

Таким образом, географический детерминизм в истории человечества присутствует, а в доиндустриальных обществах мог быть и определяющим, так как формировал конкретные формы хозяйственной, а значит, и социальной организации. Но не климатический, как у Клименко и его коллег. Подразумевается весь комплекс географической, природной среды. Изменение климата, в крайнем случае, могло вести к переселению, а катастрофы – к угасанию, но никак не к прогрессу.

Очевидно, историки должны быть благодарны «технарям» за изучение прошлого методами их наук[1]. Но, повторюсь, обобщения и выводы из новой информации должны делать «профильные» специалисты. Заметим, в своих подходах Клименко не одинок. Можно указать и на статьи иных авторов, также связывавших периоды исторической активности с ухудшением климата [см., напр.: Карлин, Самусевич]. Но разбирать их излишне, ибо они в обобщенном виде повторили уже рассмотренные выше некоторые ошибочные выводы Клименко.

Впрочем, при сотрудничестве с историками, где Клименко, очевидно, не выходил за рамки своей научной компетенции, его знания по климатологии позволяли соавторам-историкам, как отмечалось выше, делать весьма интересные и обоснованные выводы [Коротаев и др., 2007; Клименко и др., 2012; 2012а][2].

В исследовании, опубликованном в 2003 г., немецкие ученые – климатолог и социолог, проанализировав сведения о динамике взаимодействия климата и человеческого общества, пришли к выводу о сомнительности климатического детерминизма. Проследив развитие господствовавших многие столетия представлений о том, что климат является одной из определяющих причин человеческого характера они пришли к заключению: теперь достоверна только «*убежденность в том, что климат задает лишь рамочные условия*». При этом, касаясь живучести климатического детерминизма, они ехидно заметили, что «*как и большинство естественных наук, климатология действует, не оглядываясь на собственную историю*» [Штер, Шторх, с. 159–160].

[1] Еще в середине прошлого века математизацию истории и «*анализ отношения социальных феноменов к географическому пространству*» Ф. Бродель рассматривал как долговременную перспективу для исторических исследований [Бродель, 2000, с. 142].

[2] Показательно, что статья проф. Клименко с соавторами 2012 г. появилась в одном сборнике с моим критическим обзором его предыдущих исторических изысканий [Риер, 2012]. Но в том же сборнике помещена и статья коллеги В.В. Клименко, основанная на все той же методе случайного и поверхностного отбора исторических признаков [Голубев]. В итоге построенные ее автором хронологические модели ничего в общественных процессах, а значит и в истории не проясняют. Критический разбор этой статьи выходит за рамки нашей темы, но самонадеянность «технарей» в подходе к истории показательна.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Для объективности, однако, надо отметить, что авторы опирались лишь на материалы не древнее XVII в., когда человечеством, особенно продвинутыми цивилизациями уже был накоплен определенный опыт и появились возможности противостоять природным процессам. В древности и средневековье, действительно, влияние климата могло быть существеннее. Но, как наглядно показал Кульпин в синхронистической таблице природных, хозяйственных и политических процессов в Китае с древности до нашего времени [Кульпин, 1999, с. 255–269], на развитии этой страны климатические тренды практически не сказывались. Очевидно, и об этом шла речь выше, население постепенно приспособилось к конкретным природным условиям и, соответственно выработало специфические способы обеспечения своих жизненных потребностей. В этом умении, вероятно, истоки сохранения устойчивости китайской цивилизации, которой повезло сохранить этнокультурную идентичность на своей изначальной территории и «переварить» всех иноземцев (как, кстати, произошло с японцами и корейцами, но на гораздо меньшей территории) [http://inosmi.ru/world/...]. Зато связь хозяйства Китая с демографией и общественно-политическими процессами в указанной таблице – явная. Это уже, однако, другой сюжет.

Как пример корректного использования климатических данных можно привести исследование о северной части знаменитого пути «Из Варяг в Греки». Для реконструкции освоения отрезка этого пути между оз. Ильмень и Верхним Подвиньем петербургские исследователи – археолог И.И. Еремеев и палинолог О.Ф. Дзюба проанализировали климатические изменения региона в I тыс. н.э., использовав, прежде всего, палинологические данные[1], отметив при этом, что «*современная палеография не дает прямых ответов на вопрос о климатах прошлого*» [Еремеев, с. 428].

Тем не менее, сопоставив исторические и природные индикаторы, они установили, что, в целом, вторая половина I тыс. была характерна потеплением с постепенным нарастанием увлажненности [Еремеев, с. 386]. Ссылаясь на исследования климатологов, они констатировали, что к началу новой эры и до конца III в. температурные показатели были выше современных на 1 градус. Затем, в начале IV в. отмечается существенное похолодание (в среднем на 0,5 градуса) с усилением количества осадков (на 25–50 мм). Но в течение IV в. в регионе теплеет почти до прежнего уровня и уменьшается влажность, что позволило жителям вводить в оборот пойменные земли. Однако примерно к началу VI в. отмечено новое существенное похолодание. Затем – новое потепление с падением увлажненности, что привело к максимальному

[1] Палинология изучает пыльцу и споры растений.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

во второй половине I тыс. высыханию пойм рек в регионе и хозяйственному подъему. Около VII в. произошла регрессия (усыхание) водоемов, что отразило засушливость климата, следствием чего было появление в поймах рек лесов. В VIII в. началось увлажнение и, как следствие, возвращение пойм в хозяйственный оборот – отмечена их распашка. К началу IX в. начинается новое похолодание с повышением увлажненности, что усугубило культурно-исторический кризис VIII–IX вв. С начала X в. отмечается новый подъем температуры и колебания увлажненности. Постепенно среднегодовые температуры повышаются выше современных – и в регионе начинается известный средневековый климатический оптимум [Еремеев, с. 356–357, 429].

Авторы подчеркивают, что прослеженные колебания получены лишь по данным одного разреза и не являются окончательными, особенно по хронологии, и дополняют их наблюдениями за годовым стоком Днепра в I – начале II тыс. Отмечена сухость I–VI вв. С середины VII в. начался рост влажности. В X в. число влажных лет возрастает на фоне роста температур. Сходная картина отмечена и на Волге. В Карелии и западном Прионежье II–III вв. характерны теплым и сухим климатом (на 1–1,5 градуса выше нынешних). Около IV–VI вв. отмечено похолодание с некоторым сокращение осадков, затем – новое потепление после VI в. и похолодание около VIII–IX вв. с последующим общим потеплением. В Эстонии похолодание отмечено во II в., потепление в III–IV вв., значительное похолодание на рубеже V–VI вв. со значительным увлажнением. После этого отмечается постепенное потепление, прерванное резким похолоданием около VIII в., а затем – резкое потепление с рубежа X–XI вв. [Еремеев, с. 430–432].

При этом автор замечает, что «современная палеография не дает прямых ответов на вопрос о климате прошлого, либо апеллирует (порой весьма произвольно) к данным археологии и историческим источникам, либо, наоборот, их игнорируя» [Еремеев, с. 428].

Анализируя влияние климатических колебаний на хозяйство и социальное развитие населения изучаемого региона, Еремеев не склонен его драматизировать. Похолодания, хотя и были значительными, но не катастрофичными для населения. При понижении влажности земледельцы вводили в оборот подсыхавшие при регрессии водоемов поймы. Хуже было, когда трансгрессии приводили к затоплению пойм, как это наблюдалось по материалам VIII–X вв. Но и указанное увлажнение не достигло современного уровня водоемов, о чем свидетельствуют материалы раскопок поселений и могильников. И, подводя итог, автор замечает, что именно потепление способствовало общему подъему уровня жизни населения. Оптимальные условия сложились в VIII–IX вв., «*когда уровень грунтовых вод и количество осадков все еще*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

позволяли населению обрабатывать легкие и плодородные пойменные почвы, освоение которых началось в предшествующую эпоху». При этом «*реки, на берегах которых в VI–VIII вв. можно было лишь рыбачить, в конце IX–X в. превратились в водные магистрали…*» [Еремеев, с. 433–434].

Ниже предлагается график, сделанный на основе приведенных Еремеевым описаний климатических колебаний в регионе на протяжении I тыс. н.э. (рис. 26):

Рис. 26. Как видно, основной график (сплошная линия) почти идентичен графику К.Р. Бриффы и Т.Дж. Осборна из презентации Р.С. Брэдли [Bradley R.S. Climate of the Last Millennium // Holocene Working Group Workshop, Bjerknes Centre for Climate Research, August 2003. Fig.1; http://stephenschneider.stanford.edu/Publications/PDF_Papers/Bradley.pdf] (см. выше, рис. 13) и близок соответствующему отрезку из графика Р.А. Мюллера [http://muller.lbl.gov/pages/iceagebook/history_of_climate.html. Fig. 1-2] (см. выше, рис. 12). Но не совпадает с графиками Клименко, которые, соответственно, отличаются от графиков по Брэдли и Мюллеру

Сравнительные данные с других мест Восточной Европы при совпадении с общим трендом тысячелетия, не столь выразительны, что подтверждает замечание Еремеева о недостаточной точности климатических данных из-за малого набора исходных материалов, которые надо накапливать.

Поскольку данные Еремеева и Дзюбы основаны на локальных измерениях и относятся к конкретному региону, они, естественно, точнее обобщенных построений. Тем удивительнее их близость генерализованным графикам вышеуказанных американских исследователей.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Надо заметить, что обращение к истории климата для Еремеева и его соавтора Дзюбы было вызвано стремлением лучше понять процессы расселения и освоения региона в I тыс. Оно продемонстрировало умение населения приспосабливаться к погодной нестабильности, при лучшей динамике именно в наиболее климатически благоприятные годы.

Хронология сложения варварских государств во многом обуславливалась так же численностью населения, которое было в состоянии обеспечивать свои элиты. А население это концентрировалось в географически наиболее благоприятных местах. Общая численность населения основных варварских королевств и динамика его роста представлена ниже (рис. 27-28):

Рис. 27. Плотность населения Западной Европы в эпоху Поздней Римской империи [Самаркин, 1976, с. 87].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 28. Население основных западноевропейских стран в средние века [История Европы. Т. 2. М. 1993. Гл. 2]

Но более показательна оценка плотности населения (рис. 28):

Рис. 29. Современная среднеянварская температура и плотность населения в лесной полосе Европы к концу I тыс. н. э.
(Цифры означают плотность населения на 1 кв. км). [Риер, 2006а. с. 69; Баччи, с. 34; История Европы, гл. 2; Самаркин, с. 87]. Линия от устья Эльбы на севере до Венецианской лагуны на юге обозначает границу между положительными (к западу) и отрицательными (к востоку) средними температурами в январе (*январская изотерма*)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

На рис. 29 наглядно проявляется зависимость плотности населения от климата. Грань между положительными и отрицательными температурными значениями января, пролегающая чуть восточнее Рейна, демонстрирует прямую демографическую зависимость от температурного режима[1]. Наибольшая плотность населения к концу I тыс. (более ранних данных мы не нашли) была в плюсовой для января области, где во второй половине I тыс. возникло франкское государство, затем первая в средневековой Западной Европе империя, власть которой распространилась и на область с минимально отрицательными январскими температурами – современные немецкие земли к востоку от Рейна. Далее на востоке, в условиях нарастания более континентального климата и более низких температур, плотность населения снижалась.

Показательно сопоставление климатических колебаний с процессами заселения и освоения территории Центральной и Восточной Европы в средние века (рис. 30):

Рис. 30. Климат и заселенность
в Центральной и Восточной Европе с VI по XV в.
(Плотность штриховки означает интенсивность процессов [Риер, 2008, с. 10])
I – температура, 2 – уровень влажности, 3 – расселение в восточнославянских землях, 4 – расселение в западнославянских землях, 5 – расселение в древнегерманских землях; а – теплый период, б – холодное время, в – засушливые века, г – периоды с повышенной влажностью, д – динамика расселения заселенности

Как видно на схеме, именно благоприятные погодные условия способствовали росту населения и, соответственно, освоению территорий.

1 Учитывая, что температурные колебания последних тысячелетий не выходили за пределы двух градусов (см. графики Мюллера и др.), очевидна допустимость применения современных данных о январской изотерме к рассматриваемому времени, что делают практически все исследователи.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Во всех трех выделенных регионах (пункты 3-5 на схеме) динамика расселения нарастала по мере повышения средних температур и достигла максимума во времена «климатического оптимума» X–XII вв. Именно в это время в Западной и Центральной Европе происходили массовые расчистки лесов под пашню (внутренняя колонизация). В Восточной Европе, где в условиях большей континентальности климата погодный оптимум был менее выражен и плотность населения была меньшей, эти процессы также отмечены меньшей интенсивностью, но все равно достаточно выражены (см. также врезку на рис. 24) [Риер, 2008, с. 9–23].

С приведенными показателями вполне коррелируется и наблюдение над временем появления государственности в средневековой Европе (рис. 31)[1]. Даже без детализации здесь четко видна зависимость времени сложения государств от демографических показателей, которые, в свою очередь, прямо были связаны с климатическими. Безусловно, для качества жизни, соответственно, динамики хозяйственного и социального развития играли роль и другие географические составляющие: почва (прежде всего), рельеф, растительность. Но именно климат, определявший длительность аграрного года, был ведущим.

Рис. 31. Начало формирования государственности у европейских варваров в лесной полосе

[1] Подробнее об этом – далее.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Существенным, представляется, было и влияние географической среды на жизнь основных западноевропейских варваров раннего средневековья – древних германцев в местах их первоначального обитания: Южной Скандинавии и в низовьях Рейна – Эльбы – Одера. Регион характерен мелкоконтурностью и расчлененностью большей части сельскохозяйственных угодий: небольшими долинами, окруженными каменистыми залесенными возвышенностями в Южной Швеции, невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин в приморских землях.

Такие ландшафтные условия, а также умеренный климат способствовали раннему разделению общинных угодий на постоянные семейные наделы. Отдельные свидетельства тому отмечены уже во второй половине I тыс. до н.э. (в Ютландии – с III в. до н.э.) [История крестьянства, 1985, с. 112; Монгайт, с. 331–334; Гайдар, 2005, с. 168–169]. Так сложился скандинавский *одаль* – наследственное семейное земельное владение. В процессе расселения на континенте, при соприкосновении с римскими порядками, у германцев оформился *аллод* – тот же одаль, но уже с правом отчуждения от общин[1]. Примечательно, что в Юго-Восточной Прибалтике, у балтов, где были сходные ландшафты, тоже сформировалась система хуторов и наследуемых семьями угодий (*одальное право* – по Э. Гудавичюсу) [Гудавичюс, С. 29].

Представляется, что **известная специфика германской общины, ее рыхлость, имеют именно природную обусловленность**. Так же как и такая характерная черта древнегерманского общества, как эгалитарность, отсутствие значительной роли военных вождей, которые стали появляться лишь под римским влиянием, в процессе расселения и завоеваний [Селицкий]. Еще в XIX в. известный русский историк С.М. Соловьев писал, что именно географические и природно-климатические особенности Западной Европы объясняют «*блестящее развитие*» ее народов и «*их доминирование над другими народами других частей Земли*» [Соловьев, с. 8]. Такую концепцию обычно называют географическим детерминизмом, за что и критикуют [см., напр.: Уткин, с. 41].

Но уже то, что в других природно-климатических условиях западная модель не прививается, свидетельствует в пользу существенной роли данного фактора. Современные исследователи обратили внимание на то, что в I тыс. до н.э. у западноевропейских индоевропейцев исчезли те черты единоличной власти, с которыми они пришли на этот

[1] *Аллод* – отчуждаемое земельное владение, передаваемое по наследству. *Одаль* – неотчуждаемое наследуемое земельное владение, но не индивидуальное, каким мог быть аллод, а родовое [Лебедев, 2005, с. 135–166; Мельникова, с. 159]. А.Я. Гуревич, однако, отмечал, что «*земельная собственность, обозначавшаяся у франков термином «аллод», у скандинавов именовалась «одалем»*», отцовским наследием [Гуревич, 2006, с. 30–32]. Четко, хотя и для более позднего периода, *аллод* был назван землей, свободной от ленных повинностей [Дэвис, с. 229].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

континент [Селицкий, с. 74]. Нет ли в этом природно-географических, ландшафтных и климатических причин, позволявших общинам быть более самостоятельными и независимыми?

Показательно сопоставление с аналогичными процессами, происходившими в раннем средневековье у восточных соседей германцев – славян. Также как и германцы, владея навыками подсечно-огневого земледелия, они, однако, расселялись не только на благодатный юг, но и в лесные северо-восточные края, где их хозяйство не совершенствовалось римским опытом. К тому же здесь, на слабо члененных равнинах было мало естественных преград для создания локальных, строго очерченных хозяйственных угодий на одну семью.

Континентальный климат Восточной Европы с более коротким, чем на западе, аграрным циклом, способствовал консолидации общинных связей, круговой поруки и взаимопомощи в ней. **Индивидуальные крестьянские хозяйства не превращались, как на западе, в самостоятельные ячейки.** Незначительный избыточный продукт крестьянского труда, который могла отчуждать появлявшаяся с VII–VIII вв. знать [Риер, 1988; 2000, с. 170–173, 179–183, 192–194], можно было собирать лишь консолидированной дружиной[1]. В таких условиях не формировалась индивидуальная хозяйственная самостоятельность и личные свободы.

Дружинники не оседали на земли и оставались в личном услужении князей без прав на личные наделы. Вассально-ленные отношения западноевропейского типа, гарантировавшие определенные права низшему слою правящего сословия, на востоке не сложились [Риер, 1996; 2003, с. 58–69, 65–72].

Впрочем, будущие восточные черты русского государства не были детерминированы. Галицко-волынские князья, затем и правители ВКЛ вполне воспринимали и западные феодальные порядки. Но монгольское нападение повернуло большинство древнерусских земель к восточной модели [Риер, 2003, с. 61–97][2]. Помимо разорений, опасность набегов породила деспотическую власть, аналогичную государствам классического Востока.

Другим следствием соседства с кочевым миром был постоянный отток восточнославянского населения в слабозаселенные из-за густых лесов и сурового климата северные и восточные земли, охвативший огромный хронологический отрезок в 700 лет (с конца XIII до второй половины XX в.). Наличие обширного массива резервных земель на востоке наложило серьезный отпечаток на всю российскую цивилиза-

[1] Вспомним древнерусское полюдье и, особенно, колоритную историю с повторным сбором дани князем Игорем у древлян.

[2] Подробнее об этом далее – в Очерке о становлении государственности в Восточной Европе.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

цию – приучило ее население к экстенсивному развитию и неумению тщательно возделывать окружающее пространство, как это научились делать в иных природных и демографических условиях западные европейцы, в том числе и западные славяне.

Выводы.

1. Помимо географической зональности, определившей особые пути развития государств Востока и Запада, существенное влияние на историю оказывали климатические колебания. Установленная в прошлом веке погодная, температурная изменчивость позволила уточнить специфику и характер развития человеческой истории.

2. На основе сочетания достижений природоведов и историков были рассмотрены географические особенности Европы, повлиявшие на развитие ее населения за пределами античных государств. Сочетание географической специфики, характера и хронологии климатических колебаний породили германское расселение, формирование особого типа германской хозяйственной и социальной системы с индивидуальным землепользованием, общиной-маркой и дружинной организацией.

Итак, в основе различий исторических судеб европейских народов – природные особенности континента.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 4

О НОВЫХ МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ПРОДУКТИВНОСТИ

Естественнонаучные методики изучения истории: их сильные и слабые стороны. Проблемы исторического моделирования на примерах исследований П.В. Турчина. Историческая цикличность в концепциях С.А. Нефедова и В.И. Пантина. Историко-природоведческие изыскания Э.С. Кульпина. Различия в понимании исторических процессов у историков и природоведов.

Анализ новых методик в изучении влияния природной среды на историческое развитие в предыдущем Очерке продемонстрировал сложности в соединении подходов историков и природоведов. Но проблема шире и касается она вообще применения естественнонаучных методов в исторических исследованиях. Уже отмечалась основная проблема историков – ограниченность источников, неполнота фактического материала. Лакуны в фактах вынужденно заполняются силлогизмами, толкованиями, мнениями, что открывает простор для субъективности в выводах.

Природоведам, привыкшим к определенности, к материализованным фактам, а не к сообщениям о них, с чем приходится иметь дело историкам, традиционные исследовательские методы последних представляются явно недостаточными. «*История, понимаемая как “наука о мнениях“ или даже как “наука о фактах“,… допускает произвольное препарирование, многократное переписывание, “подсезонивание“ и аранжировку различных событий прошлого “на злобу дня“*» [Малинецкий, с. 13]. Особенно это относится к идеологизированным обществам, в которых манипулирование прошлым позволяет решать текущие политические задачи. Подобные упреки историкам часто приходится слышать от представителей естественных наук.

В результате те из «технарей» («физиков», если исходить из их известного противопоставления «лирикам»), кто озабочен общественными проблемами и вообще интересуется прошлым, сами обращаются к анализу исторических процессов. Иногда это делается путем непосредственной интерпретации исторических фактов и построения соответствующих концепций, что проявилось в вышеописанных концепциях проф. Клименко. Но чаще профессиональные навыки теоретических обобщений природоведов ведут их к наиболее близкой истории, но обобщающей науке об обществе – социологии. Именно через нее про-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

исходит приобщение к историческим фактам, и делаются соответствующие выводы.

Начало такого подхода восходит, пожалуй, еще к упоминавшемуся выше Н.Я. Данилевскому, естественнику по образованию и первоначальным научным интересам, чей труд «Россия и Европа» (написанный в 1868 г., в т. ч. по следам Крымской войны и начавшегося объединения Германии) в контексте событий последних десятилетий пережил второе рождение. Собственно, в середине XIX в. социология еще только зарождалась. К нашему времени она уже обросла собственной методикой, через статистику связанной с математикой, что, во-первых, повышает ее точность, а во-вторых, делает понятной и близкой «технарям». Именно через «сито» социологов природоведы и математики получают и анализируют основные исторические материалы, как это ярко проявилось в творчестве биолога П.В. Турчина, посвятившего несколько изданных в последнее пятнадцатилетие книг о методах и способах применения статистических методов при изучении истории. Наиболее полно его идеи изложены в книге о *клиометрии*. Так он обозначил способ исторических исследований с применением математической статистики [Турчин].

Книга эта за три года выдержала два издания, что отражает ее актуальность. В ней автор опирается на обширный литературный багаж из более 330 наименований. Но работ собственно историков в нем чуть более 30. Остальные – сочинения антропологов, этнологов, демографов, социологов (в большинстве) и математиков. Их выводы, концепции и теории, на которых основывается и Петр Валентинович Турчин, в конечном счете опираются на конкретные исторические изыскания. Особенно это относится к социологам, которые в анализе современных общественных процессов выступают, по сути, интерпретаторами истории. То есть, применяя язык наших студенческих лет, автор опирался не столько на первоисточники, сколько на обобщения из них. Подробный анализ книги нами уже опубликован [Риер, 2014]. Здесь ограничимся рассмотрением того, что относится к проблематике данных Очерков.

Итак, книга, представленная как учебник, структурирована весьма корректно по отношению к читателю. Математические материалы предваряются и завершаются развернутыми словесными пояснениями, суммируются в обстоятельных, но четких выводах. Добрых слов заслуживает проявленная в тексте эрудиция автора, его остроумные замечания по поводу отдельных исторических событий и фактов.

Представляя методику своего исследования, автор декларирует понимание сложности исторических процессов. «*Для объектов исторического анализа характерны сложные обратные связи. Они не могут быть полностью проанализированы на качественном уровне, по-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

этому количественный анализ и математическое моделирование – ключевой компонент в этой исследовательской программе. Другим важным компонентом является использование статистических методов для сравнения предсказаний, полученных на основе построенных моделей, с наблюдаемыми процессами. Этот общий подход оказался очень успешным в естествознании. Не может ли он стать инструментом и в расширении нашего понимания исторических процессов?» [Турчин, с. 34] . И вот здесь сразу возникает вопрос об адекватности такого подхода к историческим реалиям. Ведь поведение людей в силу наличия у них абстрактного мышления, порождает действия сложные, порой непредсказуемые, если исходить не только из законов природы, но и логики. На поведение и индивидуумов, и, тем более, обществ, влияет такое обилие внешних факторов, которое невозможно встроить в строгие алгоритмы. Полагаю, справедлива мысль: «*Математика способна описать траекторию невидимых частиц, но не способна выразить на своем логическом языке изменения человеческого сознания в разные моменты жизни*» [http://www.novayagazeta…][1].

Автор ставит ограниченную задачу: «*Мы рассматриваем вопрос, почему территории некоторых государств в какие-то периоды увеличиваются, в то время как в другие периоды сокращаются?*». Для этого анализируются доиндустриальные общества. «*Рассмотрение аграрных обществ мотивируется большим объемом эмпирического материала (примерно с третьего тысячелетия до н.э. до 1800 года н.э.) и относительной простотой этих обществ по сравнению с современными*». И здесь как медиевист не могу согласиться как с утверждаемым обилием эмпирического материала, особенно для древних и средневековых времен, так и с мнением об относительной простоте этих обществ.

Хотя автор и признает, что общество — открытая система: на него воздействуют внешние силы, другие общества, окружающая среда, а индивиды обладают свободой воли. Поэтому «*физические подходы, доказавшие эффективность в случае простых систем, терпят неудачу в приложении к истории*» [Турчин, с. 38]. Но «естественник» в нем берет верх.

Рассматривая исторические примеры действий больших социальных групп, автор опирается на арабского мыслителя XIV в., а, возможно, одного из первых социологов, Ибн Халдуна. Турчин использует халдуновский термин *асабия* («способность группы к коллективному действию» [Турчин, с. 285]). С учетом современных представлений, у Ибн Халдуна речь шла о социально-политических объединениях, связанных с отношением к власти-собственности (по определению Л.С. Ва-

[1] Подробнее см. [Тош, с. 233–240].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сильева). Эти группы, с учетом средневекового исторического контекста, когда сложилась наследственность определенных прав и обязанностей, обычно называют сословиями. Но Турчин упорно именует их группами, чем вносит некоторую путаницу в терминологию. Анализируя действия этих групп, автор, по сути, анализирует исторический процесс.

Постепенно от общего анализа автор переходит к историческим примерам. Их в книге много, учитывая хронологический диапазон работы Турчина. Здесь ограничимся, как отмечалось, теми из них, которые ближе к тематике наших Очерков.

Сопоставляя особенности Севера и Юга Италии, автор, ссылаясь на исследования социологов, выделяет ведущую, как ему кажется, причину появления мафии на Юге: «*Отсутствие межличностных связей, доверия и сотрудничества на Юге ведет к неэффективности и коррумпированности местной власти. Напротив, Север обладает много бо́льшим уровнем общественного доверия, и, соответственно, более эффективным правительством на местном уровне… Сицилийская мафия могла возникнуть как реакция на отсутствие доверия в Южной Италии… Недоверие – критическое различие, которое объясняет, почему мафия не появилась в других частях Средиземноморья*» [Турчин, с. 88].

Но в этих рассуждениях выделен лишь один аспект. Тогда как мафия появилась в определенной исторической обстановке и в конкретное, кстати, время, чего автор вообще не принял во внимание. А это был XIV в. с драматичными социально-политическими процессами на юге страны – внедрением там довольно жестких и отсталых для региона арагонских аграрных порядков. Крестьянство обезземеливалось и выталкивалось в разбой, а земельная аристократия научилась использовать появившиеся банды в своих интересах. Это система наложилась на первобытные традиции групповой солидарности, особо сильные у сицилийских горцев и просуществовала до нашего времени. На Севере обстановка была куда более спокойной и лояльной для крестьян, избыток которых мог поглощаться бурно развивавшимися, самыми передовыми и свободными в тогдашней Европе городами. Так что в приведенном отрывке правильнее было бы поменять местами причины и следствия. Отсутствие межличностных связей, доверия и сотрудничества на юге – следствие изначальной коррумпированности власти из-за ее зависимости от местных землевладельцев, что было следствием существовавших феодальных порядков, присущего феодализму сочетания власти-собственности. На Севере же сформировалась городская буржуазная политическая культура с институтами гражданского общества.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очевидно, при обращении к конкретной истории надо опираться на общий контекст, что социологами, а, тем более, естественниками осознается далеко не всегда из-за, рискну предположить, недостаточного владения материалом и, соответственно, историческим инструментарием. То же замечание можно отнести ко многим последующим сюжетам и рассуждениям Турчина.

Анализируя *асабию*, автор рассуждает о «*квазидобровольном согласии граждан платить налоги», что «делается добровольно, потому что налогоплательщики предпочитают оплату, а не бегство от налогов (то есть такое поведение не является рациональным или эгоцентричным). Это квазидобровольное поведение, потому что налогоплательщики будут платить только пока они убеждены, что те, кто попытается избежать налогов, будут наказаны. Никто не хочет быть "лохом"*» [Турчин, с. 91].

Остроумно, но неисторично. Во-первых, о терминах – о *гражданах* вести речь допустимо только в демократических обществах, каковыми большинство древних и средневековых аграрных – объектов авторского анализа – не было. Во-вторых, налоги, в отличие от даней, вырастали из добровольных подношений в самих общинах успешным предводителям в благодарность за их удачное (для общины, рода, племени) правление. Об этом, как отмечалось выше, четко писал в своей «Германии» известный римский историк и публицист I в. н.э. [Тацит, гл. 15]. Затем, в процессе укрепления власти правящих элит налоги становятся обязательными, для собирания которых формируются особые нормы и специальный аппарат, что, собственно, и положило начало образованию государств.

Далее Турчин рассматривает историческое развитие на примере созданной им модели абстрактной империи. «*Новая империя первоначально управляется высокосолидарной элитой, которая достигает успеха в поддержании внутреннего мира (война переносится к границам). В результате плотность популяции в центре увеличивается до пределов… Жители центра империи защищены от внешних угроз, но им приходится конкурировать между собой в борьбе за ресурсы, и в итоге совокупного действия этих факторов асабия в центре империи начинает снижаться. Этот процесс, вероятно, занимает долгое время… Тем временем запускается новый цикл этногенеза в пограничной зоне – он также протекает достаточно медленно. В конечном счете, рождается новая этния*[1] *(или несколько этний), которая положит конец старой империи, и цикл начинается снова*».

[1] *Этния* у автора – этническая группа довольно большого масштаба, соответствует нации или национальности. Но зачем множить сущности? В русскоязычной литературе обычно употребляют термин – *этнос*. Автор усложняет понятия.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Это – один из ключевых выводов автора, названный им «теория межэтнического пограничья». Но, это давно известно историкам, причем на конкретных примерах, особенно для стран Востока.

Но, главное, созданная модель получилась предельно обобщенной и усредненной принципиальной схемой. Это напоминает о когда-то увиденной еще в школьном учебнике физики схеме цепной ядерной реакции – все понятно, но по ней бомбу и реактор не построить (к счастью). Для представлений об общих закономерностях исторического процесса такие обобщения достаточны и правомерны. Но автор на этой основе стремится выработать основу для прогнозов общественного развития. Однако прогнозирование будущего человечества – дело весьма сомнительное.

Турчин признает, что «*мы имеем дело с динамическими системами, и интуиция, основанная на качественном рассмотрении, может ввести в заблуждение. К примеру, существует вероятность того, что если мы трансформируем сделанные предположения в математическую модель, то получим не ожидаемые циклы взлета/упадка, а иную динамику. Таким образом, мы должны удостовериться, что наше рассуждение верно*» [Турчин, с. 109–110]. Тут все обоснованно, но посмотрим, как это у автора получится при столь обобщенном подходе.

Он пишет: «*Один из ключевых периодов в жизни государства – его начало. Чтобы государство могло расшириться, асабия его этнического ядра должна, так или иначе, превзойти асабию окружающих этнических групп. Процесс, увеличивающий асабию группы и направляющий ее на строительство и расширение государства, – этногенез*» [Турчин, с. 122–124]. Если заменить *асабию* на принятое среди историков понятие *сословие* (в данном случае – верхи, знать), то получается, что в основе государствообразования лежит этническое развитие. Один народ возвышается над соседями и их подчиняет. Однако историкам это известно и без всякого моделирования!

Но далее еще интереснее. «*Есть основания полагать, что развитие Европы отличается от развития остального мира только после 1800 года*» [Турчин, с. 125]. Совершенно не так! Как отмечалось, уже с античных времен в Европе, сначала Южной, потом, в средние века – Западной – сложился свой особый уклад, основанный на общественно признаваемой частной собственности, чего в остальном мире не было. Причинам появления и результатом этого феномена посвящена обширная литература[1]. После такого ошибочного суждения и дальнейшие выводы автора [Турчин, с. 126–127] не убеждают.

Серьезные претензии можно предъявить к представленной в книге карте культурно-географических областей Европы [Турчин, с. 127–128,

[1] См.: [Риер, 2003; Риер, 2006]. Там приведена и основная литература.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рис. 5.1]. Автор попытался отразить на ней две тысячи лет европейской истории (1–1900 гг.). Но ведь «нельзя объять необъятное»! В итоге на карте представлены образования, существовавшие в совершенно разные периоды времени. Чтобы карта работала, ее надо было разбить на хронологические отрезки. В представленном виде она не только не придает наглядности, но искажает историю Европы.

Оригинальна характеристика Византии. «*Византийская империя представляет собой историческую загадку, формулируемую так: почему Восточная Римская империя пережила крах Западной и затем процветала еще тысячелетие?*» [Турчин, с. 133]. Но эта «загадка» раскрывается в любом учебнике.

Завершая анализ истории становления раннесредневековых государств автор отмечает, «*что результаты рассмотрения Европы в течение I тысячелетия подтверждают пограничную модель. Статистический критерий указывает, что имеется высокая степень корреляции между пограничьем и происхождением больших государств*» [Турчин, с. 135]. Этот аргумент лишь дополняет то, что историкам известно и без специальных моделей. И далее. «*Как можно заметить, общая картина согласуется с прогнозами граничной модели. Все великие державы (Англия, Кастилия-Испания, Франция, Бранденбург-Пруссия-Германия, Австрия, Литва-Польша, Византия, Османская империя и Московия-Россия) произошли из областей, испытывавших сильное влияние пограничий. Также интересны области, которые никогда не испытывали влияния интенсивных пограничий*» [Турчин, с. 138]. А, может, все было наоборот? В раннем средневековье, откуда родом все указанные государства, границы были подвижны и находились практически везде. Те образования, которые в силу многих внутренних и внешних причин, оказывались успешными в своей экспансии (Франция, Англия в рамках своего острова, Византия в пору расцвета, позднее османская Турция, ВКЛ, Московия) постоянно толкали перед собой границы как суда волны. Вот и получалось, что там, где успешные экспансии, там и границы. Иными словами, **границы – следствие, а не причины возникновения великих держав!** А в итоге, аргументы автора вполне приемлемы по принципу: «то же яйцо, но вид сбоку». Историкам они ничего не открывают.

А в итоге сам автор делает действительно бесспорный вывод: «*С таким множеством исключений маловероятно, что позиционное преимущество смогло бы объяснять историческую динамику Европы. В лучшем случае это был фактор вторичного значения*» [Турчин, с. 140]. То есть автор выбрал второстепенный признак. Как видно из дальнейшего изложения, вне поля зрения исследователя оказался такой существеннейший пласт исторических процессов, как социально-экономические отношения, лежавшие, как и природа, в основе генезиса государств.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Отдельная глава посвящена этническому развитию и его математическому анализу. Начинается она с неточностей. «*Одно из определений империи – это государство, включающее более чем одну этнию*» [Турчин, с. 144]. Тогда почему везде в книге к империям относится государство Меровингов (не очень прочное объединение одних только франков)? Мелочь? Но ведь в «точных» науках ошибка в любом элементе искажает результат. А здесь автор, помимо постоянных допусков, просто невнимателен к применяемым терминам. Затем: «*Главная цель этой главы состоит в разработке моделей этносоциальной динамики. Мы назовем такие модели этнокинетическими, потому что математически они очень похожи на модели химической кинетики*» [Турчин, с. 145]. Не упрощение ли? Хотя далее: «*Очевидно, предположение о двух отдельных этниях с индивидами, производящими мгновенное переключение между ними, – это большое упрощение действительности. Однако для некоторых исторических примеров эта простая модель может дать неплохое приближение*» [Турчин, с. 146]. Но если *действительность упрощается*, то это уже не реальная история, а абстрактная схема, в которой нет жизни.

Признавая это, автор допускает возможность «*модифицирования*», т.е. корректировки моделей при их сравнении с известными историческими событиями. Но тогда для чего эти модели нужны? Ведь во введении автор пишет о них как основе для прогнозирования. В итоге исторические прогнозы получатся столь же точными, как и погодные. Современный английский историк Джон Тош мудро заметил «*непрерывность процесса исторических изменений означает, что будущее всегда отчасти определяется действием дополнительных факторов, чье появление и воздействие на рассматриваемую проблему мы не в состоянии предсказать*». И далее: «*Каждая историческая ситуация является уникальной в том смысле, что конкретная конфигурация причинных факторов не может повториться в точности*» [Тош, с. 44, 161][1].

В отдельной главе автор представляет структурно-демографическую теорию. В построении математических моделей появляются непривычные гуманитарию допущения (предположим, что…) [Турчин, с. 176–182]. Впрочем, демография, вернее ее статистика предоставляет вполне приемлемые основания для моделирования. Но, только, если речь идет о количественных данных. «*Если ресурсы в расчете на одного крестьянина превышают некоторый порог, то численность крестьян увеличивается. С другой стороны, если изымается слишком высокая доля продукции, то численность крестьян уменьшается*» [Турчин, с. 184].

[1] С указанным сочинением особенно полезно было бы ознакомиться начинающему историку.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Однако все сложнее. В традиционных обществах (аграрные, которые рассматривает Турчин, относятся именно к таковым) размеры семей, особенно крестьянских, регулировались, прежде всего, уровнем смертности, особенно детской («больше умерло, чем выжило», как вспоминала русская купчиха в конце XVIII в.). Отсюда, вплоть до промышленной революции XVIII–XIX вв. (и то только в Западной Европе) средняя продолжительность жизни не выходила за пределы 30–40 лет. Население, даже в спокойные годы росло стабильно медленно, а катаклизмы – эпидемии, войны, стихийные бедствия – провоцировали демографический регресс куда сильнее, чем материальный уровень семей [Риер, 2006, С. 91–124].

И далее на той же странице: «…*увеличение численности элиты позволяет отчуждать у крестьян бóльшую долю продукции, способность отчуждать ресурсы подвержена закону уменьшения отдачи, так что душевой доход элиты уменьшается с ростом ее численности*». Опять же все сложнее: с ростом элиты растет нажим на крестьян и далеко не всегда он ограничивался реальными возможностями последних. При этом, помимо роста «потребностей желудков» знати часто добавлялись поборы на обеспечение иных ее надобностей – на те же войны. Есть масса примеров в истории, когда власть, чтобы удержать под контролем собственную знать, вела в ее пользу завоевания, что, естественно, тоже провоцировало нажим на податное население, прежде всего, естественно, на крестьян. Все это намного осложняет задачу построения математических моделей.

И еще все там же. «*Если душевые ресурсы элиты велики, то она растет путем самовоспроизведения и пополнения из среды простых людей*». Но для средневековой Европы, например, **такой способ пополнения элиты был невозможен из-за строгой сословности**: разбогатевший крестьянин и даже горожанин не мог, как правило, стать дворянином (кроме Англии с ее новым дворянством после XII в.). Объяснения же автора, а, значит, и его модели даются вне исторического контекста, то есть научно некорректны.

То есть реальная история много сложнее схем. А раз так, то, еще раз: для чего эти схемы? И хотя Турчин демонстрирует неплохое понимание исторической литературы и соответствующую эрудицию, в итоге его исторические познания недостаточны для выводов в рамках этой науки. Как, кстати, и мои познания в математике. Поэтому текстов с формулами я не касаюсь…

Потому же выводы о вековых циклах в истории не выглядят убедительными. Среди историков одни, хоть и с оговорками, их признают, например, Ф. Бродель. Другие относятся к ним скептически [Ле Руа Лядюри, с. 217–223]. Да и у Турчина: «*Модели, основанные на структур-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

но-демографической теории, предсказывают колебания с периодом между одним и тремя столетиями в зависимости от значений параметров и структуры модели. Этот теоретический результат дает более твердую базу для предсказания периодов колебаний» [Турчин, с. 213]. Если колебания в периодичности циклов достигают 2-3 столетия, то где закономерность? И тогда, опять, в чем суть модели?

Адекватно оценивая возможности и проблемы археологии [Турчин, с. 222], автор рассматривает результаты заселенности по раскопкам поселений – метод, широко используемый (я тоже его применял – [Риер, 2000, С. 18–96]) и позволяющий выстраивать соответствующие графики, в которых автор упорно ищет циклы [Турчин, с. 225], т.е. столь привычный «технарям» алгоритм, приемлемый для моделирования. Но в разных примерах и цикличность в итоге разная. Потому автор, следуя уже исторической логике, вводит новую переменную – политическую нестабильность [Турчин, с. 226–229], анализ которой приводит его к банальному выводу – влияние наличествует и оно взаимообразно. Кто ж это оспаривает? В замкнутых цивилизациях, лишенных постоянных внешних воздействий, модели Турчина как будто работают, но в более сложной Европе цикличности нет!

Научная добросовестность автора требует рассмотреть европейскую историю. Вполне обоснован выбор двух крайних регионов – Франции и России [Турчин, с. 231 и далее]. Но временной отрезок в 2 тыс. лет настораживает: о Франции как особом явлении, развивавшимся по единой парадигме, можно вести речь, с натяжкой – с V в., но более обосновано – лишь с XI в., а о России – не ранее XIV–XVI вв. Корректно ли сопоставление?

Есть и конкретные неточности. Например. «*Почему норманны ассимилировались так быстро (за два столетия), в то время как ассимиляция бретонцев потребовала больше тысячелетия?*» [Турчин, с. 234]. За ответом автор обращается к социологическим теориям. А не проще ли посмотреть на этнос тех и других. Бретонцы – потомки островных бриттов, т.е. кельты. В Британии с германцами они и доныне не ассимилировались, ибо были там коренным населением. Норманны же везде, кроме родины – Скандинавии, как пришельцы были немногочисленны и потому довольно быстро растворялись среди туземцев (вспомним варягов на Руси). А франкам, как и англосаксам они вообще близки, так как и те, и другие – германцы.

Утверждение, что в IX в. «*Карлом Лысым была организована Нейстрийская марка…*» [Турчин, с. 235] вообще ошибочно. Она как владение возникла еще при потомках Хлодвига, в VI в., а при Карле Лысом, после Верденского раздела 843 г. из империи его деда – Карла Великого – образовалось Западнофранкское королевство. И еще:

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«…*III столетия (назовем этот цикл волной принципата, поскольку именно так называется соответствующий период истории Римской империи)…*» [Турчин, с. 237]. Вообще-то принципат закончился в начале кризиса III в., при Септимии Севере, и начался переход к более воинственной и авторитарной системе, завершившийся доминатом с приходом Домициана в 80-е гг. В контексте целей книги эти неточности, конечно, второстепенны. Но они свидетельствуют о том, что междисциплинарные исследования, к тому же с таким огромным охватом материала должны вестись коллегиально. Причем лучше, если каждый будет заниматься тем, в чем профессионален.

Далее на той же странице: «*С I столетия до н. э. до II столетия н. э. число поселений увеличилось в три раза, так что фактически население возросло, вероятно, даже в большей степени, потому что разумно предположить, что размер поселений также увеличился*». Не факт. Занимаясь средневековыми сельскими поселениями Европы, обратил внимание на преобладание именно небольших поселений, при общем росте их числа в определенные периоды [Риер, 2000, с. 55–59, 70, 73, 91; Риер, 2008, С. 9–23]. И в Риме было по-разному, в зависимости от типа хозяйства и географических условий. Так что предложенное допущение неприемлемо. И далее там же: «*Согласно структурно-демографической теории, такой бесконтрольный рост населения должен был привести к государственному банкротству и последующему краху. Именно это и произошло. В течение II столетия н. э. Римская империя испытала большую волну инфляции. Последовало крушение государства, и большую часть III столетия империя испытывала кризис центральной власти*». Основная причина кризиса – предыдущее территориальное расширение Римского государства, поглотившее все военные ресурсы, и, как следствие – прекращение завоеваний после II в. В результате – сокращение поступления дешевых рабов, что породило кризис экономики с III в., дополненный кризисом управления. Усилившаяся централизация привела к росту бюрократии. Нехватка людей для охраны протяженных границ вызвала рост расходов на наемную, по сути, армию. В итоге империя «проела» себя. Эти внутренние проблемы совпали с социальными изменениями у германцев, породившими их агрессивность… Как видно, дело не в частной теории.

Дальнейшие рассуждения автора, сводящего всю динамичную и противоречивую историю западноевропейского средневековья к демографическим волнам [Турчин, с. 238 и далее] представляются наивными. Да, эти процессы были, но вплетались в сложный конгломерат событий. И, наконец, общий вывод по истории Франции: «*Считая столетия упадка (которые легче обнаружить в исторических хрониках), обнаружива-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ем, что для Галлии-Франции они приходятся на III, VI, IX, XIV, XVII, XX века» [Турчин, с. 246] так же неточен: VI в. едва ли можно категорично отнести к упадку – создавалось государство Меровингов. Скорее упадок был в VII в. – времени «ленивых королей». IX в. – распад империи Карла Великого, но создание обособленных королевств, при начале хозяйственного подъема, который в X–XI вв. перерос в знаменитую внутреннюю колонизацию. IX–X вв. – время активного создания сеньориального строя. XIV в. – упадок лишь в середине столетия, на первом этапе Столетней войны. XVII в. – упадок во времена Ришелье и итоговой победы в 30-летней войне. При всех проблемах в это время создавался знаменитый французский абсолютизм – строилась основа блестящей эпохи Людовика XIV… В итоге концепция четкой цикличности рушится.

Далее Турчин обращается к Руси-России. Общая оценка автора ее судеб возражений не вызывает. Ошибки опять в мелочах, очевидно, все из того же стремления к обобщениям: Мадьяр на западе в IX в. [Турчин, с. 248] еще не было. Они расселились в Паннонии в X в. Киевское княжество с натяжкой можно рассматривать лишь с конца IX в. «*Существенное*» присутствие финно-угров в Среднем Поднепровье также неизвестно. Мелочи, но с нарастанием из-за последующих неточностей они, как отмечалось, влияют на общее доверие к выводам.

Называть «*Литовское княжество*» империей [Турчин, с. 252], учитывая ее внутреннее устройство, едва ли уместно. И там же. «*Не имелось религиозного разлома…*» на данной территории (после создания Великого княжества Литовского) – давнишний московский миф. Об этом есть ныне много публикаций и в России (прежде всего Б.Н. Флоря), и в Беларуси, и в Украине, и в Польше. Ну а по поводу «цивилизационного разлома» С. Хантингтона: он имел в виду Европу после XV в. С того времени граница православия и католицизма действительно постепенно превращалась в рубеж двух типов развития, обозначенной позднее и «линией Керзона» и нынешней восточной границей Евросоюза. Впрочем, чуть далее автор признает, «*что к 1240-м годам западные и восточные течения христианства отклонились достаточно далеко…*» [Турчин, с. 243]. Хотя и относит эту мысль к более северному региону. А если принять авторское отношение к роли пограничья в истории, утверждение, что «*Россия была пограничным государством по крайней мере до XVIII столетия*» [Турчин, с. 253] хотелось бы дополнить и XIX в. (завоевание Кавказа и Средней Азии). И нынешние события возвращают, кстати, Россию к той же пограничной парадигме, сплачивающей ее асабию (в терминах автора).

Называть XII в. в древнерусской истории периодом упадка, и далее: «*Второй период гражданской войны в середине XII века привел к окончательному краху Киевского государства*» [Турчин, с. 254] –

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

опять упрощение. Политическая раздробленность и сопровождавшие ее усобицы сопровождались, тем не менее, и хозяйственным подъемом, особенно в городах, и развитием культуры.

Кстати, называть тогдашние усобицы гражданской войной – явная модернизация: и граждан еще не было, и воевала, прежде всего, элита, а не весь народ. То же самое в аналогичной ситуации переживала и Западная Европа. Но она была защищена от кочевников и пережила этот период с меньшими потерями. А полная политическая децентрализация в Северной Италии даже способствовала зарождению там капитализма. Руси из-за соседства со степью географически и исторически не повезло. Но не раздробленность была причиной утраты независимости. Более сплоченные в то время Китай и Корея тоже пали под ударами монголов. Как и Турция при сельджуках. Натиску степняков обычно не могли противостоять и более сплоченные, чем Русь, земледельческие сообщества. В этом особенность многовекового противостояния номадов и оседлых народов. С учетом задач книги такие особенности в своих моделях автор должен учитывать.

От дальнейшего обзора российской истории воздержусь, чтобы, по И. Канту, «не следует множить сущности». Ибо суть замечаний, полагаю, понятна. Обращусь к общим выводам и приложениям.

«…*Общий подход к развитию исторической динамики может работать в исторических приложениях и давать нетривиальные результаты… имеется связь между метаэтническими пограничьями («цивилизационными разломами») и последующим развитием агрессивных империй в этих областях*» [Турчин, с. 261]. В чем нетривиальность?

«*Франция… до 1900 года прошла три цикла (Капетинги, Валуа и Бурбоны) и теперь находится в четвертом цикле. Франкская империя просуществовала два цикла (Меровинги и Каролинги), хотя, вероятно, можно было бы утверждать, что был и третий цикл – Оттонские и Салические императоры средневековой Германской империи (долина нижнего Рейна была географическим ядром и каролингской, и Священной Римской империй…*» [Турчин, с. 265].

Это – формально-династийный подход. Меровинги и Каролинги не просто разные циклы, но и общества. Франки Меровингов, по сути – сложное вождество. При Каролингах начало создаваться раннее государство. Эпохи Капетингов и Валуа, да и Бурбонов – типичное средневековое государство. При этом между Капетингами и Валуа концептуальных различий, по сути, нет. Германский цикл – особый регион со своими «тараканами». Указанная цикличность – сугубо формальная. На той же странице «…*недолговечных империй – Киевское княжество…*» – опять империя, да еще с X в. Тем более, что в приложенном к основному тексту

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

глоссарии читаем: «*Империя (лат. imperium, букв., верховная власть) – термин используется автором для обозначения большого мультиэтничного территориального государства со сложной структурой власти*» [Турчин, с. 287]. И какое отношение этот термин имеет к франкам времен Меровингов, и к раннему Киевскому княжеству?

Подведу итог. Хорошо, когда сами историки владеют математическим аппаратом, прибегают к соответствующим методам (например, уже упоминавшиеся А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин). Еще лучше, когда объединяются соответствующие специалисты в интердисциплинарных исследованиях [см., напр.: Клименко, Мацковский, Пахомова; Коротаев, Клименко, Прусаков]. Но обращаться к истории один на один «технарю» – проявлять излишнюю самонадеянность. Это – как себя лечить по справочникам, а в наше время – по интернету. При обилии информации нужно, как советовал еще Гиппократ, лечить не болезнь, а больного. А для этого необходим специфический лечебный опыт и производная от него интуиция. Очевидно, неполнота наших исторических знаний, как и ограниченность знаний о человеческом организме у медиков, требует от историков развивать интуицию, что, как отмечал выше, сближает эту науку с искусством. Ибо «технари» при всем своем профессионализме не владеют историческим контекстом и соответствующей эрудицией. Ее не заменят пусть и десяток – другой прочитанных исторических книжек. Общий культурный уровень и даже увлеченность общественными процессами – «не прокатят» – нельзя объять необъятное. Пусть история – наука не очень точная количественно, но она слишком обширна по объемам информации, чтобы быть адекватно понятой теми, кто «не в ней».

Как следствие, многочисленные допущения в моделях. Недостаток информации и сложности оценок поступков и людей, и целых социумов – проблема не только историков. Не потому ли экономисты обычно не только не могут предсказать кризисы, но не всегда их адекватно объясняют. Ведь жизнь развивается не по моделям, а в результате совокупной деятельности множества людей и их сообществ со своими локальными, часто с противоположными интересами. А там уж, «чья возьмет». Это как случайный камешек или что еще страшнее, неожиданно лопнувшее колесо может отбросить движущийся автомобиль в сторону. А тут – тоже варианты в духе допущений автора: хорошо, если просто в кювет, а если в дерево, или, еще страшнее, на встречную полосу – и в лоб… Но может ведь ничего из этого и не случится…

Отсюда и частные возражения, как, например, о циклах французской истории и других аналогичных колебаниях. Доводы автора кажутся обоснованными только в собственных рамках, без вплетения в общий контекст исторических процессов. Это в чем-то похоже на подходы пе-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чально известного «новатора в истории» – Фоменко: выбираются только те факты, которые укладываются в заданную концепцию. Конечно, у нашего автора все куда более научно. Фоменковских манипуляций он не допускает. И историю понимает куда серьезнее и глубже. Но сами историки такие труды обычно игнорируют как из-за указанных упрощений, так и тривиальности тех выводов, которые совпадают с общеизвестными.

Очевидно, претензий было бы меньше, если бы автор отнес свое произведение не к историческим, а к социологическим исследованиям. Ведь именно социология занимается построением моделей. Тогда работа Турчина рассматривалась бы не как новое слово в исторической науке, а была бы отнесена к *исторической социологии*, от которой не требуется конкретика и скрупулезный анализ фактов. Но автор предлагает свою методику именно для развития исторических знаний, что требует соответствующего профессионализма.

Тем не менее, все вышерассмотренное – не повод игнорировать возможности математики в исторических исследованиях. Нужно, однако, привнесенные извне методы встраивать в общую логику и контекст исторических процессов. Пример именно такого подхода – исследования историка К.В. Хвостовой, которая уже много лет использует математическую статистику при изучении истории Византии. Но при этом она «идет» от конкретных источников, массовость и однотипность которых сделали возможным применение статистических методов. То есть математика здесь – не «нависает» над историей, а используется в прикладных целях: при изучении характера расслоения византийского крестьянства [см. Хвостова, 2009, с. 112–123].

Формализация большого массива статистических данных с помощью специально разработанных программ позволила исследователю выработать усредненную, «идеальную модель» крестьянского хозяйства и сопоставить ее с конкретными материалами. Был определен относительный уровень благосостояния каждого хозяйства и определена его зависимость, в конкретных условиях Византии, не столько от размеров земельных владений, сколько от налоговой политики властей. Составленная формула позволила, как утверждает Хвостова, проследить динамику и закономерности развития крестьянской экономики в контексте сложных и противоречивых общеисторических процессов в Византии.

Возможно, в столь кратком виде я изложил данный метод далеко не полно. Но, главное, хотелось бы подчеркнуть, что все проделанное встроено в общеисторический анализ как частное наблюдение с математически обоснованным выводом. Вот в такой форме можно вести речь о клиометрии!

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

К общим же «историко-синергетическим» построениям Хвостова относится не просто скептически: «*Историк не нуждается в терминах синергетики и не употребляет их*» [Хвостова, 2009, с. 8]. И далее: «*По мнению приверженцев синергетики, достаточно рассмотреть тенденции, которые действуют в обществе статистически и как спонтанно саморегулируемые процессы, независимые от индивидуального поведения людей в отдельные хронологические периоды в рамках длительной эпохи, насчитывающей не одно столетие. Однако профессиональный историк в практике своего конкретного исследования не пользуется таким подходом…*» [Хвостова, 2009, с. 206].

А в заключение о книге Турчина приведу мысль из рецензии историка и антрополога Н.Н. Крадина на монографию его коллег А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина «Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы» (М. 2009): «*За обобщенными сводными данными частично исчезла вариативность исторических процессов*» [http://www.socionauki…]. Как видно, даже историки не могут избежать упреков в схематизме и слабой доказательной базе, когда увлекаются построением теоретических моделей, основанных на избранных показателях. И еще. О неоправданном высокомерии «естественников» по отношению к гуманитариям хорошо писал К. Поппер. Но завершу другой его мыслью: «*Научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества*» [Поппер].

Как видно при историческом моделировании необходимо крайне внимательно относиться к привлекаемым исходным данным. Вольное или неточное их использование искажает результаты и подрывает доверие к методу. К сожалению, профессиональные историки тоже не безгрешны.

В рамках общей проблематики наших очерков обращу внимание и на работу специалиста по анализу цикличности в историческом процессе С.А. Нефедова. В своем анализе историко-демографических циклов древних и средневековых обществ Востока он относит их (т.е. ранние и средневековые государства) к *частнособственническим*, которые затем, в ходе своего развития перерастают в автократии с государственной собственностью и на землю с развитой системой государственного регулирования, то есть, по распространенному определению – в *восточные деспотии* [Нефедов, 2003, с. 8; Нефедов, 2007, с. 52–53; Нефедов, 2008, с. 59]. Обоснованность вывода иллюстрируется серией примеров из истории государств от Египта и Месопотамии до Дальнего Востока. Но ведь указанные деспотии были основаны именно на отрицании классической частной собственности, сложившейся в древности только

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в античном мире. «*С точки зрения римского права, собственность, обставленная выполнением каких-либо условий перед частным лицом, – нонсенс, противоречие в определении…*» [Филиппов, с. 620].

Нефедов же относит к такой собственности мелкие крестьянские хозяйства, существовавшие в восточных государствах, и ссылается в обосновании их частных прав на фундаментальное исследование Л.С. Васильева. Но известный востоковед пишет, что «*в ранних обществах о собственности можно говорить лишь как о том, чем люди владеют, и что экономической основой власти и привилегий правящих верхов является не собственность, как таковая (тем более частная), а контроль над ресурсами и производственным процессом, что отношения собственности в этом смысле и в таком случае… в конечном счете лишь отношения власти… И по содержанию и по форме такая собственность – именно владение*». И далее Васильев, на примере древнего Китая, подчеркивает, как в условиях роста населения и ограниченности ресурсов укреплявшийся правящий слой добивался контроля над собственностью, подминал под себя мелких владельцев и устанавливал верховный контроль над землей [Васильев, 1983]. То есть крестьяне, да и служилые слои, владели землей, пока это было угодно правителям, и могли ее лишаться по произволу. Именно на этом произволе и вырастали восточные деспотические режимы. Модель же Нефедова эту особенность восточных монархий не учитывает.

Такой подход Нефедова объясняется, очевидно, его представлением о том, что «*ирригационное земледелие не требовало объединения усилий общины для расчистки земли, что открывало путь для развития частной собственности*» [Нефедов, 2008, с. 41]. Но ведь за редким исключением ирригация как раз таки требовала коллективных усилий, что произошло при формировании государственности в древних земледельческих цивилизациях. И привело их к деспотическим централизованным монархиям. И это помимо известной необходимости военной централизации для отпора кочевникам.

Однако именно в жесткой централизации – *этатистском государстве* (по Нефедову) основа подмеченной им цикличности: государства растут и укрепляются, пока земли хватает на всех. Благодаря развитию хозяйства улучшается жизнь, увеличивается население, и крестьянское, и чиновное – растущей экономикой надо управлять. В итоге земли не хватает на всех. Крестьяне беднеют, чиновники и военная знать борются друг с другом и с правителями за землю. Усобицы ослабляют государства и они терпят поражения от соседей (часто – кочевников). Разоряются страны, гибнут люди.

В конце концов, создается новая власть. Из-за сократившегося населения земли опять становится много – оставшимся жителям ее

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

хватает. Начинается новый цикл хозяйственного и демографического подъема. **Такую цикличность без всякого математического моделирования еще в XIV в. подметил**, как уже отмечалось, арабский мыслитель **Ибн Халдун**, чье творчество Нефедов, как и Турчин, хорошо изучил [см. Нефедов, 2007, С. 112–115]. В принципе, все это ясно и без разработанных автором моделей, которые лишь создают иллюзию неких жестко детерминированных законов, как в естественных науках. Осталось лишь, как в этих науках на основании теории предсказывать дальнейшее развитие процессов, то есть, будущее. Но это – невозможно из-за многочисленных частностей, которые теория, естественно, не может предусмотреть, что отмечалось при анализе подходов Турчина[1]. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с утверждением, что «*построение объяснительных моделей всегда являлось основной задачей исторического исследования*» [Нефедов, 2007, с. 4][2]. Основной задачей историков является познание логики исторического процесса на основе максимально доступного анализа конкретных источников, а моделирование является **лишь одним** из способов этого познания, причем не более точным, чем иные, о которых уже шла речь выше.

Итак, рассмотренная модель лишь подтверждает известное, но не объясняет причины выявленной цикличности, а без учета особенностей восточной земельной собственности и не объяснит. Но именно такое объяснение необходимо для понимания различий в исторических судьбах Востока и Запада, причин ускоренного развития античного мира и Западной Европы нового времени в сравнении с богатым, но отстававшим Востоком.

Здесь важна не формальная констатация наличия собственности, а реальные права и гарантии на нее, в чем Восток и Запад коренным образом разошлись еще в древности. Но моделирование в данном случае эту коренную проблему обошло, ибо качественные параметры

[1] Концептуальная близость обеих авторов отражена в их совместной книге [Turchin, Nefedov]. Как и Турчин, Нефедов, несмотря на более основательную историческую подготовку не очень внимателен к точности в исторических понятиях. Например, без оговорок в одну «кучу» сваливает и западноевропейский *феод*, и арабское *икта* [Нефедов, 2008, с. 112]. А ведь это, исходя из прав их владельцев – разные формы с различным правовым статусом [Риер, 2001а, с. 57 и 160].

[2] Построенные в указанной книге Нефедовым графики и выведенные из них циклы демографического развития опираются на хозяйственную статистику. На такой основе создают свои теории экономисты. Но, как показывает наше время, специалисты по экономике, объясняя прошлое, часто не могут предсказать новые кризисы. Ибо помимо объективных данных, цифр, статистики, есть еще и люди, чье поведение очень часто бывает нелогичным (особенно массовые страхи, типа валютной паники со снятием вкладов…). И такое поведение никакая математически выверенная теория не в состоянии учесть! И если такое мы наблюдаем теперь, то и раньше бывало именно так. Тем более, что в ранней человеческой истории люди хуже понимали окружающий мир, чаще обращались к *небу*, то есть поступали еще более нерационально, чем теперь.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

плохо, как отмечалось, поддаются математической обработке. К тому же Нефедов упрощает понятие «собственность», когда называет частными крестьянские семейные наделы первобытного периода. Частным он называет любое обособленное хозяйство [Нефедов, 2008, с. 40]. То есть судит о собственности вне исторического контекста и юридического значения, сложившегося лишь в античном обществе с развитыми социальными группами и рыночными отношениями, с рынком земли в том числе, когда под *частным владением* стало пониматься право на полное и безусловное его отчуждение. Первобытный общинник таких прав не имел, за исключением ограниченной самостоятельности в хозяйственной деятельности.

Среди авторов, занимающихся проблемами *цикличности в истории,* обращают на себя внимание и работы также «пришедшего в историю» из естественных наук, химика по первому образованию, а теперь политолога и философа В.И. Пантина[1]. Его исследованиям, посвященным глобальным проблемам в истории присущи, в принципе, те же особенности, отмеченные у Клименко и, в большей степени, у Турчина. Прежде всего – стремление к максимальным обобщениям без опыта многолетних кропотливых исследований частных исторических тем. То есть без черновой поисковой работы, чему учатся профессиональные историки. Перенесение в исторические исследования навыков, полученных в других науках, конечно полезно как взгляд со стороны. Но при этом «посторонний» должен осознавать ограниченность своих исторических познаний, а, значит, и возможностей обобщать. Поэтому ряд суждений и выводов Пантина нуждается в комментариях. Ибо авторитет ученых званий и статуса автора может создавать у читателя иллюзию истинности всего им написанного по истории. Как и в предыдущих случаях, выделю лишь те спорные моменты взглядов указанного автора, которые связаны с тематикой данных Очерков.

Итак: «*Коренной недостаток существующей всемирной истории состоит в том, что в ней никак не отражено реальное, действительное единство человеческой истории, теснейшая взаимосвязь всех ее ветвей и подразделений. Единая история искусственно, ради "удобства изучения" (каково это удобство, можно судить по тому характерному факту, что ни один историк не знает всемирной истории, потому что знать ее невозможно в принципе), делится на отдельные, изолированные друг от друга истории. А потом из этих отдельных историй, как из кирпичей, хотят сложить единую живую историю. Но получается не живой организм, а только труп или скелет… И действительно, узкие специалисты настолько "закапыва-*

[1]Кандидат химических наук, кандидат политических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений.

Электронный абонемент ЦНБ МГУ имени А.А. Кулешова

ются" в мельчайших деталях отдельных исторических событий, что в принципе перестают видеть историческое развитие в целом, отрицая его единство и целостность … На самом деле терпит фиаско рассечение единой живой истории на отдельные, изолированные, замкнутые в своей уникальности "события" и "факты"» [Пантин, 2003, с. 15]. И это для того, чтобы обосновать свой, изложенный в указанной книге, вклад. Интересно, как бы выглядел историк, рискнувший выносить подобную оценку изучению той же, например, химии?

Далее автор пишет о том, что историки, собственно, и так знают: «*глобальная история рассматривает сложное, многообразное, противоречивое единство различных обществ, государств, цивилизаций как живое, не поддающееся ранжированию, выстраиванию в ряды по степени "развитости" и "прогрессивности" целое*» [Пантин, 2003, С. 17]. И автор разворачивает серию вполне обоснованных ссылками на авторитетных историков и философов доказательств единства исторического процесса.

Не все примеры, однако, удачны. Так, в стремлении продемонстрировать синхронность основных исторических процессов Пантин пишет, что во II–V вв. новой эры одновременно разрушается ряд империй (от Римской до Младшей Хань в Китае). Но, во-первых, 400 лет лишь нам теперь можно уместить в половину строки. А реально – это жизнь примерно 13 поколений (при тогдашней средней продолжительности жизни в 30 лет)! Во-вторых, единство это весьма относительное и в причинах гибели империй. В-третьих, в истории человечества можно найти и другие эпохи относительно синхронно происходивших событий. Это – чисто формальный подход.

И далее. Взлет культуры тех же столетий «*дал миру целую плеяду христианских философов и теологов – великих деятелей христианской культуры, пророка Магомета, деятелей даосской культуры в Китае, основателя манихейства Мани, великих поэтов Индии и Китая. Все это также свидетельствует о том, что явления синхронизации в истории действительно имеют место, особенно в переломные эпохи социального развития*» [Пантин, 2003, с. 29]. Хороша синхронность: от Христа до Магомета – 700 лет! Тут и комментировать нечего.

Автор, демонстрируя общую эрудицию, на нескольких десятках страниц приводит примеры от неолита до нового времени. «*Разумеется,* – признает Пантин, – *разные цивилизации и этносы развиваются разными путями и с разной скоростью, но принцип синхронизации стимулирует поиск самых неожиданных контактов, корреляций и форм взаимного влияния, причем последствия этих контактов и этого влияния могут быть весьма неожиданными*» [Пантин, 2003, с. 36]. Но при таком подходе можно найти что угодно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Основная идея Пантина – доказательство единства исторических процессов в рамках строгой цикличности. В поисках глобального сходства он выделяет циклы на основе сходных процессов в разных регионах. Справедливо учитывая природные факторы, он, тем не менее, сравнивая регионы и континенты, не учитывает специфику, отличающую, например, Европу от Востока. Хотя соглашается с Кульпиным: «*Само разделение на Запад и Восток является достаточно устойчивым, воспроизводящимся в разных формах на протяжении последних двух с половиной тысяч лет*». Но далее: «*Древняя Греция в культурном, а не политическом плане была ближе к Востоку, хотя и отличалась от него многими элементами. Как известно, в культурном плане Греция многое заимствовала у Египта, Крито-минойской культуры, финикийцев, Персии, но восточные и западные элементы, культура и политика органично уживались в древнегреческих полисах. Греция была органичным элементом средиземноморского мира, в котором встречались Восток и Запад, а в культуре Древней Греции органично сочетались восточные и западные черты*» [Пантин, 2012, с. 104]. Здесь автор неточен. Ведь крито-микенский мир и классическая Греция – две большие разницы. В первом случае – действительно была восточная общественная и хозяйственная форма. Во втором – особое античное общество.

Так же и далее: «*Рим развивался во многом параллельно с Грецией, но по иному пути. Именно Рим с его односторонней правовой и политической ориентацией, с его римским правом, римским гражданством, римским владычеством, с его стремлением к универсальности и нивелировке различий между разными культурами заложил основания Запада и западной цивилизации*» [Пантин, 2012, с. 104]. А демократию с частной собственностью Рим воспринял от кого?

И еще: «*Россия немало восприняла и от древнегреческой, и от византийской цивилизаций, в известном смысле являясь их наследницей…*» [Пантин, 2012, с. 107]. Связь с Византией – бесспорная, но с Древней Грецией? Также трудно согласиться с утверждением, что Османская империя была непрочным государственным образованием, объединявшим «*самые различные, слабо связанные друг с другом народы и культуры*» [Пантин, 2012, с. 107]. А то, эта *непрочная* империя просуществовала целых 600 лет? И было дело, доходила до Вены, а ее вассалы (крымские ханы) – до Москвы. Такие широкие мазки автора стирают не только детали, но и целые эпохи жизни многих поколений людей.

В недавней статье Пантин написал, что «*Только в 1945 году России удалось возвратить себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках*». Законный вопрос об историзме: отобрали разве *у России*, которой тогда еще не было?

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

И о каких землях идет речь? Там же автор кратко коснулся и ВКЛ, назвав его «*западным проектом*» [Пантин, 2012, с. 96]. Поскольку никаких фактов не приведено, остается лишь заметить, что Западная Европа в XIII–XIV вв. была настолько разобщена, что о единстве ее действий речи быть не может. Разве что Римская церковь предпринимала некоторые усилия в Восточной Прибалтике. Но именно они и стимулировали консолидацию литовского общества и его объединение с соседними славянским княжествами (подробнее – в Очерке 7). В указанной статье автор вообще вне истории! А из обилия фактов (как же без них!) отбирает их по формальным критериям, что напоминает рассмотренный подход Клименко.

Но при этом вполне обоснованно критикует произвольное обращение с фактами у Фоменко: «*Представляется, что подспудная, возможно, не осознаваемая ни самими авторами, ни читателями цель таких радикальных, революционных "пересмотров" состоит в резком упрощении единой и целостной, но при этом сложной и противоречивой истории, которую трудно воспринять технократически ориентированному интеллекту, привыкшему поверять "алгеброй гармонию". Такое "упрощение" истории путем "выкидывания" ее загадок и противоречий ведет, однако, к ее разрушению*» [Пантин, 2003, с. 69–70].

Однако вернемся к основной идее автора. Выделенные ученым циклы – античный, средневековый и цикл нового времени – соответствуют, как видно, общепринятой исторической периодизации. Но следует заметить, что в первый цикл включены и древние общества Востока, существенно отличавшиеся от древних Греции и Рима, прежде всего, своей социальной организацией, о чем уже шла речь выше. Так что для того времени удачнее будет общепринятое наименование – *древний*. В описании циклов – традиционный общий обзор основных событий, при котором пропадают существенные элементы. Например, при описании кризиса Римской империи не учтен всплеск активности растущих варваров [Пантин, 2003, с. 103]. При этом допускается много неточностей. Но анализ их, а также некоторых вполне аргументированных суждений выходит за рамки нашей тематики.

В целом, рассматривая узловые моменты истории разных народов и государств на протяжении целого тысячелетия, автор стремится свести историческое многообразие рассматриваемых эпох к некоему понятному единству. При этом он делает вполне обоснованный вывод о том, что «*широкое распространение возникшего способа производства и соответствующих ему форм социально-политической организации сначала способствует экспансии нескольких мировых империй или других интеграционных образований, экспансии, которая неизбежно сопровождается унификацией и нивелировкой. Так*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

возникает глобальная волна интеграции. Однако при достижении чрезмерной интеграции и унификации возникает глубокий кризис, который невозможно преодолеть в рамках существующих мировых империй и "универсальных государств". Для выхода из кризиса необходимо культурное, экономическое, политическое разнообразие, делающее возможными одновременные! поиски различных способов решения проблем, многолинейную и многоплановую эволюцию общества» [Пантин, 2003, с. 248]. Это уже вывод и для нашего времени: при закостенении складывавшихся порядков подрывается творческая инициатива и империи начинают сами себя проедать. Тут все логично. Также весьма продуктивно суждение автора о сути понятия *феодализм* (о чем подробно – далее). Но стремление Пантина представить в сжатом виде 2 тысячи лет истории делает изложение местами поверхностным.

В итоге, общий вывод автора выглядит, с точки зрения историка, довольно банальным: «*Глобальная история позволяет оценить значение многочисленных и многообразных взаимодействий и взаимовлияний между различными этносами, государствами, регионами и цивилизациями, а также выявить роль этих взаимодействий и синхронных изменений в формировании глобальных сдвигов, происходящих в переломные эпохи исторического развития. Тем самым необъяснимые с обычных позиций исторические переломы и катастрофы, время от времени происходящие на территории огромных государств и регионов, становятся более понятными и иногда даже более предсказуемыми*» [Пантин, 2003, с. 265].

Далее автор стремится доказать неприемлемость евроцентризма в оценке исторических процессов. Ибо современные глобализационные процессы в мире требуют, как он подчеркивает, отказа от доминирования Запада. Но выделенные Пантиным циклы, как уже отмечалось, полностью повторяют традиционную историческую периодизацию, разработанную в Западной Европе в соответствии с историей именно этой части Евразии. То есть исторические реалии, рассмотренные автором, вошли в противоречие с общей идеей книги, и, судя по другим публикациям Пантина, с его мировоззрением, что доказывает то, о чем писалось в начале Очерков: выводы в исследованиях должны опираться на анализ источников, а не на нынешние представления ученых. **Прошлому нельзя диктовать, у него можно лишь спрашивать.**

В завершение данного Очерка приведу пример успешного соединения изначального технического образования с последующими многолетними историческими исследованиями у московского профессора Э.С. Кульпина. В монографии о Золотой Орде автору удалось представить географические аргументы при анализе причин упадка этого госу-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дарства [Кульпин, 2007][1]. Весьма ценным является уже упоминавшееся выше исследование Э.С. Кульпина по истории Китая, в которое он органично ввел анализ природных факторов, сопоставив их с особенностями противоположной части Евразии – европейского Средиземноморья [Кульпин, 1999]. Данная работа проводилась автором в рамках предложенной им «*социоестественной истории*», метода, рассматривающего взаимовлияние природы и социума в рамках единого исторического процесса.

В другом исследовании анализ взаимодействия природы и социума позволил Кульпину точнее оценить действия половцев, чьи стада вытаптывали поля земледельцев. Обычно историки исходят из представлений оседлого населения и вторжения кочевников рассматривают как агрессию с их стороны. Кульпин же показал, что агрессивность половцев диктовалась не их дикостью, а именно потребностями хозяйства, которому, в свою очередь, мешало распространение полей растущего оседлого населения, вторгавшегося в их зону обитания [Кульпин, 2002, с. 120-122]. В итоге автор посмотрел на конфликт земледельцев и номадов с другой стороны и показал, что у каждого сообщества была своя правда. Это, кстати, надо учитывать при анализе сложных многовековых отношений восточных славян с кочевым миром.

Недавно Э.С. Кульпин представил обобщенные результаты своих работ в рамках объединения гуманитарных и естественнонаучных методик изучения истории [Кульпин, 2014]. Здесь автор собрал воедино свои основные наработки в области социоестественной истории за последние 20 лет. В рамках тематики наших Очерков наиболее важны общетеоретические воззрения автора. Выделю узловые, с моей точки зрения, моменты.

Основное внимание Кульпин уделяет обоснованию выбранного им направления: интеграции естественнонаучных и гуманитарных подходов к изучению истории. Справедливо указывается на различия в мировоззрении естественников и гуманитариев. Автор, констатируя, что последние не понимают подходы и мышление первых, считает, что естественники все же могут понять методы гуманитариев [Кульпин, с. 9].

Я бы не обобщал. Вышеприведенные примеры (работы Клименко, Турчина, Пантина) свидетельствуют об обратном. Хотя сам Кульпин в своих исследованиях действительно демонстрирует вполне исторические подходы.

Однако в общих представлениях о гуманитарных знаниях с Эдуардом Сальмановичем не во всем можно согласиться. В оценке понимания фактов автор впадает в упрощение, заявляя, что историки безоглядно доверяют источникам [Кульпин, с. 11]. Такое было, но до

[1] См. рецензии: [Риер, 2009] и более подробно [Риер, 2010].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

конца XIX в. С тех пор без серьезного анализа и критики источников не обходится ни одно историческое исследование. В наше время это уже аксиома.

Также упрощением выглядит утверждение о том, что ценность работ историков определяется количеством использованной литературы [Кульпин, с. 13]. Ценность труда везде в науке определяется результатами. Ссылки же необходимы на частные исследования (в обобщениях) и как свидетельства владения автором всеми накопленными знаниями по соответствующим темам. В своих исторических штудиях Кульпин, кстати, поступает аналогично, что подчеркивает адекватность именно такой методы у историков.

Есть замечание и другого рода. «*Принцип же, принятый у гуманитариев, – приведение большого количества фактов и остановка перед выведением общего правила до тех пор, пока накопленное количество фактов не покажет их всеобщность, на мой взгляд, по меньшей мере не рационален*» [Кульпин, с. 19]. И далее: «*Это только гуманитарии думают, что все обсчитывается до последней единицы*» [Кульпин, с. 26]. Не знаю таких среди коллег. Показательно, что данный, теоретический раздел книги почти не содержит мнений историков. Приводятся суждения только естественников.

Далее по тексту, когда автор переходит к конкретике, поводов для дискуссии уже почти нет. Особенно это относится к анализу роли природного фактора в истории. При этом следует отметить у автора широкое применение метода сравнительного анализа. Для понимания китайской цивилизации он постоянно соотносит ее с Западом, что актуально еще и потому, что не так уж часто это делают и историки.

Автор справедливо констатирует неполноту исторических источников. Но называть такие источники несущими неполную правду, которая хуже лжи [Кульпин, с. 112], полагаю – упрощение. Да, это проблема. Но большинство исторических источников всегда таковыми останутся. Особенно это касается древней истории и археологии, чьи материалы отражают реалии лишь косвенно и весьма специфично.

Так ведь и естественнонаучные знания постоянно пересматриваются. И неделимый для древних греков атом уже далеко не таков. А поиски действительно элементарных частиц никак не остановятся… Предложение Кульпина: выходить из положения составлением синхронистических таблиц логичны. Но ведь и для них надо отбирать данные, а в этом, как показало использование такого метода в работах В.В. Клименко, также возможен субъективизм.

Со второй главы рассматриваемой книги Кульпин переходит к демонстрации практического применения методов социоестественных исследований, которые представляют существенный вклад в понима-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ние глобальных исторических процессов. Автор представляет ряд интересных наблюдений и выводов об особенностях ряда древних цивилизаций: прежде всего древнеегипетской, китайской и античной. И, что наиболее существенно, как уже отмечалось, анализирует не только взаимовлияние природных и социальных факторов, но постоянно это делает в сопоставлении этих цивилизаций между собой.

Исследование Кульпина также подтвердило эвристическое значение цивилизационного подхода к оценке исторического процесса. Оно показало наличие и специфичность локальных цивилизаций, различия которых во многом определялись именно природными условиями тех территорий, где они формировались и существовали. Поэтому вполне понятно высказанное автором недоумение отрицанием наличия цивилизационного разнообразия в трудах некоторых ученых [Кульпин, с. 198]. Мне об этом тоже доводилось писать [Риер, 2012б].

Затронул Кульпин и проблему становления государственности. Он задает риторический вопрос: «*Разве государство не является весомой ценностью для европейской цивилизации?*» [Кульпин, с. 238]. Государства, как рассматривалось выше, появлялись везде на особой стадии общественного развития, когда жизнь людей настолько усложнялась, что интуитивно, методом проб и ошибок они постепенно вырабатывали новые формы управления. Вместо родовых организаций, по сути – семейных, с правилами, основанными на традиции подчинения лишь авторитету родителей, т.е. старших, возникали особые структуры, отделенные знатностью и правом на силовое принуждение к подчинению. Такой порядок управления и был назван государством.

Но одна цивилизация в Европе существовала лишь во времена античности. В средние века их уже было, как отмечалось, несколько. На западе государство вырастало из уже существовавших прав частного лица, сначала – крестьянина-аллодиста, затем служилого воина – феодала. На востоке континента сложилась иная цивилизация, основанная, опять-таки в силу природных условий – большей континентальности климата и близости степняков – на коллективной земельной собственности, которая по мере укрепления правящего слоя превратилась в государственную. В силу этого здесь не сложилась частная крестьянская земельная собственность, а затем – и частнофеодальная. Впрочем, Кульпин об этом также писал, приводя свои аргументы для объяснения причин отсутствия в России частной собственности на землю [Кульпин, с. 309–313].

Специфичной была и Византийская цивилизация, в которой античные черты с гарантированными правами собственников соединились централизацией и возвышением роли монарха – императора, что сблизило Византию с восточными государствами. Но деспотия, свойствен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ная Востоку, здесь не сложилась именно из-за сохранения античных традиций собственности. Московскую Русь, унаследовавшую от Византии православные культурные традиции, отсутствие частновладельческих прав на землю сблизило по форме управления с деспотиями Востока.

Итак, **формы земельной собственности – важный цивилизационный признак – во многом определяли и формы государственного устройства**.

Выводы.

1. Рассмотренные в Очерке 4 методы междисциплинарных исследований истории с помощью естественных наук продемонстрировали, с одной стороны, новые возможности и результаты, с другой – опасность упрощения, и, следовательно, искажения прошлого. Эти искажения можно избежать повышением профессионализма исполнителей, прежде всего, через более тесное сотрудничество представителей разных научных дисциплин.

2. Корректное сочетание естественнонаучных и исторических методов позволило установить решающее влияние географической среды и климатических колебаний на становление разных форм земельной собственности.

3. Рассмотрев многообразие методов и способов познания прошлого, влияние на человеческое развитие природных факторов, можем приступить к непосредственному изучению истоков европейской государственности. Помня при этом, что практически все основные европейские государства зародились в средние века. Этому и посвящены последующие Очерки данного пособия.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 5

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ

Расселение и общественно-политическое развитие древних германцев. Особенности варварских «королевств». Сложение государственности у германцев. Франки. Раннее государство в Британии. Особенности западноевропейских общественных порядков. Феодализм: западное или общемировое явление; обзор разных точек зрения.

Процесс образования государственности у варваров – германцев проанализируем в контексте рассмотренных в предыдущих Очерках антропологических теорий. Необходимость применения такого подхода определяется тем, что приложение общих закономерностей и теорий к локальным процессам позволяет реконструировать недостающие элементы социогенеза европейских варварских народов и их государств. Тем более, что эвристические возможности традиционных исторических подходов уже, судя по всему, исчерпаны.

Но, как верно заметил российский историк В.В. Пузанов, «*ведя речь о закономерностях исторического процесса и используя "универсальные" методологические схемы для их выявления и описания, следует признать, что разработка "универсальной теории, объясняющей все стороны общественной жизни", принципиально невозможна. Не следует забывать ни об уязвимости "универсальных теорий" при применении их к конкретному историческому материалу, который всегда богаче любой теории, ни об имевших место исторических альтернативах и случайностях*» [Пузанов, 2009]. Поэтому обратимся к конкретным формам и путям формирования государств в средневековой Европе.

Естественно, начиная рассмотрение средневекового политогенеза, нельзя забывать, что после падения Рима единственным, причем вполне развитым государством Европы была, несомненно, Византия. Но она оказалась в стороне от основных социально-политических процессов в тогдашней Европе, повлияв лишь на балканских славян и Русь. Остальные государственные образования, включая и западных славян, формировались в русле процессов, истоки которых складывались на западе континента, в германской, точнее, в германо-романской среде.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вновь **обратимся к германскому расселению**. Помимо традиционного представления о становлении средневековой Европы в процессе завоевания и ликвидации варварами, прежде всего германцами, западной части Римской империи, в последнее время распространилась и иная точка зрения. В соответствии с ней расселение германских племенных союзов по территории Западной Римской империи было не началом, а завершением длительного процесса их интеграции в позднеримский социум. В ряде случаев такое расселение было вынужденным из-за гуннской опасности, заставлявшей германцев искать спасения на римской территории. Поэтому отдельные германские народы часто оказывались не столько жестокими завоевателями, сколько жертвами обстоятельств, а их грабежи римских земель – вынужденным пропитанием «с меча», когда римляне не выполняли своих обязательств перед ними, как воинами-федератами Империи [Ауров, с. 214].

Конечно, германцы вполне оказались рабами обстоятельств. Но с такой оценкой, собственно, можно подходить практически к любым событиям в истории любого народа. И гуннам в IV–V вв., и монголам при Чингиз-хане и Тамерлане также не хватало ресурсов, и немцам при Гитлере – жизненного пространства; не их, мол, вина – обстоятельства так сложились! В итоге один миф: «германцы – звероподобные завоеватели» меняется другим мифом, но уже с противоположным знаком. Однако, все-таки, хотелось бы представлять *историю* не флюгером, а, прежде всего, источником информации, необходимой для выстраивания по возможности объективных картин развития событий, из которых можно извлекать не оправдательные мифы, а поучительные выводы для потомков.

В приведенном выше подходе к германским завоеваниям О.В. Ауров впечатлился историей, прежде всего, готов, книгу о которых он рецензировал. Но путь готов на земли Империи был весьма извилист. Поначалу они вовсе туда не стремились, избрав свободное от чьего-либо господства и климатически привлекательное Северное Причерноморье. Откуда им было знать, что оно – «проходной двор» для кочевников – Дикое Поле – еще со времен индоевропейских племен шнуровой керамики и боевых топоров эпохи бронзы, затем – скифов и сарматов.

Приходится удивляться, как, в общем-то, морской народ создал в Причерноморье развитое земледельческое общество – *готское государство*, отождествляемое археологами с *черняховской культурой*. Вероятно, заслуга готов – в объединении под своим управлением ряда земледельческих племен региона – протославян и фракийцев, прежде всего. Сами же готы, по сути, не успели толком укорениться на новых

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

землях. Потому и бежали оттуда под ударами гуннов, тогда как жившее в регионе до готов местное население осталось, хотя и поредело. Готы же, в итоге, присоединились к тому потоку германцев, который уже с конца II в. до н.э., начиная с кимвров и тевтонов, стал просачиваться в римские пределы, постепенно размывая границы, пока не превратился в бурный поток, затопивший весь европейский запад. Впрочем, даже победа германцев во главе с Арминием над римлянами в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. была, очевидно, не актом агрессии, а защитной реакцией на римскую активность…

Однако утверждать, что германцы не стремились с ходу атаковать римлян, но просили принять их в свои пределы и лишь в ответ на отказ последних перешли к захватам [Тодд], едва ли правомерно. Ибо с какой это стати римляне должны были принимать у себя целые племена. Когда это было нужно для охраны границ, они так поступали. Но, естественно, когда им самим было выгодно…

И в дальнейших германо-римских отношениях варвары едва ли были «жертвами обстоятельств». Франкам, бургундам, да и вандалам никто глобально не угрожал. Выйдя, в силу внутреннего развития, за пределы своих общинных угодий, германцы, как и другие племена на стадии поздней первобытности, когда в силу хозяйственного прогресса появлялись излишки и, соответственно, возможности, заполучая их, улучшать качество жизни, стали группироваться в ватаги, дружины для грабежей. Вспомним, что в те времена, когда насилие не считалось предосудительным и, по сути, приравнивалось к той же охоте, любой способ добычи средств существования был морален. Но поскольку соседи – другие германцы – были столь же бедны, дружины уходили дальше. Туда, где, как они узнавали, возможно, и от немногих купцов, жили побогаче. Так германцы открывали для себя Рим. И захотели сытой жизни на тучных угодьях Империи.

Рим, естественно, тоже был «хорош» в своем извечном экспансионизме и высокомерии. Тем более, что видел в варварах источник добычи рабов. Но германцы не были невинными овечками. Рост населения при ограниченных ресурсах в местах их изначального обитания, да еще в условиях начинавшегося в III в. похолодания – вот основная причина их расселения. И, как это часто бывало в истории, рост активности германцев совпал с кризисом Рима.

«*Уже в начале великих миграций германцы занимали обширные территории, большая часть которых отличалась экстремальными географическими и климатическими условиями: огромные леса, обилие рек, озер, непригодность многих территорий для земледелия и животноводства. Племена постоянно испытывали на себе военный и цивилизационный натиск римского мира, особенно усилившийся на*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рубеже тысячелетий. Как следствие, сформировался довольно высокий уровень мобильности древних германцев. Он отражал прежде всего адаптационные возможности и свойства данного этнического пространства. Помимо этого, мобильность германцев символизировала их особую социальную адаптацию. Не только витальные потребности стимулировали движение племен. Грабежи, покорение соседей, разбой в близлежащих римских провинциях, взятие городов, гибель императоров и видных римских военачальников – это также и акты самоутверждения, демонстрации мощи племен, их принадлежности к отмеченным традицией победителям и лидерам Барбарикума» [Буданова, 2002, с. 172].

Интеграцию германцев в римский социум не следует преувеличивать. Да, рождавшаяся в ходе завоеваний элита желала римских благ и перенимала, что могла, в том числе и в управлении (как Атаульф и Теодорих в Северной Италии, да и вестготы в Испании). Римское право, воспринятое варварами, «*легло в фундамент европейского гражданского общества и продолжало оказывать свое ощутимое воздействие после крушения Рима и появления на его территории варварских королевств, восточных по типу происхождения*» [Васильев, 2000, с. 104]. Здесь Васильев не совсем точен. Восточными их можно считать лишь потому, что античная Европа начинала с демократий. Но не только Рим, в конце концов, пришел к авторитарному управлению. Монархия, причем в классическом стиле как господство землевладельческой знати была в Македонии, покончившей при царе Филиппе (отце знаменитого Александра) с греческим полисным устройством. Очевидно, как это уже отмечалось, монархические государства возникали везде, где общества существовали за счет земли, а не моря, как было в Древней Греции. Но к этому мы еще вернемся далее.

Однако, как подметил не историк, а экономист, «*германцы, покорившие римские провинции, не сразу оказались под влиянием римского права. В Италии, например, после лангобардского завоевания оно распространялось только на римское население. Сами лангобарды продолжали жить по своим обычаям и традициям*» [Гайдар, с. 44–45]. Более того. В.П. Буданова, проанализировав взаимоотношения с варварами не только римлян, но и китайцев, пришла к выводу, что по мере расширения контактов варваров с цивилизациями «*в варварском мире формируется неприятие самой цивилизации и каких-либо отношений с ней*» [Буданова, 2002, с. 189]. То есть, в итоге варварское начало побеждало. В раннесредневековой Европе римляне в лучшем случае оказывались лишь в статусе *сотрапезников*. «*Римляне и германцы почти не смешивались между собой: существовал недвусмысленный*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

запрет на смешанные браки; интересы готов и римлян блюли разные чиновники» [Тодд].

Германцы, даже их элита, едва ли могли проникнуться основными достижениями римского общества в силу иного жизненного опыта, иной ментальности, той же необразованности… Да, постепенно, перенимались некоторые навыки управления и необходимые для них юридические нормы. Однако общество в итоге стало совершенно иным – наступило средневековье.

Тем более, что основные заимствования из античности германцы воспринимали через христиан, которые успели адаптироваться к некоторым римским правовым нормам, но демократические традиции античности не воспринимали и в силу сути христианства были склонны к авторитаризму. Что, в свою очередь, и способствовало их успешному миссионерству среди варваров, у которых на излете первобытности также формировались авторитарные, монархические формы правления. Л.С. Васильев назвал их королевства восточными «*по типу происхождения*» (см. выше). Но, представляется, при складывании государственности такой тип правления был не столько «восточным», сколько всеобщим, вытекавшим из военно-дружинных организаций варваров. Только в силу благоприятных географических условий первые государства возникли именно на Востоке. Лишь в I тыс. до н.э. рассмотренная выше ситуация в Восточном Средиземноморье породила иные общественно-политические формы.

Однако **раннее средневековье положило конец античности**. Почему?

Не только из-за исчерпания возможностей греко-римской экономики, основанной почти исключительно на рабстве. Политические коллизии в Греции с IV в. до н.э. и в Риме с начала новой эры также порождали все те же монархические формы правления. Греческая демократия привела, как отмечалось, к усобицам и потере независимости полисов. Огромный Рим вместо республиканских форм с горизонтальными связями пришел к созданию жестко управляемых вертикальных структур. Которые, кстати, естественным путем формировались и в империи Александра Македонского по мере укоренения на Ближнем Востоке. Централизация управления родила в обоих случаях известную на Востоке с древности массовую бюрократию, которая, по сути, «съела» Рим: «*Все, к чему прикасалась тяжелая рука фиска, умирало медленной смертью от полного истощения*» [Петрушевский, с. 136]. В итоге уже в первые века новой эры, еще до варварского расселения по римскому лимесу, античная демократия сохранилась лишь в воспоминаниях писателей.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Так что варварам не из чего было брать образцы античных политических порядков. А то, что формировалось у них в процессе расселения, развилось в монархии. Поэтому раннее средневековье и означало «*овосточивание*» Европы. В Восточной Римской империи это происходило не менее заметно.

Но ранние германские «*варварские королевства*» отличались от «восточных» принципиально: ограниченностью монархов их же дружинами. Причем не на основе римских законов, а согласно германским дружинным обычаям, отраженным во взаимных клятвах и обязательствах вождей и их воинов. Хрестоматийный пример тому – история с *Суассонской чашей*, которую не сумел отобрать у простого воина франкский конунг Хлодвиг (конец V в.). А вот обычаи эти действительно сложились на общей с древними греками основе – индивидуальном владении землей. Труда семьи (большой, затем и малой) в умеренном атлантическом климате вполне хватало для обеспечения немногочисленного населения рубежа эр, когда такая система складывалась[1].

В таких условиях германцы воспитывались свободными и включались в дружины вполне добровольно. Их вожди опирались только на собственный авторитет. Эта дружинная вольница сохранилась и в классическом средневековье, и не только в рыцарстве, но и в городских свободах. Что и породило специфическую западную цивилизацию. В ней государственность оказалась двойственной: естественное стремление правителей к властвованию сдерживалось выросшим из аллодов населением.

Рассмотрим **процесс сложения государств у германцев** подробнее.

Как уже отмечалось, процесс консолидации германских племен начался на рубеже новой эры с появления у них дружин во главе с вождями – конунгами. Эти дружины укрепляются как в конфликтах с соседями, другими германскими племенами, так и в столкновениях с римлянами. Вначале – в ответ на нападения последних. Затем – по мере накопления сведений о богатствах в империи и военного опыта – по собственной инициативе. Об устойчивости таких дружин в I в. н.э. находим у Тацита. Он же отмечал роль вождей, и даже появление наследственности при их избрании (см. сноску 2 на с. 28 и сноску 1 на с. 29).

Но, тем не менее, преобладают демократические механизмы управления – *военная демократия*. Ибо ресурсы у германцев поначалу были распределены «*более-менее равномерно. Это мир свобод-*

[1] Подробно о земельных отношениях у древних германцев см.: [Риер, 2000, с. 197–218; Риер, 2003, с. 30–33; Риер, 2006]. Там же приведена и основная литература вопроса.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ных вооруженных общинников, в котором лидерство или держится на прочных личных связях (например, семейных), или распределяется… в ситуации, когда возникает необходимость — чаще всего, внешняя угроза. В ее отсутствие, общины более-менее изолированы и самодостаточны – преобладает централизация на уровне отдельной деревни или конгломерата деревень» [Соколов М.].

Возникновение протогосударственных образований у германцев следует отнести, очевидно, к эпохе Великого переселения народов – к IV–V вв., когда потребности освоения на новых, захваченных у Рима территориях укрепили дружинные институты, возвышая их над остальным населением, причем не только над завоеванным местным, но и над рядовым германским. К этому времени формируется устойчивая власть вождей-конунгов, которые управляют с помощью выделившегося окружения – знати из семей наиболее приближенных дружинников. Там, где римляне не только преобладали, но и сохранили значительное влияние, германские элиты быстро романизировались, что происходило в вестготской Испании и Италии при Теодорихе Остготском. Но дальнейшее развитие в этих регионах было прервано соответственно арабским и византийским вторжениями. Так же пало под ударами Византии и алано-вандальское «королевство» в Северной Африке. Германцы, заселявшие то, что римляне называли Germania Magna[1], не дошедшие до римских провинций (бавары, саксы, тюринги и другие), не испытывая внешних импульсов, сохраняли свою исконную, позднеродовую организацию [Буданова, Горский Ермолова, с. 120].

Динамичным было развитие **франков**, чье государство оказалось и наиболее устойчивым из всех ранних германских политических образований. В нем сложились наиболее выраженные формы, ставшие основой западноевропейской средневековой цивилизации. «*В отличие от многих других племен они не исчезли, не растворились в кипящем котле раннесредневековой Европы, а, переплавив варварские традиции, римское наследие и христианские идеи, создали властные институты, ставшие основой для государственной организации во всей средневековой Европе… В целом в Европе довольно широко распространился франкский опыт, ставший своего рода моделью государственного строительства, очевидно, как исторически наиболее жизнеспособный*» [Властные структуры, с. 7, 13]. В том же тексте подчеркивалось, что «*в начале эпохи Меровингов королевская власть была практически единственным реальным потестарным институтом. Она полностью базировалась на варварской традиции…*» [Властные структуры, с. 15]. «*Римское наследие*» отодвигалось на второй план.

[1] *Свободная Германия* – общее название германских земель, не входивших в состав Римской империи.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Действительно, если обратиться к «*Салической Правде*», римское влияние проявляется там в применении испорченной латыни и указании на римские денежные единицы. Но другого у франков не было. Все остальные структуры, порядки и должностные лица, приведенные в этом сборнике обычного права, в том числе и подходы – от казусов, в отличие от принятых в римском законодательстве общих норм, были варварскими. Даже термин *вилла* в этом документе начала VI в. обращен к обычному крестьянскому поселению.

Власть конунга имела традиционный для догосударственной эпохи патримониальный характер: «*После смерти государя его владения делятся между сыновьями так же, как сыновья свободного франка-общинника делят отцовское земельное наследство, – на равные части… Связь, соединявшая короля с его подданными, была прежде всего личной. Сначала все они были его спутниками и соратниками…*» [Властные структуры, с. 15]. Все это – варварское. От римских порядков как будто сохранились лишь, помимо использования латыни и денежных единиц, некоторые непрямые налоги. Но о них почти ничего неизвестно.

Отношения внутри власти повторяли семейно-патриархальные порядки: сын подчинялся отцу. Конунг-отец передавал власть сыновьям как семейное наследство, но именно в патриархальной форме – всем по частям, что рождало периодические кризисы, если сыновей было несколько. Это и произошло после смерти Хлодвига. Такую форму правления, весьма неустойчивую, называют «*сыновним королевством*» [Волынец]. Проблема – равенство прав наследников, что характерно для варваров.

Таким образом, эпоха Меровингов у франков – типичное *потестарное*, но не государственное сообщество. Правда, в цитируемой книге [Властные структуры] данный термин применен расширительно, очевидно, в своем буквальном переводе (potestas – власть). И используется для обозначения любых форм власти, как например: *Потестарные институты во Франции в позднее средневековье и раннее новое время* (гл.3), или *Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI–XVII вв.* (гл. 15). Но, как уже отмечалось, в политической антропологии этим термином обозначается переходное общество – уже не первобытное, но еще с не оформившимися структурами, присущими государствам. Очевидно, не следовало бы «множить сущности», вносить путаницу в термины, чем историки порой грешат, как и в данном случае[1]. Тем более, что анализ конкретного франкского материала в данном издании свидетельствует о наличии

[1] Заметим, что в статье, прямо адресованной русскоязычным медиевистам, С.А. Васютин указывает на соответствующий понятийный аппарат, разработанный в социальной антропологии [Васютин, 2007, с. 40–41].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в нем именно такого переходного общества: «*Власть меровингских королей, покоившаяся на варварских приоритетах, исчерпала себя к середине VII в. Разделы королевства между наследниками породили соперничество между королями и привели к длительным расколам. Территория франкского государства, слабо связанная внутренними экономическими узами, распалась на три основные, относительно устойчивые части*…» [Властные структуры, с. 16]. Такое общество можно отнести к *сложным вождествам*.

Изменения начинаются в VIII в. Прежняя система не обеспечивала единства управления и подчинения. «*Политическая власть Каролингов имела совсем иную идеологическую основу, нежели власть их предшественников. Хотя варварская традиция в значительной мере сохранялась, на передний план выдвинулся принцип королевской теократии, опиравшийся на идею харизмы государя*» [Властные структуры, с. 17]. Теперь перед нами уже раннее государство. С Карла Мартелла начинается раздача земель в условные держания, за службу – *бенефиции*. Хотя название – латинское, но суть – новая. Вместо *сотрапезников короля* формируется служилое сословие – основа нового, государственного порядка и, кстати, феодального (в его западном варианте) сословия и строя. В таких условиях меняется и форма связи между монархами и их детьми. Под влиянием превращения бенефициев в феоды «сыновнее королевство» превращается в *апанаж* [Волынец, с. 5] – члены королевской семьи получали особые владения, что было призвано предотвратить претензии на трон тех, кому он не завещался. Начался этот процесс при внуках Карла Великого и завершился уже во французском королевстве при Капетингах, в XII – начале XIII в., когда легитимность королей стала определяться не обычаями, а признанием уже сформированного феодального сословия.

Аналогичная система распространилась и на всех владельцев феодов. Часто в их среде трудно было различить родовые, наследуемые земли по праву аллода и земли, пожалованные за службу, то есть собственно бенефиции. Нередко по смерти, например, графа, его дети претендовали и на те земли, которыми покойный управлял по должности, от имени короля. Такая система могла удерживаться лишь личным авторитетом Карла Великого, «*была неотъемлемой частью его личности*» и не могла его пережить. Потому созданная им империя вскоре распалась [Уоллес-Хедрилл, с. 148].

Следующий этап на данной территории – XIII–XIV вв., когда в Западной Европе появляется относительно устойчивая система управления – т.н. государство нового типа, построенное на публично-правовых принципах [Властные структуры, с. 9]. Но эта эпоха уже выходит за рамки нашего анализа.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 32. Западная и Центральная Европа в конце IX в. [Атлас, с. 9]

Обратимся к **истории создания других варварских государств в Западной Европе**. К востоку от Рейна некоторые изменения в устройстве племенных княжений возникали под влиянием продвижения туда войск Карла Великого и создания новых административных округов вокруг каролингских *пфальцев* – административных резиденций. Новое понимание королевской власти отразилось уже в собственно германских династиях, начиная с саксонской, с X в.

Выделенные хронологические рамки формирования государственности подтверждаются и археологическими материалами. Имеются в виду укрепленные поселения – *городища*, отдельные типы которых

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

отражали процессы обособления дружин и знати от остального («рядового») населения и, что важно, фиксировали появление, этапы развития и территориальное распространение правящего сословия.

Накопленные к настоящему времени археологические материалы с укрепленных поселений представляют не отдельные феномены, а статистически репрезентативный материал, охватывающий обширные территории[1]. Подробно городища как источник для изучения социального развития раннесредневековой Европы мне уже приходилось анализировать [Риер, 2000]. Позволю себе выделить основные выводы, относящиеся к данной теме.

До раннего средневековья укрепленные поселения в германских землях были мало распространены. Чаще они встречаются на юго-западе германского расселения, у алеманов, как укрепления отдельных дворов, что отразило античное влияние в создании индивидуальных укреплений. В III–V вв. превращаются в крепости некоторые резиденции племенных вождей («конунгов»). В дальнейшем, особенно поначалу, у франков и южно-германских племен оборонительными сооружениями обносятся некоторые административные и христианские центры [Риер, 2000, с. 200].

С VII в., прежде всего в Рейнской области, начинается сооружение так называемых меровингских бургов. Их число возросло с VIII в., что было связано с началом франкской экспансии на правобережье Рейна (пипинские бурги). Это были укрепления представителей господствующей династии, размерами в 2-8 га. Внутри их обычно находились каменные дворцы и церкви, то есть они представляли собой административные и религиозные опорные пункты франков в завоеванных областях. Создавались, естественно, и крепости с франкскими гарнизонами, выявленные, например, в Тюрингии (также с VII в.). Войны франков с саксами породили во второй половине VIII в. появление в Саксонии довольно однотипных городищ, круглых или овальных, небольших, площадью обычно 0,5 га. Многие из них оказались недолговечными и исчезли после поражения саксов. На других обосновались франкские гарнизоны и администраторы-графы. Каролингские правители построили во второй половине VIII – первой половине IX в. много и других укрепленных поселений. К концу IX в. эти городища имели довольно внушительный вид, располагались на мысах, холмах и других естественных укрепленных местах. Они располагались в стратегических важных пунктах, обычно на расстоянии 8-14 км друг от друга и явля-

[1] Еще в 70-е гг. прошлого века мне довелось обратиться к городищам как археологическим признакам феодализации [Риер, 1988]. Тогда же на значение хронологии городищ для анализа процесса классообразования указал шведский археолог Х. Арбман [Клейн, 2009, с. 129]. Недавно о познавательных возможностях ранесредневековых городищ писал польский исследователь П. Урбаньчик [Urbańczyk].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лись центрами административных округов, объединявших в среднем по 12-20 селений и имевших разные размеры. Эти округа прослежены и в X в. при Саксонской династии (так называемые «оттоновы бурги»). Среди них распространяются так называемые «пфальцы» – мощные императорские укрепленные поселения с 1-2 большими предградьями (форбургами). Эти форбурги были рассчитаны не только на постоянных жителей, обслуживавших монаршие потребности, но и на укрытие в случае опасности окрестного сельского населения.

С XI в. характер бургов меняется. Исчезают старые мощные дерево-земляные кольцевые валы (частично сгорают) и появляются каменные бурги – замки меньших размеров, с дворцами – родовые резиденции крупных землевладельцев. В этих изменениях можно видеть наступление полного феодального господства на местах – приход феодальной раздробленности. Отдельные такие бурги могли нести и государственные функции. Их строили ландграфы, а позднее, в XIII–XIV вв. – представители центральной власти [Brachmann, 1982, S. 172–173; Brachmann, 1985, S. 460–462; Gensen; Gringmuht-Dallmer, S. 56–57, 63; Jankuhn, 1957, S. 176; Janssen, S. 234–235; Mrusek, S. 9; Struve, S. 47; Timpel, 1979, S. 349; Weidemann]. Так постепенно рассматриваемые городища из раннегосударственных опорных пунктов власти превратились в центры крупных феодальных владений. По форме и размерам государственно-административные центры мало отличались от резиденций крупных землевладельцев, что отразило характерное для феодализма срастание государственной и частной власти.

С XI в. распространяется и иная, новая форма городищ – небольшие рыцарские замки. Основной тип этих замков – так называемые *motte* (нем. моль) – жилые башни-донжоны высотой в XI–XII вв. по 6–9 м. Они были столь малы, что имели лишь горницу с камином, а хозяйственные помещения обычно располагались отдельно, вне укреплений. Просуществовала основная масса мотте до утраты их значения с появлением огнестрельного оружия и изменения статуса рыцарей [История крестьянства в Европе, т. 2, с. 174; Ennen, Janssen, S. 130; Grimm, 1977; Herrmann, 1960, S. 74–103; Herrmann, 1986, S. 211–232; Janssen, 1965, S. 155–183; Janssen, 1975, S. 234–235; Janssen, 1983, S. 315–316; Janssen Wil., S. 146; Kamińska S. 62–65; Mrusek, S. 20; Müller-Wille; Timpel, 1982].

Таким образом, разные типы, формы и размеры городищ наглядно продемонстрировали путь социального развития германцев от эпохи военной демократии до развитого феодализма. Достаточно четко выделяются 2 рубежа:

- Первый – VIII в. (на Рейне – с VII в.) – появление и интенсивное распространение резиденций административных верхов (под сильным влиянием франкского государства);

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

• Второй – XI в. – начало массового строительства мотте – замков низшего слоя феодального сословия.

Разнообразие функций укрепленных поселений VIII–XI вв. свидетельствует о динамике процесса становления и распространения разных элементов феодальных отношений: государственных и частновладельческих, что соответствует пониманию этого периода в германских землях как раннефеодального [Риер, 2000, с. 200–203].

В Британии раннее государство можно видеть с середины XI в., с прихода Вильгельма Завоевателя. А до того существовали племенные «королевства», сложившиеся на рубеже VI–VII вв., или иначе – «сложные вождества» [Васютин, 2007, с. 53]. Начало им было положено германскими вторжениями на остров в V в. Как и на континенте, в Галлии, местные кельты в Британии жили племенным строем – вождествами и к более сложной политической организации не успели приступить. Германцы же в ходе завоеваний формировали, опять-таки, как и на континенте, более сложные организации, что вызывалось как процессом завоеваний, так и организацией владения захваченными и заселяемыми территориями.

Естественно, создание государственности – длительный процесс, при котором сосуществуют как племенные структуры, так и новые формы правления. Последние стихийно возникали как в силу внутренней логики укрепления власти, так и в результате заимствований, в том числе и под влиянием духовенства как единственно грамотного слоя в то время. «*Археологические данные, относящиеся к концу VI в. и далее, говорят о новой, более высокой степени общественного расслоения и политической централизации, что нашло отражение в богатых захоронениях правителей, более разнообразной иерархии расселения…*» [Эстилл, с. 341]. «*В условиях военного завоевания формирование частной собственности происходит в Англии весьма интенсивно, в первую очередь выделяются земли, собственником которых был король*» [Мельникова, 2011, с. 129].

Важной вехой в создании государственной власти считаются Судебники, которые в англосаксонских королевствах появляются в VII – начале VIII в. (судебник Этельберта, законы Инэ). В них, как и в Салической правде, особо оговорены функции и права короля, отмечены его подданные [Глебов, с. 151–154]. С VIII в. фиксируются королевские пожалования частным лицам и церкви. Короли, судя по вергельдам, уже с конца VI в. получают особый статус, который неуклонно повышается [Мельникова, 2011, с. 129].

Но вести отсчет начала государственности от этих документов, думается, преждевременно. Ибо лишь к середине XI в. за королями

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

закрепляется особый статус по сравнению со знатью [Глебов, с. 162. Эстилл, с. 342–345]. До того королей то избирают, то признают правителями их наследников – все зависит от конкретной ситуации, от личного авторитета действующего монарха, от силы других знатных семейств… Вспомним, что и сам завоеватель Британии в середине XI в. – нормандский герцог Вильгельм ссылался на завещание англосаксонского короля Эдуарда Исповедника.

Переход к государственности у **скандинавских народов** (норманнов, викингов) происходил позднее их западных и южных соседей в силу, прежде всего, все тех же географических обстоятельств. Суровый климат, недостаток пригодных для жизни земель замедлял их развитие. Лишь в VII–VIII вв. у них создаются локальные межплеменные объединения с вождями (ярлами) – простые вождества. А в IX в. они выходят за пределы своей холодной, малоплодородной земли и вскоре становятся печально известными всей Европе своими набегами и грабежами. Агрессивность норманнов объясняется невозможностью прокормиться на суровых землях при неуклонном росте населения. К IX в. оно уже превышало возможности региона.

Ограниченность пригодных для обработки земель способствовала хуторной системе расселения с закреплением наделов (одаль) в наследственную собственность крестьян (бондов). Скудность ресурсов не позволяла появившимся конунгам и вождям рангом пониже содержать дружинников, а тем более наделять их землей и правами кормления, как в Англии. В итоге дружинники сбивались в ватаги и стали растекаться по всей Европе, где грабя, где попутно приторговывая, где становясь наемниками местных правителей.

А если позволяли обстоятельства, они основывали свои объединения – сложные вождества. К таковым можно отнести «государство», созданное Гарольдом Синезубым[1] в Дании и, частично, в Южной Швеции во второй половине X в. В первой половине XI в. Канутом Датским (Кнудом Великим) к этому вождеству были присоединены земли Англии, Норвегии и, частично, южное побережье Балтики (современное польское Поморье) (рис. 33). Союзником его было и польское княжество при Болеславе Храбром (о нем – далее). Но это объединение, иногда в литературе даже именуемое *империей*, распалось после смерти его создателя в 1035 г. Очевидно, разделенное морями образование не могло быть в тех условиях прочным. Тем более, что в его составных частях существовала и собственная знать со своими правящими кланами.

[1] Точнее, с учетом современного прочтения – Харальд Темнозубый [https://ru.wikipedia.org/wiki/Харальд...].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 33. «Империя» Канута Датского в 1028 г. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кнуд…]

Но там, где викингам удалось, подчинив местное население, укорениться в качестве господствующей дружинной прослойкой, они способствовали созданию более прочных объединений, на основе которых возникли ранние государства: Нормандское герцогство (X в.), Сицилийское королевство (XI в.).

Отток активной, но не имевшей перспектив на родине, в Скандинавии, массы людей смягчал сложности, возникавшие в местном обществе, но замедлял его развитие. Постепенно консолидировалась и оставшаяся немногочисленная знать, выделявшая из своей среды королей. Уже в IX в. появляются территориальные объединения, ставшие основой средневековых Дании, Швеции и Норвегии. Но до XI в. там еще не произошло обособления знати в правящее сословие. Эти образования вполне подпадают под понятие вождество. Феодальные порядки, причем весьма своеобразные, как бы стертые, сложились в Скандинавии уже за рамками раннего средневековья.

Датское королевство как раннее государство сформировалось на основе владений преемников Канута, сохранивших свою власть на полуострове. Сходство природных условий с соседними германскими княжествами породило и сходство социально-политического развития. А стратегические особенности Дании – контроль над проливами между Северным и Балтийским морями укреплял молодое королевство и сделал лидером в Скандинавии.

В *Швеции* первоначально образовалось два королевства: на севере и юге. В начале XI в. северное королевство (со столицей в Упсале) подчинило южное и сложилось единственное раннее государство. Так-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

же в начале XI в. укрепляется королевская власть в *Норвегии*. Но в ней королям противостояло крестьянство, которое совместно со старой племенной знатью отстаивало патриархальные порядки. Когда король (Олаф Харальдсон) в начале XI в. в борьбе со знатью и крестьянами попытался опереться на христианскую церковь, началось общее восстание, и король был убит. Вскоре это ослабленное королевство было подчинено Данией.

Кстати, и другие скандинавские короли в борьбе за укрепление своей власти стремились опираться на христианство и усиленно его насаждали. Но в условиях слабости феодального землевладения христианизация встречала сильное сопротивление сил, связанных со старыми, общинными порядками: крестьян и племенной знати. Поэтому христианизация затянулась до XII в. И позднее церковь в Скандинавии так и не получила такого влияния, как в других европейских странах. Специфика Скандинавии – медленное создание такого государственного признака, как городов. В итоге процесс формирования подлинной государственной организации в регионе растянулся и на XII–XIII вв. А предшествующий период можно считать временем государственного строительства со всеми отмеченными выше условностями и политическими слабостями.

Конечно слабыми «*раннесредневековые государства кажутся в сравнении с позднейшими централизованными монархиями*» [Сидоров, с. 6]. Но тогда мы опять возвращаемся к спору о дефинициях: что называть государством. Представляется, что, коль речь идет о существующем ныне понятии, от него и надо отталкиваться. Иначе даже историки, если они изучают разные эпохи, перестанут друг друга понимать.

С.А. Васютин, один из первых, приложивший современные концепции политантропологов к российской медиевистике, заметил, что «*у медиевистов еще не разработан единый понятийный аппарат, отражающий сущность управленческих структур варваров до момента складывания у них государственности. Еще используется термин военная демократия для обозначения переходной эпохи… многие варварские институты (устойчивые кланы, наследование в их рамках земли и т.п.) считаются пережитками первобытности*»[1]. С чем он не согласен, ибо «*современные археолого-антропологические классификации не признают общества с производящей экономикой первобытными. С этой точки зрения уже классическая бронза – раннее железо – не первобытные*» [Васютин, 2007, с. 39–43].

[1] Понятие «*военная демократия*» вошло в обиход после издания в середине XIX в. книги известного американского этнографа Л.Г. Моргана [Морган]. Оно долгое время считалось универсальным и обязательным этапом в истории общества. «*Ныне совершенно очевидно, что “военная демократия“ таким этапом не была, что это лишь частный случай, вызванный к жизни определенным стечением обстоятельств и знакомый ряду народов мира, включая, например, варягов и викингов средневековой Европы*» [Васильев, 1983].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

С последним утверждением сложно согласиться, ибо производящее хозяйство возникает еще в неолите, когда появилось земледелие. Но общественная организация тогда, по всеобщему признанию, оставалась родовой, т.е. первобытной. А переход в эпоху бронзы к государственности произошел только в отдельных очагах первичного земледелия – в речных долинах Ближнего и Среднего Востока. Упоминание же *современных археолого-антропологических классификаций* документируется лишь одной ссылкой, да и то на частный пример.

А утверждение «*характеристика германского общества I тыс. как первобытнообщинного концептуально устарела*» [Васютин, 2007, с. 45] выглядит недоразумением: этого никто не утверждает. Критикует Васютин распространенный в советской медиевистике термин *варварское общество* как размытый, с чем вполне можно согласиться, как и с тем, что "*раннеклассовое общество" – самый неудачный термин, ибо там не было еще классового деления*» [Васютин, 2007, с. 42]. Но распространение введенного еще А.И. Неусыхиным понятия «*дофеодальное общество*» «*на всю варварскую Европу вплоть до классического средневековья*» [Васютин, 2007, с. 43] также вызывает возражения. Ибо в нем уже задан вектор превращения этих обществ в феодальные. А если нет, как у вестготов в Испании (не успели из-за арабского завоевания), или Само у славян (о нем подробнее – далее), тогда как? Очевидно, антропологические дефиниции в данном случае будут уместнее, поскольку позволяют сопоставлять типологически близкие структуры разных сообществ в разное время.

Итак, процесс формирования государственности в раннесредневековой Западной Европе, начавшись с варварских королевств в V в., занял более полтысячелетия и прошел несколько этапов. В процессе борьбы за власть формировались ее центры – королевские дворы, вокруг которых группировалась дружинная элита – королевская свита, совмещавшая разные функции [Сидоров, с. 6–7].

Первые опыты организации власти – наиболее реализованный пример франков при Меровингах – продемонстрировали неустойчивость создаваемой системы, которую можно отнести к сложным вождествам[1]. Карл Мартелл у франков, саксонские короли в германских землях, отчасти Альфред Великий в Англии, в силу накопленного опыта и под влиянием внешних опасностей – необходимости укрепления военно-служилого слоя для борьбы с соседями (арабами и норманнами) создавали новые военно-административные структуры путем оформления служебного землевладения.

[1] К ним же можно отнести англосаксонские королевства V–VI вв., а также малые королевства в Дании и Швеции [Васютин, 2007, с. 53].

Электронный библиотека МГУ имени А.А. Кулешова

Параллельно формировалась и **новая идеология власти** – ее сакрализация через *миропомазание*, в чем серьезную помощь королям оказывали папы Римские[1]. Все это происходило спонтанно, в ходе, так сказать, естественного отбора: наиболее удачливые правители (умные, хитрые, решительные, наглые – и далее по списку…) основали известные нам династии. Их невезучие соперники безвестными канули в Лету.

Определенная хронологическая веха – X–XI вв. – более отчетливый переход к ранним государствам[2]. Так в итоге формировалась **западноевропейская модель,** причем не только государственности, но и особая цивилизация, истоком которой можно считать аллодиальные традиции германцев, индивидуальное землевладение, без которого не могла бы сложиться сеньориальная, вассально-ленная система западного феодализма.

Основы этой системы формировались, как уже отмечалось выше, особой природной средой в местах возникновения германского этноса, прежде всего – ландшафтами. Небольшие долины, окруженные каменистыми лесистыми возвышенностями (в Южной Скандинавии) или невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин (у южного побережья Северного и Балтийского морей) способствовали формированию обособленных хозяйственных анклавов, закреплявшихся за отдельными семейными общинами. Умеренный атлантический климат позволял таким семьям вполне самостоятельно, без помощи соседей (в отличие от Востока, но подобно грекам и римлянам) обеспечивать свое существование. Так, еще раз напомним, на рубеже новой эры возникли скандинавский *одаль* и германский *аллод* – основа индивидуальной земельной собственности в средневековой Западной Европе. Обе эти формы сближает гарантия их неотчуждения от владельца.

Здесь надо заметить, что **представления об общине** и организации землевладения среди историков весьма неоднозначны. В частности, китаист Л.С. Васильев и в частных, и обобщающих работах констатирует, что «*общинная земля в традиционном обществе, как правило,*

---

[1] Этот обряд был взят из Библии, его производили над царями Израиля. Религиозная составляющая власти отражена и в древнеславянской лексике. Например «*термин "князь" в некоторых славянских языках обозначал священника (ср. польск. ксёнз)*» [Щавелёв, с. 207].

[2] До X в. короли еще слабо выделялись из среды знати [Сидоров, с. 34]. Да и позднее европейские монархи имели довольно ограниченную власть. «*Взгляд на государственную власть, как на институт, в котором узаконено право на применение силы, вряд ли подходит для Средневековья. Даже в классический период короли зачастую не располагали "аппаратом насилия" – достаточно вспомнить о конфликте Иоанна Безземельного с баронами*» [Васютин, 2007, с. 56]. Тут надо заметить, что право на насилие уже было, но еще принадлежало всему правящему сословию. Это и отличало сословные монархии классического средневековья от более поздних – абсолютистских. В них государство действительно превратилось в особый, специализированный *аппарат насилия*.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

никогда не становилась полной и безраздельной собственностью ее обладателей. Она всегда в той или иной мере оставалась общинной, т.е. принадлежавшей коллективу» [Васильев, 2007, с. 149]. Индолог Л.Б. Алаев в полемике с ним утверждает, что «*с возникновением оседлости и земледелия участки пахотной земли сразу же становились семейными владениями, и община не занималась регулированием землепользования*», причем не только в Европе, но везде, в том числе и на Древнем Востоке[1]. А у древних германцев традиционно понимаемой общины вообще не было и ссылается на А.Я. Гуревича [Алаев, 2009, с. 212–213; История крестьянства в Европе, т. 1, с. 90–136]. Аллод при таком подходе среди ранних форм землепользования ничем особым не выделяется.

«*В любом случае аллод представляется историкам объектом имущественных прав, предметом отчуждения и более или менее свободного распоряжения. За неимением данных, историки лишены возможности более глубоко проникнуть в его природу*». Но Гуревич, анализируя данные о шведском одале, пришел к выводу, что в нем слиты имущественные и личные, статусные права свободного. Одаль как бы документирует эти права и свободы. Отсюда и община представляется не четко структурированной организацией, как позднее в средние века, а чем-то иным, не воспроизводимым в привычных нам юридических представлениях [Гуревич, 2006, с. 31–36].

Идеи о некоей сакральной связи древних земледельцев с землей-кормилицей высказываются разными авторами[2]. Но, как и все сакральное, такие представления сложно выразить в строго определенной, однозначной форме.

Однако и традиционное представление об аллоде как о четко выраженной собственности крестьянина-домохозяина, вполне документируется и «Салической Правдой», и судебниками других германских племенных союзов [См., напр.: Данилова, 1969; Каняшин, Серовай-

[1] О взглядах Алаева см. [Райков]. Подробнее [Алаев, 2000]. О полемике по поводу древнегерманской общины см. также [Риер, 2003, с. 33–34], об археологических свидетельствах наличия индивидуальных дворов у германцев в начале н.э. – [Риер, 2000, с. 197–199; Donat P., S. 136; Gringmuht-Dallmer, 1985, S. 110].

[2] Например: «*Скандинавский одаль – один из наиболее красноречивых и изученных примеров феномена собственности на средневековом Западе. Воплощая нерасторжимое единство собственности и ее обладателя, одаль создает социальное лицо индивида, его высокое достоинство*» [Дубровский, с. 62]. «*Слово “одаль” означало не только землю и усадьбу но и “родину”… Хозяева усадеб особенно заботились о том, чтобы ни единого клочка их земли не перешло во владение в чужие руки. Сохранение земли было залогом силы семейства и, следовательно, мощи государства в целом. Отсюда тщательно прописанные в законах требования о том, что земля не может переходить от одного рода к другому… Все усадьбы огораживали… Скандинавскими законами особо предусматривалось тяжелое наказание за взлом чужой собственности*» [Будур, с. 113–119].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ский]. Удивляет, однако, что в недавней обобщающей монографии там, где речь идет о древнегерманской общине, аллод вообще не помянут [Буданова, Горский, Ермолова, с. 14].

Осторожнее об общине в раннем средневековье высказывается польский медиевист К. Модзелевский. По документам VIII–IX вв. он фиксирует существование соседских коллективов, обладавших правом контроля над доступом к угодьям и дававших разрешение на освоение новых участков [Лукин, 2008, с. 35]. При этом он указывает, что кроме общинников, в раннесредневековой Европе право на отчуждение и раздачу ничейных участков в общинах имели и правители – короли (князья) [Модзелевский, с. 170]. Это зафиксировано, например, в Салической Правде [Салическая правда, с. 23, XIV, 4].

Вообще, полемика об общине давняя, спровоцированная как разнообразием ранних форм крестьянского землепользования, так и, прежде всего, крайне скудными сведениями об общественных порядках ранних земледельцев вообще, что делает выработку едино мнения даже в отдаленной перспективе весьма проблематичным. Особенно при глобальных обобщениях. Вероятно, в такой ситуации надо с осторожностью переходить от частных наблюдений к общим выводам. По крайней мере, в данном конкретном случае германские земельные порядки, как и античные, складывались в иных природных условиях, чем индийские и китайские, что уже рассматривалось выше.

Вполне обоснованным выглядит выведение из аллода феода. При этом можно считать, что до XII в. в Западной Европе существовал единый подход к собственности свободных людей. «*Она предстает неизменно полной (т.е. не ограниченной сверх обычных социальных условий ее существования), свободно наследуемой и отчуждаемой. Собственность могущественных лиц объективно более полна и свободна. Маленькому человеку труднее отстоять свои права. Тем не менее в принципе они у всех одинаковы. Все права защищает один обычай, все они подчинены единым или сходным социальным ценностям и контролю. Полная собственность в этот период создавала базу общественного порядка, при котором все другие поземельные отношения играли подчиненную роль. К существовавшей системе землевладения и социального долга земельные пожалования фактически не добавляли ничего принципиально нового… Когда земля переходила в руки свободного человека, с течением времени ее начинали воспринимать как свою собственную, и обычное право закрепляло эти новые права*» [Дубровский, с. 55].

Как бы там ни было, из аллода, также как из римского правового наследия, возник специфический западный феодализм, основанный на широких частных правах земельных собственников, противоположный

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

восточному деспотизму [Филиппов]. Именно традиции обособленного хозяйствования, сложившиеся в силу природной обусловленности и у греков с римлянами, и у древних германцев позволили последним воспринять римское право с его суверенностью закона и признанием института частной собственности[1]. Именно земельные держания, признаваемые сообществами в качестве наследуемой собственности и породили уникальные особенности Запада, основанные, подчеркнем еще раз, на специфике его природных условий, отличавшихся даже от центрально- и восточноевропейских.

Традиция наследуемых держаний – аллодов, с которой германцы вошли в средневековье, способствовала сохранению крестьянской хозяйственной самостоятельности даже в условиях их попадания в зависимость от новых землевладельцев – феодалов. Привычка, сложившаяся еще у древних скандинавов, закрепленная, в том числе, и в Салической правде франков (VI в.) создавала известный иммунитет *огороженному месту* (полю, усадьбе), который вынуждены были уважать позднее и феодалы, если не хотели нарваться на крестьянское сопротивление. Поэтому в большинстве своем феодалы и не вмешивались в хозяйственную жизнь «своих» крестьян, ограничиваясь рентой. Такая практика способствовала сохранению крестьянской инициативности, передавшейся и средневековым горожанам – потомкам наиболее деятельных земледельцев. Отсюда – еще один средневековый западноевропейский феномен – свободные города. Но это – особая тема.

Вернемся к **раннему Средневековью**. Формирование варварских государств тесно увязывается со становлением новых общественных отношений – **феодализма**. Отношение к этому явлению, также как и к термину среди историков неоднозначно. Концептуальная определенность советской историографии ушла в прошлое. Но привычка пользоваться старой терминологией без пояснений сохранилась. Во избежание путаницы, однако, необходимо разъяснять авторские трактовки распространенных, но, как оказывается, по-разному трактуемых понятий, что относится и к *феодализму*.

О семантике термина писал недавно И.В. Дубровский, отметивший его возникновение около 1000 г. из старофранцузского *feu* или *fiet*. «*Около 1000 г. под феодом все чаще понимаются именно земельные пожалования*». В таком качестве *феоды* распространились с XI в. в церковном землевладении, а с XII–XIII вв. как условные пожалования и среди мирян [Дубровский, с. 55–61]. Впрочем, данный термин известен у франков с конца VIII в. на севере, а спустя столетие – на юге [Филиппов, с. 615]. Применение термина, отнесенного в XVIII в. к западноев-

[1] «*Скандинавский одаль – один из наиболее красноречивых и изученных примеров феномена собственности на средневековом Западе*» [Дубровский,с. 62].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ропейскому средневековью, уже стало общим местом многих работ. Но его перенесение на другие регионы требует специального пояснения.

Свое представление о феодализме я уже излагал [Риер, 2003, с. 19–22]. Если кратко, то под феодализмом понимается система общественных отношений, основанная на власти, возникающей и опирающейся на монопольное владение землей как источником существования, что включает в себя и право на подчинение тех, кто на этой земле производит жизненно необходимые продукты, т.е. крестьян. Формировалась эта система в процессе разделения труда в позднеродовом обществе и состояла в выделении военно-управленческого слоя (знати) при консолидации и укрупнении ранних этнополитических объединений. Господствующее положение позволяло возникавшей элите не только накапливать у себя свободный земельный фонд, но и на правах правителей или от их имени прибирать к рукам контроль над всей землей данного сообщества – вождества, затем и раннего государства. Сбор даней, налогов, административная и судебная деятельность постепенно укрепляли земельные права господствовавшего слоя. Он подчинял своему контролю земли, на которых вело хозяйство рядовое сельское население. Так образовывались разнообразные системы земельных владений.

Правители, обладая правами на подконтрольные земли, раздавали их своим приближенным на условиях несения ими службы, прежде всего военной. Крестьяне, проживавшие на этих землях, должны были обеспечивать новых владельцев. Земли, розданные на указанных условиях, в Западной Европе получили название феоды, а их владельцев стали называть феодалами. Отсюда и название строя, основанного на таком землевладении – феодализм. Власть при этой системе была приватизирована крупными земельными собственниками и обеспечивалась личной зависимостью получавших у них землю служилых людей. Часто эти личные связи закреплялись в договорах.

Иными словами, **главное в феодализме – монопольные права на основной источник существования – землю.** Именно эти права давали землевладельцам политическую власть, ибо иных способов жизнеобеспечения при тогдашней системе хозяйствования, уровне развития средств производства не было. С другой стороны, превращение власти вождей в политическую – переход от вождеств к ранним государствам – давало правителям право верховного распоряжения землей и наделения ею своих слуг. То есть, с возникновением государств, с формированием господствующего слоя на прежние крестьянские права владения землей в общинах накладывается новая власть со своими верховными правами. Крестьяне, оставаясь земледельцами со своими хозяйствами, превращаются в держателей. Но теряя юридические

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

права, крестьяне остаются экономически самостоятельными производителями, выплачивавшими новым собственникам земли ренту, чаще в виде оброка [Филиппов, с. 738].

Ремесла и торговля, даже на экономически более развитом Востоке (в раннем средневековье), играли вспомогательную роль [История Востока, с. 6–7]. Когда же деятельность, не связанная с землей, стала развиваться и занимать все более значимое место в экономической и общественной жизни, феодализм как система начал приходить в упадок.

В условиях цивилизационного разнообразия феодализм был многолик. Находить его в разных обществах, думается, **можно** по наличию крупного землевладения, сросшегося с политической властью. А в остальном – он мог быть государственным, как на Востоке, частновладельческим, как в Западной Европе. Надо также иметь в виду, что, как и любая социологическая абстракция, понятие феодализм не охватывает всего многообразия жизни средневековых сообществ. Но оно – удобный инструмент для обнаружения и изучения их существенных черт, для выявления динамики исторического развития. Ведь и во многих современных обществах существуют формы, которые удобнее называть именно феодальными, а не средневековыми. Ибо средневековье – это хронологическое, нейтральное понятие, феодализм же ориентирует на определенные исторические структуры и порядки.

Повторюсь для большей точности. Под феодализмом мне видится система, охватывавшая общественные и хозяйственные структуры, существовавшие как на Востоке, так и на Западе. Иное сформулировал авторитетный медиевист А.Я. Гуревич: «*Нет ничего проще, чем всюду и везде находить “феодализм”, если руководствоваться упрощенным пониманием феодализма как строя крупного землевладения, эксплуатирующего земледельцев*». И далее: «*Оснащенный такими критериями историк найдет феодализм и в древневосточных деспотиях..., и в Римской империи (колонат), и в Китае, и в Индии, и в Иране, и в Византии, и в Русском государстве (крепостничество)*» [Гуревич, 1998, с. 16].

При таком ограничении действительно получается, что феодализм был преимущественно в странах Западной Европы [Гуревич, 1998, с. 21; Гуревич, 1999а, с. 20–21][1]. Полагаю, что это сужает наши представления о феодальных общественных порядках. Действительно, первоначально под ними понимались публично-правовые вассально-ленные связи, сложившиеся на западе латинского мира [см., напр.: Пти-Дютайи, с. 8]. Лишь изучение внеевропейских обществ расширили представления историков и уже Марк Блок высказался о подобии средневековых порядков Японии западноевропейским [Leciejewicz, S. 13].

[1] О подобных взглядах см. напр.: [Кенигсбергер, с. 10–11].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Их элементы действительно присутствовали в различных цивилизациях и в разные эпохи [см. также: Алаев, 2000, с. 6–7]. Да и сам Гуревич признавал, что многие общества были многоукладными, гетерогенными, а «*соображения о том, что разорение и закабаление крестьян было магистральным путем раннефеодального развития*» назвал взятыми с потолка [Гуревич, 1998, с. 21; Гуревич, 1999а, с. 194–199; Гуревич, 1999б, с. 12].

Вообще же спор о «емкости» понятий отдает схоластикой, против чего предостерегает и Гуревич. Человеческую историю едва ли возможно уложить в строго определенные параметры. Особенно это касается представлений об исторических структурах. Логичнее, подчеркну, пользуясь общепринятыми понятиями, обязательно разъяснять представления автора.

В последнее время, насколько могу судить, наиболее оригинальное, *неортодоксальное* понимание феномена феодализма высказал Л.С. Васильев [Васильев, 2007а, с. 26–47; Васильев, 2007б]. Исходя из сложившейся в немарксистской историографии традиции именовать феодальной систему, основанную на членении «*государства на королевский домен и феоды владетельной знати – знак свидетельства слабости центральной власти*», Васильев представил феодализм как <u>систему удельного управления территориями при отсутствии сильной центральной власти</u>. И самую раннюю форму такой системы он отметил в раннечжоусском Китае (VIII–V вв. до н.э.).

Позднее такую же систему Васильев увидел и в раннесредневековой Западной Европе, где она, как и в древнем Китае, возникла при неразвитых бюрократических структурах. Поскольку же первоначально такая система была изучена именно в Европе, а о Востоке тогда европейцы не знали, она, подчеркнул ученый, была воспринята именно как присущая европейскому Западу после падения античного общества. И стала считаться классической как западная модель феодализма.

Васильев же подчеркнул, что «*феодализм следует считать результатом <u>отсутствия централизованной политической системы</u> с хорошо налаженным чиновно-бюрократическим аппаратом*». И далее: «*Проблема, связанная с наличием либо отсутствием феодализма как феномена никоим образом не связана ни с античностью, ни вообще с европейским (западным) вариантом исторического процесса. Феодализм – это вневременное и даже внесистемное, то есть <u>необязательное</u> явление в истории мировой цивилизации… В истории человечества феодализм встречался не слишком часто и, главное, всегда выступал лишь в виде вынужденной альтернативы в тех государствах, где еще не возникла хоть сколько-нибудь развитая и упорядоченная централизованная чиновничье-бюрократическая*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

администрация… Феодализм в этой трактовке воспринимается и функционирует только тогда, когда централизованная власть и устойчивый аппарат администрации длительное время почему-либо отсутствуют либо находятся в зачаточном состоянии. Феодализм в этих случаях является альтернативой классической восточной структуры, основанной на власти-собственности и централизованной редистрибуции… Правители, не имея возможности создать эффективную администрацию и, соответственно, централизованную редистрибуцию, вынуждены были добровольно раздавать своим приближенным уделы. Это и вело к тому, что привычно именуется феодализмом… Отношения феодального типа, как в их наиболее полном и совершенном виде, так и, особенно, в урезанной форме, были свойственны лишь слаборазвитым, либо почему-либо отстававшим в развитии обществам со структурой восточного типа или в чем-то сходной с последней, как то случалось в некоторых сравнительно поздних европейских государствах» [Васильев, 2007б, с. 149–153].

Таким образом, Васильев разработал собственную концепцию формирования обществ, основанных на сочетании власти-собственности, опирающейся на единственный в доиндустриальное время ресурс – на землю. Как очередная теоретическая конструкция, она вполне имеет право на жизнь. Но, учитывая традиции применения термина *феодализм*, стоит ли множить сущности, придумывая иную трактовку к уже устоявшемуся понятию, сформулированному именно на средневековых западноевропейских процессах? При таком подходе известному востоковеду, естественно, пришлось объяснить место в своей схеме именно западноевропейского феодализма, то есть вторгнуться в вотчину европейских медиевистов. Такой взгляд со стороны бывает полезен. Но и не лишен недостатков по той же причине.

Оценивая ранние варварские государства Европы (германские королевства. – *Я.Р.*) Васильев отметил, что они «*генетически родственны Востоку*», ибо «*все пришедшие в Европу с Востока народы были полукочевыми этническими общностями, едва достигшими уровня племенных протогосударств. Они существовали в условиях политической децентрализации, причем в очень ранней модификации классической восточной структуры*» [Васильев, 2007, с. 153].

Здесь, однако, неясно, как ранние германские королевства были связаны с восточными кочевниками. Гунны, конечно, ускорили процессы перемещения, оседания и создания протогосударственных образований у германцев на новых для них землях. Но какие «*восточные структуры*» они могли воспринять и усвоить от гуннов? Тем более, что своей государственности те не создали, а вскоре вообще исчезли с исторической арены.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Децентрализация у германцев, как и у аналогичных по стадии государств на Востоке – не заимствование, а именно от стадиального сходства, что рассматривалось выше, при анализе образования первых государств. Логическая цепочка, проведенная Васильевым, здесь не просматривается. Отсюда и его анализ генезиса европейского феодализма местами представляется экзотичным.

Уместившееся на полутора страницах, предельно сжатое описание Васильевым «*специфики европейского феодализма*» [Васильев, 2007, с. 153–154] страдает эклектическим сложением воедино и института *оммажа*, и влияния античных традиций, «*(включая традиции личной свободы граждан и рыночно-частнособственнических связей, не зависимых от давления властей)*», которые «*с особой силой влияли на городское население*». Тут же, как пример возрождения античности – «*увеличении роли рыцарской куртуазности, тесно связанной с культом Прекрасной Дамы, которой рыцари посвящали свои подвиги*». Непонятно, где в этом культе *возрождение античности* и вообще, причем здесь куртуазность, которую обычно связывают, кстати, с влиянием опыта крестовых походов европейцев на Ближний Восток. Критически разбирая концепцию всемирной истории Васильева, отметив в ней нестыковки и некоторые внутренние противоречия, Л.Б. Алаев назвал курьезным пассаж об оммаже и куртуазности [Алаев, 2009, с. 216].

Затем Васильев возвращается к появлению европейского феодализма, но уже в связи с упадком римского централизованного государства, что должно подтверждать его концепцию складыванию оного в условиях децентрализации. И, далее: «*типичная*» для раннесредневековых европейских королевств раздробленность «*сближает западноевропейский феодализм с восточным, в частности чжоуским*». Повторимся, не сближает, а в сходных условиях рождает сходные структуры!

Но, продолжает Васильев, влияние античных традиций отличает западноевропейский феодализм «*от всех остальных*». А «*убыстрению темпов эволюции на постренессансном Западе*» способствовало «*возрождение античных рыночно-частнособственнических и демократическо-правовых гражданских традиций*». Это, подчеркивает автор, «*ключевая проблема всей темы о феномене феодализма*». Именно в этом и есть «*сущность того нового взгляда на феодализм, который предлагается читателю*».

И далее Леонид Сергеевич переходит к тому, с чем, собственно, и связан весь пафос его концепции. И начинает с «*так называемого "восточного феодализма"*», термина, который он считает порождением догматичной марксистской теории формаций. Он подчеркивает, что «*все те сравнительно редкие случаи существования феодализма, о которых история может дать хоть сколько-нибудь весомые сви-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

детельства, связаны с Востоком и являются порождением восточных структур. Античность феодализма не породила». С последней фразой, думаю, никто и не спорит. А утверждение, что «*Феодализм всегда был и в принципе мог быть лишь порождением классической восточной структуры*» относится, понятно, к собственному концепту Васильева: «*Феодализм появлялся и исчезал в зависимости от наличия либо отсутствия централизованной администрации и поэтому, естественно, хронологически не совпадал и просто не мог совпадать с эпохой европейского Средневековья*». Отсюда – об особом «*восточном феодализме*» нет и речи. При **его** понимании феодализма тут и спорить не о чем. Но автор и далее «накручивает аргументы», споря с марксистской концепцией феодального общества [Васильев, 2007, с. 155–156]. Но что было актуально в 90-е гг. прошлого столетия, то теперь уже бой с фантомом.

Не бесспорны и рассуждения Васильева о феодальной экономике [Васильев, 2007, с. 157–160]. Сложно согласиться с утверждением о «*распространенных по всей Европе черт позднеримского колоната*». И далее: «*В западноевропейских городах, где жило преимущественно римское население, все было иначе* (по сравнению с Востоком. – *Я.Р.*). *Там сохранялись нормы, свойственные античности*». А новые, собственно средневековые города, как они связаны с античностью? Или это отголосок былой теории античного континуитета в старой европейской урбанистике?[1] И вообще, насколько средневековые горожане связаны с античными?

Важно отметить, что подчеркивая римское наследие как основу формирования капитализма в Европе, автор совершенно игнорирует германский фактор, роль аллода и дружинных порядков в складывании особых черт западноевропейского средневековья. Отсюда и вопрос о причинах «*принципиальной разницы*» между Востоком и Западом, причин того, что «*только тот путь, который прошли западноевропейские средневековые государства, оказался удачным*» остается, по сути, без ответа.

Васильев пишет, что в Европе «*деревня существовала в рамках традиционного восточного стандарта, пусть ослабленного из-за полупервобытного примитивизма. Но со временем провинция оказалась под влиянием успехов античного стандарта, культивируемого в городах либо в городских республиках, прежде всего североитальянских*». Вот тут Васильев либо что-то пропустил в своем изложении, либо напутал. Средневековая деревня никак не наследовала античный стандарт, тем более из североитальянских городов-государств. Отсюда и следующий вывод: «*Возрождение (Ренессанс) стало не только*

[1] *Урбанистика* – изучение истории городов.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

феноменом, уникальным по многим своим параметрам, но и знаком, символом, сигналом того, что восточный стандарт в средневековой Западной Европе в значительной мере преодолен» не проясняет сути. А следующий пассаж вообще запутывает: «*Из сказанного следует вывод, что феодализм как социально-политический феномен был присущ нескольким различным обществам Востока и Запада, причем он встречался и в древности, и в Средние века. Но только один раз – в средневековой Западной Европе – в силу различных обстоятельств, включая и экономические институты, он обрел классическую форму, отличавшуюся наличием всех основных признаков*». Так стоило ли «огород городить», если в итоге и *феодализм по Васильеву* классическим оказался на Западе.

А далее Леонид Сергеевич опять спорит с марксизмом: «*Безоговорочное использование столь привычного, удобного и вроде бы всем понятного термина «феодализм» применительно к обозначению всех средневековых обществ ведет к непониманию, к извращению сути исторического процесса… вслед за некоей условностью в терминологии – и в зависимости от нее – идет оценка сущности явления. Феодальная формация* (подчеркнуто мной. – *Я.Р.*) *в системе подобного мировосприятия буквально силой навязывается Востоку*». То есть получается, что именно для этого опровержения Васильев и выработал свое понимание феодализма, который «*не имеет никакого отношения и к фундаментальной структуре того либо иного общества. Феодальная система как таковая является лишь вынужденной формой политического строя, социальных и экономических отношений, характерных для слабого государства (на Западе или на Востоке) в уникальных обстоятельствах*».

Ну что ж. О терминах не спорят, о них договариваются. Но, чтобы «не множить сущности», может, стоило бы оставить в покое *феодализм* и подобрать для данной концепции иной термин, как это, кстати, удалось Васильеву с понятием «*власть – собственность*». Французский историк А. Герро справедливо писал: «*Медиевисты упраздняют одни понятия или вводят другие, руководствуясь не логикой рационального исследования, а приверженностью или антипатией к той или иной черте своего общества*» [Герро, с. 98].

Надо заметить, что в рамках современной историографической традиции концепция Васильева выглядит весьма оригинальной и пока не заполучила последователей, по крайней мере, в публикациях. В анализе природы и сущности феодализма преобладают евроцентристские подходы. Может и потому, что именно в Европе сформировалась общепринятая в мире периодизация истории, в которой и *средневековье*, и *феодализм* были выделены на западноевропейском материале,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и даже такими критиками традиционных подходов, как Васильев, подсознательно воспринимаются как эталонные (классические).

Феодализм продолжают выводить из симбиоза германских и римских порядков, причем не только в советской, но и в западной историографии, где, однако именно марксисты формулируют его в привычной нам терминологии. Вне пределов германо-романского синтеза феодализм, в таком понимании, не возникал [Андерсон, с. 110, 143, 152, 206; Герро, с. 92–99]. Как европейский «продукт», феодализм специфичен, в том числе и феноменом *свободных городов*, что не загоняло Европу в тупик, в отличие от феодализма восточного [Баткин, 1999, с. 226–228].

Свое понимание феодализма развивал и А.Я. Гуревич, заметив, что «*вокруг этих терминов* (средневековье и феодализм) *скопилось множество произвольных суждений и толкований, они настолько плотно вошли в исторический и обиходный лексикон, что избавиться от них невозможно, а потребность уточнить их содержание возникает лишь в виде исключения*» [Гуревич, 2002, с. 262].

Мысль справедливая, кроме, разве что, ее завершения. В свете изложенного выше уточнять содержание надо не в виде исключения. Далее автор отметил, что «*большая часть историков, обсуждавших вопрос о существе феодализма, сосредоточивалась на рассмотрении отношений в высших слоях общества; вассалитет и ленные связи занимали центральное место в их исследованиях. Однако такие ученые, как М. Блок, были склонны распространять понятие «феодальное общество» отчасти и на подвластное господам крестьянство*». Позднее у Ж. Дюби «*акцент в его трактовке феодализма явственно перемещается с уровня социального на уровень идеологии и ментальности… Ему же принадлежит мысль о том, что ключ к разгадке феодализма следовало бы искать в сфере социально-психологических установок средневекового менталитета*» [Гуревич, 2002, с. 264–265].

Последующие исследования, особенно конца прошлого века, которые проанализировал Гуревич, позволили ему заметить, что «*социально-политическая действительность средневековья, заметно утратив смысловую монолитность, все яснее обнаруживает существенное многообразие и несводимость к простым и универсальным формулам. Если попытаться охватить умственным взором социальные отношения в разных регионах Европы и на разных этапах средневековья, то не предстанет ли Запад куда менее феодальным, чем это казалось предшествующим поколениям историков? Очень важно не упускать из виду, что сделавшееся вскоре ключевым понятие «феодализм» возникает в трудах западных мыслителей не ранее сере-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дины XVIII столетия и еще позднее проникает в собственно историографию, превратившись в этикетку, произвольно и универсально прилагаемую к огромному предшествовавшему периоду». Теперь «*немалые основания для предположения о принципиальной многоукладности средневекового общества, всецело феодальная природа которого кажется скорее результатом неоправданной односторонней стилизации, нежели отражением действительного положения дел*». Поэтому «*удивительно, что понятие "феодализм", выкованное мыслителями XVIII в., без особых возражений и радикальных модификаций было унаследовано современной социологией и исторической наукой*» [Гуревич, 2002, с. 270–272].

При этом Арон Яковлевич представляет феодализм исключительно европейским феноменом. Но как идеологеме он предсказывает ему ту же участь, «*какую история уготовила учению о формациях… Привычно изображать феодальное общество в виде стройной пирамиды: основание ее образуют простонародье, мелкие подданные и вассалы более крупных сеньоров, которые, в свою очередь, служат могущественным господам-баронам, непосредственно подчиненным главе иерархии – монарху… На самом деле эта стройная конструкция была далека от конкретной реальности, несравненно более сложной и даже запутанной*» [Гуревич, 2002, с. 275–279]. Проанализировав современные подходы европейских медиевистов, автор заключает: «*Я полагаю допустимым говорить о "средневековом феодализме" преимущественно применительно к одной только Западной Европе*». И вслед за Дюби: «*Что такое феодализм? Это – средневековый менталитет*» [Гуревич, 2002, с. 290]. Естественно, западноевропейский.

Здесь добавляется еще один элемент дискуссии. Нередко в литературе смешиваются понятия *феодализм* и *Средневековье*. Как заметила специалист по средневековой Скандинавии А.А. Сванидзе, Гуревич отказывается буквально их совмещать, отводя феодализму лишь сферу сеньории и вассально-ленных отношений. Средневековые же явления разнолики многими укладами, не вмещающимися в рамки феодализма [Сванидзе, 2006, с. 254][1].

Учитывая приведенные выше точки зрения, указанные концепции не только западного, но и восточного феодализма, рассмотренный выше вывод Гуревича можно встроить в общий ряд представлений, учитывая, естественно, все аргументы авторитетного автора. Но пафос

[1] О том же: «*Хотя феодализм – основная социальная система Средневековья, между ними (т.е. системой и эпохой) нет полного совпадения, во всяком случае во времени: в середине I тысячелетия Средневековье как эпоха уже "идет", феодализм же только зарождается. Добавим, что через тысячу лет будет наоборот: Средневековье вроде бы потеснено Возрождением, ранним новым временем, а феодальная система или ее серьезные реликты просуществуют еще не одно столетие*» [Сванидзе, 2003, с. 387].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рассуждений Арона Яковлевича и в другом: «*Я не настолько наивен, чтобы питать малейшую иллюзию относительно того, что в обозримом будущем историки, социологи или философы откажутся от привычки употреблять понятия "феодализм" и "средние века". Такое их употребление, вернее сказать – злоупотребление ими, пустило слишком глубокие корни… в интересах науки было бы вовсе невредно, если бы исследователи, склонные использовать общие традиционные концепции и терминологию, поступали более ответственно и вдумчиво, не поддаваясь магическому влечению превращать универсалии в реалии и вновь присягать на верность тем "-измам", которые достались им по наследству от предшествовавших столетий*» [Гуревич, 2002, с. 292]. Позднее, еще раз вернувшись к *феодализму*, Гуревич отметил, что «*проблема феодального Средневековья – понятия и предмета исторического исследования – весьма мало тревожит наших медиевистов, вследствие чего многие продолжают придерживаться довольно-таки заскорузлых взглядов и суждений*» [Гуревич, 2006, с. 13].

В таком контексте весьма драматично воспринимаются слова: если «*историки не могут разобраться, что такое феодализм – имя собственное или нарицательное? Существует один "феодализм" или же их множество?*» И коль так, «*при столь противоречивых и несогласуемых мнениях трудно продолжать конструктивную дискуссию, и гораздо легче перестать употреблять слово, чтобы не запутаться окончательно*» [Селунская, 2006, с. 115–116].

Такой скепсис был порожден вышедшей в конце прошлого века книгой английского медиевиста Сьюзан Рейнолдс «Фьефы и вассалы», которая при анализе особенностей вассалитета в средневековой Западной Европе подвергла сомнению ряд устоявшихся понятий [Reynolds]. Это вызвало бурные отклики не только частного, но и общего характера – о понимании феодализма[1]. Проанализировав основные положения указанной и более ранних работ Рейнолдс, Н.А. Селунская вполне справедливо заключила, что «*отрицание общих понятий как заведомо несостоятельных, не решает всех проблем… Хотя в данный момент не может быть и речи о сохранении широкого понятия «феодализм», правомерно отметить отдельные попытки частичного восстановления разрушенных позиций. Видимо, после периода*

[1] «*Позиция Рейнольдс была удачно определена как тенденция крайнего номинализма, поскольку исследовательница пришла к радикальному отрицанию какого-либо общего смысла понятия "вассалитет", и тезису о принципиальной невозможности выкристаллизовать это общее понятие из частных контекстов*» [Селунская, с. 117]. Рейнолдс не рассматривала взаимоотношения крестьяне – сеньоры, а ограничилась лишь «*сферой отношений между феодалами*», что и привело ее к фиаско, «*несмотря на солидный объем проработанных текстов*» [Филиппов, с. 72].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

отхода от использования концепта, историкам предстоит обсудить возможность возрождения палитры понятия “феодализм”» [Селунская, с. 128][1].

Основываясь на выводах английской исследовательницы, известный специалист по русскому средневековью А.А. Горский вообще заключил, что «*“классическая модель” феодализма – сеньориальный строй с развитой вассально-ленной системой – являет собой практически фикцию*». И, выступив против общепризнанного представления о различиях средневековых общественных порядков в Западной Европе и Руси, констатировал, касаясь истории Руси, что «*необходимо рассмотреть зафиксированные в источниках реалии, исходя из понятий изучаемой эпохи, и только после этого пытаться подобрать научные дефиниции, определения для описания социального устройства в целом*» [Горский, 2010, с. 65–66]. В этом он, конечно, прав. Хотя отвергать на основе лишь одного, хотя и новаторского исследования, многовековые представления о западном феодализме, тоже не на песке построенные, думается, преждевременно. Скорее, Рейнолдс не столько изменила, сколько усложнила и обогатила понимание соответствующей системы. Горскому же ее вывод позволил «*говорить о принципиальном типологическом единстве общественного развития* (всех. – *Я.Р*) *стран Европы в эпоху Средневековья… Развитие общественного строя Руси в эпоху средневековья шло по тому же пути, что и в других европейских странах*». Хотя исследователь и признает, что «*частная крупная земельная собственность вплоть до XIV столетия была на Руси распространена относительно мало*» [Горский, 2010, с. 79-81]. То есть направление развития было близким, но разным по времени и форме (далее об этом – подробнее).

Но, комментируя мнение другого известного историка Древней Руси – М.Б. Свердлова о феодализме на Руси, основанном на «неземельных фьефах» (от феодализма без ленов на Руси – по Марксу), П.С. Стефанович заключил, что такое расширение выхолащивает само понятие феодализма «*и феодальным при желании уже можно объявить едва ли не любое общество в истории человечества*» [Стефанович, с. 153].

Представляется, что современные исследователи, прибегая к все более остроумным и тонким методам анализа, концентрируясь на деталях, излишне множат сущности в частных сферах, что вызывает в памяти мудрую мысль Козьмы Прудкова – «*узкий специалист подобен*

[1] Социолог В. Шляпентох верно заметил, что «*ни одно общество не может быть описано при помощи только одной социальной модели*» [http://www.svobodanews.ru/content/article…]. Кстати, и само слово *концепт* не имеет однозначного толкования [Петровская].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

флюсу, полнота его односторонняя». Марк Блок, например, воспринимал «феодальное общество» как весь комплекс социальных отношений. Теперь же, в том числе и по Гуревичу, в феодализме видят, прежде всего, определенную систему юридических институтов, источник которых – знать и, соответственно, феодальное общество – это связи, прежде всего личные, в среде этой знати [Решин, с. 12–16][1]. Но ведь доводя до логического завершения такой подход, получим, что в то же самое время крестьяне жили в другой системе? При этом в частных исследованиях о рассматриваемой эпохе многие европейские авторы нередко, во избежание недоразумений, термины феодализм и феодальное общество вообще не употребляют [См., напр.: Щеглов, с. 129].

Однако, если отказаться от западноевропейской монополии на *феодализм* как локальный, только ей присущий феномен, его все-таки можно найти на Востоке, пусть и под другими названиями. Например, этнолог Ю.П. Семенов, описывая ранние общественные структуры Востока, выделил феномен, названный им *политархия*. Суть его – «*строй, для которого характерно совпадение… господствующего класса с государственным аппаратом, системы распределения прибавочного продукта… с политической иерархией…, с должностями в системе управления*» [Семенов, с. 58]. Здесь мы видим те черты, которые характерны для всех сообществ, основанных на владении основным источником существования в доиндустриальное время – **землей**. Но ведь это и есть общее основание феодальных порядков! Об этом же писал и Горский: «*В IX–X веках на Руси формируется общество, в котором в роли элиты выступал военно-служилый слой во главе с князьями… Отношения господства-подчинения между военной верхушкой и рядовым земледельческим населением были доминантными в русском средневековом обществе…*» [Горский, 2010, с. 79–80].

Такое представление соответствует подходу Тойнби, заметившего, что феодализм существовал приблизительно в одно и тоже время и в Византии, и в мусульманском мире, и в Японии. Но возник там не по тем же причинам, что в Западной Европе. Все эти системы он называет феодальными, подчеркивает, что они должны рассматриваться как совершенно различные институты [Тойнби, с. 30]. Можно с позиций исследователей локальных процессов упрекать английского мыслителя в упрощении и даже в дилетантизме [Риер, 2003, с. 8–9]. Но его заботит глобальное видение исторического развития. И в данном контексте конкретизировать широко распространенные термины вплоть до сведéния их к ускользающим частностям, думается, контрпродуктивно!

[1] Вполне категорично: «*Феодализм – западноевропейский феномен V–XV вв.*» [Цатурова, с. 268].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

На этом пути мы действительно теряем не только понимание феодализма, но и взаимопонимание, единый язык. Верно подметил один из ведущих ныне московских медиевистов П.Ю. Уваров: «*В конце 80-х годов подросло новое поколение медиевистов, которые начинают свергать с пьедестала своих учителей*». И старые теории (здесь имеется в виду теория «феодальной революции» Дюби) уступают место «*сумме более частных и не очень связанных друг с другом объяснений*» [http://polit.ru/lectures/2010/03/23…]. Так недалеко и до Вавилонской башни в данном конкретном сегменте исторических представлений.

Поэтому представляется вполне обоснованным подход московского медиевиста Н.А. Хачатурян, которая в недавней дискуссии отметила, что западный феодализм – это крупная земельная собственность. А началась она с аллода, из него через бенефиций перешла к крупной собственности и зависимым держаниям. Преобладание на Западе вассалитета было порождено частными земельными правами. Восточный же вариант феодализма был характерен верховной государственной собственностью на землю. Но только в Средние века мелкий и зависимый производитель был системообразующим элементом общественных отношений. И это по-прежнему можно называть феодализмом [Хачатурян, 2007, с. 24, 35]. Об этом же – и специалист по русскому средневековью А.В. Назаренко: владельческие права и есть государственные, политические. «*Их тождество и есть одна из определяющих особенностей феодализма*»» [Назаренко, 1999, с. 170], и археолог Е.А. Шинаков, которому близка идея «большой феодальной формации» со многими вариантами и двумя полюсами: западным и восточным [Шинаков, 2009, с. 27].

Проанализировав ситуацию, Уваров заключил, что теперь настало время выбора: «*Либо признать, что время абстракций, общих понятий и “больших нарративов”, действительно, безвозвратно прошло, и настала эпоха узких специалистов и микросюжетов. Либо отбросить все обветшавшие и перегруженные противоречивыми коннотациями понятия и придумать новые. Либо задуматься над тем, можно ли приспособить старые понятия к нуждам современного уровня исследований. А если можно, то как? Каждый из трех путей имеет свои преимущества и недостатки. Но сегодня мы сконцентрируемся на третьем пути*» [Уваров, 2006, с. 9].

Но если выйти за рамки довольно ограниченного по размерам сообщества медиевистов, специализирующихся на изучении западноевропейского средневековья, в современной историографии, в том числе и русскоязычной, представлен довольно широкий спектр представлений о Средних веках и феодализме. Некоторые из них были выше приведены. Представляется, мнение этого, довольно обширного круга ис-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

следователей нельзя игнорировать. Следует заметить, что среди них немало тех, кто пришел в историю не со студенческой скамьи, а уже в зрелые годы из других специальностей, то есть по некоей внутренней потребности, может из исследовательского любопытства, логики познавательного процесса. Их понятийный аппарат часто основан на учебниках еще советской эпохи. И тем же медиевистам может показаться архаичным. Это касается и понимания феодализма. Но взгляд со стороны необходим, ибо позволяет преодолевать однобокость «узких специалистов» широтой и незашоренностью подходов[1].

Среди представлений таких авторов можно отметить мнение уже упоминавшегося В.И. Пантина, в данном случае вполне заслуживающее внимания. «*Многие исследователи считают, что распространение феодально-крепостнического (государственно-крепостнического) способа производства было ограничено Западной Европой; однако, если под феодализмом и государственным крепостничеством понимать не только феодальное право, но и отношения личной зависимости, преобладание натурального производства и натуральных повинностей, то нельзя отрицать наличия его элементов и в Киевской Руси, и в средневековых Китае и Индии. Вместе с тем столь же трудно отрицать сохранение и даже усиление в Средние века на Востоке элементов азиатского способа производства и его политического выражения – восточного деспотизма. Это не удивительно, поскольку ликвидация античного способа производства способствовала возрождению элементов более архаичной азиатской формы собственности и связанных с ней политических институтов*» [Пантин, 2003, с. 251][2].

Такой подход довольно традиционен. Но при стремлении представить образ глобальной истории, он, очевидно, действительно не может быть иным. Показательно, что он перекликается и с вышеприведенным мнением Хачатурян. И, главное, он позволяет вполне корректно сопоставлять локальные миры, что при узко ограниченном понимании феодализма невозможно.

Стоит указать и мнение о феодализме Е.Т. Гайдара. Как экономист, он близок вышеизложенному мнению Васильева: тенденция к феодализации – «*следствие слабости государственных финансов*» [Гайдар, 1997, с. 25; с. Гайдар, 2005, с. 42]. И в средневековых городах он также видит наследие античности [Гайдар, 2005, с. 45]. Ссылки на Васильева нет; значит, вывод сделан на основе внешней схожести – само-

[1] Естественно, при этом необходимо отбраковывать воинствующих дилетантов, типа Фоменко, о чем уже шла речь выше.

[2] Заметим, как и *Древняя Русь*, термин «Киевская Русь» тоже искусственный, возникший в XIX в. [Горский, 2010, с. 47].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

управляющиеся сообщества. Но схожесть эта – кажущаяся. Тем более, что свободные средневековые города возникали далеко за пределами римского лимеса. Близость античных и средневековых западноевропейских городов есть следствие действия, в обоих случаях, логики рыночных отношений в условиях самоуправления, что привело, в конечном счете, западные города и все тамошнее общество к капитализму. Связь с античностью здесь кажущаяся.

Власть над землей и возникавшую вследствие этого эксплуатацию как признак феодализма рассматривают этнолог А.И. Першиц и социолог Б.Ю. Кагарлицкий [Першиц, с. 27][1]. Существование *восточного феодализма* продолжает отстаивать Алаев, подчеркивая, что «*из восточного феодализма вылупился феодализм обыкновенный*» [Алаев, 2007, с. 288]. При этом именно на Востоке и был подлинный феодализм. «*Западная Европа сумела сравнительно быстро преодолеть вязкую систему феодализма потому, что сохранила (или выработала) ряд общественных институтов, несистемных по отношению к господствующим отношениям в целом*» [Алаев, 2007, с. 213].

Такие представления совмещают *феодализм* с *азиатским способом производства*, чему возражает, например, социолог Е.Б. Рашковский. Он замечает, что существованию феодализма на Востоке противоречит отсутствие там такого важного института «*феодализма, как вассалитет»,* которым «*закладывалась одна из основ формирования гражданского общества в Западной Европе. А на средневековом Востоке мы видим другое социально-институциональное устройство общества*». Почему, спрашивает Рашковский, «*центральной темой всех дискуссий о типе общественного строя на средневековом Востоке является вопрос об институте собственности, характере поземельных отношений. Анализ социальных отношений не менее важен*» [Пешков и др., с. 176–178].

Совершенно другого подхода к феодализму придерживается исследователь русского средневековья А.Н. Поляков: «*Для феодальной системы, если рассматривать ее как тип цивилизации, отношения с непосредственным производителем не имеют значения. Не крупная земельная собственность как таковая, и не труд крестьян, присваиваемый землевладельцем, превращал его в феодала… Основной ячейкой феодального уклада является феод*» [Поляков, 2007, с. 61]. Как видно, и в данном контексте требуется постоянное авторское пояснение используемого понятия.

Весьма эклектичным и неточным представляется понимание *феодализма* в рассмотренной выше концепции С.А. Нефедова. Он назы-

[1] «*Феодализм так же связан с землей, как ранний капитализм с морем*» [Кагарлицкий, с. 106].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вает *феодальными* общества, создававшиеся кочевниками в процессе завоеваний: «…*социальная структура этих обществ вписывается в общепринятую концепцию феодализма: действительно, в новом обществе кочевники образуют военное «рыцарское» сословие, во многих случаях они делят завоеванную страну на "феоды" ("икта", "сюургалы", "тиули") возводят замки и закрепощают или порабощают крестьян…*» (подчеркнуто мной. – *Я.Р.*) [Нефедов, 2007, с. 111–112]. И далее. Под влиянием кочевников «*земледельцы перенимают их социальную структуру и создают военное сословие (тяжелую кавалерию), подчиняющее и закрепощающее простой народ. Именно такой, "диффузионный", феодализм был характерен для государства франков и для Московской Руси. Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно-два-три столетия, то большинство обществ того времени были "феодальными"*» (подчеркнуто мной. – *Я.Р*) [Нефедов, 2007, с. 112].

При таком – расширительном – толковании феодализма можно понять раздражение Гуревича, выступавшего против перенесения термина за пределы Западной Европы. Ведь и *рыцари* и *феоды* в европейском средневековье имеют вполне определенное толкование. *Рыцари* – не только воины, но и обязательно благородные, имеющие гарантированно наследственные держания, связанные взаимными обязательствами со своими сюзеренами. Даже японских самураев историки «принимают» в рыцарское сословие с оговорками, ибо они подбирались без учета происхождения, а как военные слуги. *Феоды* отличались от *икта* и других восточных земельных пожалований, прежде всего, гарантированными традициями и вассально-ленными обязательствами[1]. На Востоке же гарантией было лишь слово правителя без всяких обязательств со стороны последнего. Не было там и сложившейся на Западе феодальной иерархии с принципом: «вассал моего вассала – не мой вассал»[2]. Совершенно неправомерно считать однотипными франкское общество VIII–X вв. и Московское государство, существовавшее с XIV в., в котором, как, кстати, и в Древней Руси *рыцарства* в его «классическом» понимании не было. Такой подход рождает и общее недоверие к выкладкам и концепции Нефедова, о чем уже писалось выше.

Заслуживает внимания точка зрения московского медиевиста И.С. Филиппова. Если «узкая» трактовка феодализма ограничивает его

[1] Подробно о *феоде* как западноевропейском явлении см. [Филиппов, с. 612–615].

[2] Даже в Византии «…*пожалованные права не обладали однозначностью. Они носили субъективный характер, зависящий от получателя, его положения в обществе, авторитета, воли императора, создающего единичное право своим решением*» [Хвостова, 2009, с. 130]. Поэтому даже византийские *пронии* не идентичны западному *феоду*!

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сферой отношений внутри господствующей элиты, то «широкая» распространяет это понятие на все общественные отношения. Но, будучи сторонником последней, ученый признает, что по ряду позиций первая («узкая») «*более соответствует историческим реалиям*» [Филиппов, с. 753]. Действительно, последние из рассмотренных представлений о феодализме размывают это понятие.

На этом пока закончим анализировать проблемы понимания *феномена феодализма.* Из приведенных суждений видна не только многогранность явления, но и неоднозначность его понимания, проистекающая от сложности процессов, которые им обозначают. Учитывая укорененность данного термина, хотелось бы присоединиться к тем, кто ратует за наиболее расширительное его толкование. «*Феодальный способ производства доминировал в Азии так же, как и в Европе… В феодальном способе производства жила львиная доля населения Земли до XX в., тысячелетиями во многих местах*» [Уикхэм, с. 50, 54][1].

Но, именно поэтому, повторюсь, <u>каждому исследователю обращение к рассматриваемому концепту (феномену, явлению, термину…) необходимо предварять четкой формулировкой авторской позиции.</u> Это, надеюсь, снизит накал чисто схоластической полемики. Вполне солидарен с Горским: «*Споры о “феодализме“ до сих пор характеризовались тем, что отправной точкой в них служили не реалии общественного устройства, а научные термины, дефиниции. Было некогда выработано представление о феодализме, и все XX столетие ушло на выяснение – отклонения от него надо считать феодализмом или нет? Куда плодотворнее противоположный путь – попытаться обобщить реалии, выявленные путем конкретных исследований, а затем договориться о дефинициях… Поэтому нет оснований полагать, что на Западе Европы был “феодализм“, а на Востоке нет. Либо следует применять условный термин “феодализм” ко всем европейским средневековым обществам, включая русское, либо искать другой термин, но опять таки общий для всех европейских стран*» [Горский, 2010, с. 79–81]. Последнее, полагаю излишне, ибо запутает всех.

Итак. В широком понимании **феодализм – это права на владение землей и на использование труда земледельцев – крестьян.** Но так же: **феодализм – это <u>обязательства</u>. На Западе они внутри правящего сословия – двусторонние.** Феодалам при выполнении *их обязательств* гарантируются права на землю уже как *обязательства*

[1] Показательна характеристика современной Северной Кореи экономистом Е.Ш. Гонтмахером. «*Там классический феодальный строй – с правящей династией и бесправными подданными*» [http://polit.ru/article/2013/04/17…]. Здесь *феодализм* определяется по социально-политической организации, что и является, по большому счету, распространенным в широких кругах пониманием этого феномена. И это, имея в виду широкий общественный интерес к истории, нельзя не учитывать.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

королей. То есть, *обязательства взаимны* и власть не покушается на частные права служилых людей. **На Востоке – обязательства односторонние:** не только крестьяне и горожане, но даже служилый слой – подданные, даже «рабы» правителя. Все они несут *обязательства* по отношению к власти, она же может действовать по произволу. Но и в том, и в другом случае, стержень общества – служба в силу обязательств (обязанностей).

И лишь при капитализме власть, прежде построенная на обязательствах, преобразовалась властью денег: статус, место в иерархии, наследственность перестали играть ведущую роль, перекочевав в неформальные отношения между людьми. То есть обязательства заменились экономической заинтересованностью.

Другим аргументом расширительного толкования *феодализма* представляется констатация всеобщности общечеловеческого исторического процесса, естественно, при всех локальных его вариантах. Соответственно, в следующем разделе, при анализе становления государственности у славян, к проблеме феодализма вернемся вновь.

Выводы.

1. Ранние варварские королевства в Западной Европе сложились в специфических природно-климатических и политических условиях. Приморское расположение древних германцев создало условия их поликультурного хозяйствования и индивидуальных земельных владений. В процессе завоеваний ими римских владений сложился тип ранних варварских королевств, по сути вождеств, то есть предгосударственных образований.

2. С IX–XI вв. началось формирование ранних государств – феодальных монархий, завершившимся созданием полноценных государств в XIII–XIV вв.

3. Рассмотрение разнообразных современных трактовок понятия *феодализм* позволило сделать вывод о допустимости его широкого толкования и относить к нему не только западноевропейские средневековые монархии, но и государства Востока, основанные как на западной иерархичности, так и на восточных централизованных формах земельных прав и деспотической власти.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 6

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Проблемы происхождения и расселения славян. Обзор и анализ гипотез. Поиски «прародины». Сопоставления с формированием соседних европейских народов. Доказательства гетерогенности славянского происхождения. Расселение славян. Особенности социальной организации, специфика и роль общины. Начало социальной дифференциации и ее археологические признаки. Простые и сложные вождества. Предгосударственная общность Само. Ранние славянские этно-политические образования и государства в Центральной и Южной Европе: Великая Моравия, Чехия, Польша, полабские и поморские племена, Первое Болгарское царство, Сербия, Хорватия, Босния, Карантания, Венгрия, Албания, Румыния и Молдова.

Рассмотрение процесса формирования славянских государств необходимо предварить хотя бы кратким обзором **проблем расселения славян** и, шире, их этногенеза. Ибо, в отличие от германцев, славянский этнос складывался вне поля зрения античного общества, из которого исходили единственные в тогдашней Европе письменные свидетельства событий. И если, в целом, место сложения германцев общепризнано – Южная Скандинавия, то поиски «славянской прародины», начавшиеся в конце XVIII в., все еще продолжаются[1].

Недостаток письменных данных уже с XIX в. компенсировался филологическими изысканиями – исторической лингвистикой славянских языков и, особенно с XX в. – археологией. Но информативность источников этих наук также ограничена. Лингвистика позволяет прослеживать процесс сложения и развития языков, их разветвление и взаимосвязи. Но ее наблюдения сложно датировать, т.е. отнести к определенному времени. В этом она зависит, особенно в дописьменные эпохи, от археологии.

Однако археологические источники тоже имеют познавательные ограничения – их сложно атрибутировать этнически, т.е. соотнести артефакты (следы сооружений, погребений, вещевой материал) с конкретными племенами и народами. Да, есть масса способов это делать, прежде всего – по типологическим и морфологическим признакам. Но для этого надо располагать четкими этнографическими признаками находимых ма-

[1] Наиболее полный обзор изучения славянского этногенеза см. [Седов, 1994а; Godłowski, 2000]. Дополнения с учетом и оценкой основных новейших концепций см. [Риер, 2005, с. 8–45; Риер, 2008а]. Весьма критично, даже едко прокомментировал современное состояние проблемы славянского этногенеза белорусский археолог С.Е. Рассадин [Рассадин, 2011].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

териалов. Лишь с раннего средневековья, т.е. с середины I тыс. н.э. постепенно нарастает база письменных данных о ранних славянах и, главное, прослеживается прямая преемственность с материальной культурой позднейших, в том числе и ныне существующих славянских народов.

Но для предыдущего – дописьменного – времени такая преемственность неочевидна. Племена перемещались, сливались, разъединялись, вообще могли исчезать. Смешивались их этнокультурные признаки и типичные артефакты. Помимо завоеваний со сменой населения, даже просто в набегах первобытной (доисторической) поры нередко, как свидетельствуют данные антропологов и этнографов, мужчины-завоеватели (а иногда и с семьями) оседали среди завоеванных, в результате чего происходило изменение, порой довольно резкое, этнографических признаков, отраженных и в языке, и в памятниках материальной культуры. Сказывается фрагментарность источников: редко какой археологический памятник целиком сохранился и полностью изучен. То же касается и лингвистического материала.

В итоге этническая интерпретация археологических и филологических данных оказывается условной, с множеством лакун и допущений, зависит от авторских представлений, что делает выводы гипотетичными, открытыми для критики, которая не заставляет себя ждать.

Рис. 34. Ранние славяне и их соседи (по В.В. Седову)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Если же обобщить основные представления о времени и месте сложения славянства, то хронология процесса охватывает период от времени появления (или сложения) индоевропейцев в Европе – конец III–II тыс. до н.э. и до начала средневековья – середины I тыс. н.э. В очерченное время славянские племена формировались на территории Центральной и Восточной Европы, ограниченной Южной Прибалтикой на севере, висло-одерским междуречьем на западе, северными отрогами Карпат на юго-западе, причерноморскими степями на юго-востоке, бассейном Днепра на востоке и северо-востоке (рис. 34).

Вся эта территория, заметим, была определена еще на рубеже XX в. чешским славистом Любором Нидерле [Нидерле]. Поиски *прародины славян* за пределами этой территории не считаются достаточно аргументированными, в том числе часто вспоминаемая в публицистике дунайская «прародина» (к югу от Карпат). Она действительно упоминается в некоторых славянских текстах начала II тыс. н.э. как место сложения славян. Но историческая память авторов этих сообщений относится к VI–VII вв., ко времени уже начавшегося и зафиксированного византийцами славянского расселения.

Возможно, память о Среднем Дунае как общей родине славян связана с формированием там к этому времени единого славянского языка [Алексеев, 2008, с. 48–49]. Там же в эти столетия появилась и первая никем не оспариваемая, бесспорно славянская археологическая культура – *культура пражского типа* (названная по первым находкам). В дальнейшем аналогичные материалы были обнаружены и на северо-западе Украины – на Волыни, у д. Корчак, что вошло и в современное название этой славянской общности (*культура Прага – Корчак*). Уже на рубеже нашего столетия аналогичные пражско-корчакским материалы (т.е. бесспорно раннеславянские), но датируемые даже серединой IV–V в. были выявлены на юго-западе Белорусского Полесья [Белявец, с. 22–23 – там же см. соответствующий список литературы; Вяргей]. Типично «пражский» сосуд выявлен и в Гомельском Поднепровье [Макушников, с. 16].

Основными, наиболее фундированными современными концепциями происхождения славян остаются западная – *висло-одерская* и восточная – *днепровская*. Первая была разработана в 20–30-е гг. прошлого века польскими археологами, филологами и антропологами. Автором концепции, согласно которой славянские племена сформировались в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. в междуречье Вислы – Одера и их притоков, стал польский археолог Ю. Костшевский. Филолог Т. Лер-Сплавиньский отнес время начала славянского этногенеза почти к середине II тыс. до н.э. Висло-Одерскую теорию поддержали и болгарские лингвисты, предложившие исключить Подунавье и Балканы из первоначальных славянских земель. Некоторые исследователи предлагали расширить

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

территорию славянской прародины до Верхнего Днепра с Десной. Но в определении границ этой территории существовало множество подходов.

В 50–60-е гг. прошлого века концепцию сложения славянства из балто-славянской общности, существовавшей еще в эпоху бронзы, в III–II тыс. до н.э., предложил польский археолог В. Хенсель. Он пришел к заключению, что славяне выделились из этой общности в условиях взаимодействия с расселявшимися южнее иллирийцами в первой половине I тыс. до н.э. на территории от Висло-Одерского междуречья до Припятского Полесья. На этой же территории помещали славянскую прародину известные археологи: советский – Б.А. Рыбаков и словацкий – Я. Айзнер.

Среднее Поднепровье называли славянской прародиной некоторые украинские археологи, восточногерманский ученый Й. Херрманн, петербургские исследователи Д.А. Мачинский и М.Б. Щукин, с оговорками – москвич Н.Р. Третьяков, а также белорусский археолог Л.Д. Поболь и польский исследователь К. Годловский. Последний категорически исключал из области первоначального сложения славян польские земли.

Свою гипотезу славянского этногенеза К. Годловский высказал в 1970 г. и дорабатывал ее в концепцию вплоть до кончины в 1995 г. Суть ее в следующем: славяне сложились в Верхнем и Среднем Поднепровье, в Юго-Восточной Беларуси и Северной Украине. «*Всего площадь, где складывались первичные славяне, составляла 200 тыс. кв. км и располагалась по Верхнему Днепру на юг от Могилева*», в первых веках новой эры, расширяясь на юг к Киеву, она уже охватывала 600 тыс. кв. км [Godłowski, S. 306]. Эта концепция поначалу не получила широкого распространения, ибо шла в разрез с господствовавшей в Польше Висло-Одерской теорией. Лишь недавно, стараниями учеников Годловского, она была представлена в наиболее полном виде. Критикуя западную, Висло-Одерскую теорию, Годловский выделял и ее политическую актуальность в условиях межвоенного противостояния Польши и Германии. Об этом недавно вспомнил и польский славист Ц. Калита [Kalita, c. 297][1].

Но аргументы краковского исследователя далеко не бесспорны, даже без оглядки на мнения сторонников польской прародины славян. Мне уже довелось подробно анализировать данную концепцию [Риер, 2008, с. 247–252]. Здесь отмечу, что, исходя из нее, получается, что и анты междуречья Днепра и Днестра, и склавины, согласно византийским авторам, располагавшиеся западнее, между верховьями Днестра и левыми притоками Среднего Дуная, пришли туда из Могилевского Поднепровья.

[1] Кстати, о формировании славян «*в области Днепра-Припяти-Буга*» и расселении их оттуда в V–VI вв. на запад, в земли, покинутые германцами, писал в 70-е гг., в общем-то далекий от проблем славянского этногенеза английский медиевист Перри Андерсон [Андерсон, с. 208].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Но Годловский не сумел объяснить причины столь значимой экспансии затерянных в быховских лесах на малоплодородных супесчаных почвах немногочисленных и довольно бедных (судя по археологическим материалам) земледельцев, которым для расселения на Волыни и далее надо было преодолевать еще и обширные болота. По этому поводу польский археолог Станислав Курнатовский заметил, что достижение известной плотности славянского населения к 1000 г. было бы невозможно, если бы экспансия славян исходила из Поднепровья [Kurnartowski, 1977]. Добавим к этому и недавние публикации польских и белорусских исследователей, в которых также отмечалось отсутствие свидетельств демографического взрыва у славян как источника их экспансии [Piontek; Urbańcyk; Дзермант, Санько].

Объяснить поселенческую активность славян в середине I тыс. н.э. можно лишь, если признать более широкие территориальные истоки славянства и изначальные контакты праславян, особенно с более развитыми соседями на юге и западе. «*Славянское этническое пространство… характеризовала особая интенсивность межэтнических контактов... с балтами, сарматами, германцами, фракийцами, иллирийцами, с некоторыми тюркскими племенами. Славянские племена менялись, смешиваясь с другими народами, воспринимая их культуру, но не утрачивая при этом свою этническую принадлежность*» [Буданова, 2002, с. 175][1]. Эти соображения заставляют усомниться в том, что картина происхождения славян, нарисованная Казимежем Годловским, соответствовала историческим реалиям.

В противоположность Годловскому российский археолог В.В. Седов в те же годы отстаивал западную, Висло-Одерскую концепцию сложения славянства. Ей посвящена обширная библиография, в которой можно выделить труды самого Седова, а также И.П. Русановой и других [Седов, 1979; Седов, 1994; Русанова]. Но и в построениях Седова есть уязвимые места.

Основные упреки критиков сводились к основному из примененных Седовым методов исследования – ретроспективному анализу, основанному на поисках славянских черт в более ранних материалах. Но дело в том, что достоверно славянские черты в глубине предыдущих эпох теряли этническую определенность, как бы рассасывались среди массы материалов многочисленных археологических культур второй половины I тыс. до н.э. – начала н.э.[2]

[1] В частности, есть довольно убедительные свидетельства о проживании в начале новой эры на юге Беларуси и севере Украины германцев [Белевец, 2008; Рассадин, 2005а].

[2] Например, прослеженное Седовым и Русановой сходство керамики пражского типа (VI–VII вв.) с висло-одерскими образцами конца I тыс. до н.э. Годловский назвал случайным, вызванным общей спецификой формовки сосудов, а никак не связанным с определенным этносом [Godłowski, S. 98–103].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ибо из-за миграций и смешения носителей большинства археологических культур так называемые этноопределяющие признаки в более ранних культурах также смешивались и не выглядели столь однозначными, какими они становились позднее [Рыбаков, 1981]. Впрочем, стремление Рыбакова искать корни славян среди скифов-пахарей в Северном Причерноморье тоже не получило широкой поддержки у специалистов. В этом отразились и сложности становления этносов, действительно возникавших из разных племен. В итоге Седову не удалось в полном объеме применить провозглашенный им метод. Отсюда и спорность общих выводов исследователя.

Для полноты картины нельзя не отметить, что в последние годы у концепции Годловского появились сторонники среди российских, белорусских и украинских археологов [Башкатов; Видейко; Гавритухин; Еремеев, Дзюба, с. 434–526; Марзалюк; Лопатин, Фурасьев; Обломский; Рассадин, 2005; Рассадин, 2009]. Они не видят славянских черт в культурах железного века Повисленья (где господствовали германцы), но находят «котел» славянских культур на востоке Беларуси, в лесном Поднепровье.

Из этого котла на запад и юго-запад распространяется пражская культура, соотносимая с собственно народом «славяне»[1]. Оттуда же в середине I тыс. н.э. славяне двинулись и на север – вверх по Днепру и далее, вплоть до оз. Ильмень, где вступали в сложные отношения с туземцами: балтами и финно-уграми. «*В V в. славяне продвинулись в Восточное Прикарпатье, освоили немалую часть Висло-Одерского региона, позднее достигли Эльбы, Восточных Альп, расселились на Балканах. Активность этого «котла» отмечена для ряда периодов на протяжении всего I тыс. ... Важнейшим источником миграций, оказавших влияние на многие народы Европы, были волны приходящих с востока тюркских объединений*» [Восточная Европа, с. 389–393]. Причем это уже была вторая волна славянских переселенцев, вызванная набегом гуннов[2]. Ранние славяне (праславяне) формировались еще на рубеже эр. От них – бесспорно славянская пражская культура, хотя и с ее происхождением не все ясно [Терпиловский, 2011].

Показателен подход питерских археологов Г.С. Лебедева и Д. Мачинского. Они – сторонники восточного, днепровского происхождения славян и соседства их на рубеже эр с германцами. При этом они исходят из «*прото-балто-славянского*» единства в железном веке. К тому

[1] К славянам по языку, но «не по крови» относят и карпатских *русинов*, причисляя их либо к потомкам живших там в железном веке кельтов (бойев), либо к алано-гуннским пришельцам [http://www.svoboda.org/content/…].

[2] Тогда же славяне появились в верховьях Днестра и Западного Буга. Из последних публикаций см. [Мілян].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

же Мачинский в одной и той же статье пишет: «*Вероятно, обособление праславян от других индоевропейцев началось уже с I–II вв.*». А уже на следующей странице: «*Начало кристаллизации исторического славянства можно отнести к VIII–V вв. до н.э.*» [Лебедев, 1989; Мачинский, 1989]…

Такой подход породил еще одну коллизию. Долгое время Верхнее Поднепровье и Подвинье вплоть до середины I тыс. н.э. считалось балтским. Это было одним из краеугольных камней в концепции и докторской диссертации Седова [Седов, 1970, с. 58–73], но и не только его [Медведев, 2011, С. 73; Шадыра; Шмидт, 2011][1]. Об этом Седов писал и на рубеже столетий [Седов, 2000; Седов, 2003]. Но под влиянием археологических раскопок и обобщений недавнего времени, произведенных, в том числе и некоторыми его учениками, в последних своих публикациях и выступлениях Валентин Васильевич несколько скорректировал свои представления, признав в Поднепровье рубежа эр наличие балто-славянского симбиоза (зарубинецкая культура) [Седов, 2005][2].

Питерский археолог М.Б.Щукин относит этот симбиоз к первым векам новой эры, а предшествующее население (зарубинецкое), в противоположность Седову, связывает с германцами (бастарнами) [Щукин, 1989], что совпадает с представлениями Рассадина (см. ссылки выше, а также: [Рассадин, 2005а]). Есть сложности понимания этнокультурных процессов в белорусском Поднепровье рубежа новой эры [см., напр.: Дробушевский]. Существуют разногласия и в представлениях об этносе населения Среднего Поднепровья первой половины I тыс. н.э., относимого к т. наз. *киевской историко-культурной общности*, и опять таки из-за ограниченности артефактов [Щукин, 2011].

Вероятно, до середины I тыс. н.э. в процессе перемещений многочисленных племен на обширной территории от Одера на западе и вплоть до Днепра на востоке будущие славяне еще только формировались. И для четкого очерчивания протославянских территорий и археологических культур в более раннее время, вплоть до середины I тыс. до н.э., убедительных данных явно недостаточно.

Дискуссии среди археологов активизировали изыскания языковедов. Некоторые из них вообще скептически отнеслись к возможности разрешить проблемы происхождения славян с помощью археологии. Советский филолог С.Б. Бернштейн пришел к выводу, что славя-

[1] Здесь представлены ссылки на новейшие публикации, авторы которых в условиях широкого распространения днепровской концепции славянского этногенеза не пересматривали своих представлений.

[2] См. также: [Гусаков, Патрик]. Критический комментарий к статье М.Г. Гусакова и Г.К. Патрика см.: [http://www.balto-slavica…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

не сформировались южнее Припяти, между Вислой и Днепром. Этой же точки зрения придерживалась прибалтийская исследовательница М. Гимбутас. Советский лингвист Ф.П. Филин сузил прародину до междуречья Западного Буга и Среднего Днепра. Белорусский языковед В.В. Мартынов обосновывал более тесные славяно-германские языковые связи и локализовал древних славян, как и большинство польских археологов, на западе, в Висло-Одерском междуречье. Доказательства этой локализации приводят и некоторые польские лингвисты. Но такие филологи, как К. Мошиньский в Польше и немецкий Я. Вернер, находят аргументы в поддержку днепровского происхождения славян. А недавно известный российский лингвист О.Н. Трубачев вернулся к дунайской теории происхождения славян (в Паннонии), которые затем, лишь под давлением проживавших в Центральной Европе кельтов, переместились в Повисленье. Он весьма критично отозвался о самом понятии *прародина*, считая его рабочим термином, лишь обозначавшим территории древнейшего расселения того или иного этноса [Риер, 2008а, с. 244–246][1].

Недавно к концепции формирования славян еще в бронзовом веке, при заселении Европы индоевропейцами вернулся один из патриархов белорусской археологии – профессор Э.М. Загорульский. Опираясь, прежде всего, на некоторые лингвистические изыскания, он пришел к категоричному выводу: «*Славяне выделились из североиндоевропейской общности вскоре после расселения индоевропейцев в Средней Европе к северу от Карпат, что приходится на середину – вторую половину III тыс. до н. э.*» [Загорульский, 2006]. Но довольно остроумные построения сторонников данной концепции выглядят весьма умозрительно, ибо не имеют достоверного археологического обоснования, что многократно отмечалось в литературе. Возможно, какая-то часть славянского населения действительно восходила к первым индоевропейцам, а может, почему бы и нет, и к еще более древнему, неолитическому населению [Загорульский, 2013, с. 36–37; Загорульский, 2014, с. 31–38][2]. Однако как это доказать?...

[1] Об условности термина прародина см. также [Рогалев].

[2] Может, именно поэтому в обобщающем издании о восточнославянской цивилизации глава о ее становлении начата с неолита [Кузык, Яковец, с. 169 сл.], за что авторов упрекнул там же в предисловии петербургский археолог Е.Н. Носов [Кузык, Яковец, с. 9]. Заметим, что книга специфична: ключевые разделы в ней написаны привлеченными специалистами, особенно по этногенезу и дают четкое представление о современном видении проблемы. Но авторы тома и серии – не археологи и историки Руси, что ощущается и в компоновке материала и в их собственных текстах, кроме общетеоретических, где они – «в своей тарелке», особенно Н.В. Яковец – специалист по *цивилизациям*. Но в целом том и вся серия – хорошее издание для широкой интересующейся публики. Хотя нельзя и не указать на появившееся недавно сообщение об уличении одного из авторов – Б.Н. Кузыка в плагиате. Правда, речь идет о другом издании [http://www.echo.msk.ru/programs/code...].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Современное состояние проблем славянского этногенеза наглядно проявилось в материалах Международной научной конференции «Актуальные проблемы ранней истории славян», состоявшейся в Минске в сентябре 2009 г. В выступлениях на ней отразился практически весь спектр бытующих представлений о происхождении славян, даже весьма экзотичных и далеких от строгой научности [Гісторыка-археалагічны зборнік]. Наиболее важные и аргументированные точки зрения, высказанные на этой конференции, приведены выше. Нельзя, при этом не заметить, что нередко авторы, излагая свои аргументы, не вступают в полемику с теми, кто на соседних страницах сборника высказывает противоположную точку зрения. Хотя и полемики хватает, ибо имеющиеся материалы допускают возможность различных интерпретаций.

Нельзя, конечно, забывать и об антропологических материалах, добываемых археологами в ходе раскопок. Но, к сожалению, их возможности ограничены, ибо в железном веке и раннем средневековье у славян в погребальном обряде господствовало трупосожжение, что привело к недоступности костных останков эпохи, критически важной для понимания этногенетических процессов. Предпринимаемые же попытки выделить истоки и взаимосвязи, например, восточнославянского и соседнего населения интересны, но тоже не совсем убедительны. Чаще их наблюдения, исходя из привлекаемого материала, касаются современных реалий, а не эпохи раннего этногенеза [напр.: Микулич, 1998; Мікуліч, 2005, с. 14; Сорокина]. Особые сомнения вызывает сравнение с ископаемым материалом современных популяционных групп. Помимо того, что основной массив костных останков появился с распространением трупоположений, с XI в., т.е. уже со сложения исторически достоверных славянских народностей, сомнительна и репрезентативность современных образцов. Иными словами, кого из современников можно считать генетически чистыми потомками древних обитателей нынешних славянских земель?

Современная антропология, правда, открыла новые возможности благодаря методам генетики. Надежда на последнюю, однако, пока также не очень оправдывается из-за ограниченности анализируемого материала и нечеткости выводов[1]. Наиболее полные из последних исследований данные, представленные украинским ученым М.Ю. Видейко, указывающие на среднеднепровское, южнобелорусское и во-

[1] «*Сейчас масса лабораторий, не обладающих “космически чистыми” технологиями и навыками работы с древней ДНК, берутся ее анализировать. Раз спрос велик, велик будет и “рынок”. Будет велико и искушение у гуманитария подхватить именно те данные по древней ДНК, которые подтвердят его любимую, столь выстраданную гипотезу Поэтому популяционные генетики должны четко оценивать надежность своих ДНК данных*» [http://polit.ru/article/2015/03…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лынское происхождение славян основаны, как признает сам автор, на статистически ограниченной выборке[1]. Он также пишет о «*сборных командах*», из которых состояли тогдашние этнические образования [Видейко, с. 33–44]. Об этом же – и другие генетические данные, которые – для Восточной Европы – демонстрируют варианты славяно-финно-угорских смешений, общеиндоевропейские следы и четкое отсутствие азиатских черт, несмотря на монгольское нашествие [http://smi2.ru...].

Многолетняя дискуссия о славянской прародине, с периодическим возвращением к выводам еще начала прошлого века (Нидерле) свидетельствует о том, что изучение происхождения славян из фактов их собственной ранней истории неспособно разрешить проблему. Для уточнения картины обратимся к сравнительному методу, сопоставив процесс сложения славян с их западными индоевропейскими соседями, чья ранняя история полнее отражена в источниках.

Рис. 35. Кельты на рубеже II-I тыс. до н.э. (по В.В. Седову)

[1] «*Следует отметить, что статистическая выборка, на основании которой составлена приведенная выше "родословная" невелика. То есть последовательность в данном перечне с накоплением данных может измениться. Но их достаточно, чтобы говорить о том, что, скажем, белорусы не могли иметь прародину в Польше, а болгары и сербы – на Среднем Днепре*» [Видейко, с. 37].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Начнем с *кельтов*. Они, как известно, первыми из индоевропейцев в лесной зоне Европы начали обрабатывать железо, что существенно ускорило, по сравнению с соседями, их хозяйственное и демографическое развитие и обусловило экспансию во всех направлениях. В процессе расселения кельты достигли бедных, слабо заселенных земель на северо-западе и востоке Европы (Британия, Повисленье) (рис. 35). Но на овладение почти всей лесной зоной запада и центра континента был, очевидно, израсходован первоначальный потенциал кельтов. Черная металлургия распространилась по Европе. Вокруг кельтов возникли и интенсивно развивались иные этнические образования. Сами же они не только не вышли из первобытности, но в итоге, растеряв первоначальное преимущество, были подчинены сначала римлянами, позднее – *германцами*.

Связанное с морем хозяйство германцев способствовало их расселению за пределами Южной Скандинавии по просторам Центральной, Западной Европы, где они, прежде всего, столкнулись с кельтами, которые в силу своей распыленности не смогли оказывать должного сопротивления и постепенно были покорены пришельцами. Последним актом германского завоевания кельтских земель была англосаксонская экспансия в Британии в V в. н.э. Еще раньше, на рубеже новой эры кельты подверглись и завоеванию с юга, римлянами (в Галлии).

В продвижении к Причерноморью германцы, ассимилируя остатки кельтов в Повисленье и на Среднем Дунае, прихватили и местное население, о котором Тацит писал как о непохожих ни на германцев, ни на известных римлянам сарматов. Этих тацитовских *венедов* часто ассоциируют с первыми славянами. К ним мы еще вернемся. Здесь же отметим, что причиной германского расселения и, что то же самое – экспансии – стала нехватка ресурсов на их прародине, а успехи их были обеспечены потенциалом морского хозяйства, ускорявшего и социальные процессы, в том числе общественную и военную организацию (см. выше). В результате германцы покорили и кельтов и, отчасти, их восточных соседей – *протославян*[1], оказавшихся в первом германском государстве – *королевстве Германариха*, представленном столь важной для понимания славянского этногенеза *черняховской культурой*.

Будущие славяне, как и их северо-восточные соседи балты, да и финно-угры, как и кельты, в начале новой эры, жили среди девственных лесов, занимаясь лесными промыслами и примитивным земледелием, которое, вероятно, точнее будет называть огородничеством [Kurnartowski; Wielowiejski]. Естественно, протославяне, занимавшие

[1] Поскольку этот термин используется довольно широко, отмечу, что под ним понимаю то этнически «неотформатированное» население, которое постепенно вошло в формировавшийся славянский этнос.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

юго-западную кромку великой европейской тайги, соприкасаясь с кельтами, имели более развитое сельское хозяйство и ремесла, чем их северные соседи.

Балты, хотя и соприкасавшиеся в Юго-Восточной Прибалтике с морем, не стали *морским* народом, как германцы. Основная их масса проживала на лесных равнинах западнодвинского и верхнеднепровского бассейнов. А юго-восточное побережье Балтийского моря не имело, как в Скандинавии, удобных для мореходства бухт. Впрочем, именно прибрежные земли оказались наиболее устойчивыми в дальнейшем развитии региона, где сохранился основной массив балтского населения и возникли первые очаги его государственности. Большинство остальных, расположенных восточнее, лесных и равнинных земель, были постепенно заселены *славянами*.

Заметим, что в тех землях, где начался славянский этногенез, не было каких-либо естественных границ, способствовавших обособленному этническому формированию, в отличие, например, от германцев в Скандинавии. Не было никаких естественных рубежей и между протославянами и протобалтами. Не оттого ли известные сложности в этническом разграничении приднепровских археологических культур рубежа новой эры? Вполне можно предположить, что на этой окраине индоевропейского мира в условиях лесного хозяйства с примитивной подсекой, малопродуктивным животноводством и, отсюда, медленным ростом населения, без активных связей с соседями (ср. с «морскими» народами) процессы этнической консолидации также развивались крайне медленно. И ко времени появления, затем движения готов в Причерноморье еще не было славян как таковых, а были отдельные группы племен, и в Повисленье, и в Прикарпатье, и вдоль южной кромки лесов, и в лесостепи к югу от Припяти. Все эти племена имели близкую материальную культуру и говорили на понятном друг другу, благодаря соседству, языке [Алексеев, 2008, с. 43]. Именно эту близость улавливают и археологи, и филологи, и, менее отчетливо, антропологи и даже генетики. Но четко выделить места обитания этой медленно возникавшей общности сложно именно из-за ее неопределенности в то время.

Не случайно долгие десятилетия идут споры об этической принадлежности племен *пшеворской*, *оксывской*, *поморской*, *подклёшевой*, *зарубинецкой* культур, племен прикарпатской группы, а также более поздних племен *колочинской* культуры, разных групп культурной общности, характеризуемой штрихованной керамикой, да и ряда других. [Петрухин, Раевский, с. 153–169]. Если сами носители этих культур, судя по всему, не идентифицировали себя дальше племенной группы, то как эту проблему решить нам?

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Этническая консолидация на территории Правобережья Среднего Днепра началась в процессе формирования готского государства в Причерноморье. И мы узнаем от готского монаха VI в. Иордана об *антах*, консолидировавшихся, как подобное часто происходило и в других местах, из-за внешнего вторжения. Новое ускорение славянского этногенеза связано с приходом гуннов. Появление в регионе внешней, сметавшей все на своем пути силы и разгром Готского королевства заставили разноплеменных обитателей последнего искать безопасности в бегстве по разным направлениям. В процессе этого бегства и началось форсированное объединение близких по материальной и духовной культуре племен.

Поскольку гунны из Причерноморских степей продвинулись на единственный в Центральной Европе лесостепной регион – в Паннонию, не захваченное их потоком причерноморское население выбрало другие пути. Часть протославян оказалась на Нижнем Дунае, и мы узнаем от византийцев о *склавинах*. Часть вернулась туда, откуда их предки за 200 лет до того вместе с готами пришли в Причерноморье – в Верховья Вислы, создав основу для первой бесспорно славянской пражской культуры. Часть пережила гуннский разгром, оставшись на Волыни (благо основные отряды гуннов прошли, очевидно, южнее). Там сформировалась аналогичная пражской по этносу культура типа Корчак. Наконец, еще одна группа родственных корчакскому населению племен начала многовековое движение вверх по Днепру и его притокам. Испытав воздействие причерноморского хозяйственного опыта в рамках готского государства (черняховской культуры), эти племена уже отличались более высоким уровнем от местных балтов, что и способствовало постепенной ассимиляции последних славянами уже во второй половине I тыс. н.э.

Из Повисленья славяне продолжили движение на запад и расселились в покинутых германцами бассейнах Одера-Эльбы и Левобережья среднего Дуная. Благо гунны, после разгрома на Каталаунских полях (452 г.), бесследно рассосались. Но в Паннонии еще оставалось многочисленное германское население, что сдерживало проникновение туда славян до второй половины VI в. [Шувалов]. Дальнейшая славянская консолидация в регионе связана с появлением на Дунае авар, объединением Само и совместными походами на Византию. Но это уже, как говорится, другая история, к которой мы обратимся позже.

По Висле и Одеру славяне вышли на южное побережье Балтийского моря, образовав группу *поморских племен*. В VII в. часть из них, согласно Седову, переместилась (очевидно, морским путем) на р. Волхов и оз. Ильмень (будущие новгородские земли), образовав массив *нов-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

городских словен [Седов, 1994, с. 296–304; Седов, 2003][1]. В Восточной Европе движение славян в лесные балтские и финно-угорские земли, начавшись в VI в., растянулось более чем на тысячелетие, закончившись в XVIII в. на естественных рубежах Дальнего Востока[2].

Возвращаясь к началу славянского расселения, зададимся вопросом, на чем основывался такой грандиозный демографический потенциал? Ведь если исходить из идеи наличия небольшого, локального региона – *прародины*, откуда «есть пошли славяне», поиски которой лежат в основе и Висло-Одерской, и Поднепровской, и Дунайской концепций, то такое длительное и упорное расселение рационально не понять.

Сопоставление с расселением кельтов и германцев объясняет причины более позднего выхода славян на историческую арену[3]. Оно позволяет уловить последовательность развития разных европейских народов. Первоначально – технологический прорыв кельтов. Когда их потенциал был исчерпан, активизировались приморские народы: сначала, в силу более благоприятных природных условий греки и римляне, позднее – германцы. Равнинные и лесные жители – славяне – начали расселяться даже не из-за хозяйственно-демографического роста, а в силу внешнего воздействия – гуннского нашествия, породившего известное *Великое переселение* раннесредневековых европейцев.

Но указанное сопоставление не объясняет динамику и размеры освоения территорий. Германцы начали с рубежа новой эры очень энергично и агрессивно, сокрушили уже впавшую во внутренний кризис Западную Римскую империю. Но, добив Рим, германцы сумели закрепиться лишь в собственно современной Германии с соседними альпийскими землями и части Британии. В Галлии они составили лишь субстрат в средневековой французской народности, в Италии, на Пиренеях и уж, тем более, в Северной Африке их пребывание оставило следы только в анналах истории. Со славянским расселением это несопоставимо.

Поднятые с насиженных мест бурными событиями IV–V вв., славяне столетие за столетием методично заселяли, осваивали и остав-

[1] Недавно эта гипотеза была подтверждена генетическим сходством псковско-новгородского населения с поморскими племенами Северо-Восточной Польши (Сувалкии) [Малярчук].

[2] При этом славяне распространялись на области с уже сложившимися этносами, как, например, на территории Беларуси, где уже жили балты [Булкин, Герд. См. также: Вяргей; Гавритухин]. Существует и концепция А. Дерманта и С. Санько об автохтонном происхождении белорусов (этнических балтов), лишь воспринявших от пришельцев славянский язык [Дзермант, Санько]. Если вспомнить о ситуации с приходом тюрок-болгар в области славянского расселения на Нижнем Дунае и последующем переносе на тамошних славян тюркского этнонима, то концепция указанных авторов не столь уж экзотична…

[3] Г.С. Лебедев обратил внимание на полутысячелетние интервалы *кристаллизации* последовательно кельтов, германцев и славян [Лебедев, 1989, с. 107].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ляли за собой часть Центральной и, постепенно, почти всю Восточную Европу, на Балканах «сдвинули» иллирийцев к Адриатике, между Карпатами и нижним Дунаем окружили фракийцев, а грекам оставили лишь их исторически древние области на юге полуострова. Но наиболее масштабному освоению подверглись восточноевропейские, затем и прилегающие азиатские земли. В том числе и долгое время наиболее опасные для земледельцев причерноморские и приволжские степи, где не сразу, но постепенно (с XIV и до конца XVII в.) были перемолоты многочисленные орды и даже «государства» кочевников. Откуда такой потенциал?

Естественно, на каждом историческом этапе была масса конкретных причин, разбору которых посвящена огромная литература. Но, представляется, уже в первые века славянского расселения проявилась одна специфическая и, вероятно, основополагающая причина, которая, кстати, и породила столь длительные дискуссии о славянском этногенезе. Рискну предположить, что **речь идет о гетерогенности процесса сложения славян. Они формировались постепенно в разных местах своей будущей ойкумены в процессе создания и осознания некоего локального единства из среды носителей связываемых с ними археологических культур железного века. То есть на всех тех территориях, где каждая из основных концепций славянского этногенеза находит их истоки.**

В итоге в протославянах были и древнегерманские, и древнебалтские, и кельтские элементы. В процессе перемешивания, в ходе готского продвижения в Причерноморье и, затем, после гуннского нашествия происходила консолидация ранее разрозненных, но близких по материальной культуре и традициям родов и племен. Их сближение, переставшее в единство, формировалось и однообразной по природным условиям территорией.

Мысль об этом возникла при сопоставлении с германским расселением. Последние двигались из четко очерченного самой природой региона (Скандинавии), компактными, этнически однородными массами, методично добивавшими западноримский мир. При этом они, если представляли большинство, не смешивались с туземцами и даже селились обособленно. В обратной ситуации они практически бесследно растворялись в местном населении. Вспомним варягов на Руси, норманнов в Сицилии, вестготов в Испании, лангобардов в Италии, вандалов в Северной Африке, наконец крестоносцев в Восточной Прибалтике (кроме Восточной Пруссии, где аборигены были ими полностью истреблены).

Славяне перемещались не столь мощными потоками, что позволило, наряду с другими причинами, сохраниться Византии. Но,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

даже оказавшись во внутренних областях империи, на Балканах, славяне создавали свои заметные анклавы, как, например, в окрестностях Фессалоник[1]. Однако там, где не было в раннем средневековье государственной организации, славяне ассимилировали и балтов, и финно-угров, и протоболгар-тюрок, отчасти даже иллирийцев и фракийцев[2]. Иначе, кроме гетерогенности происхождения, как объяснить освоение столь обширных территорий? Ведь и изначальный хозяйственный потенциал, и природные условия исходных земель не способствовали у славян интенсивному демографическому подъему. Откуда мог взяться взрывной рост населения и *пассионарность* у истоков славянства (по Годловскому и другим) в Правобережье Припяти и Среднего Днепра?

Сказалось и иное отличие славян от германцев – характер крестьянской организации – общинного устройства. А если учесть, что не только в первобытности, но и в раннегосударственный и, шире, в доиндустриальный период крестьянство составляло основную часть любого народа, характер общинной организации оказывал существенное, если не решающее влияние на социальное развитие и, шире, на историю каждого конкретного общества. Более того, поскольку правящие слои, знать тоже происходили из сельской среды, крестьянские традиции составляли основу ментальности политических элит.

Характернейшей особенностью славянской социальной организации является, как известно, сильная крестьянская община. Причины прочности общинных связей лежали, прежде всего, в особенностях природной среды. Это – бо́льшая, чем на западе континента, лесистость, более континентальный климат с меньшей продолжительностью теплых дней в году. Отсюда – при меньшей плотности населения, связанной, опять-таки с географическими условиями – потребность в совместном, коллективном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом рельеф, в отличие, например, от прибалтийского и, шире, скандинавского, не разграничивал угодья отдельных семей, а, наоборот, позволял большим семьям сохранять общее землепользование и совместный труд на таких владениях [Риер, 1996, с. 115; Риер, 2000, с. 190–191; Die Slawen, S. 167–171; Donat, S. 138–147; Herrmann,

[1] Можно, конечно, вспомнить о немецких областях в позднесредневековой России. Но это уже была государственная политика, а не стихийное движение.

[2] На различия между германцами и славянами обратила внимание Е.М. Мельникова: у германцев организация была военной (на примере англо-саксов), что резко отчуждало пришельцев-завоевателей от местного населения. Малочисленные германские дружины в Галлии вливались в местное общество. У славян (восточных, с которыми проводила сравнение автор) расселение носило земледельческий, мирный характер, что способствовало взаимодействию с аборигенным населением, включением его черт в культуру пришельцев [Мельникова, 2012б].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

S. 20; Łosiński, S. 308; Meřzinský; Pitterová]. В этом – коренное отличие славянского мира от германского, в котором уже с начала новой эры начало формироваться индивидуальное наследственное землевладение в форме аллода, о чем уже писалось выше [Риер, 2000, с. 204].

Возможно, именно аллод и выросший из него индивидуализм ограничили способность германцев осваивать всё захваченное в период т. наз. варварских королевств (IV–VII вв.). Славянский же мир разрастался именно там, где и когда были сильные общины. Показательно, что изменение аграрных порядков у западных и южных славян с усилением индивидуальных прав на земельные наделы (восприятие «немецкого права» в Польше и Чехии с XII–XIII вв.), происходившее под западным и византийским (у болгар в IX–X вв.) влиянием совпало с поселенческой стабилизацией. У восточных славян резервы для расселения сохранялись. Не в этом ли, в дополнение к известным географическим и политическим условиям, кроются причины прочности восточнославянской общины, дожившей почти в неизменном виде до столыпинских реформ и переживших их и в колхозном строе, и в нашей ментальности – в отношении к собственности?

Возвращаясь к началам славянского этногенеза, обращусь к схеме, предложенной недавно российским славистом С.В. Алексеевым [Алексеев, 2008]. Начало славянской истории автор относит к V – первой половине VI в. Тогда в результате массовых перемещений европейских варваров, названных впоследствии «Великим переселением народов», из множества племен, населявших обширные пространства Центральной и прилегавшей к ней части Восточной Европы, происходило формирование славянства. Проанализировав существующие концепции славянского этногенеза, Алексеев не считает достаточно аргументированными гипотезы о более раннем сложении славян, в чем близок, кстати, подходам Годловского и его учеников. Один из которых прямо отмечает, что до середины VI в. – времен Иордана – славяне нигде не упоминаются, кроме «несчастных» венедов. Очевидно, римляне и греки слабо ориентировались в этнической ситуации к северу от Карпат. Многие источники не сохранились [Kokowski, S. 534]. Алексеев называет венедов «полулегендарными» по той же причине [Алексеев С.В., 2008, с. 344][1]. Поэтому предпочитает считать достоверно

[1] «Несчастных венедов» в первые века новой эры обычно помещают к востоку от Одера и на Западном Буге, Волыни, Подолии, вплоть до Среднего Днепра и даже Верхнего Подонья [Алексеев, 2008, с. 341–344; Видейко, с. 10–11; Козак; Обломский; с. 151; Обломский, Терпиловский, с. 104–108]. Но есть и другие локализации: вплоть до Правобережья Среднего Дуная, где они причисляются к предкам позднейших словенцев [Шавли]. Очевидно – это некое собирательное наименование, первоначально данное римскими авторами целому «*конгломерату северных варваров*», отличавшихся от известных им германцев и сарматов [Петрухин, Раевский, с. 149–150,159].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

славянами лишь тех, кого с ними идентифицируют позднеантичные и ранневизантийские авторы[1].

В целом же схема сложения славянства по Алексееву выглядит следующим образом: на территории, выделенной еще Нидерле, с рубежа новой эры формируются племена, из которых к середине I тыс. складываются собственно славяне. В этом процессе участвуют уроженцы разных мест Среднего Подунавья (словене – склавины), междуречья Среднего Днепра и Днестра (анты) и Повисленья (венеды). Алексеев не исключает «*автономного* (от висло-одерского. – *Я.Р.*) *развития праславянских элементов на востоке, в частности, в рамках зарубинецкой балто-славянской культуры*» Среднего Поднепровья [Алексеев, 2008, с. 43]. Этот вывод логично вытекает из предполагаемой гетерогенности (полиэтничности – по Алексееву) [Алексеев, 2008, с. 51] сложения славянства. Таковы же представления видного современного историка Древней Руси А.А. Горского: «*Славяне в 1-й половине 1-го тыс. н. э. занимали территорию от Среднего Повисленья до Среднего Поднепровья (включая верховья Днестра)…*» [Горский, 2007, с. 9] и украинского исследователя венедов: «*Земли между Вислой и Днепром в первой половине I тысячелетия н. э. относились к славянской ойкумене*» [Козак]. О формировании славян на всей этой обширной территории не ранее первой половины I тыс. н.э., опираясь на археологические, лингвистические и письменные данные, писал и украинский археолог-славист В.Д. Баран. Мнение о наличии некоего локального «*района*» возникновения славян, будь то Повисленье или Поднепровье, он отвергал [Баран, с. 245–248][2].

К таким же выводам приходит и антрополог Т.И. Алексеева: «*Антропологическое разнообразие славян не позволяет ли предположить отсутствие исходной общности их физического облика и, следовательно, отсутствие прародины?... Мирная, в основном славянская колонизация вела к метисации на новых землях…*».

И далее: «*Антропологическая прародина славян очерчивается от Одера на западе и далее – на балтские земли у Куршкой косы,*

[1] Таков же подход к проблеме у американского исследователя румынского происхождения Ф. Курты [Алимов, 2012].

[2] Формирование славян в результате миграций различных племен железного века и раннего средневековья признают А.Г. Кузьмин (нет такого «пятачка», «*с которого начиналось расселение славян*») и Е.С. Галкина [Кузьмин, 2003, С. 124 сл.; Галкина, С. 172–178 сл.]. О гетерогенности отдельных восточнославянских племенных образований пишет А.А. Горский [Горский, 2004, с. 32–34]. Об этом же – и российский археолог А.Н. Кирпичников: «*Для восточных славян была характерна этническая уживаемость…*» [Кирпичников]. Выявляются и раннегерманские следы даже у восточнославянских кривичей [Мячикова]. Не от этого ли известная полиэтничность Древней Руси, связанная и с неопределенностью ее границ [Кореневский, с. 132–136]. Здесь нельзя не вспомнить, что сам термин «Древняя Русь» кабинетный, ее жителям в то время неизвестный.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в низовьях и устье Немана до левобережья Даугавы (Зап. Двины) на севере, Днепра у его повороте с запада на Юг у Орши – до средней Десны и междуречья Дона и Днепра в степях – до черноморского побережья у Николаева, далее на запад через Нижний Днестр – через Фракию – к левобережью Дуная и далее на север к Куршкой косе. Археологическая прародина вполне вписывается в этот неправильный круг, но вытянута от правобережья Нижнего Одера на юго-восток через правобережье Припяти на севере и правый берег Днестра на юге, через Киевщину до правобережья Нижнего Днепра…

Антропологически выделенная прародина совпадает со "славянскими древностями" Нидерле, из которой, по его мнению, осуществлялось их расселение в лесостепные просторы Восточной Европы и за Дунай. Это и есть возможная прародина, независимо оттого, с какой культурой ассоциируется древнее славянство…

Данные антропологии склоняются к генерализации славянского этногенеза, что позволяет понять причины антропологического разнообразия славян на разных этапах их этнической истории» [Восточные славяне, с. 311–315].

Сложные взаимоотношения протославян с соседями – германцами, балтами, романцами и восточными кочевниками – вызывают постоянные перемещения как внутри освоенных земель, так и вовне в разных направлениях. «*Скачкообразная конденсация славянского этноса в III–V вв. происходила в составе подвижных политических агломераций: готской, гуннской, аварской*» [Лесман; Назаренко, 1996, с. 161]. Нельзя забывать и о холодном климате IV–VII вв., что тоже способствовало перемещениям населения при ухудшении привычных условий в ранее обжитых местах вплоть до массовых и весьма далеких переселений. В процессе этого движения в VI в. происходит этническая и языковая консолидация славянского населения, которая также способствует его дальнейшему расселению. При этом в первой половине I тыс. в сложении славянства активно участвовали соседи, особенно германцы и балты. Во второй половине I тыс. сформировавшийся славянский этнос уже вбирал в себя (ассимилировал) менее организованных соседей, особенно на востоке и севере – балтов и финно-угров[1]. **При таком подходе проблема славянской прародины решается ее отменой**: <u>славянство складывалось вследствие консолидации населения разных мест, объединенных равнинным рельефом, породившим единые (или очень близкие) хозяйственные, бытовые, антропологиче-</u>

[1] Сомнение в колонизации славянами Восточной Европы из одного, пусть и обширного центра, из зоны лесостепи и смешанных лесов между Днепром и Карпатами высказывал и швейцарский русист Карстен Гёрке [Goehrke, 1992], с чем не очень уверенно спорил А.В. Назаренко [Назаренко, 1996, с. 166].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ские, лингвистические и религиозные формы. Политические конфликты усиливали объединительные тенденции у родственных племен.

Предложенная картина представляется наиболее приемлемой при современном уровне наших знаний. Возможно, в перспективе, как уже отмечалось, новое слово смогут сказать генетики. Но пока их исследования находятся только на фазе накопления информации. Учитывая плохую сохранность ранних погребений, процесс создания базы генетических данных обещает быть долгим. Споры же об этнической принадлежности населения, оставившего собираемые археологами артефакты первой половины I тыс. н.э., так и будут идти по кругу.

Кстати, современные генетики утверждают, что нет «чистых» народов, все они в своем развитии испытывали различные внешние этнические воздействия, за исключением разве что жителей наиболее отдаленных уголков человеческой ойкумены. Славяне, сложившиеся в центре Европы, к таковым, естественно, не относятся. Отсюда, а также вследствие известной ограниченности источников – сложности изучения проблем славянского происхождения.

Позднее, в процессе расселения второй половины I тыс. и освоения просторов Центральной, Южной и Восточной Европы произошло разделения славян на западную, южную и восточную ветви. В основе возникавших различий – влияние контактов с туземцами (на востоке) и с соседями (на западе и юге). *Западные славяне* воспринимали германские, отчасти провинциально-римские и, главное, католические, латинские веяния; *южные* – провинциально-римские и византийско-православные. Для *восточных*, помимо тех же византийско-православных влияний существенным было и впитывание балтских (в Днепровском бассейне) и финно-угорских (на землях будущей России) этнических черт и социальных порядков, что впоследствии сказалось на различиях жизненных укладов и представлений[1].

Вернемся к основной теме данной книги – **анализу процесса государствообразования,** теперь уже **в восточной части Центральной Европы – у западных славян.** Предпринятый обзор этногенетических процессов, полагаю, поможет прояснить хронологию и особенности этого процесса.

В силу указанной выше ограниченности письменных источников о раннеславянской истории к поискам начал государственности у славян целесообразно приступать с привлечения массового археологического материала, объективно отражавшего социальные процессы. К таковому, как отмечалось, прежде всего относятся сохранившиеся и исследованные укрепленные поселения – городища. В западной ча-

[1] Краткий, но точный обзор различий представил философ А. Зеличенко [http://www.echo.msk.ru/blog/russkiysvet…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сти славянского ареала – в Центральной Европе они появляются с VI в. (чаще со второй половины) и более массовыми становятся в VII–VIII вв. В Среднем Подунавье самые ранние городища появились в эпоху Само (VII в. – Микульчицы)[1].

Эти городища возникали среди плотного сельского населения и до IX в. представляли собой как бы укрепленные деревни, часто расположенные в естественно защищенных местах (среди болот, на возвышенностях и т.д.). Распространение этих городищ было связано с усилением межплеменных столкновений в ходе освоения территории и оформления племенных союзов, особенно с VIII в. По мнению чешского историка Мирослава Штепанека, это были укрепления всего народа. Об имущественных и социальных различиях жителей таких поселений данных нет. У полабских славян преобладали городища-убежища, расположенные в стратегически важных местах, порой на путях передвижений. Постоянного населения на них обычно не было. Оно жило в окрестных селищах. Но на городищах мог регулярно находиться скот, защищаемый от хищников и холода. Поэтому обычно такие городища находились вблизи селищ. А нередко селища превращались в предградья (форбурги) таких убежищ, как, например, в Торнове у лужичей в VII–VIII вв. Южнее, в будущих чешских землях поселений с чисто оборонительной функцией без постоянного населения славяне, как считает археолог Милан Шолле, до IX в. не знали. Очевидно, для этого существовали некие местные условия, отсутствовавшие в Полабье [Береш; Bialeková, 1975; Dąbrowska, 1973; Dąbrowska, 1978, S. 428; Gardawski; Górska u.a; Hejna, 1982; Hilczerówna, S. 149–150, 280–281; Hilczerówna Z., Urbańska-Łosińska, S. 78–82; Historia kultury, S. 35–36; Kudrnač, 1969; Kudrnač, 1970; Kudrnač, 1979; Łabuda, S. 101–102; Łodowski, S. 20–24; Łosiński, 1971, S. 442; Łosiński, 1982, S. 96–194; Łosiński, S. 110–111; Olczak, Siuchniński; Poulik, 1975, S. 170; Poulik, 1988; Rozwój osadnictwa, S.122; Szymański, 1967, S. 290; Šolle, 1968; Šolle, 1984, S. 30–54; Štěpánek, S. 203–204; Zeman]. Кстати, забегая вперед, городища-убежища были характерны и для Восточной Европы в эпоху славянского расселения.

В Полабье исследованы и общинные городища иного типа. К ним относится городище Фельдберг у лютичей (VIII – первая половина IX в.), площадью в 2,5 га, постоянно заселенное сельскими производителями, среди которых не выделено неравенство. Это был укрепленный племенной центр, в котором одновременно жило примерно 600–1200 человек. Он просуществовал 2–3 поколения, затем вместо него вокруг появилось несколько малых селищ [Херрманн, 1973; Herrmann, 1970, S. 146].

[1] О «государстве» Само – далее.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Как видно, у славян Центральной Европы вплоть до X в., а местами и позднее существовали общеплеменные укрепленные поселения, что свидетельствует о догосударственных формах общественной организации, ибо одним из наиболее существенных признаков сложения государственной власти является монополизация «силовых структур» с запретом «простонародью» сооружать собственные укрепления.

Но в то же время отмечаются и укрепления иного рода. В IX–X вв. (местами с конца VIII в.) появляются крупные, многоплощадочные городища, на которых выделяются и обособляются племенные верхи с дружинами. В Польше они просуществовали до конца X – начала XI в. Последующее их угасание исследователи увязывают со становлением пястовского государства, отразившегося в распространении резиденций каштелянов (наместников) – городищ XI–XIII вв. При такой интерпретации крупные городища VIII–X вв. можно считать центрами, связанными с локальными организациями консолидировавшейся местной племенной знати (племена и их союзы). В развернувшейся затем борьбе за территории и дани победившие роды обычно разрушали старые центры и создавали новые со своими наместниками-каштелянами. Следствием этого процесса и был упадок городищ – резиденций местной знати в XI в. (в основном) с одновременным распространением резиденций великокняжеских наместников – каштелянских *градов* (чешск.), *гродов* – (польск.) [Риер, 2000, с. 179–181, 183, 192–195; Dąbrowska, 1971; Dąbrowska, 1978; Domański; Hilczerówna, Urbańska-Łosińska, S. 98–100; Historia kultury, S. 42; Łabuda, S. 101–102; Łosiński, 1982, S. 193–l94; Mapa grodisk; Modzelewski, 1975; Olczak, Siuchniński; Podwińska, 1971, S. 101; Rajewski, S. 317; Wędzki, S. 73].

В Полабье вторая половина VIII – начало IX в., местами и позднее (в зависимости от уровня развития племен), отмечены городищами другого типа, относительно меньшими по размерам, обычно диаметрами в 20–80 м (но были и до 130 м – княжеские), с более мощными укреплениями и относительно просторными жилищами. Характерный пример – фаза Б городища Торнов (VIII–IX вв.). Размеры укреплений в нем по сравнению с VII в. увеличились и составили 88% всей площади поселения. Увеличилась и площадь построек, достигшая 10% от общих размеров площадки. Автор раскопок, немецкий археолог Йахим Херрманн, полагал, что центральная постройка на городище являлась жилищем владельца поселения с семьей. Жилыми были и 2–3 каземата – жилых помещений по периметру площадки, в которых могли размещаться примерно 15 воинов (в них найдено военное снаряжение). Остальные помещения (в количестве 16–17) могли быть амбарами. Хо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

зяйственные постройки (мастерские, склады) находились вне основной крепостной стены, в форбурге (предградье), в особом дворе; вместе с жилищами они были защищены дополнительным валом. Жилища вместе с окружавшими их постройками образовывали четко выраженные дворы-усадьбы (единственный пока факт наличия обособленных усадеб в славянских поселениях VIII в.). Такие городища рассматриваются как резиденции социальных верхов, окруженные подчиненным населением, проживавшим частью в бургах, частью вне их, в форбургах и, возможно, в окрестных деревнях. Процесс создания таких бургов продолжался в течение всего IX – начала X в.

Появление рассмотренных городищ отражает, по общему мнению, распад племенной организации и формирование локальной власти знати. Укрепленные форбурги фактически становились поселениями служилых людей с семьями при знатных родах, обособлявшихся в центральных укрепленных площадках, своеобразных акрополях (кремлях). Иными словами, знать уже имела постоянный слой «своих» людей, вероятно, военных слуг – дружинников. В некоторых местностях возвышалось сразу несколько центров, из которых постепенно выделялись княжеские резиденции (например Бранденбург у северных лужичей, северо-восточных сорбов и южных лютичей в начале X в.). В других случаях первоначальные укрепления становились резиденциями князей (ободриты, конец VIII – первая половина IX в.) [Brachmann, 1978; Die Slawen in Deutschland, S. 170–171, 207–211; Donat, 1980, S. 62; Donat, 1980a; Herrmann, 1966; Herrmann, 1968, S. 248; Herrmann, 1970; Schuldt, 1988; Struve, 1968; Struve, 1975, S. 99; Unverzagt, Schuldt, S. 81].

Характер взаимоотношений верхов и служилого слоя, способы обеспечения их потребностей по археологическим материалам, естественно, определить нельзя. Но можно предположить, что знать и дружинников кормили проживавшие в форбургах и прилегавших селищах крестьяне. Они же и строили бурги [Brachmann, 1978, S. 82; Donat, 1970, S. 83; Donat, Lange, S. 236; Herrmann, 1970, S. 146].

Основная масса крестьян, вероятно, еще оставалась свободной, о чем может свидетельствовать и довольно редкое расположение укрепленных поселений. Но в IX в. уже складываются формы политического влияния или господства в виде территориально-административных округов с городищами в качестве опорных центров (известная у соседних западнославянских народов «градская система»). В письменных источниках (Баварский Географ, IX в.) такие округа и их центры называются по-латински «civitas». Эти округа часто связаны с племенной территорией и структурой, что делает их аналогичными сербской «жупе», польскому «ополе», восточнославянским «миру» и «верви».

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Они представляли собой агломерации из 5-20 поселений, окружавших рассмотренные бурги-резиденции знати с форбургами. В наиболее заселенных местах такие административные центры размещались достаточно плотно, в 5–10 км друг от друга [Херрманн, 1973; Херрманн, 1988; Brachmann, 1975, S. 220; Die Slawen in Deutschland, S. 17, 69; Herrmann, 1960, S. 64; Herrmann, 1963, S. 190; Marschalleck, S. 37; Struve, 1968, S. 50]. В ходе дальнейшего развития, консолидации политической власти или ее перераспределения одни центры укреплялись и расширялись, другие – исчезали [Brachmann, 1975, S. 220–222].

В X–XII вв. (местами с IX в.) существовали и малые господские укрепленные резиденции (обычно круглые, диаметрами 25–40 м). На западной окраине славянского расселения они напоминали западноевропейские *motte* – небольшие резиденции мелких феодалов. В них, возможно, сидели служилые люди из княжеского окружения, которые несли административные и охранные (в том числе и против немецкой экспансии) функции среди окрестных селищ. Такие малые бурги могли быть и резиденциями местной знати, враставшей в новые государственно-территориальные структуры. Исчезновение некоторых из них может отражать неудачу борьбы их владельцев или с княжеской властью, или с немецкими феодалами. Расцвет малых городищ приходится на середину XI – конец XIII в. Генетически они связаны с резиденциями торновского типа (фазы Б) [Gringmuht-Dallmer, 1979, S. 347–351; Herrmann, 1960, S. 65–74; Herrmann, 1963, S. 193; Herrmann, 1968, S. 248; Marschalleck; Struve, 1968, S. 54–55]. Об оседании представителей служилого слоя на землю свидетельствуют и следы (хотя и немногочисленные) их усадеб в деревнях X–XII вв. [Grebe, S. 159–160; Schmidt, S. 275].

Очевидно, **различные объединения славянских племен** складывались еще в древности. Без них были бы невозможны прослеженные выше массовые перемещения населения. Но в отсутствии письменных свидетельств мы о них ничего не знаем. Первые и весьма нечеткие упоминания о таковых приходятся на начало новой эры. Это все те же *венеды*, затем *склавены* и *анты*. Иордан донес до нас и имя одного из предводителей антов – *Божа*, разгромленного готами. Но о государственности таких объединений говорить не приходится, ибо нет свидетельств о существовании в них особого правящего слоя. Это – объединения всего населения, из среды которого формируются и ополчения, и старейшины, и предводители, избираемые за особые заслуги.

Лишь с VII в., как видно из приведенных археологических материалов, у славян отмечается усиление роли дружин и их предводителей – князей. Это было вызвано развитием хозяйства, накоплением произ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

водственного опыта, что вело к появлению излишков, запасов и попыток ими воспользоваться – набегами с целью грабежей. Возникают укрепленные деревни, а также убежища без постоянного населения, где при нападении прятались окрестные жители со своим имуществом. Постепенно укрепленные поселения и убежища становились резиденциями военачальников, в том числе и князей с дружинами. Археологи отмечают появление на городищах сооружений, выделявшихся размерами, в которых, помимо обычных находок – бытовой утвари – встречаются предметы вооружения и украшения, часто привозные. Нередко эти постройки, как отмечалось, окружаются дополнительными валами – перед нами свидетельства обособления части населения, к которому переходят функции управления и военное дело. Появление таких резиденций в VII–VIII вв. означало выделение знати и начало оформления княжеской власти. Эти социальные преобразования динамичнее происходили в будущих чехоморавских и западнословацких землях, где была отмечена более высокая плотность населения и более ранняя консолидация дружинного слоя. То есть, перед нами формирование *сложных вождеств*.

Первым достоверным межплеменным объединением вообще у западных славян стало так называемое **«государство» или «княжество» Са́мо** с центром около совр. Братиславы[1] (рис. 36). Оно образовалось в процессе борьбы с *аварами*, вторгшимися в Среднее Подунавье из Причерноморских степей через Карпатские перевалы и осевших там во второй половине VI в. Авары – союз кочевых племен тюркского (по преимуществу), но также монгольского, и иранского происхождения, сложившийся в Центральной Азии и вытесненный оттуда другими тюркскими объединениями. На новых местах они занялись традиционным занятием кочевников – набегами на соседей: германцев и славян. Успехи аваров в определенной степени обуславливались наличием у них металлических доспехов и, главное, железных *стремян*, которых еще не знали европейцы. Стремена значительно повышали эффективность действий всадников и впоследствии стали важным элементом снаряжения создававшегося европейского рыцарства [Контлер, с. 38].

Возникшее объединение получило в литературе название *Авар-ский хаганат* (каганат) с центром в Южной Паннонии [подробнее см. Буданова, 2000, с. 121]. Собственно, и славяне в Паннонии появились тоже в VI в., возможно, в одном потоке с аварами. Затем они совместно нападали на Византию [Видейко, с. 131–140], хотя, возможно, застали там и славян, пришедших в те же времена с севера, с Эльбы [Седов, 1994; Седов, 1995].

[1] Там отмечено самое раннее славянское городище в Среднем Подунавье – Микульчицы (VII в.).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ГОСУДАРСТВО ЛАНГОБАРДОВ
АВАРЫ
Регенсбург
Пассау
Аугсбург
Аквилея
Верона
Паннония
Дакия
Мораве
Тиса
Дунай
Эльба
Саксы
Тюрингия
Австразия
Ломбардия
Паннонский
Паннонская
Паннонские
Паннонские
Паннонская
Паннонская
Паннонская

Советский славист и историк древней Руси М.Б. Свердлов обращает внимание на структурные особенности организации славян. Избрание Само раскрывает «*содержание вертикальной социальной мобильности Само в союзе восставших племен: 1) он становится знатным по доблести или по мудрости, 2) его избирают на народном собрании королем. То, что Само по происхождению был франк, а не славянин, свидетельствует о значительной степени развития славянских племен, в которых принадлежность к роду и племени приобретала меньшее значение, чем знатность по доблести или по мудрости. Вместе с тем там еще сохранялись традиционные институты: народное собрание и избрание короля*» [Свердлов, 2000, с. 50]. Долгое правление Само, его статус, наличие 12 жен из славян и более 30 детей, единоначалие в военных делах «*по велению Само*» позволяет, по мнению Свердлова, видеть в данном объединении «*вид государственного образования*», которое «*воспринималось современниками как "королевство Само" (regnum Samonis), да и сами "венеды" понимались Фредегаром как "народ его королевства". Для обозначения рубежей "королевства Само" использовалось понятие "граница" (limes)*» [Свердлов, 2000, с. 50–51].

Представляется, однако, что уважаемый автор воспринял текст Хроники излишне буквально. Фредегар описывал ситуацию в терминах, понятных для читающих современников-франков (узкого слоя светской и церковной элиты). Реалии могли быть не столь определенными. Да и сам Свердлов далее признает, что «*на основе этих данных можно проследить начальные процессы концентрации центральной власти, формирование территории государственного образования с определенными границами… В государстве Само, объединившем племена на территории Моравии, Чехии и Словакии, не прослеживаются отчетливо внутренние социально-экономические основания. В его возникновении выразились пока тенденции. Поэтому оно имело вид варварского государства эпохи Великого переселения народов – объединение племен или союзов племен под единой политической властью короля (князя), часто без династической преемственности, с сохранением основных элементов племенного строя на последней стадии его существования, но закономерно появляющееся в переходную эпоху от разлагающегося родоплеменного строя к раннеклассовому обществу*» [Свердлов, 2000, с. 51]. Слова о *раннеклассовом обществе*, очевидно, из привычного для советских историков словаря.

Действительно, образовавшийся союз западнославянских племен был весьма обширен. В него входили, кроме племен Чехии, Моравии и Паннонии, многие славянские племена Силезии, Лужиц и других земель по среднему течению Лабы. Но точная локализация этого объединения вызывает споры, ибо не зафиксирована в источниках. Бесспорно лишь,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что оно располагалось вблизи восточных границ государства франков, на тех среднедунайских землях, где позднее возникло Великоморавское княжество [Седов, 1995, с. 132–133].

Неопределенность границ Само отражает, кроме недостатка сведений, и неустойчивость самого объединения. Созданное для отражения внешней угрозы, оно было непрочным. Те племена, для которых угроза миновала, вполне могли выходить из объединения. И, наоборот, в зависимости от ситуации, в него могли входить другие. То есть границы постоянными не были и племена, которых относят к этому «государству», едва ли осознавали свое единство.

Рис. 37. Славяне и их соседи в VIII–IX вв. [Атлас, с. 5]

Электронный абонемент библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Военный характер объединения во главе с Само обусловил не только присоединение к нему многих славянских племен, но и собственные грабительские походы против соседей, прежде всего в земли франков. Неслучайно, после смерти Само, когда непосредственной опасности со стороны внешних врагов уже не существовало, его «государство» распалось, ибо с исчезновением внешней угрозы знать отдельных племен уже не нуждалась в надплеменной организации. То есть, перед нами все то же *вождество*, причем даже не переросшее в сложное.

Очевидно, неустойчивые, временные объединения – союзы племен – явление, нередкое в позднеплеменную эпоху. Однако не всем удавалось попасть в анналы истории. Само повезло благодаря известной «Хронике Фредегара». Конфликт с аварами, вызванный, очевидно, какими-то внутренними противоречиями или обидами, на время возвысил славян, и они обрели гегемонию на территории, которую освоили, по мнению некоторых исследователей, частично и с помощью аваров [Видейко, с. 133–134]. Со временем конфликт ослаб, но продолжились совместные набеги аваров и славян и на Византию, и на франков, что породило ответные меры последних. В результате и «государство» аваров в Подунавье было окончательно разгромлено Карлом Великим в конце VIII – начале IX в., а сами кочевники полностью ассимилированы оседлыми народами региона.

Историческое значение «Державы Само» состояло, прежде всего, в создании условий для самостоятельного развития входивших в него племен, подвергавшихся аварской угрозе [Авенариус, 1987; Авенариус, 1991, с. 31–32]. Вопрос о нем как государстве, категорично заметил А.А. Горский, «*в настоящее время решается отрицательно*». Даже самоназвание этого образования, очевидно, не успело сложиться [Буданова, Горский, Ермолова, с. 175]. Но объединение осталось в исторической памяти как первое достоверно известное западнославянское квазигосударственное образование.

В целом, у славян в течение VII–IX/X вв. происходила трансформация общественного устройства от родового к раннегосударственному через образование так называемых *вождеств* (простых и сложных). Горский их называет *Славиниями*, распространив обозначение славянских объединений на Нижнем Дунае, приведенное византийским императором Константином Багрянородным, на всю территорию славянского расселения в Центральной и Восточной Европе [Буданова, Горский, Ермолова, с. 180].

Спустя почти 2 столетия, после окончательного разгрома франками аваров, на части земель, входивших в объединение Само,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

возникло новое образование, теперь уже имевшее признаки государства, названное в X в. Константином Багрянородным **«Великой Моравией»**[1] (рис. 38–39). Начало ему положил предводитель *моравaн* (проживавших на р. Мораве) – *Моймир* (818–846), победивший около 831 г. нитранского князя *Прибину*. Центром нового объединения стала *Нитра* (на западе современной Словакии). Следует заметить, что хотя территория Великой Моравии заселялась славянами из разных направлений и племенных групп, к IX в. все ее население было единым в материальной культуре и говорило на одном языке. Этноним *моравaне* впервые отмечен во франкских королевских анналах под 822 г.

Рис. 38. Великая Моравия [Атлас, с. 12]

[1] Обычно существование княжества датируют с 833 по 906 гг. [Раткош, с. 81].

Электронный абонемент библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Консолидация населения Великой Моравии стимулировалась соседством с немецкой Баварией, входившей в состав Восточнофранкского (Немецкого) королевства. Рассматривая соседние земли в качестве объекта своих притязаний, немецкая знать развернула борьбу с Моймиром и, в конце концов, возвела на княжеский престол своего ставленника из моравской знати – *Ростислава* (846–870).

Однако, добившись власти, Ростислав стал проводить самостоятельную политику. Более того, готовясь к неизбежному противостоянию своим бывшим покровителям, он организовал сооружение ряда крепостей, из которых затем выросли города. И когда в 855 г. Людвиг (Людовик) Немецкий организовал военный поход в пределы Моравии, Ростислав отразил нападение и сам вторгся на восточные земли королевства. Людвик Немецкий вынужден был признать независимость Великой Моравии. В стремлении сохранить самостоятельность, Ростислав, как известно, способствовал прибытию в Моравию будущих создателей славянской письменности – Кирилла и Мефодия[1].

Сумел сохранить самостоятельность и сменивший Ростислава, также с помощью немцев, его племянник и соправитель *Святоплук* (Святополк – в русской интерпретации) (871–894). При нем в Моравии сложилось типичное *варварское государство*. Князь опирался на племенных военачальников и вельмож из более мелких командиров, вокруг которых группировались дружинники. Этот дружинный слой обеспечивался трудом несвободных людей, которые с X в. стали концентрироваться в так называемых служебных деревнях [Bohač, 1973, S. 153; Snašil, 1970, S. 340; Štěpánek, 1965, S. 211–212]. Но основную массу населения составляли еще свободные мораване – крестьяне, жившие прочными общинами. Они же входили во всеобщее ополчение.

Активная внешняя политика – завоевания, и очевидно, присущие эпохе процессы укрепления знати ослабили Святоплука, которому пришлось принести вассальную присягу очередному восточнофранкскому королю и обязаться платить ему дань. Но после смерти Святоплука в государстве начался серьезный внутренний кризис. От Великоморавской державы стали отпадать присоединенные земли. Так в 895 г. отложилось и подчинилось германскому королю Арнульфу Чешское княжество. Вслед за этим отпали и земли лужицких сербов (897 г.), а также Силезии. Началась борьба за власть между сыновьями умершего князя – Моймиром и Святоплуком Младшим.

В итоге около 906 г. Великоморавское государство рухнуло под натиском вторгшихся в Паннонию венгров, изгнанных из своих прежних кочевий в Северном Причерноморье печенегами. Жизнь в Моравии

[1] Подробнее об этом и других раннеславянских государствах Центральной и Юго-Восточной Европы см.: [Риер, 2005].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

продолжалась, вероятно, под властью мелких удельных князьков. Оказавшись между германской империей и венграми, Великоморавское княжество, по выражению американского историка чешского происхождения Франтишека Дворника, было втоптано в землю копытами венгерских коней [Дворник, с. 26].

Несмотря на короткое время своего существования, Великая Моравия сыграла значительную роль в славянской истории. Она была вторым, после Первого Болгарского царства устойчивым государственным образованием в славянских землях.

О структуре моравского общества известно немного. Погребения с большим числом ювелирных изделий из драгоценных металлов, богато орнаментированного оружия и следов восточных тканей, при наличии большого числа захоронений вообще без инвентаря свидетельствуют о существовании у мораван значительной социальной дифференциации. Но ничего неизвестно о наличии крупной земельной собственности. В юридическом отношении моравское общество делилось лишь на свободных и несвободных, т.е. рабов. Рабы («отроки»), приобретавшиеся, прежде всего, как военная добыча, были предметом выгодной торговли и, несомненно, использовались также как рабочая сила. Свободные люди были явно тождественны «мораванам». Им принадлежали политические права, главным из которых было право участвовать в народных собраниях. К свободным мораванам относилась и аристократия – «честные мужи», «вельможи» [Тржештик, Достал, с. 94–95]. Остальные свободные – «народ» – были землепашцами, которых почти не затронула социальная дифференциация.

Во главе Великой Моравии стоял великий князь, делившийся своей властью с более молодым членом династии. Характер власти князя некоторые авторы считают деспотическим [Раткош, с. 92], другие – скорее олигархией [Алимов, 2015]. При необходимости князь созывал узкий совещательный орган – совет или более широкий – сейм, в который входили, кроме членов совета, правители отдельных территорий (*жуп*) – *жупаны* и представители военных дружин. Но централизованной Моравия не была. Великоморавские князья были полными правителями лишь на собственной территории, а на завоеванных и присоединенных землях оставались свои князья, платившие дань и выставлявшие по требованию великоморавского князя военные силы [Свердлов, 1997, с. 90–105, 125–126].

Правящая моймировская династия уже обладала наследственными правами княжения. Главной ее опорой и органом исполнительной власти была хорошо вооруженная княжеская дружина, сосредоточенная в укрепленных центрах – городищах. Существовали дружины и при дворах вельмож. Они содержались за счет военных трофеев и дани с населения. Племенная знать, судя по проанализированным польским

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

историком Хенриком Ловмяньским «Каролингским анналам», уже уступала верховный контроль над территориями княжескому роду. В 831 г. произошло крещение «всех мораван». Можно согласиться с отнесением Великой Моравии к образованиям переходного типа, приближавшимся к раннефеодальным государствам [Всемирная история, с. 246; Седов, 1995, с. 296; Lowmianski, 1970, S. 236–262].

Или, согласно политантропологической классификации – в Великоморавском княжестве сформировалось *сложное (высшее) вождество*, которое, развивалось в раннее государство. Последнее, учитывая свойственную феодализму тенденцию к обособлению разных представителей правящего рода, действительно можно характеризовать как раннефеодальное. В таком неустойчивом состоянии Великая Моравия не сумела противостоять натиску кочевников-венгров, которые, в отличие от западных соседей, германских феодалов, не довольствовались ограниченным (внешним) подчинением – вассалитетом, а стремились к полному обладанию землями. В итоге «начавшееся» государство сошло с исторической арены. Но его основа – возникавшая организация территориального управления была воспринята как завоевателями – венграми, создавшими в течении последующих двухсот лет свое государство, так и частью прямых наследников мораван – **чехами**.

Как уже отмечалось, на западе Великой Моравии, в верховьях р. Лабы (Эльбы) и бассейне Влтавы в VI в., ближе к его середине, распространилась первая из известных бесспорно славянских археологических культур – пражско-корчакская, носители которой сменили здесь ушедших в пределы бывшей Западной Римской империи германцев. При этом группы славянского населения, заселявшие Чешскую долину ни особенностями своей материальной культуры, ни характером самосознания не представляли собой какой-либо особой общности, а происходили из нескольких раннеславянских группировок [Развитие этнического самосознания, с. 120–121].

На северо-западе региона отмечены племена, родственные *сербам*, обосновавшимся и в среднем течении Лабы. Жителей Восточной Чехии источники IX–X вв. называли *хорватами*. На юге Чехии отмечены следы *дулебов*, известных и по соседству – в Паннонии, а также среди восточнославянских племен. Франкские хроники IX в. обозначали славянское население региона единым словом – *богемы* (bohemi)[1]. Это название относилось и к территории (Богемия), и к этносу, состоявшему из разных славянских племен. Центральную часть региона, особенно земли вокруг Пражской котловины, занимали *чехи*. В среднем течении

[1] От некогда проживавшего на описываемой территории кельтского племени *бойев*, покинувших эти земли и растворившихся где-то на просторах западноримских провинций среди других варваров.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

р. Огрже жили *лучане*, на Верхней Огрже располагалось маленькое племя *седличан*, в месте слияния Лабы и Огрже проживали *литомержичи*, а территорию вокруг позднейшего г. Дечина занимали *дечане*[1]. Область вокруг впадения в Лабу Влтавы принадлежала племени *пшеван*. В Восточной части Средней Чехии находилась племя *зличан*. Восточная Чехия принадлежала, как отмечалось, *хорватам*, а неплотно заселенная территория Южной Чехии – *дулебам*. Во главе этих племен с конца VIII в. стояли князья, жившие в племенных градах [Риер, 2005, с. 101–102]. Названия других племен история не сохранила. Но из представленного перечня ясно, что сообщество, названное собирательно по имени наиболее активного малого племени, к X в. представляло собой типичное вождество.

В источниках IX в. появляются сведения о двух политических объединениях на территории Чешской долины. Одно из них выступает под названием *Богемия*, другое – *Хорваты*. О втором сохранились лишь единичные свидетельства конца IX–X в. Больше данных относится к «Богемии», ставшей в дальнейшем ядром формирования и Древнечешского государства, и древнечешской народности. Это был союз племенных княжеств. По данным «Франкских анналов» первой половины IX в., «Богемия» охватывала территории современных Центральной и Северо-Западной Чехии. На Верхней Лабе до конца X в. существовало самостоятельное хорватское племенное княжество, возглавлявшееся родом Славниковичей.

Активизации политического развития территории и формирования из племенного княжения раннего государства способствовали воздействие расположенного западнее Восточнофранкского королевства и возникновение к востоку Великоморавского княжества, от которого «племена Богемии» в последней трети IX в. оказались в политической зависимости. Эти процессы получили довольно четкое отражение в археологическом материале. С середины IX в. в наиболее крупных городищах на смену деревоземляным приходят каменные укрепления. На

[1] В научной литературе наряду с традиционной трактовкой термина *племя* как объединения родственных родов, этнически единого населения существует представление, что, в раннее средневековье, в эпоху массовых перемещений варварского населения *племена* переставали быть этнически однородными и состояли из перемешанных между собой в процессе расселения этнических групп, объединенных, прежде всего, единой территорией и возглавлявшиеся столь же разнородной дружинной верхушкой с вождями. Это, по сути, уже были не племена в традиционном смысле этого слова, а вождества. В пользу такого вывода могут свидетельствовать многие наименования «племен» по местам обитания, «*(например, поляне, то есть обитатели поля, открытого пространства; древляне – от “дерева”, то есть обитатели лесов), или гидронимом – наименованием реки или озера (например, мораване, гаволяне, то есть живущие на реках Мораве и Гаволе, моричане, то есть живущие у озера Морицкого)*». Так было и у германцев в первые века новой эры, и у славян, у которых прежние племена распались в VI–VII вв. Но некоторые названия старых племен переносились на новые территориальные образования, как это происходило, например, с сербами и хорватами [Горский, 2001; Горский, 2004, с. 13 сл.; Горский, 2010, с. 10–17].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

территории некоторых из них можно отметить появление внутреннего членения; появляются особо укрепленные дворцы (акрополи, кремли) – в которых проживали семьи предводителей дружин (типа вышеописанного в Полабье Торнова). Наконец, около наиболее крупных городищ возникают и богатые некрополи – погребения выделившейся знати.

В сообщениях второй половины X в. «Богемия» фигурирует уже как объединение, во главе которого стоит единый правитель. Центр племени «чехов» – «град» Прага выступает как центр всей «Богемии». Уже в X в. этноним «*чехи*» распространился на всю совокупность населения Чешской долины, подчиненных сидевшим в Праге князьям. Но при этом в ряде мест продолжали сохраняться свои, удельные князья, вынужденные подчиняться политическому господству Праги. Создалось уже *сложное вождество*.

Складывание такой системы должно было привести (и привело) к серьезным социальным сдвигам в жизни, прежде всего, господствующего племени чехов. Серия столкновений, больших и малых, которыми сопровождалось возвышение Праги, вела к усилению роли и значения в жизни племенного княжества, перераставшего в раннее государство, дружины. Она превращалась в ведущий элемент формирующегося господствующего сословия и опиравшейся на эту дружину княжеской власти, которая становилась все более самостоятельной по отношению к массе рядовых соплеменников. К концу X в. управление Чешским ранним государством уже опиралось на систему укрепленных «градов» как центров и светской, и церковной власти. Такое заключение согласуется с данными археологов, которые именно к X в. относят строительство целого ряда «градов», ставших затем важными центрами Чехии [Флоря, 1981; Развитие этнического самосознания, с. 120–132].

Собственную политическую историю **Чехии** можно проследить с князя *Борживоя* из рода *Пржемысловичей* (*Пржемысловцев*), умершего в 889 г. Поначалу он был лишь одним из многих чешских племенных князей. Единственным (или главным) князем в Чехии Борживой стал, очевидно, лишь подчинившись напавшему на чехов в 884 г. великоморавскому князю Святоплуку и приняв в 885 г. вместе с женой крещение, причем в Моравии. Писали, что крестил его сам знаменитый Мефодий. Этим Борживой обеспечил себе поддержку Святоплука и, возможно, объявлялся как бы его наместником в Чехии, главным по отношению к остальным чешским князьям. Так, с помощью Великой Моравии, а, возможно, и ценой временного подчинения ей, Борживой сумел занять ведущее положение среди других чешских племенных князей и обеспечил дальнейшую гегемонию своего рода [Подробнее см.: Тржештик, 1985].

Борживоя сменил его 14-летний сын *Спицигнев*, который вместе с другими чешскими князьями в 895 г. принес вассальную присягу уже

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в Регенсбурге Восточнофранкскому (германскому) королю. В условиях ослабления Великой Моравии после смерти Святоплука в 894 г. Спицигнев стал вполне самостоятельным и считался первым среди чешских князей. В это время Пржемысловичам подчинялась Средняя, Северная и Северо-Западная Чехия. Но у них отмечены и соперники, в частности, из восточночешского рода *Славниковичей* (*Славниковцев*). Остальные князья примыкали к одному из лидировавших родов. В течение X в. гегемония Пржемысловичей постепенно усиливается. Если на рубеже IX–X вв. Чехия являлась конгломератом княжеств, зависимых от Пржемысловичей, то в конце X в., после насильственного устранения основных конкурентов – Славниковичей, Пржемысловичи объединили все чешские племена под властью одного, своего рода. В первой половине X в. в состав Древнечешского государства вошли ослабленная венграми Моравия, и, на время – Силезия.

В борьбе за политическую гегемонию укрепляется положение лидирующей династии и окружавших ее дружинников, превратившихся в правящий слой, в знать. На рубеже X–XI вв. владения Пржемысловичей превратились в более или менее однородный социальный организм. Ряд земель, слабо связанных с центральным ядром (позднейшие Малая Польша, Силезия) отпал, в других местная верхушка была самыми жестокими мерами уничтожена (взятие Либице в 995 г. и уничтожение большей части рода Славниковичей). На всей территории, находившейся под властью чешского князя, утвердилось полное господство его дружины – «чешских мужей». Старинное племенное устройство полностью исчезло. Прежние племенные грады были заменены опорными пунктами государственной власти Пржемысловичей.

Уже Борживой начал, а Спицигнев активно продолжил создание в своем среднечешском княжестве территориальной организации, опиравшейся на грады как центры взимания дани и поборов, и одновременно как центры новой религии. В градах были построены храмы. Священников для них Спицигнев нашел в разоренной Моравии, хотя в Праге находился архипресвитер регенсбургского епископа, к диоцезу (округу) которого Чехия была отнесена в 895 г. [Тржештик, Достал, с. 99–102].

В дальнейшем уже внук Спицигнева – *Болеслав I* (935–972), оставшись вассалом Империи Оттона I, где насилием, где мирным путем ликвидировал все чешские племенные княжества и по всей стране построил новые грады – центры единого государственного управления. Всех свободных Болеслав обложил «данью за мир», выплачивавшейся в деньгах, которые он начал чеканить в 60-е гг. По всей стране был организован сбор налогов и выполнение населением служб. Это позволило князю содержать большую дружину, с помощью которой он сразу же начал проводить экспансионистскую политику. Его преемник – *Болеслав II* в 973 г.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

добился учреждения в Праге самостоятельного епископства, подчиненного, однако, немецкому майнцскому архиепископу. Первым епископом стал саксонец Дитмар, живший в Чехии и знавший славянский язык. Учредить же самостоятельное архиепископство, как это позже сделал Болеслав Храбрый в Польше, Пржемысловичам так и не удалось.

Объединение Чехии под жезлом Пржемысловичей, отмечает чешский историк Йожеф Жемличка, было длительным процессом. Видимо, решающая фаза объединения с середины IX в. тянулась вплоть до первых десятилетий следующего столетия, а в строгом смысле слова – до конца X в. [Жемличка, 1987, с. 137–140].

Последующее развитие Чехии было характерно почти стабильными границами (рис. 39). «*Благодаря естественной компактности земель Чешской котловины беспокойные соседи лишь с трудом могли урвать себе кусочек, а внешние приобретения чешских князей и королей чаще всего оказывались в их руках лишь на краткое время*» [Жемличка, Марсина, С. 168]. Укрепление княжеской власти получило юридическое выражение в так называемом «Законе сеньората» *Бржетислава I* (1055 г.), в соответствии с которым княжеский престол переходил по наследству к старшему сыну князя, а младшие сыновья оказывались в вассальной зависимости от старшего. Это было воплощением в чешских землях западноевропейского принципа майората.

Рис. 39. Чехия в X–XI вв. [Атлас, с. 11–12]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Так сформировалось раннечешское государство. Первым Пржемысловичем, получившим королевские регалии, стал *Вратислав II* (1061–1092) в благодарность за поддержку от германского короля, затем императора Генриха IV в борьбе с оппозицией в Германии и с папством. Но этот титул еще не стал наследственным[1].

Следует заметить, что в истории становления чешского государства параллельно действовали две тенденции: стремление к сохранению самобытности и западное влияние, осуществлявшееся и через соседей на западе – немцев, и, в большей степени, через католичество. Как заметил Ф. Дворник, «*Чехия, унаследовавшая греко-славянскую культуру, семена которой были посеяны святыми Кириллом и Мефодием в IX в., к концу XI в. была полностью вестернизирована и латинизирована. С XII в. чехи успешно усваивают культурные сокровища латинского Запада; культурное развитие в этой области достигло пика в XIV в. … В Чехии западное влияние в религиозной сфере начало проявляться в конце XI в. растущей враждебностью к использованию славянского языка в богослужении*» [Дворник, с. 194]. Окончательно оформилось феодальное государство в Чехии лишь с воцарением на троне *Вацлава I* (1230–1253), который решительно узаконил феодальный принцип майората при наследовании короны: основным наследником становился исключительно старший сын. В этом – свидетельство укрепления монархической власти, возвышения ее над раннегосударственными корпоративными представлениями знати, которая отстаивала право выбирать монарха и контролировать его. Показательно, что примерно в эти же годы аналогичные преобразования произошли и в порядках престолонаследия французских королей. Чехия становилась типичным европейским королевством [Риер, 2005, с. 102–112].

Племена, из которых сложилось **польское государство**, занимали бассейн р. Вислы, входивший, как отмечалось по одной из гипотез, в территорию прародины славян. Как подчеркивал В.В. Седов, по археологическим данным какого-либо праславянского племени, которое можно было бы назвать прапольским, ставшим основой формирования древнепольской народности, не существовало. В начале средневековья территория, где позднее сложилась эта народность, была заселена носителями пражско-корчакской культуры на юге и родственными полабско-поморскими племенами, именно из будущих польских земель расселившихся на запад.

[1] Основываясь на включенности тогдашней Чехии в европейские политические контакты, польский исследователь Мацей Саламон считает ее единственным государством в Центральной Европе того времени [Саламон].

Электронный учебник МГУ имени А.А. Кулешова

Рис. 40. Польша на рубеже X–XI вв. [Атлас, с. 12]

В конце I тыс. н.э. реки Одер, Лужицкая Ниса и Бобр разделили на западе не только территории, но и исторические судьбы полабских и вислянских славян. На юге отроги Судетских и Карпатских гор отделили от последних формировавшиеся в верховьях Эльбы и в левобережье Дуная чехоморавские и словацкие племена. Густые леса между реками Буг и Вепш на юго-востоке разграничили племена пражской культуры и генетически связанные с ней племена корчакской группы, ставшие основой восточного славянства. На северо-востоке возвышенности Прусского Поозерья и северомазовецкие пущи отделили будущие польские территории от земель балтийских племен: пруссов и ятвягов. На севере естественным рубежом начавшейся консолидации славян Повисленья стало 400 км балтийского побережья от устья Одера на западе до устья Вислы на Востоке (рис. 40).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Консолидация населения будущих польских земель первоначально происходила вокруг нескольких центров. Упоминаемые в источниках поляне, куявяне, мазовшане, ленчицане, весляне, поморяне, слензане возникли на основе существовавших ранее племенных союзов, связанных с определенными территориями. В южнопольских землях (будущая Малопольша), основу славянского населения которых составляли потомки племен пражско-корчакской культуры. Историческими источниками засвидетельствовано одно крупное образование племенного характера – висляне, включившее в себя разрозненные группы славянского населения.

Первым очагом зарождения государственности на территории Польши стало в IX в. Верхнее Повисленье. Южнопольские племена ранее других попали в поле зрения средневековых авторов, что обусловлено их связью с историей Великоморавского княжества. Достоверно устанавливается, что в IX в. уже существовало княжение у вислян. Допустимо предположение, что это был племенной союз, включивший в себя все славянские земли Вислянского Прикарпатья. Около 875–876 гг. великоморавский князь Святоплук подчинил это княжество.

Первые небольшие укрепленные поселения в земле вислян появляются в VIII в. В следующем столетии в этом регионе возникают уже крупные городища, которые рассматриваются исследователями как резиденции племенных княжеских родов. Центром вислян был и Краков – «грод» на Висле [Седов, 1995, с. 343].

Другим центром объединения племен региона стало расположенное севернее, в земле *полян* (в позднейшей Великопольше) укрепленное поселение *Гнезно*. Здесь была резиденция первого достоверно зафиксированного рядом письменных источников князя *Мешко*[1]. Около 877 г., после завоевания Великой Моравией княжества вислян, Великая Польша стала центром складывавшегося объединения. Как резиденция полянских князей, Гнезно с середины IX в. был уже сильно укрепленным гродом, который вполне мог быть центром большого племенного княжества полян. С X в. вокруг резиденции разрастаются открытые поселки, некоторые из которых имели торговый характер, что типично для формирования раннесредневекового города.

Таким образом, до середины X в. на территории Польши существовало несколько племенных княжений, наиболее мощным из которых оказалось Великопольское. В правление князя Мешко I (960–992) начался его территориальный рост. Очевидно, это образование – *сложное вождество* – настолько окрепло, что смогло подчинить ряд соседних племенных княжений. Лишь со стороны лютичей попытки Мешко расширить свои владения на запад встретили сопротивление, в преодолении которого погиб и он сам.

[1] Много позднее, исходя из имени легендарного предка Мешко – *Пяста* – польские историки ввели термин *династия Пястов.*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Уже в начале своего правления, в 966 г. Мешко I принимает христианство по латинскому обряду. В относительно быстром распространении новой религии в Великопольше важное значение имело его сближение с Чехией. Еще в 965 г. Мешко I скрепляет союз с южным соседом браком с Дубравкой (Дубровкой), дочерью чешского князя-христианина Болеслава I, и при великопольском дворе появились чешские священники и миссионеры. Около 968 г. в Великопольшу прибыл и первый епископ Иордан, местом пребывания которого стала Познань. Принятие христианства сыграло важную роль в укреплении и развитии польской государственности[1]. Христианизация способствовала не только скреплению союза с Чехией, но и политическим контактам с германским королевством, его феодализирующейся элитой. В 967 г. к Древнепольскому государству было присоединено Западное Поморье, а правивший в Гданьске местный племенной князь признал свою зависимость от Мешко I. Более тесным связям с германским правящим сословием способствовал и состоявшийся около 980 г. новый брак Мешко с Одой, дочерью саксонского маркгара. Под влиянием Оды преемником первого польского епископа Иордана в 982–983 гг. стал немецкий епископ Унгер из Тюрингии. Но после смерти германского императора Оттона I в 973 г. Мешко стал осторожнее относиться к немецкому влиянию и в качестве противовеса ему установил прямые контакты с Римом. Он даже подарил Ватикану «грод Гнезно» со всеми принадлежавшими ему землями, то есть фактически, все тогдашнее Древнепольское государство. В итоге правитель Польши стал ленником папы и даже начал выплачивать ему некий «ценз» в знак признания верховной власти Рима [Флоря, 2002, с. 209]. Это укрепило Польшу перед лицом Империи.

Умирая, Мешко разделил, по тогдашней традиции, свое княжество между сыновьями. Причем Ода, при поддержке Рима, стремилась закрепить основные права за своими сыновьями. Но знать поддержала старшего сына (от чешской княжны) – *Болеслава Храброго* (992–1025), первые годы правления которого прошли в борьбе за восстановление государственного единства. Около 995 г. борьба эта жестоко, но успешно для честолюбивого Болеслава была доведена до конца. Младшие братья вместе с мачехой Болеслава, Одой, бежали из страны. Поморье признало свою зависимость от центрального польского князя. В конце X в. Болеслав присоединил к Великопольскому княжеству и богатые земли вислян, в том числе Краков. Таким образом, около 1000 г. создалось единое Древнепольское княжество, поглотившее прежние племенные княжения (рис. 38).

[1] Христианизация разрушала старые племенные традиции, закрепленные в языческих культах и становилась важным актом легитимации новой формы власти, то есть перехода к государству [Модзелевский, с. 171]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Объединение племенных земель в единую территорию стало одним из факторов, способствовавшим этнической консолидации славянского населения Польши. Княжество Болеслава I можно считать уже началом государства с выделившимся правящим сословием: в ряде наиболее крупных центров (Гнезно, Познань, Влоцлавек, Гдеч) были сосредоточены многочисленные дружины (общим числом свыше 10 тыс. воинов). Такое войско могло существовать только благодаря системе централизованной государственной эксплуатации зависимого населения, которая состояла в регулярном сборе дани-налога. Вся подчиненная князю территория рассматривалась соответственно как его собственное владение, управляемое представителями княжеской администрации и поделенное на ряд административных округов. При великокняжеском дворе сложилась система государственных должностей (канцлер, воевода, казначей, чашники, стольники, конюшие и пр.), которая в основных своих элементах воспроизводилась и на уровне локальной администрации в крупнейших гродах. Глава округа, будущий каштелян, при помощи своих подчиненных собирал подати, организовывал дружину, вершил суд от имени князя[1].

Характерная особенность такой системы состояла в том, что именно государство в лице князя и его дружинников выступает феодальной корпорацией, централизованно эксплуатирующей подвластную князю страну. Лишь постепенно, по мере наделения представителей князя на местах иммунитетными привилегиями дружинник из представителя государства превращается в феодала, получающего в частное условное владение, за которое он должен служить князю, те или иные заселенные территории. Государственная организация, таким образом, предшествует феодальной, а вся общественная система может быть определена и как система государственного феодализма [История южных…, с. 143; Риер, 2003, с. 57–61]. В рамках этого государства началась интеграция разноплеменного славянского населения в единую народность.

Консолидирующую роль играло и христианство. В 1000 г. на встрече в Гнезно с Болеславом молодой экстравагантный германский император Оттон III согласился на создание в Польше независимого Гнезненского архиепископства, которое и было учреждено папой Сильвестром II. Так обстоятельства оказались на руку Болеславу, использовавшему их сполна, чего, заметим, в других условиях не удалось чешским князьям.

На гнезненском съезде в 1000 г. Оттон III передал Болеславу и его преемникам «все права, которые принадлежат Империи» относительно церковных должностей, «в Польше или других завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать». Это решение затем подтвердил и папа Сильвестр II. Таким образом,

[1] *Каштелян* (кастелян) – от лат. *Castellum* – замок, в котором находилась резиденция княжеского наместника.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Болеслав Храбрый не только приобрел право инвеституры (назначения) епископов в собственном государстве, но и получил, по существу, неограниченные полномочия для создания церковной организации на тех языческих землях, население которых он смог бы, благодаря деятельности миссионеров или силой оружия, побудить принять новую религию [Флоря, 2002, с. 235]. Образованная в результате создания архиепископства сеть епархий, включившая епископии городов Кракова, Вроцлава и Колобжега не совпадала с прежними племенными территориями, как и вновь складывавшаяся административная структура. Этноним *поляне,* прежде означавший население сравнительно небольшого племенного региона, стал постепенно распространяться на всех жителей Польского государства.

При Болеславе Храбром оформилась система государственного управления раннефеодальной Польши. Местное управление опиралось, на разветвленную систему городов-резиденций, во главе которых стояли назначаемые центральной властью правители – комесы, позднее получившие название *каштелянов*. В их функции входило командование местным ополчением, суд, сбор налогов и дани с населения и т.п. Наряду с этим в некоторых областях сохранилась, по-видимому, власть мелких князей. Польский князь командовал войском, творил суд и ведал внешнеполитическими делами. При князе существовал совет знати. Военные силы Польши состояли из княжеской дружины и ополчения, включавшего в себя тяжеловооруженную конницу из рыцарей, или панцирных воинов, и пехоту – щитников из свободных крестьян-общинников.

Сам Болеслав в год смерти короновался польскими епископами в Гнезно и обрел титул короля. Но эта коронация явилась самостоятельным актом Болеслава, не согласованным с императором, и не смогла обеспечить польскому монарху признания и поддержки христианского мира Запада. Наследника Болеслава, Мешко II и вообще сочли «тираном», правителем, пользующимся королевским достоинством, которое по праву ему не принадлежит [Флоря, 2002, с. 238–239].

В дальнейшем обширные владения Пястов без четко очерченных рубежей не способствовали прочной консолидации вокруг правящей династии (в отличие от компактно размещенных чехов). Укрепление поземельных прав знати (можных) как единственно возможных в то время военных командиров и администраторов, на кого мог опереться великий князь, вело к типичному феодальному сепаратизму. Князь Болеслав III Кривоустый (1102–1138) в своем завещании попытался предотвратить распад страны на отдельные княжества и уделы, введя в правило наследование великокняжеского престола старшему сыну (правило принципата, сеньората, майората). Великий князь владел уделом, вбиравшим ядро Польши, со старой столицей Гнезно, оставшейся ре-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

зиденцией архиепископа, и новой столицей в Кракове, где с середины XI в. разместился королевский двор. Однако завещание уже не могло остановить неизбежных процессов децентрализации, и после смерти Болеслава Польша окончательно вступает в период феодально-политической раздробленности, так называемое *можновладство*.

Определенный перелом в сознании правящего сословия отразил краковский епископ Винцент Кадлубек, написавший в XII в. «Хронику Польши», в которой зафиксировал переход оп пришедшего из раннего средневековья «княжьего права» на все подвластные князю земли к суверенитету непосредственных владельцев этих земель – феодалов-иммунистов [Флоря, 2007].

В XIII в. под нажимом знати придворные должности были превращены в земские, при котором положение *можного* (рус. – *вельможи*) при дворе определялось его владениями. То есть бенефиции, дававшиеся на время несения службы преобразовывались в феоды, передаваемые по наследству. Польша превратилась в конгломерат воюющих между собой удельных княжеств. Однако именно внутри отдельных княжеств происходило складывание тех институтов, которые позднее послужили социальной основой единого Польского королевства. Зрелый облик приобрели феодальная вотчина и сопутствующие ей вассально-ленные отношения.

Для установления контроля над удельным князем феодалы использовали традицию вечевых собраний – прообраз будущих сеймов. Собрания, в котором принимали участие также мелкие рыцари, а иногда и еще сохранявшиеся свободные крестьяне, решали обширный круг вопросов: о налогах, о должностях, о спорах между отдельными феодалами и между ними и князем, о спорных судебных делах, о военных действиях и пр. Благодаря вечевым институтам удельные княжества становились похожими на небольшие сословные государства. Объединив польские земли, будущий общепольский монарх мог превратить эту традицию в общепольскую [подробнее см.: Риер, 2005, с. 68–83]. То есть, несмотря на раздробленность, Польша уже состоялась как государство, что осознавалось широкими слоями ее населения, которые в XIV в. поддержали объединительные устремления *Владислава Локетка* и *Казимира III Великого*, создавших средневековое Польское королевство.

Иными были исторические судьбы государственности у **полабских и поморских (балтийских) славян.** В междуречье низовий Одера и Эльбы, а также на побережье Балтийского моря от Ютландии до устья Вислы славяне пришли в VI в. Полабские славяне выделились из культуры пражского типа уже в процессе заселения междуречья рек Эльбы-Одера (слав. Лаба, Одра). Наиболее крупными из полабских славян были племенные объединения сорбов (сербов), лютичей (велетов), бодричей (ободритов немецких хроник) (рис. 35).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ко времени заселения этих земель славянами прежнее германское население, покинув данную территорию, ушло в пределы римских провинций. Основной массив земель региона был к приходу славян безлюдным и порос лесами, которые славяне вновь вырубали [Седов, 1995, с. 47].

Известное значение для формирования этнических и политических образований на территории между Одером и Эльбой имели географические условия, влияние которых было противоречивым. С одной стороны, эта территория составляет единый географический регион. Для него были характерны по преимуществу низменный рельеф, реки, текущие в одном направлении, умеренный климат, преобладание подзолистых почв и смешанного леса. Все это благоприятствовало сближению хозяйственно-бытового уклада этнически родственных славянских племен. С другой стороны, реки, а также крупные лесные массивы способствовали относительной изоляции славянских поселений в различных районах и затрудняли политическую консолидацию. Почвы среди лесов были бедными, малоплодородными, что вело к распылению населения на обширных площадях. Продуктивность хозяйства жителей региона была низкой. Это затрудняло обеспечение племенной верхушки. В итоге знать оказывалась столь малочисленной, что не сумела, за малым исключением, сформировать государственные структуры.

При освоении территории все славянские племена между Одером и Эльбой находились на одном уровне общественного развития – на высшей стадии распада общинного строя с ясно выраженными чертами племенных объединений, с вождями и дружинами. Одним из общих проявлений этого состояния было повсеместное существование вышеописанных укрепленных поселений – городищ – в VII–IX вв. Полабским славянам было свойственно, видимо, сознание их общего происхождения, о чем свидетельствует единое наименование территории их расселения в тогдашних текстах – Sclavania (Sclavia).

Первым по времени из полабских «племенных союзов» во франкских источниках упоминается *союз сорбов*. Уже под 631 г. они выступают в качестве общности, именуемой gens (племя), а предводитель их называется dux (вождь, равносильно герм. конунгу, слав. князю)[1]. Из источников VIII–IX вв. известно о территории расселения сорбов: они жили между реками Салой и Эльбой.

Начало формирования общности сорбов следует отнести еще ко времени освоения ими данной страны, когда поселенцы, как предпо-

[1] «*Древнерусский князь, западнославянский kneng, древнегерманский kunning, древнеанглийский cynning, скандинавский konung и балтский kuningas – фонетические разновидности одного и того же индоевропейского термина, обозначавшего один и тот же архаический властный институт*» [Модзелевский, с. 169]. О проблеме происхождения слова *князь* также см. [Филюшкин, с. 14–15].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лагают, первоначально составляли одно племя, также именовавшееся сорбами. В процессе расселения это «большое племя» распалось на отдельные обособленные скопления поселений, послужившие основой для формирования нескольких племенных общностей и получавших иногда особые названия, образованные от наименований мест проживания: делеминцы, сиуслы, колодицы, мильпианиты, лузиции. Общее количество племен в союзе сорбов определить трудно. Сорбский союз выдержал длительный и сильный натиск Франкского, а затем Восточно-Франкского государств. Из 30 известных походов франков на славян 14 были направлены непосредственно против сорбов. Такое их количество свидетельствует об успешном сопротивлении сорбов, зачастую переходивших в наступление. К IX в. оформляется привилегированный социальный слой, в который входили племенные князья, предводители племен, знать.

Опорой привилегированного слоя стали укрепленные поселения. Изменение их назначения отражало основную тенденцию развития сорбского общества в VII–IX вв.: если вначале городища служили, прежде всего, защитой и убежищем всего населения в борьбе с франками, то затем становились преимущественно местом хранения военной добычи и богатства знати, а также резиденциями ее представителей. Это свидетельствует о начале формирования правящего сословия и переходе к сложному вождеству. Но развить его и создать государственность сорбы не успели, ибо в начале X в. стали объектом завоевания со стороны Немецкого королевства. Этому способствовала также гибель Великой Моравии, в своем противостоянии немцам защищавшей и сорбов. После разгрома немцами племени делеминцев (гломачей) сорбский союз сошел с политической арены. В отличие от других групп полабских славян (велетов и ободритов), возобновивших борьбу и восстановивших свою независимость, сорбы были подчинены окончательно: в сведениях о восстаниях полабских славян в конце X в. они уже не упоминаются.

Территория другой группы полабских славян – *велетов*, простиралась от берегов Средней Эльбы на северо-восток до Балтийского моря. Главными племенами, составлявшими их союз, были кессины (хижане), цирципаны (черезпеняне), толлензы (доленцы) и редарии (ротари). Такой состав велетского объединения сохранялся вплоть до XII в.

В VI–VIII вв. велеты сооружали обширные по площадям укрепленные поселения. Возводились они, как правило, на возвышенных местах. Причем в каждом из них могло разместиться от 60 до 80 больших домов, а в одном городище могло находиться от 600 до 1000 человек. Такие городища служили также убежищами для населения всей округи и существовали до IX в. Затем они сменяются малыми, около которых располагались неукрепленные деревни. Видимо, поначалу расселение велетов (в ходе общей миграции славян) происходило в виде больших,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

хорошо сплоченных групп, которые не растекались по мелким поселениям, а продолжали жить вместе вокруг большого городища. Такой характер поселений отличал велетов от других объединений полабских славян – сорбов и ободритов (см. далее) – и был обусловлен с самого начала необходимостью защиты. Это связано было, вероятно, с тем, что велеты продвинулись в область, которую до них уже в общем потоке славянского переселения занимали ободриты, отошедшие под их давлением в западную часть общего региона.

Особые условия расселения велетских племен, их длившаяся веками конфронтация с одной из основных западнославянских племенных групп – ободритами содействовали консервации военно-демократического уклада, культивированию воинственных традиций, сохранению повышенной боеспособности всей группы велетских племен.

В последней четверти VIII в. велеты (франки именовали их вильцами), по сообщениям франкских источников, подчинялись Карлу Великому. До конца этого столетия у велетов сохранялась старая племенная структура. В первой четверти IX в. возросла концентрация власти в руках великого князя. Тогда же проявилась тенденция преобразования власти князя из традиционно выборной в наследственную.

В конце 30-х гг. IX в. в политической жизни велетов произошли события, обособившие их от других полабских племен и вызвавшие перегруппировку сил внутри велетского племенного союза. С этого времени сведения франкских анналов о велетах обрываются почти на 100 лет, после чего о них сообщается лишь как об объектах и жертвах начавшейся немецкой экспансии. При этом племена, входившие в объединение велетов, к концу X в. стали именоваться *уже не велетами, а лютичами*. Видимо, внутри велетского общества происходил процесс, во многом изменивший и затормозивший политическое развитие этой части полабских славян. Отмечена политическая децентрализация велетского союза: в многочисленных укрепленных резиденциях обосабливалась местная знать – происходил процесс распада бывшего союза велетов и обособление племен, которые раньше примыкали к его основному ядру. В таких условиях на велетов и напали немцы.

Сопротивление велетских племен экспансии немецких феодалов в середине X в. носило упорный характер. В 893 г. бывшие велетские племена под названием лютичей вместе с ободритами поднялись на одно из самых мощных восстаний полабских славян. Они освободили свою территорию и восстановили свой прежний племенной строй. В ходе освободительной борьбы лютичи проявили особую приверженность племенному общественному устройству и противопоставили угрозе христианизации языческую веру. Все это повлияло на характер формирования их самосознания. Особенностью лютичей явилась консервация у них

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

племенного общественного устройства, которое в условиях общенародного сопротивления и активной роли языческого культа мобилизовывало массы на отражение внешней опасности и обеспечивало успех в борьбе за независимость. Отсутствие центральной власти, потерпевшей поражение в ходе политического кризиса второй половины IX – начала X в., компенсировалось особой организацией языческого культа. Этот культ у лютичей в известной степени заменял функции раннесредневекового государства, являлся своего рода средством отстаивания политической самостоятельности и организации общественной жизни в условиях сохранения черт племенного строя. Этому содействовала конфронтация, прежде всего, с Немецким государством и его христианской церковью.

Лютичский союз племен в течение длительного времени сохранял свою политическую и военную самостоятельность. Но это же консервировало первобытность. Ресурсы поглощались борьбой. Их недостаточность задерживала выделение и обособление знати. То есть лютичи задержались на позднеплеменной, предгосударственной стадии. Во второй половине XI в., очевидно, исчерпав свои ресурсы, они были подчинены немецкими и датскими феодалами. Их территория получила немецкое название – Мекленбург. Последовавшая затем немецкая колонизация привела к постепенной ассимилиляции велетских славян.

Группа полабских племен, занявшая северо-запад общей территории расселения славян между Одером и Эльбой, – *ободриты* (бодричи), состояла из четырех племен: вагров, занимавших современную Восточную Голштинию, полабов, поселившихся между реками Трнавой и Эльбой, варнавов — по верхнему течению рек Варны и Мильденицы и, наконец, собственно ободритов, давших наименование всему племенному союзу[1]. Политическое единство перечисленных племен фиксируется уже с рубежа VIII–IX вв., когда все они выступают как союзники франков и противники велетов, саксов и датчан.

В момент первого появления ободритов во франкских анналах под 789 г. о них пишется как о союзе во главе с одним предводителем. Историки видят в нем первого известного князя ободритов *Вилчана*. С этого года и на протяжении 40 лет прослеживается ряд следующих один за другим возглавляющих союз князей: Дражко, Славомир и, наконец, Чедраг. Наряду с ними источники упоминают и других князей, стоявших, видимо, во главе отдельных племен. То есть можно считать данное образование сложным вождеством.

[1] Их этноним большинство ученых склонно производить от названия р. Одер (Одра): «ободриты» – «живущие на Одре». Поскольку в IX–X вв. ободриты проживали на территории, значительно удаленной от Одера, польский исследователь Г. Ловмяньский предположил, что эта группа славян получила такое название значительно ранее, еще в период проживания в первоначальном очаге расселения (у Одры) [Развитие этнического самосознания, с. 208].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

С 30–40-х гг. IX в. начинается конфронтация ободритов с Восточно-Франкским королевством Людвига Немецкого. Одержав победу над ободритами, Людвиг отдал их территорию под власть племенных «князей». Эта мера, последовавшая после гибели главного ободритского князя Гостомысла, была, несомненно, направлена на ликвидацию единой ободритской власти, на разделение ее между князьями отдельных племен, т.е. была возвращением к простым вождествам. Вскоре, однако, ободриты нарушили условия «нового порядка»: уже в 858 г. они вновь под общим названием выступили как политическое целое. В период ослабления Восточно-Франкского государства с 70-х гг. IX в. и вплоть до 20–30-х гг. X в. ободриты оставались независимыми и едиными. В этом можно видеть свидетельство созревших внутренних условий для политической консолидации, осознании единой общности, обострявшейся внешней угрозой.

Источники IX в. дают представление о структуре ободритского общества. Над массой «простого народа» возвышался слой знати, во главе с князем. К IX в. относятся сведения о противопоставлении княжеской власти народу.

В 1018 г. с помощью восточных соседей – лютичей – ободриты вернули свободу. Так северо-запад региона освободился от немцев примерно на 100 лет. Ободриты стали основой созданного на нижней Эльбе *Вендского королевства*. Еще в X в. были известны сильные ободритские князья Мстивой, Мстислав и др., которых немецкие хроники называют королями. В XI в. возникает династия ободритских князей в лице Готшалка (1030–1066), Крутого (1066–1093) и Генриха, сына Готшалка (1093–1125). Генрих Готшалкович официально именовался королем вендов. Ему подчинялась, кроме ободритов, и значительная часть лютичей.

Готшалк был склонен к сотрудничеству с немецкой знатью и в стремлении укрепиться принял христианство. Однако это вызвало серьезную оппозицию в стране. Князь Крутой сверг Готшалка. Сын Готшалка – Генрих, сменивший Крутого, вернулся к прогерманской политике своего отца и проводил христианизацию. Однако сближение с немцами не помогло вендским королям сохранить свою независимость. Пользуясь превосходством в численности населения и военно-политической организации, восточные немцы упорно продолжали Drang nach Osten (натиск на восток), закрепляя свое присутствие в полабских землях созданием крепостей. Постепенно была создана сеть военных, экономических и духовных центров, опираясь на которые в середине XII в. восточногерманские феодалы сумели здесь окончательно закрепиться. Следует заметить, что с X в. ободриты испытывали и давление с востока, со стороны молодого польского государства, также захватившего часть их земель.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ободриты, таким образом, более других полабских славян продвинулись по пути создания государственности. Но противостоять более сильным соседям не смогли.

Поморские славяне, расселявшиеся на побережье Балтийского моря, по происхождению, материальной и духовной культуре были родственны полабским. Но географические особенности региона наложили отпечаток на их развитие. Они установили связи с прибрежным германским и, особенно, южноскандинавским населением, включились в балтийскую торговлю. Поэтому большое значение у них приобрели прибрежные портовые города, такие, как Волин (Волынь), Щецин, Камень, Колобрег (совр. Колобжег), Белград (Белгард), Гданьск и др.

В XI в. восточнопоморские города (Колобрег, Белград, Гданьск) попали под власть польских князей, а с XIII в. оказались в руках немцев. Западные поморяне в X–XI вв. образовали союз типа городской федерации. К нему относились города Волин, Щецин, Камень и др. Власть в них принадлежала городской аристократии – «градским старцам» из местных купцов и землевладельцев, которые контролировали местных князей, игравших чисто военную роль. В западнопоморских городах существовали и народные собрания. По сути, в них складывались локальные города-государства.

Хозяйственное развитие полабских и поморских славян принципиально не отличалось от уровня соседнего славянского населения, но было характерно меньшей интенсивностью из-за разреженной заселенности их территории. Здесь не было таких, как в чехоморавских и польских землях скоплений населения. Поэтому и общественные отношения развивались медленно. Выделявшиеся князья не имели достаточных сил для укрепления своего влияния, в то время как соседи на востоке и юге – польские и чешские племена – консолидировались, что отрицательно сказалось на исторических судьбах поморских и полабских славян.

Негативную роль сыграли и западные соседи – немцы. Впервые с западным миром тамошние славяне столкнулись при Карле Великом, который использовал их отдельные племена в качестве союзников в борьбе с саксами. Сами же франки особой агрессивности против славян не проявляли. Но после образования Восточнофранкского (немецкого) королевства, со времен Саксонской династии немцы, как отмечалось, начали борьбу за овладение полабскими и поморскими землями. И хотя борьба эта поначалу шла с переменным успехом, полабско-прибалтийское славянское население растратило в ней свои силы и не сумело создать собственную государственность.

Неразвитость общественных отношений еще не заинтересовала возникшую знать христианством. Язычество оставалось, как ранее

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и у саксов в борьбе с франками, знаменем независимости. Поэтому, когда отдельные правящие династии пытались укрепить свою власть с помощью христианских миссионеров и распространить ее на соседние племена, местная знать в отстаивании своей независимости использовала язычество. Оттого и обращения полабских славян к полякам и чехам за помощью не находили там поддержки у христианизированной знати. В итоге к XII–XIII вв. данная ветвь западных славян окончательно утратила независимость и была ассимилирована, а частично и истреблена немцами [Риер, 2005, с. 57–65].

Таким образом, историю Полабско-Поморского региона в конце I – начале II тыс. можно рассматривать как пример неудачи в создании государств, вызванный сочетанием неблагоприятных внутренних и внешних обстоятельств.

Пример иного рода – **Венгрия**, возникшая по соседству со славянами, вернее, отделившая балканских славян (позднее – южных), от вышерассмотренных, ставших в процессе создания государственности западными. Становление Венгрии – демонстрация преобразования кочевого общества, в принципе не способного к созданию устойчивой государственности, о чем речь шла выше, в типичное европейское феодальное государство. В противоположность полабско-прибалтийскому региону, обстоятельства в Паннонии, куда переселились венгры, оказались для них весьма благоприятными.

Паннония – часть Среднего Подунавья – единственная в Центральной Европе зона лесостепи, пригодная для кочевого скотоводства. Отделенная от Причерноморских степей Карпатами, она была крайней европейской территорией на западе, где накапливались накатывавшиеся из Азии волны кочевников, проникавшие через известные с древности карпатские перевалы. В V в. это были гунны, разгромившие незадолго до этого (в 375 г.) государство германцев – готов – в Северном Причерноморье. Перевалив через Карпаты, они растеклись по редко заселенной Паннонской долине, изгоняя оттуда еще оставшихся германцев. После смерти в 453 г. вождя гуннов – Аттилы – основанный им союз племен распался и хозяевами здесь стали германцы – остготы. После их ухода в Паннонии обитали другие германские племена, а также пришедшие из Северного Кавказа аланы (предки совр. осетин). Вскоре часть германцев во главе с *Одоакром* отправились в Италию, где в 476 г. они свергли последнего западноримского императора Ромула Августула. Знаки императорского достоинства Одоакр отправил в Константинополь, и это событие считается концом Западной Римской империи. А Паннония оставалась проходным двором для германских племен, стремившихся в благодатное Средиземноморье и по пути враждовавших между собой.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Во второй половине VI в. под давлением пришедших с востока аваров в Паннонии появились славяне. Но авары подчинили себе и Паннонию, создав здесь *Аварский каганат* – кочевое вождество. В этническом отношении Аварский каганат не был однородным. Еще в период продвижения через Причерноморье авары присоединили к себе остатки гуннов и некоторые племена тюрок-протоболгар, позднее изгнанных аварами. Известно также, что до конца IX в. на территории Паннонии оставались отдельные группы гепидов (восточные германцы, родственные готам).

Но постепенно значительную роль в каганате стали играть славяне, как пришедшие с аварами, так и осевшие здесь ранее. В отличие от кочевников-аваров, славяне были оседлыми земледельцами, что повышало их роль в каганате. Взаимоотношения аваров и славян, насколько можно проследить по источникам, были противоречивыми. Значительная часть славян, прежде всего на территории Паннонии, а позже и за ее пределами, платила дань аварам. Известны случаи аварских набегов на славянские племена, но гораздо чаще авары и славяне выступали в качестве союзников, совершая совместные набеги на соседние земли. Большинство их совместных выступлений приходится на конец VI – начало VII в. Но отношения славян с аварами не стали идиллическими. Ведь именно потребностями оградить себя от аварских набегов и было обусловлено, как считают исследователи, образование рассмотренного выше «государства Само». Однако, очевидно, к середине VII в. отношения с аварами вновь наладились, что и обусловило распад этого славянского племенного союза после смерти его предводителя. Самые поздние свидетельства пребывания аваров в Среднем Подунавье датируются началом IX в. К этому времени славянская земледельческая культура постепенно становилась преобладающей – происходила ассимиляция аваров славянами.

В 895 г. в Карпатской котловине появляются венгры. Их истоки обнаруживаются среди финно-угорского населения южных отрогов Уральских гор эпохи бронзы. Позднее, уже в железном веке предки венгров находились между Волгой и Уралом. На юге часть из них вступила в контакты с тюрками и в VI–IX вв. находилась под властью хазар. Во второй половине IX в. венгры откочевали в степи Северного Причерноморья [Контлер, с. 23–61]. В результате нападения кочевавших там же печенегов венгры были вынуждены продвинуться на запад и, пройдя через карпатские перевалы, оказались в Паннонии. К началу X в. венгерские племена заселили значительные пространства бассейна р. Тисы и долину Среднего Дуная. Подавив разрозненное сопротивление отдельных групп местного, в основном, по-видимому, славянского населения, в начале X в. венгры разгромили силы Великоморавского княжества, и оно прекратило свое существование.

Электронный абонемент МГУ имени А.А. Кулешова

С появлением венгров в Центральную Европу проник новый для нее этнос – *финно-угорский*, относящийся к доиндоевропейскому населению континента. Вероятно, уже в период проживания в Северном Причерноморье у венгров могли появиться зачатки земледелия. Но основной процесс перехода венгров-скотоводов к оседлости и создания государственности происходил в ходе заселения и освоения ими Паннонии. При этом они воспринимали некоторые элементы местной, славянской земледельческой культуры, что отразилось в лексике (земледельческой, культурной и церковной), а также в характере расселения – пришельцы обычно оседали в уже существовавших поселениях [Марсина, с. 106].

Накануне прибытия в Паннонию венгры объединились в союз 7 племен, среди которых ведущую роль играло племя *медьер*[1]. В дальнейшем это название распространилось на всю венгерскую народность и превратилось в самоназвание – *мадьяре*. В IX в. *ханы* (вожди) мадьяр объединили под своей властью остальные племена и возглавили набеги на соседние германские и балканские земли, а также в Италию, Францию, на Пиренеи. Всего венгров в это время насчитывалось от 100 до 400 тыс. человек [Контлер, с. 54]. Венгерская угроза, кстати, была одним из основных факторов увеличения количества укрепленных городов и замков в Южной Германии и Северной Италии того времени [Мюссе, 2001, с. 33–40]. Лишь после разгрома в 955 г. на р. Лех близ южнонемецкого Аугсбурга немецким феодальным ополчением во главе с будущим создателем Римской империи Оттоном I венгры «успокоились» и начали оседать на землю, хотя полностью перешли к оседлости лишь в XII в.

В конце X – начале XI в. у венгров начал формироваться слой свободных крестьян-общинников. Некоторая часть венгров-скотоводов оказалась в составе господских дружин, служба в которых давала им пропитание. Знать, накопившая в походах существенные материальные и людские ресурсы, начала оформлять земельные владения, на которые она сажала захваченных рабов. Все это способствовало распаду родовых порядков и переходу к сложному вождеству. Среди знати наибольшим влиянием обладали возглавлявшие союз венгерских племен вожди племени медьер из рода *Арпадов*.

Одним из способов выделения знати при выходе из варварства в Европе, как отмечалось, было принятие христианства. Для венгерских верхов христианизация означала и сближение со знатью соседей. Многобожие, характерное для шаманизма древних венгров, было труднее использовать и для обоснования монархической власти [Кузнецова, с. 346]. У венгров действовали как римские, так и византийские проповедники. Но во владениях Арпадов более активными были миссионеры

[1] От *magyar* – говорящие (финно-угорск.) [Контлер, с. 46].

Электронный архив ВГУ имени А.А. Кулешова

из римской церкви, что и предопределило выбор. Тем более что основная часть знати уже была связана с чешскими и баварскими землями. Владетель (хан, венгр. – дьюла) из рода Арпадов – *Геза* (970–997) даже приглашал немецких феодалов к себе на службу для распространения христианства. Его правление можно считать началом зарождения Венгерского государства. При Гезе почти две трети Дунайской низменности оказались под властью Арпадов, здесь сложилась система уделов отдельных членов ханского рода.

Преемник Гезы *Иштван I* (Стефан – лат., 997–1038) подчинил своему влиянию почти все земли венгров и в конце X в. обратился к папе Сильвестру II с просьбой прислать ему королевскую корону. За год до вступления в отцовское наследство Иштван женился на Гизеле, дочери будущего германского императора Генриха II, что открывало для Арпадов еще более прочные перспективы в христианском мире. Именно этой паре предстояло окончательно утвердить христианство в Венгрии. В конце 1000 или начале 1001 г. папский легат короновал Иштвана в качестве короля Венгрии. Так было положено начало королевской династии Арпадов, а в Эстергоме появилась резиденция архиепископа.

Рис. 41. Венгрия при Иштване I [Контлер, с. 70]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вместо старого племенного деления страна, по франкскому образцу, была разделена на округа – *комитаты*, во главе которых находились назначенные королем *ишпаны* или *комиты* (подобие каролингских графов)[1]. Впрочем, современные историки считают, что система комитатов в отдельных случаях совпадала с догосударственными, племенными территориями (рис. 41).

Становление государства отразилось и в законах Иштвана I. Первая книга законов, изданная в начале его правления, содержит статьи, обосновывавшие новый общественный порядок в светской и церковной сферах, обеспечивавшие охрану собственности, регулировавшие права на землю и рабочую силу. Подчеркивается свободное распоряжение собственностью. Во второй книге законов, изданной в 30-х гг., эти установления еще более конкретизируются. В формальной стороне этих законов заметно немецкое и даже франкское влияние. Многие законы Иштвана содержат дословные цитаты из каролингских капитуляриев, а также явные параллели с баварскими законами X в. Первоначально в Венгрии земля находилась в собственности рода и дробить или отчуждать ее кому бы то ни было не дозволялось. Иштван, очевидно, стремился изменить этот порядок, что следует из того пункта законов, в котором говорится, что отныне собственность можно отделять в пользу жен, детей или храмов.

Дальнейшая история раннего государства у венгров близка аналогичным процессам, происходившим у соседей. Но венгерское общество вышло из кочевого мира и его традиции проявлялись еще довольно долго. Прежде всего, это сказывалось на более решительном отстаивании самостоятельности правителями отдельных территорий, опиравшимися на подчиненных им воинов-общинников. Острое, кровавое соперничество в среде знати и с королями сопровождало всю историю средневекового венгерского государства в куда большей степени, чем у ее изначально оседлых соседей.

Особенно бурным было начало – 10–60-е гг. XI в. В обществе еще сохранялись догосударственные представления о наследственном праве, согласно которому каждый мужчина в роде мог претендовать на примерно равную долю. И касалось это не только сыновей, но и племянников (традиции большой семьи). Поэтому, если кому-то доставалась верховная власть, другие наследники считали это несправедливым, противоречившим обычаям, что и вело к распаду многих ранних государств. Представления о необходимости поступаться личными амбициями для сохранения целостности наследия отцов, обеспечения безопасности жизни и имущества подданных были еще чужды сознанию верхов, да и венгерского общества в целом. Для знати актуальной являлась победа того, кто обещал ей больше благ. Так за каждым пре-

[1] От лат. *comitas*– *графство*. *Ишпан* – от слав. *жупан*.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тендентом на трон формировалась группировка со своими материальными и людскими ресурсами.

Крестьяне же обычно поддерживали тех, кто обещал ограждать их от своеволия знати. Такая борьба за власть продолжалась обычно до тех пор, пока нестабильность не начинала угрожать положению знати в целом, и в ее среде возникало понимание необходимости объединения вокруг наиболее приемлемого лидера. При этом и короли, и знать создают систему договоров, призванную упорядочить их положение и права. В Венгрии этот процесс начинается при короле *Ласло I* (1077–1095) в ходе оформления поземельных и личных прав и обязанностей сословий, что обычно называется феодализацией.

Стабилизация королевской власти происходила, как обычно, за счет рядового населения – упорядочивалось его подчинение землевладельцам. В интересах знати и для гарантии ее лояльности короне, Ласло I и его преемники санкционируют подчинение ей свободных земледельцев и скотоводов. В так называемом первом законе Ласло от 1092 г. епископам или представителям королевской администрации – ишпанам – передавался контроль над крестьянами, при сохранении, однако, личной свободы последних. В третьем законе Ласло безземельных крестьян предписывалось помещать в королевских имениях, причем две трети таковых переходили в собственность короля, одна треть – в собственность ишпана, который в результате превращался в феодала. Так все крестьяне оказались поделенными между королем и крупными землевладельцами. При следующем короле – *Кальмане* (*Коломане*, 1095–1116) определялся порядок платежей, взимаемых со свободных крестьян, живших в королевских имениях, а также с части крестьян, проживавших у других землевладельцев. Одновременно последним, если они имели достаточный доход со «своих крестьян», предписывалось выставлять в королевское войско одного рыцаря. Очевидно, добившись консолидации в среде знати и вокруг короля, землевладельцы хотели получать гарантии для своей деятельности. Этим же было продиктовано закрепление безусловного права дворян передавать в наследство свои владения.

Государственная стабилизация укрепила страну, и короли возобновили внешнюю активность. В 1091 г. Ласло I, сестра которого была замужем за королем Хорватии, воспользовавшись возникшими после его смерти усобицами, захватил Славонию и Хорватию. Их подчинение было завершено и закреплено Кальманом в 1105 г. Признание хорватскими феодалами сюзеренитета венгерских королей, факта объединения Венгерского и Хорватского королевств под их властью (создание личной унии Венгрии и Хорватии) было закреплено пактом 1102 г. Активны венгры были и в других балканских землях. Походы совершались против Византии. В 1136 г. король Бела II подчинил Боснию и присвоил себе титул ее короля, же-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нившись при этом на сербской княжне из правящей династии Неманичей. Много походов совершалось и против Галицкой Руси. Так происходило расширение Венгрии, которая, в отличие от Польши и Чехии с момента своего возникновения занимала территорию, обширнее нынешней.

Практика земельных пожалований друзьям и сторонникам, введенная Иштваном I, в еще большем масштабе была продолжена его преемниками. В результате постепенно формировался обширный слой земельных магнатов, ранг которых примерно соответствовал рангу прежних племенных вождей. Быстрый рост этого олигархического сословия оказывал все возрастающее воздействие на положение свободного населения. Королевская власть при этом значительно ослабла, многие свободные попадали в зависимость от магнатов. Результатом стало дарование королем Эндре II особых привилегий феодалам, закрепленных в Золотых буллах 1222 и 1235 гг.

Основные положения буллы 1222 г. сводились к предоставлению королевских гарантий всему феодальному сословию, как в праве на феоды, так и в освобождении от налогов, а также в гарантии права личной неприкосновенности. Булла 1235 г. распространила те же привилегии на церковь. Так, в основном, завершилось формирование феодальных государственных порядков в Венгрии. В последней трети XIII в. становится очевидным усиление самостоятельности владений нескольких семейств светских магнатов. Это был прямой результат завершения процесса феодализации. Магнатам удалось создать крупные имения за счет королевских владений. Поскольку значительная часть сельского населения оказалась в их подчинении, знать перестала нуждаться в поддержке королевской власти. К тому же вся территория королевства была поделена на области, где власть осуществлялась крупными землевладельцами. Это породило последующие коллизии в стране, которая, однако, сохраняла целостность вплоть до разгрома Турцией в 1526 г.

Так происходило становление государственности в Центральной Европе. Как видно, при сложении государств существенными были два основных фактора: внутренний – концентрация населения и внешний – борьба «за место под солнцем» с соседями. Организация правления и система институтов, выраставших из личной власти, то есть ранняя структура управления, восходили к функционированию княжеского двора в укрепленных резиденциях – *замках*. Снабжение двора обеспечивалось повинностями населения, размещенного вокруг таких городищ. Эта система окончательно сложилась лишь к XIII в. Еще и в конце XII в. королевский двор обычно существовал за счет провизии и иных запасов, собранных при «объездах» страны. Власть династии, возвысившейся из племенной знати, опиралась на вооруженное окружение. Более крупная добыча давала возможность содержать бóльшую дружину,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что способствовало стабилизации власти правящей династии. В то же время содержание княжеского окружения делало необходимым получение все новой и новой добычи и служило причиной многочисленных походов, вообще агрессивности нарождавшихся элит.

Наследование власти также осуществлялось на основании племенного обычного права. Эта практика сохранилась и после покорения множества других родов и/или племен. Таким образом, передача власти по наследству считалась внутренним делом династии. Расширенное окружение (знать княжеского или королевского двора и принятые на службу иноземцы) уже не обязательно воспринимали династию как род, поэтому сложившийся порядок был «институализирован». Не подлежало спору, что правитель *должен* происходить из династии. Знать, не принадлежавшая правящей династии, подчинялась или уничтожалась уже на стадии выделения таких династий.

Первоначальное сохранение традиции наделять всех прямых наследников долей имущества и власти породило коллизии соперничества внутри династий, пока они не были заменены принципом майората. В организации управления были локальные варианты. В Польше, как, кстати, и в Киевской Руси, дольше сохранялось племенное административное деление, ликвидированное в Венгрии Иштваном I. Сказалось то, что в венгерской королевской семье оказалось меньше взрослых сыновей, чем, например, в семьях польских или киевских князей [См. Фонт]. Но, в целом, методы захвата и удержания власти в странах региона были близкими, как, кстати, и в иных землях, что показательно для процесса становления государств вообще.

Теперь **обратим взор на Балканы**.

Начнем с самого раннего славянского государства в регионе – с **Первого Болгарского царства**. Название ему, как известно, принесли тюрки – *болгары* (булгары), пришедшие на Нижний Дунай в 70-х гг. VII в. из Причерноморских степей и представлявшие собой кочевнический племенной союз во главе с ханом *Аспарухом*. В литературе их обычно называют *протоболгарами*, чтобы отличать от позднейших болгар-славян. Это население было этнически близко аварам. Но среди болгарских переселенцев были не только тюрки, но и ираноязычные аланы, в Приазовском регионе входившие в состав Великой Болгарии. Иранским, по мнению Седова, было имя Аспаруха [Ангелов; Литаврин, 2001а, с. 192 сл.; Петров; Петрухин, Раевский, с. 242; Свердлов, с. 51 сл.; Седов, 1995, с. 258]. Воинственным кочевникам удалось подчинить жившие по Дунаю славянские племена. А в начале 80-х гг. VII в. ими было покорено и уже существовавшее там славянское объединение «Семь родов». Желание поскорее обустроиться на новых землях объединило победителей и побежденных. Славян и протоболгар спла-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чивала также опасность, постоянно исходившая от Византии, считавшей эти земли своими, а пришельцев – захватчиками, что, в общем-то, было для того времени справедливо.

Подчинение славян Аспарухом, видимо, обошлось без серьезных столкновений. То, что именно славянам Аспарух доверил охрану двух опасных участков границы (с Аварским каганатом и империей), предполагает договоренность хана с вождями Славиний о взаимных обязательствах. Славянская знать, вероятно, с самого начала признала верховную власть Аспаруха. Ибо, как и протоболгарская, она была заинтересована в утверждении независимости от империи и аваров, а также в обеспечении – благодаря значительному увеличению воинского потенциала с приходом Аспаруха – безопасности своих территорий и росту возможностей для грабежа богатств Византии [Рассадин, 2003, с. 145]. Славяне Мёзии и Малой Скифии в численном отношении в несколько раз превосходили протоболгар Аспаруха, представляя собою силу, которую хан опасался восстановить против себя. Эта изначально занятая болгарскими (протоболгарскими) ханами позиция в целом сохранялась и позднее.

Общественные порядки славян и болгар находились на одинаковом уровне [Свердлов, с. 53] – существования союзов племен (вождеств). Но оказавшись на одной небольшой территории, два этноса, естественно, были крайне несхожими. Потому процесс консолидации единой славяно-болгарской народности растянулся на века. Социально-политическая организация, религия, хозяйственно-культурный тип – все было на первых порах различным. Протоболгары отличались устойчивостью родовых, клановых связей, деспотичный хан возглавлял военизированное общество.

Для славян же была характерна бóльшая децентрализация, типичная для земледельческих обществ. Будучи язычниками, славяне и протоболгары поклонялись различным богам. Говорили они на разных языках, используя в качестве языка общения и письменности греческий. Различия были преодолены лишь примерно к середине X в., когда обе народности образовали единый экономический и социальный организм, в котором славяне, в силу их численного преобладания и более высокой земледельческой культуры, стали этнически доминировать, ассимилировав протоболгар, давших новому этносу, однако, свой этноним – *болгары*. Как заметил Л.Н. Гумилев, болгары-тюрки рассосались в славянской среде [Гумилев, с. 328]. С другой стороны, вполне вероятно, что именно приход протоболгар явился главным фактором сохранения славянами на Балканах своей этнической идентичности, уберег их от ассимиляции византийцами (греками) [Литаврин, 2001, с. 8].

Начало формирования болгарской государственности документально фиксируется 681 г., когда Византия, безуспешно отражавшая

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

натиск объединенных отрядов славян и протоболгар, вынуждена была заключить с ними мир, да еще на условиях выплаты хану Аспаруху ежегодной дани. Обычно с этого времени пишут о Болгарии как государстве. Но, с учетом применяемой терминологии, точнее будет его называть *сложным вождеством*, объединившим кочевые кланы и земледельческие племенные объединения – *Славинии*[1].

Уже при Аспарухе (ум. в 700 г.) начался переход протоболгар к оседлости. Он же основал свою новую резиденцию близ славянского поселения *Плиска*. Возникший здесь город и стал столицей Первого Болгарского царства.

Для оценки происходивших социальных процессов важно отметить, что ханский аул имел грандиозные масштабы: его общая площадь достигала 23 кв. км. Резиденция планировалась по кочевой традиции в виде двух концентрических «трапеций»; центральную занимала ставка хана, а внешняя предназначалась как убежище для шатров соплеменников и стад скота. Сами же укрепления, также как жилища хана и языческие святилища, не имели аналогий ни в Великой Болгарии, ни в Аварском каганате. Прежде всего – это огромные размеры сооружения: внешний глубокий и широкий ров, за которым возвышалась насыпь, имел протяженность почти в 21 км. Внутреннее укрепление составляло по периметру около 3 км. Резиденция хана и бытовые помещения были возведены из камня. Имелись также неведомые ранее протоболгарам баня, два бассейна и цистерна-водохранилище. Кроме этого лагеря в окрестностях Плиски имеются следы еще двух крупных аулов. Остатки станов-зимовищ меньших размеров обнаружены и в других районах Малой Скифии.

Ясно, что столь грандиозное строительство уже в первое время после завоевания потребовало значительных средств и подневольного труда огромного числа людей в течение продолжительного времени. Маловероятно, чтобы все это Аспарух осуществил только силами своих соплеменников. Скорее главную роль в этом сыграли славянские подданные, принуждаемые к отработочным повинностям и к поставкам натуральных взносов в пользу центральной власти. Оказалось в подобном положении, конечно, и местное, автохтонное население, а также недавние пленники-византийцы: строительство ханского дворца, бань, цистерн, бассейнов совершалось квалифицированными специалистами, каковых среди протоболгар, естественно, не было [Раннефеодальные государства, с. 146–147].

Таким образом, с приходом кочевников Аспаруха в регионе появился общий политический центр, заметно повысился воинский потенциал нового объединения, что и сделало реальностью независимость

[1] *Славинии* – славянские надплеменные объединения, существование которых относят к VII–VIII вв. [Буданова, Горский, Ермолова, с. 150–151].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и от империи, и от аваров. Это была своеобразная федерация, ядро которой составляли протоболгары, но основным было зависимое славянское население, по численности заметно превосходившее болгар-тюрок. Очевидно, федерация не в современном смысле слова с четко разграниченными правами субъектов, а со сложным переплетением родо-племенных традиций кочевников и земледельцев. Но также, наверное, не было той системы подчинения славян, как это произошло у них с аварами, что и способствовало в будущем формированию единого болгарского народа и созданию прочного государства. Возможно, симбиозу болгар-тюрок со славянами способствовало их размещение вне привычной для них зоны степей, в противоположность гуннам и аварам, пришедших из степи среднего Подунавья [Буданова, Горский, Ермолова, с. 254–255]. Отсюда – и подготовленность элиты к новому, надклановому и надэтничному уровню управления. Об этом косвенно может свидетельствовать интерес следующего хана – *Тервеля* (700–721), к христианству. Оставаясь язычником, он обзавелся перстнем с надписью на греческом «Богородица, помоги Тервелю, кесарю».

Но затем возник кризис центральной власти. Наиболее ярко он проявился в третьей четверти VIII в., когда за 20 лет на престоле сменилось 7 правителей, более половины из которых потеряло трон вместе с жизнью. Право на власть оспаривало несколько родов. Основной причиной кризиса было обострение отношений между численно растущей славянской знатью и протоболгарской аристократией, державшей в своих руках аппарат центральной власти. Славянская элита , видимо, начала все острее выражать недовольство отстранением от участия в органах управления. Но и в рядах протоболгар тоже не было единства. Естественно, активно интриговала, провоцируя вражду между родами, Византия, что, кстати, способствовало последующей консолидации болгарских элит.

Стабилизация началась при хане *Круме* (803–814) – первом законодателе Болгарии. В числе прочих он ввел законы, повышающие наказания за преступления против частной собственности. А также предписал богатым давать нуждающимся сразу столько, сколько необходимо, чтобы впредь они не просили милостыни. Прежде всего, это относилось к крестьянам: хан рекомендовал имущественно состоятельным людям, прежде всего землевладельцам, предоставлять обедневшим участок (а может быть, также скот и инвентарь), чтобы, став самостоятельно ведущими хозяйство зависимыми крестьянами, они обрели средства к существованию. Так было положено начало формированию поземельно зависимого населения, хотя еще долго основная масса болгарских крестьян оставалась свободной. Кстати, стремясь искоренить пьянство, Крум приказал вырубить в Болгарии виноградники.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Хан также предписал производить тщательное судебное разбирательство в случае любого обвинения и карать смертью клеветников. Это означало введение в стране организованного судопроизводства – реформа была отзвуком недавних острых столкновений внутри господствующего слоя. Она, несомненно, повысила авторитет центральной власти. Законы Крума были обязательны для всего населения, независимо от этнических различий. Следовательно, сфера действия региональных норм обычного права (а они не могли не быть разными у славян и протоболгар) была резко ограничена. Реформа ослабила влияние местной, и славянской и протоболгарской, знати, смягчила правовые различия между славянами и протоболгарами, способствовала славянизации протоболгар. Круму удалось провести и административную реформу. Было ликвидировано деление страны на племенные единицы – *славинии*, вместо которых вводились комитаты с представителями центральной власти во главе. Очевидно, хан уже воспринимался как верховный правитель и владетель всех земель [Свердлов, с. 147–148]. По сути, это и было началом уже подлинной государственной организации в Болгарии, что способствовало и удачной внешнеполитической деятельности Крума, прежде всего, естественно, против Византии.

Однако, оценивая деятельность Крума, нельзя не согласиться с современным автором: хан, «*несмотря на череду блестящих военных побед, скорее оставался грабителем, нежели отцом, основателем великого государства*» [Гудзь-Марков, с. 119]. Но каковы времена, таковы и нравы. Иного ждать не приходится. Таковыми были, как известно, и Хлодвиг у франков, и Болеслав I у поляков…

Сын Крума Омуртаг (814–831) продолжил начатые его отцом преобразования, направленные на укрепление государственного правопорядка и центральной власти. Хотя этническая разделенность протоболгар и славян при нем еще сохранялась, но показательно, что сыновья хана – Енравота (Воин), Звиница и Маламир – уже носили славянские имена, то есть процесс славянизации захватил уже верхушку протоболгарской знати.

Таким образом, со второй половины VII и до начала IX в. болгарское общество прошло путь *от поздне-потестарного объединения* кочевников-болгар и, по сути, таковых же Славиний к *сложному вождеству*, сложившемуся при последующих ханах [Степанов].

В течение первой половины IX в. в Болгарии оформилась наследственная монархическая власть. Официальным титулом государя был «хан юбиги» (вождь войска). В IX в. к этому титулу добавляли слова «от бога архонт», подчеркивая божественное происхождение его власти, а при Омуртаге появилось еще одно уточнение – «повелитель многих болгар», указывавшее на то, что подданными хана являются и прото-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

болгары, и славяне. То есть, термин «болгары» означал здесь уже не этническую, а государственно-политическую принадлежность.

Создание к середине IX в. централизованной наследственной монархии, призванной обеспечивать экономическое, социальное и политическое господство узкого слоя сливающейся воедино славяно-протоболгарской знати потребовало и освящения существующего строя божественным авторитетом. Неповиновение властям воспринималось бы не только как нарушение закона, но и как поступок, противоречащий нравственным нормам жизни общества. Для этих целей куда лучше язычества подходило христианство, принятие которого сулило утверждение единства идеологии и организованной (через церковь) системы контроля над умами подданных, усиление власти монарха – «помазанника Божия» и, безусловно, повышение авторитета Болгарии среди христианских стран Европы [Раннефеодальные государства, с. 163].

Крещение болгар произошло при хане Борисе (852–889), много сделавшем для укрепления своего государства. Процесс был сложный, длительный, кровавый, но Борис добился своего [Подробнее см.: Койчева, Кочев, с. 59–61]. При третьем сыне Бориса – Симеоне (893–927) Болгария уже представляла вполне сложившееся для того времени и авторитетное в регионе государство с самобытной культурой, чему особо способствовал и Симеон [Риер, 2005, с. 206–226] (рис. 37, 42).

Рис. 4с. Болгария в IX–X вв. [Атлас, с. 14]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рассматривая становления болгарской государственности, нельзя забывать о серьезном влиянии византийских порядков, ускорявших как административные преобразования, так и владельческую организацию. В отличие от медленно развивавшегося феодального сословия у западных славян и венгров, в Болгарии оно сложилось уже в XI в. [Свердлов, с. 190–193].

Становление сербского государства. Предки сербов расселялись в северо-западной части Балканского полуострова вместе с другими славянскими племенами в VI–VII вв. Однако, из-за недостатка источников, о начальной истории сербского народа известно немного [Свердлов, с. 72]. Археологические материалы невыразительны и трудно поддаются датировке. Немногочисленные славяне, носители пражско-корчакской археологической культуры расселялись островками среди остатков иллирийского и позднеримского населения и испытывали сильное влияние более высокой византийской культуры, что отражалось в быту, утвари, хозяйственном инвентаре.

Ранние письменные источники вообще отсутствуют. Впервые имя сербов упоминается во франкском сообщении о восстании начала IX в., а более подробно о них писал лишь в середине X в. византийский император Константин Багрянородный, сообщивший некоторые сведения о появившихся в византийских владениях славянских племенах. Остается нерешенным вопрос о происхождении и значении самого термина «сербы». Многочисленные попытки использовать в этой связи различные славянские и неславянские слова и этнонимы (в том числе аварские, восточнокавказские, иранские) до сих пор остаются недостаточно убедительными [Развитие этнического самосознания, с. 183; Седов, 1995, с. 124].

Предполагается, что этноним *балканских сербов* возник от *сербов полабских* (нынешних *лужицких сорбов*) [Чиркович, с. XXI–XXII]. Не исключено, что движение сербов через Дунай на юг подталкивалось давлением появившихся в Подунавье в VI в. аваров. Именно в процессе перемещения, освоения земель к югу от Дуная, в столкновениях с аварами и Византией происходила первоначальная консолидация отдельных славянских объединений, прежние родственные связи заменялись территориальными, создавались условия для этнических и социальных изменений. Вероятно, на северо-западе Балкан в 30–40-х гг. VII в. и возникло объединение славянских племен, гегемония в котором принадлежала сербам. Часть других (славянских, но несербских) племен, возможно, имела в этом объединении определенную самостоятельность. Сплочению такого обширного (но, видимо, непрочного) союза могла содействовать внешняя угроза со стороны аваров, которым к 70-м гг. VII в. удалось добиться распада союза «племен», в котором сербы доминировали [Развитие этнического самосознания, с. 184].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В дальнейшем консолидация сербов происходила, прежде всего, на территории средневековой области *Рашка*[1], а соседние родственные славянские племена надолго сохранили самостоятельность [История Югославии, 1963; Литаврин, Наумов, с. 246]. Это было связано и с географическими особенностями региона – гористой местностью, пересеченной речными долинами, в которых племена существовали весьма обособленно (рис. 37).

Дальнейшая консолидация сербов и создание у них государства связаны с христианизацией региона. Инициатором крещения в этих землях была Византия, которая рассчитывала таким путем расширить свое политическое влияние на славян. Константин Багрянородный сообщает, что крещение сербов началось еще при императоре Ираклии (610–641), который послал сербам священников из Рима. Христианство первоначально распространялось медленно, широкие слои населения с трудом его воспринимали и нередко вновь возвращались к язычеству. Окончательно новая религия утвердилась в сербских землях лишь во второй половине IX в., когда крестился княжеский род в Рашке (по-видимому, между 867 и 874 гг.).

Уже на первых этапах распространения христианства сербские земли оказались на стыке двух христианских церквей – западной и восточной. В первое время христианство проникало главным образом с запада, о чем свидетельствуют долго сохранявшиеся остатки латинской церковной терминологии у сербов. Но между Римом и Византией шла борьба за влияние в сербских землях. К концу IX в. определилось преобладание римской церкви в районах, прилегавших к Адриатическому побережью, и византийской – во внутренних сербских землях. Возникавшие в таких условиях территориальные объединения, возглавляемые отдельными зажиточными и влиятельными родами, находились под верховной властью Византии. Но их зависимость от империи была незначительной и, сводилась, по-видимому, лишь к уплате дани. Признавая верховную власть Византии, сербы фактически были самостоятельными в политическом отношении.

Одно из таких образований со второй половины VIII – первой половины IX в. отмечено в центре сербских земель, в уже упоминавшейся Рашке. В середине IX в., когда там правил князь *Властимир*, сербы и другие славянские племена, населявшие западную часть Балканского полуострова, как сообщал Константин Багрянородный, уже отпали от Византии, «сделались самостоятельными и независимыми, не покоряясь никому».

Складывавшемуся объединению пришлось вести тяжелую борьбу с сильными соседями – Болгарией и Византией. Усилившаяся с начала IX в. Болгария подчинила себе правобережье Дуная и попыталась

[1] Современная сербская Краина в Боснии.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

овладеть землями сербов. Но после продолжавшейся три года войны Властимиру удалось отразить нападение болгар и даже расширить свои владения. Это свидетельствует о том, что в середине IX в. Рашка уже была достаточно обширным и сильным в военном отношении образованием, а сам Властимир условно считается основателем первой рашкской династии[1].

Наследниками Властимира были три его сына – Мутимир, Строймир и Гойник, поделившие между собой владения отца. Они также успешно отразили нападение на свои земли болгар, даже пленили сына князя Бориса – Владимира с двенадцатью великими болярами. Это поражение заставило Бориса пойти на заключение мира с сербами. Однако вскоре между сербскими князьями началась борьба за власть, естественно, при активном вмешательстве соседей. В конце концов, в 924 г. при Симеоне сербские земли вошли в состав Болгарского царства.

Но уже в начале X в. стала возвышаться другая область, заселенная сербами – *Захумье*, где в это время правил князь Михаил Вишевич, довольно ловко лавировавший в отношениях с соседями. Местная церковь установила тесные связи с Римом. А князь вошел в тесный союз с Византией.

Начавшееся в середине X в. ослабление Болгарии облегчило восстановление и самостоятельного государства в Рашке (рис. 43). Вскоре после смерти царя Симеона один из членов сербской княжеской фамилии – *Часлав Клонимирович*, опираясь на поддержку Византии, освободил сербские земли от власти болгар. Следует заметить, что восстановление и укрепление Сербии было выгодно Византии в ее противостоянии более опасным соседям – болгарам и хорватам. Поэтому Византия всемерно помогала восстановлению Сербии. В состав владений Часлава Клонимировича, кроме Рашки, входили Босния и Травуния. Но вскоре после смерти Часлава (в 50-е гг. X в.) созданное им объединение стало распадаться. Очевидно, ресурсов и у этого жупана (вождя) еще было недостаточно для гегемонии, а другие знатные роды не нуждались в политическом единении. К тому же в 70-е гг. X в. вновь усилилось Болгарское царство, и в конце столетия царь Самуил довольно легко овладел областями, населенными сербами, что подтверждает их политическую разобщенность.

Таким образом, <u>называть указанные образования второй половины IX–X вв. государствами, очевидно, преждевременно. Это – все те же вождества, причем, учитывая локальность образований, даже не сложные, связанные исключительно местными племенными узами.</u>

Падение Первого Болгарского царства в 1018 г. привело к переходу сербских земель под власть Византии, которая, однако, не смогла сделать свое господство над ними столь прочным, как над расположенной ближе к центру империи Болгарией. Она ограничилась установлением

[1] О его предшественниках практически ничего не известно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вассальной зависимости сербских князей при условии уплаты ими дани и исполнении других обязательств.

В XI в. центр борьбы за политическую независимость сербских земель и их объединение перемещается из внутренних районов Сербии на юго-запад, в населенные сербами области Адриатического побережья – Дуклю, Травунию и Захумье. *Дукля*, которая с XI–XII вв. стала также называться *Зетой*, а также прилегавшие к ней с северо-запада Травуния и Захумье в IX–X вв. временами находились под властью жупанов Рашки, но, в целом, сохраняли обособленность. Византия, подчинив после 1018 г. сербские земли, установила свою власть и в Дукле. Но система управления, существовавшая там ранее, не была разрушена; сохранились владения местной знати, племенных старейшин и церкви.

Рис. 43. Сербия и ее соседи в середине X в. [Чиркович, с. 17]

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Хотя гнет византийского правительства в сербских землях был не столь тяжелым, как в Болгарии, византийское господство вызвало недовольство всех слоев сербского общества. Окраинное положение Дукли в системе византийских владений на Балканском полуострове облегчало борьбу за восстановление независимости. К тому же во второй четверти XI в. Византия в очередной раз ослабела. Постепенное усиление налогового гнета вызывало сопротивление местного населения. В 1042 г. после жестокого поражения от восставших сербов Византия оставила Дуклю, Травунию и Захумье. Это дало возможность местному князю *Воиславу* постепенно укрепить свою власть на этой территории и создать самостоятельное *Дуклянское княжество*, включавшее и соседние области Захумья, Боснии и Сербии.

Преемник Воислава, его сын *Михаил* (около 1050 – около 1082), сумел наладить отношения с Византией, что помогло ему закрепить объединение Дукли, Травунии и Захумья, а также подчинить своей власти и Рашку, то есть объединить все сербские земли. Затем, использовав соперничество на Балканах Византии и Рима, он в 1077 г. из рук боровшегося с германским императором папы Григория VII получил королевский титул, с чего и началась история Дуклянского королевства (или Зетской державы).

Сменивший Михаила новый правитель Дукли *Константин Бодин* (1082 – около 1101) закрепил территорию формировавшегося государства сербов. Таким образом, в конце XI в. Дуклянское государство включило в свой состав все сербские земли – Зету (Дуклю), Рашку, Травунию, Захумье и Боснию. Бодину удалось добиться и признания римским папой церковной самостоятельности сербов – епископия была превращена в митрополию, которой в церковном отношении подчинялись все земли Дуклянского королевства.

Но и это объединение сербских земель под властью Зеты носило временный характер, не приведя к экономической и политической консолидации отдельных областей, к укреплению центральной власти. Земли, входившие в состав Дуклянского королевства, продолжали жить обособленной жизнью. Местные князья, жупаны и крупные землевладельцы были в них полными хозяевами и лишь номинально подчинялись власти королей. Постоянная борьба среди знати и членов правящей династии, особенно обострившаяся в начале XII в., ослабляла территориальное и политическое единство сербов. Вскоре после смерти Бодина, а возможно и ранее, от Зеты отпали Травуния, Захумье, Босния и Рашка. Между претендентами на зетский престол развернулась жестокая борьба, что позволило Византии вновь укрепить свои позиции в сербских землях. Быстро сменявшие друг друга зетские правители

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

обычно были ставленниками Византии или жупана Рашки и находились от них в полной зависимости.

Правители Захумья, Травунии и Боснии, отделившись от Зеты, также оказались не в состоянии вести самостоятельную политику. Раздробленность сербских земель делала неизбежным их поглощение сильными соседними государствами – Византией и Венгрией. В зависимость от последней попала Босния. Остальные сербские земли в XII в. оказались под властью Византийской империи.

В 50–60-х гг. XII в. между членами династии великих жупанов Рашки обострилась борьба за власть, пока к власти не пришел *Стефан Неманя*, который владел землями в междуречье Южной и Западной Моравы, и провозгласил себя великим жупаном Рашки. Братья Немани признали его великим жупаном. При нем и его преемниках – Неманичах – сформировавших, наконец, устойчивую правящую династию, завершился длительный процесс консолидации сербского общества в государство. Как заметил Перри Андерсон, после укрепления в Сербии Стефана Немани «*потребовалось еще сто лет, чтобы ее раздробленная родовая знать переродилась до такой степени, чтобы образовать единый землевладельческий класс с сеньоральными правами над крепостным крестьянством, имеющий достаточно военных сил для расширения территории сербской монархии*» [Андерсон, с. 282]. Хотя, все-таки, один из сербских анклавов – Босния – пошла своим путем. Этот период современный сербский историк назвал «*подвижная Сербия*» [Чирковичь, с. XXVII].

Таким образом, несмотря на длительные попытки (с середины VIII в. до второй половины XII в.) в землях, населенных сербами, не произошло этнического и политического объединения, что можно объяснить как сложным горным рельефом, разобщавшим родственные племена и замедлявшим хозяйственное развитие, так и постоянным вмешательством более сильных соседей.

Медленное формирование государственности было связано и с преобладанием централизованных податей как средства содержания князей и служилой знати, что позволяет предположить отсутствие в сербских землях частных форм земельных владений [Свердлов, с. 151, 199]. Ситуация изменилась лишь в начале XIV в. Но в предшествующее время это замедляло формирование феодального сословия, стержня пусть и слабой, но государственности, что видно на примерах западноевропейских монархий. Причины такого замедленного формирования собственно феодального сословия видятся в особенностях рассмотренной выше славянской общинной организации. У западных славян традиции прочной общины разрушались под влиянием соседнего латинско-германского мира уже с XI в., у болгар – близостью

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

к Византии. Сербы эти влияния испытали куда в меньшей степени, как, кстати, и восточные славяне[1].

Племенные традиции продолжали играть существенную роль и внутри образовавшихся в IX–X вв. на сербских землях княжеств, боровшихся друг с другом за преобладание. Политическая раздробленность сербских земель затрудняла становление единой сербской народности и обусловливала чрезвычайную неравномерность этого процесса. Быстрее он протекал в пределах княжества, носившего собственно наименование Сербия (Рашка). Оно стало центром этнической консолидации, особенно во второй половине X – первой половине XI в. Борьба с экспансией Первого Болгарского царства и Византией содействовала в этот период политическому укреплению Сербии и росту этнического самосознания ее населения, хотя полного единство еще не наступило. После временного утверждения византийского господства на сербских землях в начале XI в. политическая инициатива возрождения независимой государственности перешла к Дукле (Зете). К середине XI в. этноним «сербы» вытесняет локальные этнические наименования на значительной территории, более обширной, чем когда-либо ранее. Тем не менее, местные политические и этнические различия не были полностью преодолены. Показательно, что уже в X в. источники фиксируют начало процесса выделения из сербских земель особой этнополитической общности – Боснии.

Ранее я писал, что главная причина незавершенности этнической консолидации сербской народности в раннесредневековую эпоху – отсутствие длительно существовавшего централизованного, единого государства [Риер, 2005, с. 253]. Теперь можно добавить, именно этническая разобщенность, сохранявшаяся вследствие рассмотренных обстоятельств, в свою очередь, затрудняла становление государственности. Все взаимосвязано. Причем не только в рассматриваемое время. В короткий период расцвета и даже гегемонии на Балканах в первой половине XIV в. (при Стефане Душане) в Сербии не успели сложиться устойчивые традиции «государственничества», которые, например, сохранялись у поляков и чехов во время длительной потери ими суверенитета.

Последующее подчинение Сербии Турцией с конца XIV в. прервало процесс государственной консолидации. Он возобновился лишь после освобождения в конце XIX в. и растянулся на XX в., натолкнувшись на неопределенность территориального размежевания с находившимися в аналогичной политической ситуации соседями. Отсюда драматичные события на Балканах и в наше время.

[1] В этом видится некая ментальная близость. Слишком отдаленная параллель, но не с ней ли связаны и нынешние русско-сербские этнокультурные узы?

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Становление государства у хорватов. Ранняя история балканских хорватов крайне слабо обеспечена источниками и остается дискуссионной, что оставляет простор для политических спекуляций. Многие письменные свидетельства, даже документы имеют сомнительную достоверность из-за соперничества в средние века различных политических группировок, как местных, так и соседей – завоевателей [Риер, 2005, с. 272]. Споры ведутся и о месте формирования хорватов – так называемой *Белой Хорватии*, откуда племя хорватов пришло в VII в. на Балканы. Одна из гипотез связывает прародину хорватов с Чехией; согласно другой точке зрения Белая Хорватия локализуется в верховьях рек Одера и Вислы (от Чехии до Восточной Галиции). Седов полагал, что хорваты происходили из антских племенных образований Северного Причерноморья.

Импульсом переселения хорватов на запад стал, вероятно, мощный натиск аваров, существенным образом затронувший антские земли. Хорваты, по-видимому, оказались в большом миграционном потоке, лавиной продвигавшемся на запад и достигшем Среднедунайского региона. В результате, прежде единое хорватское племя раздробилось и оказалось в разных местах – в Восточной Чехии, на р. Заале, в Силезии и на Верхней Висле, в Далмации и Восточном Прикарпатье. Вероятно, их имя стало распространяться и на других, совместно проживавших с хорватами славян. То есть этноним стал собирательным [Алексеев, 2008, с. 227–232; Развитие этнического самосознания, с. 176; Свердлов, 1997, с. 74; Седов, 1995, С. 321].

В литературе XIX–XX вв. существуют самые разные точки зрения по поводу наименования «хорваты», которое связывали с германскими, славянскими, кавказскими и другими языками. В современной историографии преобладает мнение, что данный этноним скорее следует возводить к древнеиранским корням[1]. Отсюда – прародина хорватов должна была соседствовать с ираноязычными кочевниками, что соответствует гипотезе Седова.

До миграции хорватов территория на Балканах, куда они пришли, Далмация и смежные с ней земли были заселены преимущественно романизированным населением, сохранившимся здесь с римского времени. К концу VI – началу VII в. внутренние области будущей Хорватии были заселены славянскими «племенами», находившимися под

[1] Более того, уже с 20-х гг. прошлого века существует гипотеза о том, что хорваты первоначально составляли определенный слой в Аварском каганате, чье название затем перешло на покоренных ими славян, как это произошло в Болгарии. Хотя прямых сведений об этом нет, как, впрочем, вообще о ранней истории хорватов [Алимов, 2001, с. 4; Алимов, 2012]. Так может, потому и нет, что первоначальные «хорваты» аналогичны не только болгарам, но и *варягам*, и *руси* с их специфической ролью в становлении восточнославянского государства? (О последних – далее).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

властью аварских каганов, и собственно аварами, тогда как прежние жители этих византийских провинций в большинстве своем были вытеснены либо в горы, либо бежали к морю, на острова Далмации, либо в прибрежные города, еще остававшиеся под властью Византии. Один из самых крупных городов Далмации, Салона, был захвачен славянами и аварами около 614 г. (рис. 36, 42).

История расселения хорватов на их нынешней территории наиболее подробно освещена в сочинении византийского императора Константина Багрянородного. Он уделил хорватам особое внимание, поскольку они завладели крупнейшей из западных провинций империи – Далмацией, где находились древние города, с утратой которых Византия не желала мириться. В историографии прочно утвердилось мнение, что новая волна переселения славян имела место в правление императора Ираклия, в 20–30-х гг. VII в. К этому времени, вероятно, с помощью Византии, хорваты выходят из подчинения аварам.

В условиях расселения на новых землях хорваты должны были организовать свое господство и, следовательно, создать какие-то формы управления. Но считать их раннегосударственными едва ли возможно, ибо нет свидетельств о выделении стабильного правящего слоя. Следы знати отмечены лишь в захоронениях с VIII в. Показательно, что некрополи с захоронениями всадников группируются вокруг городов Нин и Книн, где, очевидно, и формировались местные политические центры.

Наименование *Хорватия* появилось в письменных источниках с IX в., когда одновременно с началом социального размежевания общества появились указания на княжескую власть. К первой четверти IX в. относятся первые достоверные известия франкских письменных источников о политических образованиях у славян Нижней Паннонии и Далматинской Хорватии. Освободившиеся от аварского господства славянские племена Посавской (Паннонской) Хорватии оказались под властью франков. Пытаясь подчинить остальную территорию Хорватии, франки, однако, натолкнулись на упорное сопротивление славян, которые в 799 г. нанесли им тяжелое поражение. Лишь к 803 г. франкам удалось вновь распространить свою власть на все хорватские земли. В 812 г. Карл Великий окончательно закрепил эти земли за собой договором с Византией, формально являвшейся владелицей Далмации. У Византии на хорватском побережье оставались лишь несколько городов и прибрежные острова.

Очевидно, в начале IX в. Нижняя Паннония и Далмация состояла из мелких славянских «княжеств», т.е. *вождеств*. Князем (dux) одного из них, находившегося в Нижней Паннонии, был *Людевит Посавский*, князем другого, располагавшегося в Далмации – *Борна*. Их

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

земли вместе с соседними словенскими были отданы Карлом Великим под верховную власть фриульского маркграфа. Хорватская знать, обязанная помогать императору войском и регулярно слать ему дары, все же сохранила в своих руках непосредственное управление страной. Ведя непрерывную борьбу с Византией за земли, прилегавшие к далматинским городам, хорвато-далматинская знать была весьма заинтересована в поддержке со стороны Франкского государства. В то же время непосредственное соседство далматинских хорватов с византийскими владениями не позволяло франкам активно вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Бóльшую самостоятельность сохранили хорваты Далмации.

Положение в Посавской Хорватии было иным. Карл Великий, уделяя особое внимание укреплению восточной границы империи, после разгрома аварского каганата оставил в Паннонии и Посавье значительную часть своих войск. Вслед за тем здесь, видимо, как и в словенских землях, началась раздача земель франкской военно-служилой знати. Франки, стремясь полностью подчинить себе жителей, обращались с ними весьма жестоко, что вызывало сильное недовольство среди населения Посавской Хорватии. Благоприятные условия для борьбы с франками создавало начавшееся после смерти Карла Великого ослабление Франкского государства.

Одним из немногих известных конкретных событий тогдашней хорватской истории было восстание Людевита Посавского. Оно началось в 818 г., но завершилось капитуляцией Людевита, погибшего год спустя. При этом он успел вступить в конфликт и с князем Борной.

Борна первоначально выступает в анналах как князь лишь одного из хорватских племен, а затем именуется «князем Далмации и Либурнии». В основе конфликта между Борной и Людевитом лежало стремление создать единое территориальное объединение, по сути – сложное вождество. Борна, на чьи земли франки непосредственно не претендовали, мог на них опереться.

После смерти Борны в 821 г. «по просьбе народа и с согласия императора» (Людовика Благочестивого) место князя занял его племянник *Ладислав* (Владислав). Это положило начало правлению династии, получившей условное название *династии Трпимировичей*– по имени одного из наследников – верного франкского вассала Трпимира (ок. 845–864 гг.). В это время в объединении еще сохранялся ряд племенных институтов, в частности народное собрание. В источниках есть сведения о княжеских дружинах уже у Борны и Людевита, а также о княжеской казне [Раннефеодальные государства на Балканах, с. 219–249].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Франкский сюзеренитет над хорватами продержался до конца 870-х гг., когда не без влияния Византии у хорватов дважды менялись князья. В итоге, при князе *Бранимире*, в 879 г. Хорватия приобрела статус независимого княжества, причем ее правители получили право взимать дань с далматинских городов, которые все еще числились в составе византийских владений. Это право хорватам был вынужден предоставить дед Константина Багрянородного, император Василий I Македонянин (867–886). Стремясь закрепить самостоятельность своего княжества, Бранимир заручился поддержкой римской курии. К этому времени появляются понятие единой «страны хорватов», титул «князя хорватов», представление о родине, отчизне, которое, однако, еще не вытесняет понятия рода.

Вторая половина IX и первое десятилетие X в. были временем укрепления правления династии Трпимировичей в условиях удачного лавирования между Византией, Болгарией, франкской империей, затем Германским королевством и Римской курией, боровшихся за гегемонию на Балканском полуострове. Упрочению первичного государственного образования хорватов способствовало введение единой официальной религии. Согласно грамоте князя Трпимира, его предшественник князь Мислав уже был христианином. Можно считать, что христианство утвердилось в «стране хорватов», очевидно, к середине IX в. Поскольку принятие христианства в раннем средневековье обычно являлось актом власти, уже выделившейся из племенных структур, возвысившейся над ними и стремившейся сакрализировать свое доминирование, этот акт можно считать определенным рубежом для определения времени появления государственности.

Большинство историков приписывает заслугу «официального» крещения хорватов франкским священникам: к началу IX в. относятся находки в Далматинской Хорватии предметов христианского культа франкского происхождения. Одновременно отмечается и оживление культового строительства. Первое документальное свидетельство об учреждении хорватской епископии в Нине содержится в письме папы Николая середины IX в.

Таким образом, к середине IX в. создались основы раннесредневековой хорватской государственности, и образовалось ядро хорватской народности. Во второй половине IX в. положение Хорватии упрочилось, чему в немалой степени способствовал и распад франкской империи. Хотя в 871 г. хорваты в качестве вассалов итальянского короля Людовика II принимали участие со своим флотом в военных операциях против арабов у побережья Южной Италии близ города Бари, их зависимость от франков уже была номинальной. А уже в 876 г. вмешательство франков в дела Хорватского государства, очевидно, полностью прекратилось.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Укрепление раннего Хорватского государства связывают обычно с именем князя *Томислава* (ок. 910–925). Ему удалось обезопасить свои границы с юго-востока, со стороны сербских земель, которые тогда подвергались нападениям болгарских войск царя Симеона. При посредничестве папского легата был заключен болгаро-хорватский мир. Томислав сдержал натиск и появившихся в Паннонии венгров. В 925 г. состоялся церковный собор, который учредил (или восстановил) архиепископию в Далмации с кафедрой в Сплите, подчиненную непосредственно Риму, и осудил «доктрину Мефодия» (богослужение на славянском языке), распространившуюся в Центральной Европе и на Балканах со второй половины IX в. Сам Томислав был провозглашен первым в Хорватии королем.

Устойчивость нового государства сохранялась до середины X в., после чего начинаются конфликты центральной власти с наместниками (*банами*) отдельных территорий – что отразило начавшийся процесс феодализации с традиционным для нее ростом сепаратизма[1]. Постепенно во внутренние конфликты стали втягиваться заинтересованные соседи: соперничавшие между собой Венгрия, Венеция, Рим, Византия и даже Болгария. В этих условиях хорватская элита маневрировала. Например, в 1078 г. правитель Звонимир получил корону от папы римского, а сам обряд коронации был оформлен как вассальный договор в традициях западных норм и Клюнийской реформы. Но в документах сохранялись византийские формулировки и титулы у знати. А в богослужении применялись славянские тексты, характерные для православного богослужения [Акимова, с. 3].

На протяжении IX–XI вв. происходило оформление княжеского (королевского) двора, структура которого во многом была близкой иным европейским монаршим дворам того времени. К XI в. произошло увеличение должностной номенклатуры королевского двора и расширение его служб. Двор превратился в центр управления Хорватией. Напоминая в целом европейские (возможно, франкские) образцы, хорватский двор имел и свои особенности. Палатины обычно ведали военной сферой. Функции управляющего при королевском дворе осуществляло лицо, именуемое «дедом». В источниках XI в. для обозначения коро-

[1] *Бан* – (от тюрк. *баян – богатый*) отражает хорвато-аварские этнополитические контакты VII в. Бан мог владеть несколькими «жупаниями», что свидетельствует о его втором по значению статусе после князя. «*Возможно, пережиточный термин "бан" означал в Хорватском княжестве наделенного княжескими милостями человека, высшее должностное лицо в княжеской администрации. Существовала эта должность, вероятно, не постоянно, чем объясняется отсутствие бана среди принадлежащих к высшей знати свидетелей в грамотах 852 и 892 гг. Но термин продолжал существовать в южнославянских землях, пока в Боснии он не вытеснил славянское "князь". Отсюда следует такая иерархическая структура хорватской знати в IX – начале X в.: князь-архонт –* бан – жупаны – *служилая и местная знать*» [Свердлов, 1997, с. 82–84].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

левских служб наряду с латинской терминологией часто употребляется и славянская, что свидетельствует о постепенном ослабление внешнего влияния на дальнейший процесс формирования двора. Значительной в аппарате государства была роль жупанов. К середине IX в. они уже не были связаны с племенной организацией, становились представителями княжеской администрации на местах. В источниках отмечена и мелкая знать.

Основная масса крестьян этого времени оставалась свободной, и в источниках их обозначали как «владельцы», «вилланы» и др. Слой сервов, появившихся в имениях отдельных владельцев, состоял, очевидно, не столько из лиц, утративших личную свободу, сколько из пришлых людей, происходивших из внутренних областей и потому стоявших вне сельских общин, объединявших свободное население. Положение сервов было отличным от рабского. Их зачастую сажали на землю, которую они обрабатывали за часть урожая, использовались они и как пастухи. Однако для определения их социального статуса нет четких документальных свидетельств.

В целом, развитие центральных институтов власти в Хорватии и к концу XI в. еще не завершилось формированием устойчивых органов управления, комплектовавшихся из привилегированного слоя раннефеодального государства. Сохранялся обычай выбора правителя «всем народом» или «всей знатью и малыми людьми». Король принимал важные государственные решения на собраниях знати, восходивших к народному вечу. Промежуточным этапом в формировании этих собраний были, очевидно, собрания жупанов. В дальнейшем состав таких собраний расширился за счет служилых людей. Однако собирались они от случая к случаю, не имели постоянного состава, определенного круга полномочий и установленного места проведения. Вначале они проходили под открытым небом. В дальнейшем, с появлением резиденций правителей собрания, очевидно, проводились в них.

В качестве титульного верховного собственника земли, в котором персонифицировалось государство, король в XI в. владел выморочной землей и она у него покупалась. Но в целом хорватский король имел меньшую власть, чем болгарский царь и сербский великий жупан (король). А знать в Хорватии сохраняла большее общественно-политическое значение.

Причина меньшей централизации власти хорватских правителей по сравнению с соседними славянскими ранними государствами – сохранение дославянских традиций Далмации, роли античной формы земельной собственности, которая сдерживала развитие феодальной верховной собственности на землю страны, персонифицированную

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в короле [Свердлов, 1997, с. 218–223]. С другой стороны, античное наследие способствовало укреплению и частных прав феодалов на землю, а, значит, и раздробленности[1].

Потому дальнейшее развитие событий не способствовало сохранению независимости возникшего государства. Внутренние усобицы и многолетняя непрекращающаяся борьба с Венецией, стремившейся взять под контроль все балканское побережье Адриатики, вынуждали искать союзников. На Византию, менее опасную, чем Венеция, нельзя было рассчитывать, ибо она в последние годы XI в. была занята борьбой с турками-сельджуками и норманнами, а также урегулированием отношений с участниками первого крестового похода. В таких условиях усилилось влияние соседней Венгрии.

В 1102 г. венгерский король Коломан в очередной раз двинул войска в Хорватию, где в это время прекратилось правление правящей династии и воцарилась феодальная анархия. В этой ситуации хорватская знать предпочла пойти на переговоры с королем Венгрии. В результате был заключен хорватско-венгерский договор 1102 г., согласно которому Хорватия сохранила статус королевства, обладающего полной автономией. Подобные договоры были вскоре заключены и с далматинскими городами. Так завершился период становления хорватской государственности. Хорватия стала вассалом венгерской короны.

В целом раннее Хорватское государство не обладало внутренней стабильностью. Сопротивление центральной королевской власти со стороны знатных родов, стремление феодальной аристократии к полной собственности на подвластные земли и к неограниченной власти на них, отсутствие у хорватских правителей четких прав верховной собственности на территорию страны, этническая и политическая разобщенность областей (Далмации, Далматинской Хорватии и Славонии), составлявших Хорватское государство к концу XI в. – все это привело к дестабилизации и без того шаткой политической структуры Хорватии и облегчило ее переход под власть венгерского короля [Риер, 2005, с. 274–282].

Впрочем, феодальный вассалитет бывал разным. Вспомним, что и Чехия всю свою средневековую историю была вассалом Империи. Но зависимость Хорватии была сильнее, как вследствие большей прочности венгерского государства, так и большей слабости ее самой.

Возникновение Боснийского государства. Область, лежащая к западу от р. Дрины – в бассейне рек Босны и Врбаса, составляющая

[1] Не случайно в хорватской латиноязычной письменности в ряде актов использовано средневековое обозначение феодальной собственности – allodium [Свердлов, 1997, с. 231].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

центральную часть современной Боснии, в раннем средневековье не была политически самостоятельной. Но, по-видимому, уже во второй половине X–XI в. в Боснии существовало единое территориально-политическое образование, во главе которого стоял бан как носитель государственной власти.

Боснийцы выделились из сербского этноса в процессе политического развития региона. С начала XII в., после распада Дуклянского княжества, Босния стала самостоятельной, управлялась местной знатью. Но она не смогла сохранить свою независимость. Усилившееся в это время Венгерское королевство, в состав которого вошли хорватские земли, стремилось подчинить и прилегавшую к ним Боснию. Уже в 50-е гг. XII в. баном Боснии вместо представителя местной знати был поставлен славонский феодал *Борич* – вассал венгерского короля. В результате византийско-венгерской войны 1166–1167 гг. Босния на 13 лет попала в зависимость от Византии, но после смерти императора Мануила I вновь оказалась под властью Венгрии. В вассальной зависимости от Венгерского королевства Босния оставалась вплоть до турецкого завоевания во второй половине XV в., хотя степень этой зависимости менялась в связи с изменениями политической обстановки на Балканах и соотношения сил, а иногда и вообще носила номинальный характер.

Уже в конце XII в. боснийский бан имел собственный, хотя, видимо, еще немногочисленный аппарат власти. Так же как и в Сербии, отдельные области в Боснии назывались *жупами*. Во главе их стояли *четники*, назначавшиеся баном. Они объединяли в своих руках военные и судебно-административные функции, собирали налоги [Риер, 2005, с. 285].

Иными словами боснийский анклав развивался в общем русле процессов создания сербского государства. На его особость, однако, наложили отпечаток сложившаяся в Боснии особая церковь. Первые сведения о церковной организации Боснии приходятся на конец XI в., когда она подчинялась Барской архиепископии, относившейся к Римской курии. В конце XII в. появляются первые сведения о распространении в стране специфической ереси – *патаренства*, существовавшего в Италии. В Боснии оно слилось с идеями болгарских богомилов и получило название – *боснийская вера*. Рим решил ее искоренить.

Многие боснийцы выступили против усилившейся латинской экспансии. В борьбе с католичеством и сформировалась боснийская церковь, приверженцы которой называли себя «добрыми людьми», «добрыми босняками» и отстаивали церковную независимость. Боснийская церковь по своему учению отличалась и от православной, и от

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

католической. Ее учение было дуалистическим[1], ее приверженцы отрицали церковные обряды и имели свое особое богослужение.

Ставшее боснийской верой, патаренство поддерживалась в политических целях многими местными землевладельцами, что изменило идеологическую направленность ереси, убрав из нее социальный, антифеодальный аспект. Но простому народу патаренство было ближе, чем католическая церковь, так как служба велась на славянском языке, а духовенство состояло из местных людей. Боснийская церковь не собирала с крестьян десятину, как католическая, и не имела земельных владений с зависимыми крестьянами. Оставаясь всегда еретической, она с середины XIII в. и до уничтожения самостоятельности Боснии (во второй половине XV в.) сохраняла господствующее положение в стране.

Особая боснийская церковь оказала влияние на государственную жизнь и политическую историю Боснии. Отсутствие крупных земельных владений у духовенства способствовало особенно быстрому росту экономического веса, а вслед за этим и политического могущества светских феодалов. Если в Сербии православная церковь была крупнейшим в стране земельным собственником, имела тесные связи с правящей династией и всемерно помогала королям в борьбе с удельными правителями – властелями, то в Боснии положение было совсем иным. Боснийская церковь не могла стать опорой правителей (банов) в их борьбе против сепаратистских устремлений светских феодалов. Наоборот, она была тесно связана с последними, и нередко поддерживала их в борьбе против банов и королей. Все это препятствовало укреплению центральной власти в Боснии, способствовало росту самостоятельности крупных феодалов, постепенно ставших неограниченными господами в своих владениях.

В то же время, борясь против католической церкви, босняки отстаивали политическую независимость Боснии от притязаний венгерских королей. Это двусмысленное положение способствовало тому, что боснийские земли превратились в убежище для еретиков, преследуемых как в Сербии, так и в Далмации [Риер, 2005, с. 285–297]. Особость анклава, противостояние и римской, и православной церквам способствовали после турецкого завоевания Балкан, переходу босняков (славян, близких сербам) в ислам, что создало новую конфигурацию в регионе, «выстрелившую» уже в наше время, после распада Югославии.

Таким образом, специфика нынешней Боснии, ставшей, наконец, государством под патронатом Евросоюза, есть производное от особенностей ее возникновения в средние века.

[1] Признавались два начала в мире: добро и зло, находящиеся в непрестанной борьбе между собой.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Не создали свою государственность сложившиеся в процессе славянского расселения на Балканах **македонцы** и **словенцы**. Они так и не вышли из стадии простых союзов – вождеств, в которые объединялись в VII в. Часть македонцев поначалу оказалась под властью Византии, у границ которой они осели. На дальнейшей принадлежности Македонии сказался рост молодого Болгарского государства. Да и по этносу, насколько можно судить на основании письменных источников и данных лингвистики, славянское население Македонии этнически было наиболее близким славянам Болгарии.

Словенцы (карантанцы) появились в приальпийских землях во второй половине VI в. В VII в., вероятно, в его первой половине, альпийские славяне создают свое государственное образование. Ядром его стала область в окрестностях античного Виринума, где местный князь из града Карантана (в районе нынешнего Карнбурга в Австрии) начал объединение разрозненных славянских групп, постепенно распространяя свою власть на пространство от среднего течения р. Энс на севере до верховьев р. Дравы на юге. Так образовалось *Карантанское княжество*, объединившее всех альпийских славян, центром которого был Крнски град[1].

В первой половине VII в. Карантания, сохранив внутреннюю самостоятельность, входила в известное объединение Само. После его распада на протяжении второй половины VII – первой половины VIII в. карантанцы продолжали упорную борьбу с аварами, а также с германцами – баварами и лангобардами. Особенно напряженно воевали с аварами, набеги которых на Карантанию резко усилились во второй четверти VIII в. Карантанские князья одни не могли сдержать их натиск, и стали искать поддержки у своих западных соседей – баваров. Около 745 г. во время одного из наиболее значительных набегов аваров карантанский князь *Борут* отдал себя и свою страну под покровительство баварского князя. С этого времени словенцы, населявшие исторические области Штирия, Каринтия, Крайна, Истрия перешли под власть Баварии, а Карантанское княжество потеряв независимость, продолжало, однако, существовать как автономная политическая единица с внутренним самоуправлением.

В течение этого периода произошел значительный сдвиг в общественном развитии карантанцев. К концу VIII в. там уже наряду с сервами-военнопленными упоминаются и сервы – несвободные люди из числа обедневших словенцев. Иногда в зависимом положении оказывались целые общины. Из князей и их окружения начала формироваться словенская феодализирующаяся знать. Уже с середины VIII в. отчетливо проявляется тенденция к превращению княжеской власти

[1] Позднее область стала называться *Каринтия.*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в наследственную: устанавливается обычай избрания князя из одной и той же семьи. После смерти Борута карантанским князем стал его сын Горазд, а затем племянник Хотимир.

Параллельно среди словенцев начинает распространяться христианство. Попытки обратить их в христиан делались уже около 630 г. Но тогда они потерпели полную неудачу; еще не появился социальный слой, заинтересованный в принятии новой религии. Весьма существенное значение имело и то, что христианство несли миссионеры из немцев, к которым словенцы испытывали недоверие из-за взаимной вражды.

Но во второй половине VIII в. положение уже стало иным. Князь и формирующееся словенское феодальное сословие, рассчитывая, что христианство укрепит их власть, поддержали деятельность зальцбургских миссионеров в Карантании. Со своей стороны, баварские феодалы тоже активно содействовали распространению христианства среди словенцев, поскольку оно должно было способствовать усилению их влияния в карантанских землях. Показательно, однако, что христианство в Карантании имело значительное количество сторонников не только у знати, но и среди зависимых от нее сервов, часть которых была словенцами, а другая – военнопленными (главным образом христианами-романцами). Но для массы свободного словенского населения христианство несло не только рост феодальной эксплуатации, но и усиление чужеземного гнета. Поэтому свободные словенские общинники упорно сопротивлялись его распространению. Однако несколько восстаний против христианских проповедников были подавлены и к началу IX в. христианство победило. Это можно считать маркером, зафиксировавшим усиление знати и начало преобразования вождества в раннее государство.

Победа христианства объективно усиливала княжество. Но, воспринятое словенцами от немцев по западному обряду, оно создавало условия для активизации внешнего давления на них. Этому содействовала и подчиненность главных церковных центров словенцев иноземным церковным административным округам (Зальцбургскому архиепископству и Аквилейскому патриархату). К концу IX в. большинство населенных словенцами земель оказалось под властью немецкой землевладельческой знати, господство которой над большей частью этой территории сохранилось и в дальнейшем. В таких условиях карантанская знать стала сближаться с баварской и франкской аристократией и постепенно ассимилировалась. Утрата самостоятельности и унифицирующее воздействие христианства прервали процесс оформления альпийских славян в отдельную народность.

Во второй половине X в., когда только что созданная на базе Восточнофранкского королевства Германская империя начала энергичное

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

наступление на венгров, в нем приняли активное участие и карантанцы. В 976 г. Карантания, превращенная императором в самостоятельное герцогство, была объединена с окружавшими ее с востока и юга марками: Подравской, Савинской, Краньской, Истрийской, Фриульской, а также Веронской. За исключением последней, во всех марках жили словенцы, составляя во многих из них подавляющее большинство населения.

Так в составе Германской империи была создана крупная политическая единица – Великая Карантания, объединявшая почти все населенные словенцами земли. Однако объединение это было непрочным. Уже в первой половине XI в. Великая Карантания практически распалась на прежние составные части – в словенских землях с XI в. начался период раздробленности, но в составе Германской империи.

Лишь в конце XX в. словенцы (потомки альпийских славян раннего средневековья), уже в процессе распада Югославии создали собственное независимое государство – Словению [Риер, 2005, с. 307–312][1].

К югу от Далматинского побережья к Адриатике примыкали земли, издревле заселенные *иллирийцами*. В античные времена они были покорены сначала греками, затем римлянами; в средние века входили в состав Византии. Славянские племена, расселявшиеся на Балканах с VI–VII вв., ассимилировали часть местных иллирийцев, но обошли гористый анклав, граничивший с собственно греческими землями. Из сохранившегося местного романизированного иллирийского населения и сложился **албанский народ**. Общественное развитие жителей горного края, расположенного на окраине византийских владений, с неразвитым в силу природных условий земледелием, происходило медленно. Формирование знати здесь началось много позднее, чем у соседей, что сказалось и на политических процессах.

В XIV в. при ослаблении Византии и укреплении Сербского государства албанские земли попали под власть последнего. После распада государства Стефана Душана на территории Албании образовалось, наконец, несколько мелких независимых княжений, часто враждовавших между собой. Как и соседние земли, во второй половине XIV в. они стали объектами притязаний турок-османов. Однако на завоевание маленькой Албании туркам пришлось затратить почти целое столетие. Причиной было сохранение в ней значительного по численности свободного крестьянства, организованного в общины. Албанские князья могли опираться на крестьянские ополчения и добиваться побед над отдельными турецкими отрядами.

[1] Становление словенского языка, очевидно, восходит еще к периоду существования Карантанского княжества. Но первые произведения на словенском языке появились лишь в XVI в. [Дворник, с. 216; Седов, 1995, с. 282].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Однако в середине 20-х гг. XV в. турецкий нажим усилился, а внутри албанского общества естественные процессы усиления социальной дифференциации нарушили прежнее единство крестьян и правящих слоев. Албанцы стали терпеть поражения. Но при правлении *Георгия Кастриоти* (1405–1468), более известного как *Скандербег* (от искаженного Искандер-бей, как его назвали турки) албанцы успешно сопротивлялись. При этом Скандербег принимал энергичные меры для прекращения внутренних междоусобиц, раздиравших страну. По его инициативе в 1444 г. была создана «Лига албанских князей», объединившая почти всех феодалов. Однако после его смерти, в 1479 г. совершенно разоренная и истощенная Албания была захвачена турецкими войсками.

Византия способствовала распространению среди албанцев восточного христианства – православия. Влияние римской церкви было слабым, но в возникшей в XV в. на волне патриотизма албанской письменности был использован латинский алфавит. В дальнейшем, при турецком владычестве, среди албанцев распространился ислам [Риер, 2005, с. 312–313]. Государственное же строительство Албании в средние века, очевидно, не было завершено.

Медленно создавались **государства и на Северо-Востоке Балкан, между Карпатами и Нижним Дунаем**. Здесь, на землях *фракийцев* (*даков*) в начале новой эры ощущалось влияние провинциально римской культуры, особенно в языке. После ухода римлян, в III–V вв. на этих землях поочередно побывали готы, гунны, гепиды, авары. С V–VI вв. долины Днестра и Прута стали одним из путей проникновения на Дунай и Балканы славян. Затем по Днестру установилась граница между славянскими объединениями VI – начала VII в. – антами и склавинами. Территория современной Молдовы вошла в область антского расселения. Так на Днестре образовалось смешанное славяно-фракийское население. Разгром антов аварами в начале VII в. и нашествие болгар (протоболгар) в конце VII в. привели к существенным изменениям характера славянской заселенности края. Создание на Дунае Болгарского государства препятствовало движению славян за Дунай, и они оседали в Днестровско-Прутском междуречье. В IX в. северные и центральные земли этого района вошли в состав Древнерусских княжеств, южные – в состав Первого Болгарского царства.

В VII–IX вв. на рассматриваемой территории расселялись *валахи* (влахи, волохи)[1]. Народ этот, сильно повлиявший на формирование *румын* восходит, вероятно, к древним кельтам и первоначально размещался в Восточных Альпах, в римских провинциях Норик и Реция. Затем валахи оказались в Паннонии, откуда и переселились в Карпатско-

[1] *Волохами* они назывались в Повести Временных лет, *влахами* их называли западные славяне, *валахами* – южные.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Дунайские земли, а также на Балканы. Они были горцами – пастухами, и потому долгое время жили обособленно от местного, по преимуществу земледельческого населения. Говорили на народной латыни, основе современного румынского языка.

Судя по археологическим материалам, разные этнические группы в VII–IX вв. размещались здесь обособленно. И это относится не только к валахам, но также к фракийцам (романцам) и славянам.

В этногенезе румын, как и славян, не все ясно. Проблема в том, что следы пребывания славян на будущей румынской территории существуют. Но, в отличие от соседних земель, где формировались южнославянские народы и государства, а также северо-восточных, где сложились древнерусские княжества, в левобережье Нижнего Дуная славяне не закрепились. Их небольшое число или не прижилось здесь, или растворилось среди местного романского населения. В итоге между южными и восточными славянами осталась территория с компактным проживанием романцев, из которых и вырос румынский этнос. Не исключено, что сюда устремилось и романское население из тех соседних балканских территорий, которые подверглись массовому заселению славянами. Через эти земли во второй половине – конце IX в. продвинулись в Паннонию венгры, позднее подчинившие и Прикарпатье – Трансильванию. Валахи были вытеснены венграми в Карпаты, где заселили горные районы Трансильвании, Южной Польши, Моравии, Словакии и Закарпатья. Там они постепенно сливаются с тамошними славянами (нынешние *русины*?). В Левобережье Нижнего Дуная с VIII–IX вв. начала формироваться *румынская народность*. В IX–X вв. румынские племена распространяются и в Трансильвании, полностью сменив отмеченное там с VII вв. славянское население [Седов, с. 135].

По мнению румынских историков, сложение румынской народности на всей территории между Карпатами и Днестром завершилась к X–XI вв. Но, возможно, в восточной части региона – в современной Бесарабии – эти процессы не были столь скоротечны. Славянское население составляло там более значительный слой и в XII–XIV вв. эта территория входила в состав Галицкой земли. Ассимиляция славян здесь завершилась, в основном, к XIV в. Как раз в это время междуречье Днестра и Прута стало называться Молдовой (Молдавией) – от р. Молдова (левый приток р. Серет). Позднее эта территория получила название Бесарабия. Этнически и по языку население Румынии и Молдавии (Молдовы, Бесарабии) было идентичным. Однако политически Бесарабия отличалась от Румынии, создала, как будет далее показано, собственную государственность.

В сравнении с соседними территориями изживание первобытных порядков в регионе происходило замедленно. К концу I тыс. здесь еще

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сохранялась племенная структура, что было связано, прежде всего, с малой плотностью населения, испытывавшего в течение не одной сотни лет набеги многочисленных пришельцев. Сказалась и оторванность региона от основных торговых путей, проходивших, в основном, южнее и восточнее (рис. 44).

Рис. 44. Междуречье рек Прута и Нижнего Дуная в XI-XVI вв. [http://kannelura….]

В IX – начале X в. южная часть региона была включена в Первое Болгарское царство, чья знать захватывала общинные земли и превращала их жителей в зависимых крестьян. От болгар сюда проникло и христианство. Официально оно было принято в 865 г. В X–XI вв. возникают и местные земельные владения – *кнезаты* – во главе с князьями, обладавшими обширными землями и пользовавшимися полнотой военной, судебной и административной власти. Несколько кнезатов составляли *воеводство* во главе с воеводами или *господарями* – возникло потестарное общество, которое можно отнести к вождествам.

В будущих молдавских землях новые порядки складывались под влиянием Галицкой Руси. Христианство было здесь принято спустя год после крещения киевлян – в 989 г. Но процессы создания государства растянулись на несколько столетий. Это вызывалось отмеченной рас-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

пыленностью населения, слабыми связями между отдельными воеводствами и кнезатами, а также набегами кочевников. В XI в. здесь похозяйничали печенеги, в XII в. – половцы. Но наиболее тяжелым оказалось монгольское нашествие 1241 г. Население было обложено данью Золотой Орде. В течение двух лет длился грабеж, а само господство растянулось на почти 100 лет.

Консолидация разрозненных землевладений в регионе стала возможна лишь в XIV в. К этому времени постепенно был накоплен определенный хозяйственный потенциал: развивалось земледелие и скотоводство. Постепенно население втягивалось во внешнюю торговлю, начали расти города. Активизируется и внутренняя торговля, что способствовало укреплению экономических связей между различными частями Молдавии и Валахии. На этом фоне происходит и рост населения.

По мнению некоторых румынских историков, существенно сказывались и внешние факторы. С начала XIII в. из-за давления венгров на Трансильванию часть ее населения, прежде всего его наиболее активная – знать, переселилась южнее. Вслед за ними устремились и венгры. Но монгольское нашествие в 1241 г. затормозило венгерскую экспансию в пространстве между Балканами и устьями Дуная [http://www.portalostranah.ru/…].

К началу XIV в. в Валахии уже сложился слой крупных землевладельцев – бояр, имевших вотчины – баштины. Некоторая часть крестьян уже была закрепощена (так называемые вечины или румыны). Но оставались еще и свободные крестьяне (кнезы), которых до XIV в. было большинство. Дальнейшее укрепление феодальных владений требовало консолидации господствующего сословия, что способствовало объединению земель.

В начале XIV в. ряд разрозненных воеводств, занимавших пространство к югу от Карпат и до Нижнего Дуная, объединились в одно государство под властью великого воеводы *Арджеши Басараба I*. Ему удалось воспользоваться ослаблением монголов, а также внутренним кризисом в Венгрии, где в 1301 г. прекратилась династия Арпадов. В 1324 г. созданное государство стало называться **Цара Ромыняска** (Румынская страна). В исторической литературе же распространилось другое название – **Валахия**.

При преемниках Басараба Валахия, укрепившая связи с Болгарией и Сербией, сумела противостоять натиску венгерских феодалов. В этой борьбе в 1359 г., в противовес венгерской католической церкви, была основана православная митрополия, подчиненная константинопольскому патриарху.

В то время, когда Валахия уже сложилась как самостоятельное государство, Молдовия продолжала оставаться под монгольским игом.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Лишь в середине XIV в. завоеватели были вытеснены венгерскими и польскими войсками, но при этом Молдавия попала под власть Венгрии. Однако стремление венгерских феодалов подчинить молдавскую территорию встретило решительный отпор населения. Поднялось восстание, которое возглавил переселившийся из покоренной венграми Трансильвании мелкий боярин *Богдан*. В 1359 г. восставшие изгнали венгерского наместника и провозгласили независимость. Затем Богдан подчинил себе мелкие воеводства и кнезаты, находившиеся ранее в зависимости от Венгрии. В 1360 г. отмечено первое упоминание **Молдавской земли**.

Однако преемникам Богдана не удалось сохранить полную независимость Молдавии. Уже при его сыне Лацку (1365–1373) Молдавия попала в вассальную зависимость от Польши. Лацку принял католичество и основал католическое епископство. Но православие поддержала масса бояр, выступавших против польских и венгерских феодалов, и католичество не распространилось. В отстаивании независимости молдавское население опиралось и на помощь родственной Валахии. А в 1401 г. была учреждена молдавская православная церковь, подчиненная Константинополю [Риер, 2005, с. 198–202].

Так относительно поздно возникли государства на Северо-Востоке Балкан. Но до поглощения османами в них успели сформироваться основные институты, позволившие сохранить автономию и этно-политическую идентичность в период порабощения. На этой основе государства возродились после ликвидации турецкого гнета.

Выводы.

1. Становление государственности у славян тесно связано с их предысторией и раннесредневековым расселением. Начальные этапы славянской истории слабо освещены источниками и можно лишь в общих чертах проследить этническую консолидацию славян, завершившуюся в первой половине I тыс. н.э. на обширной территории от междуречья Вислы – Одера на западе до Среднего Днепра на востоке. Затем, в процессе расселения во второй половине этого тысячелетия у славян началось формирование племенных союзов – вождеств, что отмечено как в письменных источниках, так и в более массовом археологическом материале появлением в VII–VIII вв. укрепленных резиденций знати. С этого начался процесс создания государств.

2. Самым ранним государственным образованием стало Первое Болгарское царство, возникшее ближе к концу VII в. в процессе расселения в Нижнем Подунавье тюрок – болгар и их симбиоза с осевшими там ранее славянами. В начале IX в. в Среднем Подунавье возникает Великая Моравия, консолидация которой была ускорена противостоянием мораван с Восточно-Немецким королевством. Распад Велико-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

моравского княжества вследствие внутриполитических противоречий – соперничества элит – и прихода кочевников-венгров способствовал возникновению в X в. Чешского княжества. Тогда же севернее, в бассейне Вислы сформировалось и Польское княжество. Медленнее шла политическая консолидация полабских и поморских славян, что объяснялось малочисленностью населения, малой продуктивностью заселенных ими земель и близостью более политически развитых и густозаселенных немецких владений. В результате возникавшие образования – племенные княжества и даже «Вендское королевство» оказались непрочными и были покорены немцами.

3. Сложно проходили процессы образования ранних государств в Северо-Западных Балканах. Из расселившихся там с VII в. славянских племен в итоге лишь сербам удалось создать самостоятельное государство. Хорваты и словенцы (карантанцы) в итоге создали лишь автономные образования в рамках более крупных соседних государств: Венгрии и Германской империи.

4. Примером не только быстрого возникновения государства, но и смены социально-экономических порядков стало создание Венгерского королевства, менее чем за 150 лет выросшего из кочевого племенного союза. Сказалось изменение внешней среды. Оказавшись в центре Европы, среди оседлого населения, венгры сумели перестроить свой образ жизни, в отличие от появлявшихся ранее в Паннонии гуннов и аваров. На это повлияли как уже сложившиеся соседние государства у немцев и славян, так и быстрая перестройка венгерской элиты, воспринявшей христианство и рыцарские нравы европейского дворянства.

5. Медленно вызревала государственность к югу от Карпат, где лишь в XIV в. у местного фракийского (румынского) населения возникли ранние государства. Здесь сказалась изолированность региона от внешних связей, редкое население в гористой местности и соседство с агрессивным кочевым миром.

6. На историю западнославянских государств, Венгрии и части юго-западного славянства значительное влияние оказал латинский Запад: через римскую церковь и сеньориальные порядки западноевропейской феодальной организации. Лишь Болгария и Сербия, а позднее – Валахия оказались в кругу влияния Византии и ее церкви.

Таким образом, создание государственности в рассмотренных землях началось с IX в. и происходило, в отличие от запада континента, практически вне античного влияния. Близким и по хронологии, и по социальным условиям происходило формирование государственности и у народов Восточной Европы, о чем пойдет речь в следующем Очерке.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очерк 7

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Географические особенности Восточной Европы. Специфика соседства со степью. Процессы славянского расселения. Развитие восточнославянского общества от позднеродовых порядков через простые и сложные вождества к раннему государству Специфика восточнославянской общины, сохранение коллективного хозяйства и землепользования. Исторические и археологические вехи социальных изменений, городища-убежища и городища-резиденции знати. Внешние воздействия на складывание древнерусской государственности: роль хазар и норманнов. Анализ концепций. Политическая структура и социальные порядки в Киевской Руси. Особенности местного феодализма. Цивилизационные признаки Древней Руси. Белорусские земли в составе древнерусского сообщества. Развитие литовского общества и создание Великого княжества Литовского.

Начнем со специфики природной среды региона, оказавшей огромное влияние не только на средневековый облик этой части Европы, но и на ее последующее «политическое лицо», сохранившее свою *особость* и в наше время.

Общеизвестна бóльшая суровость, континентальность климата востока континента с соответствующим составом растительности и почв, повлиявшая, как уже указывалось, на характер социальных порядков и хозяйства древних славян. Здесь обратим внимание еще на одну особенность региона: соседство лесов со степью в Северном Причерноморье, Подонье, Поволжье. Степь представляла собой самые плодородные в Европе почвы – черноземы. Здесь для земледелия не требовалось изнурительного окультуривания, как в лесной зоне. Температурный режим и плодородные почвы так же благоприятствовали проживанию и сельскому хозяйству.

Тем не менее, степи оказывались враждебными земледельческому населению вплоть до второй половины XVIII в. Помимо общеизвестного дефицита влаги Причерноморские степи составляли западную часть евразийского мира номадов, простиравшегося на восток вплоть до Забайкалья и Монголии, а на юге – до среднеазиатских и кавказских гор. На этом обширном пространстве в доиндустриальную эпоху было возможно только кочевое хозяйство с соответствующим социально-политическим укладом, о чем уже шла речь выше.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В Северном Причерноморье, в низовьях Днестра, Днепра и Дона – обители ираноязычных скифов и сарматов железного века – с начала новой эры появляются и лесные земледельцы, первоначально проживавшие вдоль южной кромки лесов – в лесостепи, более благодатной, чем северные лесные территории. Именно там – в бассейне Среднего Днепра – формируются, как уже указывалось, ранние славяне. Туда, в междуречье Среднего Поднестровья и Поднепровья устремились в III в. готы, создавшие самое раннее политическое образование в Восточной Европе – *вождество* – закрепившееся в литературе под названием «*королевство готов*». Судя, прежде всего, по археологическим материалам, развивалось оно поначалу весьма успешно, что отразилось в уже упоминавшейся *черняховской культуре* и, отчасти, в некоторых письменных источниках [Магомедов; Седов, 1994, с. 233–277].

Готам, очевидно, удалось как-то организовать населявших северную кромку причерноморских степей (полу)кочевников сарматов, живших западнее оседлых земледельцев – фракийцев (даков) и славян, представленных как местными племенами киевской культуры, так и пришедших вместе с готами с северо-запада – с Побужья. В перспективе сложившееся образование вполне могло развиться в более прочное политическое объединение государственного типа. Но, вот она – степь! Пришли гунны и продемонстрировали неустойчивость формировавшегося благополучия в данных природных условиях.

Конечно, и в классических земледельческих регионах, как мы видели на примерах Западной и Центральной Европы, безопасность тогдашних народов постоянно подвергалась испытаниям. Но устойчивость образований была значительней: могли меняться элиты, но оставалось рядовое население, «перетекавшее» из одного подчинения в другое, но сохранявшее преемственность многие столетия. Континуитет хозяйства, в конечном счете, и стал основой известного хозяйственного подъема Западной Европы с начала II тыс. н.э.

В Северном Причерноморье из-за наличия степей было не так. Разгром готов – «государства Германариха»[1] – в 375 г. означал и ликвидацию возникавшего хозяйственного симбиоза скотоводов и земледельцев в анклаве, который превратился после указанных событий на многие столетия в *Дикое Поле* (каким оно было и до того, во второй половине I тыс. до н.э., при скифах). И позднее, на рубеже I–II тыс. н.э., когда разраставшееся при климатическом оптимуме в лесах Поднепровья, Подесенья и бассейна Припяти восточнославянское население начало вновь продвигаться на юг, в благодатные лесостепи, где почвы были плодороднее, чем в лесах, а влаги больше, чем в степи, оно стол-

[1] Государством оно не было, ибо у правителя отсутствовал устойчивый административный аппарат.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

кнулось с другими кочевниками – половцами, чьи стада вытаптывали поля земледельцев.

Причем агрессивность половцев диктовалась именно потребностями их хозяйства [Кульпин, 2002, с. 120–122]. Последующее многовековое соседство и столкновения с кочевниками серьезно повлияли на формирование и облик восточнославянской государственности.

Таким образом, соседство со степью толкнуло восточную ветвь славян в менее благоприятные для сложившегося у них земледельческого хозяйства восточноевропейские леса, которые им пришлось обживать после гуннского нашествия, в отличие от своих соплеменников, оказавшихся в Центральной Европе и на Балканах, и от германцев, устремившихся на окультуренные римские просторы.

Также вероятно, что знакомство со степью и перемещение в леса, в среду балтов и финноугров породило у восточноевропейского славянства, как заметил философ Г.С. Померанц, повышенную гибкость и восприимчивость, благодаря которой «*они освоили территорию от Белого до Черного моря, тогда как финны жили в лесах, а скифы в степях*» [http://www.polit.ru/lectures/2005…]. О том же: расселение среди «людей лесов» породило известную *полиэтничность* и *поликонфессиональность* России [Хачатурян В.М., 2007]. К тому же расселение в Восточной Европе на весьма обширные расстояния от мест кристаллизации славян способствовало не только их смешению с аборигенами на новых землях, но и перемешиванию между собой разных племен с формированием новых общностей [Горский, 2007, с. 33]. Как видно, отмеченные выше, в предыдущем Очерке общеславянские особенности еще в большей степени проявились у восточных славян.

Устойчивые черты образа жизни восточных славян, их хозяйства и ментальности, как известно, формировались и в условиях известной континентальности восточноевропейского климата, из-за которой регион относится и теперь к зоне рискованного земледелия. Это подчеркивал американский русист Ричард Пайпс[1] [Пайпс, с. 13–36; См. также Ибрагимов, с. 120–121][2]. Прав был П.Я. Чаадаев: географический фактор – благо и зло России. Благо – земельные ресурсы, зло – вышеназванные особенности географической среды. Отсюда «*Россия – страна пути*» [Неклесса].

[1] Отношение к Пайпсу в российской историографии неоднозначно из-за его критики современных российских порядков, в том числе и в качестве советника американского президента Р. Рейгана. Но анализ научных трудов Пайпса позволяет согласиться с выводом российского политика, историка по специальности: «*Проверенная ходом событий точность его основных оценок и выводов такова, что Пайпса можно смело считать одним из лучших экспертов по России второй половины XX в.*» [Рыжков].

[2] Популярно, но точно о роли природы в истории Руси и России написал профессиональный историк Н. Усков [Усков].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

К отмеченному выше следует добавить и равнинный рельеф, предопределявший растекание населения по обширной территории, практически отсутствие пределов, прежде всего, на востоке, что, особенно после В.О. Ключевского, стало общим местом в историографии. Этим Восточная Европа отличалась не только от Западной, но также от Центральной и Юго-Восточной частей континента, где разрастание любого консолидированного образования (не только этнического) ограничивалось не менее активными соседями. А ведь известно, что для выделения необходимой для политического развития элиты необходима такая концентрация населения, которая могла ее обеспечивать.

Не случайно, процесс общественного развития восточнославянских племен выглядит размытым и, в конечном счете, элита Руси образовалась, прежде всего, не из родовой верхушки, а из воинов, по сути, грабителей, возвышавшихся благодаря «крышеванию» торговых путей. Но это уже был результат, проявившийся к концу I тыс.

Определение же начала процесса преобразования восточнославянских родо-племенных структур в более сложные формы политической консолидации осложнено, как известно, отсутствием прямых источников. Находясь в отдалении культурных центров тогдашней Европы, восточных славян тогдашние книжники долго не замечали. Как писала один из ведущих современных российских специалистов истории Руси и Скандинавии Е.А. Мельникова «…*в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: существенные достижения медиевистики и, особенно, политической и исторической антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, не могут быть пока полноценно использованы в силу недостаточной изученности самих этих обществ, проистекающей – во всяком случае частично – из проблем, объективных и субъективных, источниковой базы. Тем не менее, новые археологические материалы и многочисленные конкретные исследования отдельных аспектов истории восточнославянских обществ выдвинули целый ряд актуальных проблем, которые непосредственно связаны с процессами политогенеза*» [Мельникова, 2011, с. 125]. Отсюда создание государственности в Восточной Европе, как и славянский этногенез, остаются до сих пор дискуссионными, с обилием точек зрения и интерпретаций наличного немногочисленного и нечеткого материала.

Что же известно о племенной структуре славян, складывавшейся в процессе расселения по просторам Восточной Европы? Размещение восточнославянских племен, их этнографические особенности, отра-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

женные в материальной культуре к концу I тыс. н.э., основные концепции их формирования и общественного устройства обзорно представлены В.В. Седовым. Он выделил 3 основные точки зрения о характере племен, названных в Повести временных лет:

1) эти племена сложились накануне образования Киевской Руси при перемешивании разных родоплеменных групп в результате миграции из прародины[1];

2) эти племена отразили этноязыковое своеобразие родоплеменной эпохи;

3) это были политические образования – союзы прежних близкородственных племен[2].

Но, подчеркивает Седов, «*археологические материалы не позволяют решать вопрос о сущности летописных племен однозначно, присоединившись к одному из изложенных мнений*». Одни племена, по его мнению, при расселении из единого очага преобразовались в локальные группы вследствие накопления некоторых особенностей. А затем объединялись для совместных дел: устраивали общее вече, создавали общую племенную дружину и т.п. Так «*формировались политические образования племенного типа древлян, полян, дреговичей и, вероятно, волынян*». Особенности других рождались «*вследствие метисации и ассимиляции*» балтов (радимичи). Кривичи в процессе расселения в третьей четверти I тыс. среди балтов и финно-угров разделились на локальные группы (псковские, полоцкие и смоленские). Последующее их объединение произошло не ранее второй половины IX–X в. вследствие, прежде всего, торговой деятельности по известному водному пути. «*Ильменско-Днепровский путь, известный в летописи как маршрут «Из Варяг в Греки», стал не только торговой артерией, но и военно-политической магистралью, служившей целью единения Русской государственности*» [Седов, 1995, с. 372–374].

Свидетельством формирования у славян Восточной Европы устойчивых общественных структур может считаться появление городищ –

[1] Эту идею в последнее время активно отстаивает А.А. Горский: «*В ходе расселения в славянском обществе появились новообразования, возникшие вследствие перемещения в ходе миграций племенных групп и являвшиеся в большей степени территориально-политическими, а не этническими общностями…. Племенной, очевидно, была структура праславянского общества. В результате расселения VI–VIII вв. она была разрушена и сформировались новые общности, носившие уже в основе не кровнородственный, а территориально-политический характер. Называть их "племенами" или "союзами племен" неверно фактически*» [Горский, 2004, с. 13; Горский, 2010, с. 10].

[2] Такие племена еще называют *первичными* [Соловьева, 1956, с. 166] или *малыми* [Ловмяньский, 1972, с. 9; Ловмяньский, 1977, с. 186]. У восточных славян их следы фиксируются в локальных этнографических особенностях, отраженных языческими погребениями X–XII вв. Но реально эти племена могли существовать до их консолидации в союзы, до IX в. [Риер, 2010а, с. 39].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

укрепленных общинных центров, самые ранние из которых относятся к VI в. [Гавритухин, с. 136]. В VI–VII вв. они известны уже, прежде всего, в относительно густонаселенных районах восточнославянского Юго-Запада. Но их широкое распространение относится к VIII–X вв. В одних случаях такие городища возникали на существовавших ранее и затем заброшенных укрепленных поселениях (скифских, балтских, финно-угорских), в других – путем полного или частичного укрепления отдельных деревень (селищ).

Для таких городищ нередка более высокая, чем в неукрепленных поселениях, плотность населения при обычно хаотичной застройке. На них концентрировались ремесленники: они становились центрами торговли и культа в округе. Очевидно, что такие поселения были и убежищами для жителей окрестных селищ. В отличие от более поздних городищ их укрепления еще весьма просты. На таких городищах отмечена концентрация вооружения – признак постоянного проживания воинов.

Иными словами, появление и распространение описываемых городищ отразило, с одной стороны, процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, с другой – формирование территориальных структур с центрами, в которых концентрировались управленческие, военные и культовые функции. Очевидно, поначалу эти центры объединяли разраставшиеся в патронимии патриархальные роды. Но постепенно они превращаются в центры округов, не обязательно связанных родственными узами их жителей. Отсутствие на таких городищах четких признаков имущественных различий среди их обитателей, а также выделенных особыми укреплениями или другими конструктивными особенностями резиденций знати (кремлей, акрополей) свидетельствует именно об их общинном, а не раннегосударственном характере [Риер, 2000, с. 167–168].

Основой общественного устройства восточных славян во второй половине I тыс. оставались родовые общины. Об этом свидетельствует выявленная археологами планировка деревень этого времени.

Здесь, однако, надо отметить иное мнение. Украинский археолог Я.В. Баран обратил внимание на наличие малых жилищ со следами обособленного быта у протославян уже с рубежа эр и даже проследил заимствование такой организации жизни от кельтов, у которых аналогичные жилища прослежены с эпохи бронзы [Баран, 1992, с. 8]. Основываясь на этих наблюдениях и выделении групп малых жилищ на поселениях V–VII вв. у д. Рашков на Днестре, отец вышеназванного исследователя, В.Д. Баран, реконструировал выявленную застройку как свидетельство наличия редистрибутивных отношений, характерных для вождеств, подчеркнув всеобщий

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

характер таких порядков на стадии распада первобытности [Баран, 1998, с. 239–241].

Думается, однако, что приведенный материал не дает оснований для таких далеко идущих социальных выводов. Особенно, если сравнить планировку селища Рашков III с северогерманскими поселениями начала новой эры, в которых выявлены не только группы жилищ, но в комплексе с ними и хозяйственные постройки, а, местами, и следы оград, что свидетельствует, как отмечалось выше, о наличии обособленных крестьянских усадеб. Но и при таких материалах оценки германских социальных порядков требуют осторожности [История крестьянства, т.1, с. 120–125; Риер, 2000, с. 198–199; Donat, 1983; Haarnagel, S. 321].

Можно утверждать, что до VIII–IX вв. четко очерченных индивидуальных усадеб-дворов у восточных славян не выявлено. Это свидетельствует скорее о коллективной хозяйственной деятельности всех жителей поселения, если жилища расположены в нем компактно, или, если в поселке прослежено несколько групп жилищ – о совместном проживании нескольких родовых коллективов.

Впрочем, и на поселениях VIII–X вв. индивидуальные дворы прослеживаются не всегда. Иное дело, сами жилища в это время были небольшими, рассчитанными на малые семьи. Но обособленные в быту, такие семьи оставались в общем хозяйстве всего большесемейного коллектива. Все это – свидетельство наличия у восточных славян до конца I тыс. родовой общины.

Заметим, что и древнерусские письменные памятники до XI в. не сообщают о земельных разделах. О длительном преобладании совместной хозяйственной деятельности выделившихся малых семей свидетельствует социальная однородность жителей селищ, сохранившаяся повсеместно, по крайней мере, до IX в. По-видимому, до конца I тыс. преобладали родовые связи, хотя и постепенно ослабевшие в условиях несомненного обособления малых семей.

Начало перехода к новой, территориальной организации можно наблюдать в появлении индивидуальных усадеб на поселениях, состоявших из нескольких родовых коллективов, что отмечается с VIII–IX вв. и в массовом распространении индивидуальных усыпальниц – курганных погребений в IX–X вв. Замедленность распада родовой организации вызывалась тем, что процесс хозяйственного обособления малых семей не сопровождался появлением частнособственнических прав на крестьянские участки типа западноевропейского аллода. В такой ситуации, малые семьи, разрастаясь, не обязательно делились, и вновь воспроизводили большие, патриархальные коллективы, сосуществовавшие с малыми [Риер, 1996, с. 114–115; Риер, 2000, с. 165–167].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Как археологические, так и письменные данные свидетельствуют, что соседская (территориальная, сельская) община у восточных славян лесной полосы стала складываться с конца I тыс. н.э. [Юшков, с. 8–9; Тарновский, с. 87–89; Довженок, 1952, с. 145; Черепнин, 1958, с. 14; Мавродин, 1978, с. 131; Риер, 2000, с. 162–164]. Окончательный переход к территориальной общине, состоявшей не только из родственников, завершился в XI–XII вв. [Пресняков, с. 164 сл.; Рыбаков, 1962, с. 42; Риер, 2000, с. 165–166]. Именно этот период зафиксирован в особенностях древнерусского языческого погребального обряда [Риер, 2010, с. 39].

Таким образом, у славян Восточной Европы родовая организация сохраняется до начала II тыс. н.э. Но уже с VI–VII вв. отмечаются и самые ранние в Восточной Европе археологические следы проживания в родовых укрепленных поселениях воинов, о чем свидетельствует специфический набор дорогих украшений и других особенностей инвентаря на городищах Зимно в Подолии, Никодимово в Восточной Беларуси [Приходнюк, с. 68; Седин, 1994; Седин, 2012, с. 3–14, 60].

С VIII в. отмечается новое явление в общественном развитии региона: начало очередного общественного разделения труда – появление постоянного населения с неаграрной функцией, которое размещается в особых укрепленных резиденциях. Это, очевидно, были дружинники со своими предводителями, отрывавшиеся от крестьянской массы военными (прежде всего) и административными (в дополнение) функциями. Показательно их стремление обособиться от остального – рядового – населения.

В археологических материалах начало выделения общественных верхов довольно четко прослеживается в появлении в VIII–IX вв. небольших укрепленных поселений, располагавшихся посреди больших селищ или рядом с ними. Хрестоматийным примером у восточных славян стал комплекс в Хотомеле (Брестская обл., р. Горынь), где на существовавшем с VII в. общинном городище-убежище в VIII в. появились новые укрепления, отгородившие часть площадки, на которой найдено военное снаряжение и дорогие украшения – следы пребывания знати и воинов. А вокруг формируется неукрепленное поселение, очевидно рядовых сельских жителей, вероятно, содержавших этих воинов. Таким образом Хотомельское городище VIII–IX вв. превращается в небольшой дружинный поселок [Куза, с. 68; Рыбаков, 1987, с. 248–249]. Перед нами свидетельство обособления верхов над основной массой окрестного населения.

Но для VIII в. это пока – единичный пример, что может свидетельствовать лишь о начале процесса. В IX–X вв. число поселений, подобных Хотомелю, увеличивается [Риер, 2000, с. 170–172]. Наконец, X–XI вв. отмечены не только ростом числа городищ – обособленных

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

резиденций, но и появлением особых погребений знатных воинов [Ляпушкин, с. 163; Ширинский]. В том же X в. на Черниговщине отмечено появление сильно укрепленных городищ, расположенных на стратегически важных путях, которые интерпретируются как крепости формировавшихся княжеств [Бондарь]. Тогда же фиксируется и появление профессионального конного войска [Кирпичников, 1970]. Показательно, что в X–XI вв. исчезают последние городища-убежища, причем на них нередко возникают резиденции знати.

Таким образом, археологические материалы позволяют проследить появление воинов среди населения общинных городищ уже в VI–VII вв. В VIII–X вв. наблюдается формирование особых дружин, отделявшихся от рядового населения в особых укрепленных резиденциях, что может интерпретироваться как выделение военного сословия. Данный вывод коррелируется с представлениями о том, что после VI в. у славян уже не существовало традиционных племен, основанных на кровном родстве.

«*В ходе Расселения происходила ломка племенной структуры, и осколки прежних племен, объединяясь в ходе миграций или уже на месте нового поселения, создавали новые общности, имевшие уже чисто территориальную основу*» [Горский, 2010, с. 10]. В этих общностях уже не было прежних старейшин и племенной знати, а появлялась новая, служилая знать «*формировавшейся по принципу личной верности предводителю – князю. Именно эта знать заняла ведущие позиции в образовавшихся после Расселения территориально – политических общностях и сыграла затем инициирующую роль в образовании славянских государств*». Эта ситуация, впрочем, была присуща и славянам в Центральной Европе [Горский, 2007, с. 18–19].

Итак, с VI–VII вв. можно вести речь о начале перехода восточных славян от родового общества к предгосударственной стадии общественного устройства [Толочко, 2012]. Со второй половины IX в. отмечается и появление нового, наступательного вооружения, что связывается с появлением в Восточной Европе норманнов [Пенской]. И более того, некоторые исследователи ведут речь о складывании с X в. на Руси *дружинной формы государства*, существовавшей параллельно родовым порядкам и появившимся князьям. Причем дружинники эти были полиэтничными и возглавляли их не местные князья [Никольский, с. 41–45][1].

Так постепенно происходило сложение нового, не присущего родовой организации слоя воинов (профессионалов), перемещавшихся

[1] Об отсутствии связи «новой знати» с племенной писал и Пузанов, имея в виду норманнское происхождение этого слоя [Пузанов, 2009а]. Формирование на Руси разноэтничного дружинного слоя с постепенной его славянизацией в XI в. отмечает и Е.С. Галкина. Но она считает, что в этой среде были и кочевники с южных степей [Галкина, с. 228].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

с общих поселений в особые резиденции, очевидно, со своими предводителями. К рубежу тысячелетий у восточных славян фиксируется создание военной организации. Перед нами начальные этапы и формы формирования государственности в виде вождества[1]. Причем этот дружинный, в скорой перспективе правящий слой возникает не только вне родовых структур, но и вне зависимости от этнической принадлежности, что делает понятным появление скандинавов, как, прочем, возможно и не только их, о чем – далее.

Следует заметить, что на периферии региона аналогичные процессы разворачивались медленнее (там, где это удалось проследить). Так, например, появление протогосударственных черт на северо-западе восточной Европы – в Понеманье, которое незадолго до этого было заселено славянами, следы пребывания знати и дружины археологически фиксируются не ранее XI в. [Віцязь, 2011; Віцязь, 2012, с. 230–235]. В то же время, в уже сложившихся центрах восточнославянского расселения можно заметить завершение процесса формирования новой системы власти. Она отразилась в появлении с X–XI вв. первых укрепленных резиденций князей – Рюриковичей. Наиболее известный пример – Любеч на Черниговщине. В XI–XII вв. уже известны и резиденции местных князей, нередко угасавшие после подчинения их Киеву (например, Заборовское городище близ Рогачева) [Кучера, с. 72; Раппопорт; Рыбаков; Соловйова; Тимощук, 1982, с. 38–99; Тимощук, 1990; Тимощук, 1990а; Юшко, Чернов; Риер, 2000, с. 176].

Возвращаясь к предшествующему периоду, следует отметить, что поиски наиболее ранних, начальных истоков древнерусской государственности приводят к анализу южного следа – Хазарского. Предполагается, что как внутренняя эволюция восточнославянского общества, так и борьба с кочевниками «*стимулировала образование государственности*». Эти поиски у части исследователей порождают определенный скепсис, ибо они слабо обеспечены прямыми свидетельствами о хронологии и территории распространения [Котляр, 2012, с. 112].

Тем не менее, идея *русского каганата* материализовалась в ряде исследований. Она актуализировалась в рамках противостояния норманнской концепции образования Руси под влиянием известного антинорманиста, московского историка А.Г. Кузьмина, его ученицей Е.С. Галкиной и связана с известными лингвистом и археологом иранскими заимствованиями в славянских этнонимах (анты, сербы и др.), а – шире – славяно-иранскими связями в рамках черняховской культуры III–IV вв.

Не вдаваясь в обширную дискуссию о происхождении и сущности термина *Русь*, анализ которой не входит в нашу задачу, отмечу

[1] О *вождестве* применительно к данному контексту см.: [Пузанов, 2009а].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лишь распространенность гипотезы о норманнском происхождении данного этнонима. Замечу, что этой точки зрения придерживается большинство европейских исследователей[1]. Среди российских ученых наиболее категорично, причем в расчете на массового читателя, высказался авторитетный археолог и историк Древней Руси, академик В.Л. Янин: *«“Русские” – это самоназвание одного из варяжских племен»* [Янин, 2007].

Но среди лингвистов бытует мнение и об иранском происхождении ключевого этнонима в древнерусской истории – *русь*. Эту точку зрения принимал и известный археолог М.А. Артамонов, занимавшийся историей *Хазарии*[2]. Возможность иранского происхождения *Руси*, опираясь на работы Артамонова и специалиста по кочевникам южнорусских степей С.А. Плетневой, рассматривал украинский археолог Т.Д. Березовец еще в 70-е гг. прошлого века. Но его предположение не было тогда поддержано, ибо не вписывалось ни в среднеднепровскую концепцию происхождении Руси, ни в норманнскую [Жих].

Вернемся к проблеме становления русской государственности. В конце XX в. о Русском каганате писал Седов. Он идентифицировал его с волынцевской археологической культурой левобережья Днепра и считал, что это объединение в VIII в. было подчинено хазарам, в IX в. добилось самостоятельности и просуществовало до прихода норманнов на Средний Днепр, а затем нигде не упоминается. Отсюда – обстоятельства исчезновения этого образования неизвестны. При этом Седов называет его *раннефеодальным* [Седов, 1998]. Последнее утверждение автора вызывает недоумение, ибо о внутреннем устройстве *каганата* ничего неизвестно[3]. В этом почти полная аналогия с «государством» Само, о котором писалось выше.

Ограниченность и нечеткость источников оставляет место для множества интерпретаций. Существует и вариант северной локализации каганата, с центром в Старой Ладоге [Мачинский]. Недавно эта идея была развернута в концепцию существования Русского каганата, созданного норманнами в крайней северной точке пути от хазар на Балтику. Название, не свойственное Северной Европе, объясняется амбициями правителей данного образования в контроле над регионом. Прекратилось его существование ближе к концу IX в. под нажимом продвигавшихся с юга славян [Цукерман; см. также Макаров, с. 456].

[1] Подборку соответствующей аргументации можно найти у польского археолога Владислава Дучко [Duczko, S.104–110].

[2] Обзор историографии данной проблемы, а также анализ концепции Галкиной см. [Жих].

[3] Впрочем, локализация и хронология этого образования Седовым также встретила возражения [Перухин, 2006, с. 163; Пузанов, 2007, с. 192].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Данная интерпретация также имеет право на существование, но и она весьма умозрительна. Особенно объяснение принятия далекого от Северной Европы титула – *каган* (*хакан*). Все же южная локализация выглядит убедительнее. Ее обосновывает еще одни автор [Семенов, 2010а], отождествивший Русский каганат с гипотетической *Аскольдовой Русью*. Специалист по археологии Южной Руси, в том числе и Киева, П.П. Толочко подчеркивает, что концепция раннего возникновения Северной Руси связана или с недооценкой данных о поселениях на территории Киева в IX–X вв., в том числе у французского историка К. Цукермана, или нынешней политической конъюнктурой: стремлением искать изначальную Русь вне современной Украины [Толочко, 2013, с. 5–8, 38–59].

Наиболее развернутое исследование Русского каганата предприняла Галкина. Она, вслед за Кузьминым, выдвинула идею о том, что Русский каганат был создан ираноязычным населением, занимавшим восточную часть Северного Причерноморья – донские степи на рубеже VIII–IX вв., объединенным в археологическую салтовскую культуру. К середине IX в. это образование было разгромлено располагавшимся южнее *Хазарским каганатом* и вошло в его состав [Галкина].

В рамках задач данного раздела – рассмотрения раннесредневековой истории Восточной Европы как процесса становления государственности – очевидно, нет необходимости анализировать суть концепций Русского каганата, обоснованность его локализаций, как, впрочем, и ставшие уже традиционными воззрения норманистов и автохтонистов и их полемику. Тем не менее отметим, что идея Галкиной об иранском происхождении *русской* знати, хотя и экзотичнее скандинавских версий, но выглядит вполне допустимо. Автор исходит и из аналогии с болгарами, чья элита тоже первоначально была для славян иноэтничной – тюркской и приводит аргументы совместного существования славян левобережья Среднего Днепра и салтовцев (русов-иранцев по Галкиной). Находимый антропологами иранский субстрат у антов она вполне логично рассматривает как результат смешанных браков. В материальной культуре салтовцев она констатирует явные следы предгосударственных структур с начала IX в. в виде: местных подражаний дирхемам (своя монетная система?) и хорошо укрепленных городищ в бассейне Дона, разгромленных хазарами ближе к середине IX в. [Галкина, с. 180–228].

Конечно, многие аргументы выглядят умозрительными и ничем не доказываются: уход части русов-иранцев в Юго-Восточную Прибалтику, аланская (иранская) принадлежность князей Игоря и Олега…, но вывод о том, что «*в середине X в. слова “род русский“ носили уже не этническую, а социальную окраску*» [Галкина, с. 210], с учетом аналогии с бол-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гарами вполне допустим. Впрочем, в таких представлениях ощутимо влияние учителя Галкиной, Кузьмина, вслед за которым она причисляет Рюриковичей к к западнопоморским славянам – ободритам [Галкина, с. 213][1]. Допускает Галкина и явные ошибки. Так, например, для аргументации миграции славян из Среднего Подунавья на Днепр, она приводит слова летописца, что радимичи и вятичи – от ляхов, тогда как в летописи «от ляхов» – дреговичи! А «от ляхов», к тому же – не с Дуная, а с Вислы. Впрочем, в обширном исследовании с использованием разных по характеру источников – от лингвистики, антропологии и археологии до исторических, причем разноязычных ошибки вполне возможны.

Заключает свою монографию Галкина выводами о политогенезе *Русского каганата*. Она констатирует, что в конце VIII – начале IX в. в данном образовании, в процессе подчинения местного населения *русы* формируют новую форму власти [Галкина, с. 226]. Затем, создав потестарное сообщество, они ассимилируются славянами, более многочисленными и оседлыми, носителями более высокой материальной культуры, по аналогии с болгарами. Здесь, почему то, автор приводит в качестве аналогии пример венгров. Хотя у них произошел противоположный процесс: пришлые кочевники ассимилировали крайне малочисленное аборигенное славянское население; а где последних было больше – там они полностью сохранили свою идентичность – словаки. Окончательная ассимиляция пришлой элиты – *русов* – произошла, по Галкиной, в середине X в. [Галкина, с. 228].

Здесь не лишне будет заметить, что при иной интерпретации *русов*, Горский присоединился к идее, ранее высказанной американским историком украинского происхождения О. Прицаком, о том, что Русский каганат обязан своим возникновением родственнику хазарского кагана, бежавшему из Хазарии в ходе разразившейся там политической смуты [Горский, 2004, с. 55–59].

Заканчивая о Русском каганате, следует, представляется, признать его весьма нечетким образованием, с названием, известным только у восточных авторов [Толочко, 2004, с. 50]. Как это сообщество само себя воспринимало, мы не знаем. Но важно, что оно сложилось на бу-

[1] Взгляды А.Г. Кузьмина, подробно изложенные им в многочисленных статьях и книгах, в том числе и популярных, не получили широкой поддержки у других специалистов по проблемам происхождения Руси. Его упрекали в произвольных интерпретациях и трактовках, часто весьма остроумных, но недостаточно аргументированных, оторванных от источников [http://polit.ru/article/2012/…]. Впрочем, малочисленность и нечеткость самих источников по данной проблеме общеизвестна, что и порождает бурную полемику уже более 200 лет. Что касается родства первых князей со степняками, то, по крайней мере, известно, что оттуда нередко были их жены, как, в частности, у Игоря [См., напр., http://polit.ru/analytics/2010...].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дущих древнерусских землях в процессе формирования у восточных славян потестарного общества.

Примечательна в этой связи роль не гипотетического, а вполне реально существовавшего *Хазарского каганата*. Политический характер этого образования также нечеток. Нет данных о социальной структуре, нет такого важного для государственности признака, как юридические акты, судебники, нет свидетельств о разделении труда и наличия городов [Флеров, с. 198–225]. Но некоторые раннегосударственные признаки в нем присутствуют: наследственный правящий род, наличие должностных лиц, живших за счет редистрибуции [Калинина; Семенов, 2010а]. То есть, Хазарию можно считать развитым, сложным вождеством. Роль этого каганата в дальнейшей социально-политической истории Среднего Поднепровья состояла в том, что он стимулировал и военной угрозой, и примером, и, по Галкиной, частично своими воинами переход *днепровских славян* на более высокую стадию общественной организации, характерный признак которой – наличие не связанной с племенными структурами дружины. В ответ на вызов (по Тойнби) со стороны хазар восточные славяне региона подчинились внеплеменной и разноэтничной корпорации, которая собирая дань, давала кормящему ее населению некие гарантии безопасности.

Оценивая ситуацию, интересно сравнить рассматриваемую на Днепре в конце VIII – первой половине IX в. обстановку с самым ранним из известных у славян надплеменным образованием – рассмотренным ранее «княжеством» Само, тоже вожеством, но недооформившимся и не пережившим своего создателя. Очевидно, в случае с Само население входивших в него племен еще не было готово уступить свои права и свободы внешней, пусть и дружественной силе. Ибо, как известно, конфронтация с аварами разрешилась их объединением с дунайскими славянами против Византии. Да и сами авары были еще слабо организованы, не то, что хазары. В ситуации же Северного Причерноморья Хазария в военно-политическом, как и в хозяйственном и культурном отношениях находилась на значительно более высоком уровне, чем авары столетием раньше в Средней Европе. Отсюда и днепровские славяне для противостояния должны были выработать более действенную организацию. В итоге Хазария вполне могла стать тем раздражителем, который ускорил социально-политические преобразования у восточной ветви славян, причем в большей степени, чем иные факторы.

Таким образом, и по Галкиной, и по Горскому, а также и другим сторонникам концепции формирования с конца VIII в. на Среднем Днепре неславянской по происхождению военной верхушки, мы видим начало перехода от родовой организации к предгосударственной – вождеству. Космополитичная дружина уже не отторгалась, что способствовало

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

оседанию здесь чуть позднее и норманнов, привлеченных возможностями днепровского торгового пути.

Полемике о месте и роли норманнов (варягов) в процессе становления государственности у восточных славян уже более 200 лет и конца ей не видно[1]. Каждая эпоха порождает новые аргументы как среди тех, кто отрицает их роль в истории Руси, так и среди тех, кто видит доказательства их участия в древнерусском политогенезе. Среди антинорманистов, особенно в постсоветское время, широкое распространение получили идеи, отстаивавшиеся в XIX в. С.А. Гедеоновым, а теперь А.Н. Сахаровым, А.Г. Кузьминым и его некоторыми учениками [Кузьмин, с. 187–242; Меркулов; Фомин]. Эти исследователи не отрицают роли варягов в становлении Руси, но доказывают, что они, в том числе и Рюрик, происходят из полабских или поморских славян[2]. Поиск истины в этой полемике не входит в наши задачи. Но, как и в дискуссии о происхождении славян, длительность спора о норманнах на Руси и наличие научных аргументов у каждой из сторон демонстрирует, прежде всего, ограниченность и нечеткость источников[3]. Разумеется, речь идет лишь о научных аргументах, а не о псевдонаучной публицистике, в которой сильно ощутим политический подтекст с национальной составляющей. Последнее, кстати, нередко делает даже многих ученых глухими к доводам оппонентов.

В качестве некоего курьеза, но весьма характерного для современных публикаций по истории и относящегося к рассматриваемой проблематике, можно привести недавно изданную книгу о «хане Рюрике» [Пензев]. Книга производит впечатление научной[4]. Автор использует многие источники. Но при внимательном рассмотрении в ней вполне обоснованные суждения перемешаны с вопиющим дилетантизмом, на что хотелось бы обратить внимание. Ибо внешне книга вполне респектабельна, что может вводить в заблуждение читателя, не владеющего методами исторического исследования, коих среди любителей истори-

[1] Среди обзоров современных подходов в данной полемике см. [Клейн, 2009; Горский, 2010, с. 26–29; Соколов]. Анализ нынешнего российского общественного сознания показывает, что и в нем, а не только среди историков, уже присутствует признание участия норманнов в создании древнерусского государства [Каратовская].

[2] Острая, но вполне научно обоснованная критика антинорманизма Кузьмина недавно была представлена Д. Каштановым [http://polit.ru/article/2012/05/28…]. Упрекает Кузьмина и вообще антинорманистов в политизированности и резкости полемики А.С. Королев, одновременно обративший внимание и на обоснованность некоторых их суждений [Королев].

[3] Показательно, что недавний подробный разбор всех имеющихся данных и основанных на них суждений о происхождении Рюрика в очередной раз продемонстрировал нерешаемость вопроса [Данилевский, 2012; Пчелов].

[4] Автор, как любезно сообщает интернет, «*альтернативный писатель-историк, известный своими гипотезами, основанными на достоверных исторических фактах. Последователь Льва Гумилёва*». Образование – морской инженер. Книга, о которой пойдет речь – последняя по времени его работа [http://www.livelib.ru…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ческого чтива, наверное, поболей, чем профессионалов. Это же, естественно, относится и к начинающим историкам-студентам.

Начало книги вполне укладывается в нынешние представления. Норманнов автор определяет как «*военно-торговый слой…, военно-торговую корпорацию или сумму военно-торговых корпораций, действующих преимущественно в районе Балтийского моря*», подчеркивая, что «*термин "норманны", равно как и термины "варяги" и "викинги" не имеет определенного этнического содержания и наполнения*» При этом замечает: «*Вряд ли викинги могли стать основанием какой-ибо общественной организации. По своей сущности они антисистемны, как и всякие люди с уголовными наклонностями*». И потому не были способны создавать русское государство. Русы, в отличие от славян, не являлись этносом, а были совокупностью разбойно-торговых ватаг среди славян, «*совр. "братва"*». И далее: «*Наиболее обосновано будет утверждение о том, что норманны… это русы, а по этническому составу – венгры, печенеги, хазары и славяне*» [Пензев, с. 23–26, 47–49]. В другом месте: «*В составе русов могли быть и скандинавы, и евреи, и тюрки*» [Пензев, с. 86]. Это мнение и умеренных антироманистов, таких как бывший директор Института российской истории РАН, вышеупомянутый проф. Сахаров, и многих из тех, кто считает роль норманнов в создании Руси доказанной, и Галкиной со сторонниками, включающих в понятие «варяги» всяких искателей приключений, притянутых возможностями пути «Из Варяг в Греки». Аргументы, правда, Пензев приводит, опираясь на здравый смысл читателей, что не является научным доказательством, но для любителей приемлемо.

Но уже здесь появляются вкрапления далеких от обоснованности утверждений, вроде того, что *пикты* (часть британских кельтов) – выходцы из Скифии. Аргументы – в духе фантазий математика Фоменко. Лингвистические сопоставления, приведенные автором, неубедительны: он сравнивает некоторые английские слова с русскими, подчеркивая их схожее звучание [Пензев, с. 59]. Но те же совпадения есть и в немецком, шведском, а если брать еще и польский с чешским…?[1] В таком же духе автор комментирует используемые средневековые тексты [Пензев, с. 63]. Описание XI в.

[1] Об опасности любительских сопоставлений в лингвистике убедительно говорил академик А.А. Зализняк [http://polit.ru/news/2010…] и ехидно написал главный редактор портала Полит.Ру А. Левкин, касаясь подобных же «изысканий» известного сатирика Михаила Задорнова: «*Если применить предъявленный метод толкования корней к фамилии ее автора, то результат будет логичен: "Зад" – "ор" – "нов". "Зад" – задница, ор – ; "орать" в смысле кричать, "нов" – новый или что-то такое. В сумме "новая орущая задница"*» [http://razgovornik.3bb.ru…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

он воспринимает буквально, не зная, или не понимая, что тексты того времени часто содержат не столько реальную информацию, сколько сообщают о том, что **должно** быть. Тем более, что тогдашние сочинения чаще всего принадлежали монахам с их склонностью к поучениям.

Далее. Выводы о невозможности масштабной экспансии викингов основаны на современных демографических данных, почерпнутых из Большой Советской энциклопедии и рассуждений Гумилева, полагавшего, что «*в IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше*» [Пензев, с. 71–72][1]. Но ведь в фиордах ни хлеба, ни мяса для растущего населения не было, и оно устремилось и в Нормандию, и в Гренландию, и в Сицилию. Прежде всего это была знать с воинами.

Анализ причин появления Киева как форпоста у порогов обоснован. Автор ссылается на объемный труд Р. Пайпса [Пензев, с. 78–79][2]. Рассуждения о крещении Руси при Аскольде и Дире не лишены логики, но умозрительны [Пензев, с. 145]. Отрыв от достоверно установленных событий чреват искажениями, как при выводе о «корпоративном» перевороте 882 г. в Киеве, свергнувшем существовавшую до того «*демократическую вечевую республику*» [Пензев, с. 146]. Это об обычном для позднеродового общества народном собрании. При этом верное замечание о том, насколько можно доверять «Повести временных лет»? Но ведь другого источника нет [Пензев, с. 147–148]. А «*если филологам дать простор, то они запросто выведут пинг-понг и пингвинов от города Паго-Паго*» [Пензев, с. 154]. Но сам автор, как отмечалось, поступает именно так же.

Впрочем, при чтении книги Пензева часто создается впечатление, что автор просто издевается над стереотипами. Так может

[1] Нельзя забывать, что при многих интересных наблюдениях и догадках, особенно о влиянии природы на человеческое развитие, в конкретных вопросах Гумилев часто был неточен, что породило у многих скепсис при ссылках на него: «*Лев Николаевич Гумилев вырос, несомненно, у великих родителей, но лучше не искать у него ответов ни на какие вопросы*» [http://polit.ru/article/2009/02…]. Один из зарубежных историков просто назвал Гумилева оригиналом – этнографом [Хоскинг, с. 44]. Подробнее и корректнее воззрения Гумилева проанализировал И.Н. Данилевский. Он отметил, что построения Л.Н. Гумилева надо рассматривать не столько как строгую научную теорию, объясняющую исторический процесс, сколько как художественный образ. И заключил «*человеку (даже выдающемуся) свойственно ошибаться, а процесс познания – бесконечен*» [Данилевский, 2001а, с. 337–344].

[2] Нельзя не отметить, что для некоторых специалистов по древнерусской истории Ричард Пайпс – дилетант [Горский, 2010, с. 28]. Хотя, на мой взгляд, это излишне высокомерное суждение. Да, американец больше известен как политолог. Но общее содержание его книги [Пайпс] основано на тонком анализе известных фактов русской истории и, главное, вполне логично и верифицировано ее объясняет.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вся книга – своеобразная пародия на псевдоисториков эпохи постмодернизма? Но нет, в критике норманнской теории автор вполне серьезен, ибо пользуется политическим аргументом. «*Норманнская теория есть, ко всему прочему, дымовая завеса, ложная цель, которую кидают европейцы «дикому» славянскому соседу, чтобы ему было чем занять мозги и чтобы он поменьше заглядывался на благодатные земли, которые когда-то завоевывал. А то мало ли что?*» [Пензев, с. 197]. И тут же – Екатерина славянка из сербов, ибо родилась в Штеттине, который когда то был славянским Щецином (за 900 лет до появления Екатерины), а ее происхождение от *цербских* созвучно с *сербским* [Пензев, с. 206). Помимо прочего, поморский Щецин располагался за полтысячи километров севернее расположения полабских лужичан (лужицких сербов), что, особенно для конца I тыс., существенно. Наиболее серьезная аргументация о происхождении Рюрика и «его команды» и вовсе опирается, в том числе и на такой «солидный» источник, как газета «Литературная Россия» [Пензев, с. 208]. И далее, где выгодно, автор полностью доверяет источнику, где нет – сомневается в достоверности. Так же как и со ссылками на Пайпса, где он писал о Киевской Руси «*как о государстве-корпорации*» [Пензев, с. 226]. Все-таки, пусть Горский и преувеличил, но Пайпс действительно не специалист по русским древностям. Его цель – понять общую логику русской истории.

Можно и дальше выискивать у автора «ляпы». Но дело в другом. Книга написана остроумно, легко читается, много отсылок к современности, что делает ее актуальной и понятной широкому кругу читателей. Но в этом и опасность – много упрощений и искажений. Часты ссылки на оригинальные, больше никем не повторенные, как бы забытые высказывания, на поздние, некритически осмысляемые копии несохранившихся текстов. Однако в том-то и дело, что в истории, где невозможен эксперимент, подтверждающий теорию, поиски истины, повторюсь лежат в серии непротиворечивых фактов и суждений о них. Единичные, пусть и оригинальные идеи остаются лишь казусами и ничего, кроме остроумия их авторов, не подтверждают.

К тому же, выискивая оригинальные суждения, разрушающие, как представляется автору, устоявшиеся исторические взгляды, этот автор не проводит анализа источника: почему, в каких условиях он возник, насколько он достоверен, насколько его автор сведущ, нет ли политической или иной заданности, нет ли присущих той эпохе штампов. Отсюда и *хлипкость* многих построений. В книге много общеизвестных историкам фактов, что делает этот текст как бы адекватным, а его автора грамотным исследователем. Но в том-то и дело, что эти трюизмы Певзнев черпает из справочни-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ков, энциклопедий, а затем дает свои толкования. Научно они слабо обоснованы, как отмечено выше, но внешне приличия соблюдены. Получается, как если бы взять картину известного автора, добавить в ней несколько мазков и назваться соавтором. В итоге картина прошлого, в частности, создания Руси, во многом неясная из-за ограниченности источников, вырисовывается неадекватной нынешнему состоянию знаний.

Конечно, можно не замечать подобной эксплуатации интереса к истории. Но дело не только в популярности жанра. На подобных авторов часто ссылаются в интернет форумах как на доказанные аргументы. К тому же рассмотренная книга – далеко не из худших. Автор все же старается не отрываться от реальности. Но знаний, особенно методики исторического исследования и критичности к себе, не хватает. Хотя такие книги развивают воображение и с соответствующими комментариями они даже полезны, что и побудило меня уделить здесь ей внимание.

Но вернемся к серьезному. С нашей точки зрения, для анализа особенностей политогенеза раннесредневековых восточных славян достаточно признать, что норманны, вслед за хазарами, как показано выше, сыграли определенную консолидирующую роль в становлении древнерусской государственности. Они стали той внешней силой, которая, с одной стороны, выступила посредником во внутренних конфликтах, с другой, что более важно, консолидировала восточнославянское население в борьбе за существование с соседями, в том числе за стратегически важный торговый путь «Из Варяг в Греки», который, собственно, и вскормил новую, этнически разношерстную дружину с ее вождями (князьями). Эти процессы, безусловно, ускорили развитие на Днепре государственности, но, конечно же, не навязали ее, что понятно при сравнении с развитием балтов и финно-угров.

К формированию балтской (литовской) государственности мы обратимся далее. Здесь же заметим, что ее пóзднее (в сравнении со славянами) появление, как и ее отсутствие у финно-угорской общности демонстрирует необходимость внутренней обусловленности государствогенеза. Социальные порядки раннесредневековых финно-угров еще не требовали над- и внеплеменной консолидации, даже несмотря на славянскую колонизацию юго-западной части их земель. В итоге приход славян порождал лишь постепенное их включение в соответствующие политические образования северо-восточных славян, причем не только без создания собственных протогосударственных сообществ, но и даже без следов борьбы за них. У балтов, забегая вперед, все-таки определенная внутренняя обусловленность, в конце концов, созрела, причем именно в условиях развития разного рода контактов (в том чис-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ле и военных, например: Мазовия – пруссы) со славянами, а, затем, конфронтации с Тевтонским орденом.

Горский, сопоставив становление древнерусского государства с западнославянскими, где норманнов точно не было, заключил, что в обоих случаях ядром государственности становились славянские объединения («славинии» по Горскому) с политическими ядрами в виде сильных дружин. Но вот сами дружинники у восточных славян (полян) поначалу были именно норманнами [Горский, 2010, с. 26–36; Горский, 2012а], а дружина называлась *русью* [Петрухин, 2012; Петрухин, Каменецкая; http://polit.ru/article/2012/08...].

Вспомним, Галкина утверждала хазарское происхождение этого слоя. Вероятно, как уже отмечалось, в дружине поначалу могли быть южане, затем появились и пришельцы с севера, что было связано с началом широкой экспансии викингов в VIII–IX вв. (эпоха викингов, см. [Лебедев, 2005, с. 29])[1]. Но если у Горского вывод о присутствии норманнов в Восточной Европе на начальных этапах образования Руси полностью обоснован ссылкой на новейшие археологические изыскания[2], то **его же** общий вывод о том, что Древнерусское государство норманнами не создавалось [Горский, 2010, с. 42], излишне категоричен. Очевидно, имелось в виду, что они не сыграли решающей роли. Но если, что подчеркивает автор, дружина как основа формировавшейся государственности поначалу состояла из варягов, то и роль их в генезисе государства на Руси также надо признавать, пусть и с оговоркой, что эта роль не была решающей. Хотелось бы думать, что такая неточная формулировка известного ученого связана с научно-популярным характером книги и перед нами – нежелательная уступка масскульту, работам типа рассмотренной выше книги Пензева.

В своих рассуждениях о роли варягов в создании древнерусского государства Горский исходит из того, что в самой Скандинавии государственность формировалась позднее, чем на Руси и пришельцы оттуда, следовательно, не могли быть носителями новой политической организации. Поэтому он склоняется к датскому происхождению Рюрика и его дружины, которые могли воспринять, а затем принести на восток Европы влияние их соседей – франкков. Соответственно, те из варягов, которые прибывали непосредственно из северной, шведско-норвежской Скандинавии, у истоков русской государственности не стояли [Горский, 2010, с. 33–36; Горский, 2012а, с. 21–22]. Но, собственно, какая разница. Влияние то было. Пусть не северных, а западных (или это дань антинорманизму?).

[1] Показательно утверждение норвежской исследовательницы, что *викинги* средневековых хроник – не этнос, а морские разбойники, пираты [Stalsberg].

[2] Из новейших публикаций можно добавить [Макаров; Шмидт, 2006].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В целом же, конечно, можно согласиться с тем, что без внутренней обусловленности одними лишь внешними силами, *варягами* в обобщенном смысле, т.е. *пришельцами, чужаками*, государственность не создавалась. Вспомним Само. Там тоже было франкское влияние в лице вождя. Но с его смертью все распалось… Нельзя не привести и пусть более поздний, но, думаю уместный пример из колониальной истории: уход европейских господ породил, особенно в Африке, долгий период политической нестабильности, отчасти не преодоленный и сегодня. Причина – известный африканский *трайбализм* – отсутствие должных внутренних предпосылок для государственности (по сути позднепервобытная клановость, не государства, а вождества).

Теперь **обратимся к социально-политическим процессам внутри восточнославянского сообщества с VIII в.,** когда и письменные, и археологические источники зафиксировали появление внеродовых структур, состоявших из пестрого в этническом отношении слоя воинов, обитавших в отделенных от основного населения хорошо укрепленных поселениях с особым инвентарем в виде оружия, военного снаряжения и богатых, обычно импортных украшений. Если сам факт появления «новой силы», нового социального слоя несомненен, то политическая составляющая – предмет дискуссий.

Прежде всего, где же началось формирование древнерусской государственности? На севере, «*в зоне скандинавской экспансии*» [Пузанов, 2007, с. 192–204; Пузанов, 2009; Пузанов, 2009а]? Или на юге, ибо «*вполне возможно, что эта Русь тождественна Аскольдовой Руси, созданной в земле полян, но, независимо от этого, можно считать бесспорным, что Русский каганат возник несколько раньше рюриковой Руси*» [Семенов, 2010,с. 3]. Те, кто признает наличие этого каганата с политическими атрибутами вождества, исходят из указанного выше более раннего времени его существования.

Но бесспорные признаки новой политической организации, с князьями, военачальниками и фактами наличия дружин для Русского каганата все же весьма гипотетичны. Северный же вариант, пусть и несколько более поздний, обоснован более достоверными источниками. Рискнем предположить, что соседство с Хазарией, как отмечалось выше, дало толчок выделению воинов и формированию их особой организации с возможным обособленным размещением на рассмотренных выше городищах-резиденциях. Но активизировался этот процесс с появлением скандинавов, более организованных, с зафиксированными в источниках предводителями. В Русском же каганате таковые неизвестны, что делает его образованием не столько существовавшим реально, сколько в своей завершенности сконструированным нынешними исследователями, то есть – в кабинетах.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Проблема начального этапа восточнославянской государственности упирается и в отсутствие демографических данных. Попытка сопоставить количество «варягов-руси» с числом франков при их расселении в Галлии [Александров-Деркаченко, с. 201] некорректна[1]. Франков с другими германцами в Галлии V в. демографы насчитали все же полмиллиона (на 6 млн. галло-римлян, т.е. почти 1/10 часть). Если уж сравнивать, то ближе, вероятно, будет сопоставление с вандалами в Северной Африке, которых, считается, прибыло туда не более 10 тыс. (воинов). Число восточных славян в рассматриваемое время тоже неизвестно. Численность всех славян к середине I тыс. (исходя из плотности расположения археологических памятников) оценивается в 2,7–4 млн. Чуть больше, в 4,5 млн оценивается численность населения Восточной Европы к началу II тыс. Но это – не только восточные славяне [Риер, 2006а, с. 67]. Конечно, сопоставить место начальной дружины в демографическом балансе населения конца I тыс. было бы не только интересно, но и важно для понимания ситуации, но такая работа пока не проводилась. Хотя при детальной проработке археологических карт хотя бы некое общее представление можно было бы получить. Но вычислить число дружинников без письменных данных едва ли возможно.

Анализируя развитие дружины, нельзя забывать и об эволюции *институтов власти внутри славянских общин*. В них тоже шли процессы выделения и консолидации собственных верхов – старейшин и их окружения, что известно из этнографических данных. Очевидно, можно согласиться с тем, что формирование правящих элит у восточных славян шло двумя путями. Один – внутриобщинный, другой – связанный с «*установлением контроля над славянскими общинами со стороны особых социальных групп воинов, нередко пришлых, "чужих", известных современникам под именем русов*», которые в VIII–IX вв. оседлали речные пути Восточной Европы [Алимов, 2012]. Первый был типичным в такое переходное время для племен, находившихся в определенной изоляции, не испытавших внешнего давления. Второй был более распространен, ибо обычно население концентрировалось в наиболее благоприятных природных условиях и там быстрее воспроизводилось, то есть росло. Это порождало постоянные столкновения, возрастание роли войн и, соответственно, дружинников. Первый путь рождал медленную социальную эволюцию, при которой переход от первобытности к более развитым формам политической организации мог занимать

[1] Вообще-то статья П. Александрова-Деркаченко посвящалась разбору исторических ошибок одного научного издания, что можно только приветствовать. Но и самому подставляться не следует. Очевидно, у каждого автора должно быть понимание пределов собственной компетентности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

многие столетия и даже тысячелетия, завершаясь нередко завоеванием более продвинутыми народами. Второй путь напрямую выводил к вождеству и государству, т.е. в итоге ускорял социальный прогресс. В своей «варяжской» форме он сложился у восточных славян, причем именно благодаря пути «Из Варяг в Греки»[1].

Этот путь привлекал наиболее подвижную, креативную часть как скандинавов, испытывавших нехватку ресурсов для развития, так, очевидно, и часть местной молодежи у днепровских славян, не желавшей подчиняться косным общинным порядкам[2]. Скандинавские воины, как, вполне вероятно, и их собратья по образу жизни из Хазарии и других южных краев, приобретали жизненный опыт и кругозор в своих перемещениях и поездках, в том числе по торговым делам. Поэтому они и концентрировались на удобном Днепро-Двинско-Балтийском пути. Контакты с Византией и не менее развитыми ближневосточными торгово-политическими центрами способствовали повышению политико-административной «образованности» этого слоя. Поэтому пришлые воины создавали тот стержень, который и превратился в основу будущей восточнославянской государственности.

Нельзя не заметить, что этническая инородность воинского сословия уже в XI в., судя по анализу дружинных погребений, исчезла, благодаря, прежде всего, бракам с местными славянками (искатели приключений, естественно, женщин со своей родины не везли…). Но определенная обособленность, отделенность от местного населения, проживавшего, в своем большинстве, по разбросанным на лесных просторах общинам, сохранялась[3]. Не отсюда ли укоренившаяся впоследствии склонность древнерусских князей к авторитаризму, проявлявшаяся еще до монгольского нашествия, например, в действиях Андрея Боголюбского, сына, кстати, половецкой княжны?

Социальные преобразования у восточных славян уместно связывать и со славянским расселением среди балтов и финно-угров в Верхнем Поднепровье и Подвинье, которое способствовало как консолидации племенных структур, так и «спросу» на «вольных стрелков», перемещавшихся вдоль торговых путей. «*Для контроля новых территорий славянам необходимо было создавать собственные государственные органы власти*» [Дук]. Слово «*государственные*» полоцкий археолог употребил, очевидно, в силу общей инерции. Но, как и у древних гер-

[1] О предпосылках становления этого торгового маршрута см.: [Франклин, Шепард, с. 24 сл.].

[2] Здесь уместно вспомнить о «людях длинной воли» или «свободного состояния», появившихся у монголов в эпоху становления государственности. Из таких вышел и Чингизхан [Риер, 2007, с. 8–9]. Аналогия показательна!

[3] Подробнее это направление развития в России проанализировал Л.С. Васильев [http://www.ng.ru/ideas/2013…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

манцев в процессе расселения по римским провинциям разрушались общинные связи и создавались «варварские королевства» (вождества), так и у славян в аналогичных ситуациях происходили те же процессы.

По наблюдениям Горского, в середине X в. появляются наместники князей в отдельных владениях – *посадники*, что может указывать на возникновение более усложненной системы власти, свидетельствующей о формировании у восточных славян *сложного вождества* [Горский, 2012]. Впрочем, в другой монографии этот же автор называет Русь конца X – начала XII в., то есть до удельного периода (времени раздробленности) *государством* [Горский, 2010, с. 51, 69].

Такая терминологическая вольность, возможно, объясняется непривычностью новых, антропологических подходов с их вниманием к понятиям, за каждым из которых стоят определенной формы политические организации[1]. В российской же историографии понятие *государство* всегда применялось расширительно, ко всем политическим формам послеплеменного времени и даже к племенным союзам – вспомним *Само*, к которому, по привычке, так и просится наименование «государство», «держава», «княжество». Хотя, очевидно, по своей сути оно лишь приближалось к «простому вождеству»; ведь о структуре власти внутри этого объединения ничего неизвестно.

Типичными для предгосударственной структуры – вождества были и способы обеспечения жизненных потребностей дружин и их вождей (князей в традиционном обозначении). Преобладали дани, изъятия да и банальные грабежи, совершавшиеся во время походов по всем направлениям вдоль пути «Из Варяг в Греки». Не последнюю роль играла и работорговля, особенно с мусульманским миром, хорошо знавшим и ценившим живой товар из славянских земель. Рабов этих, при отсутствии в регионе с IX в. иной военной силы, поставляли купцам, естественно, те же самые дружинники [Кузнецов, 2007].

Археологические материалы, хотя также не очень четко, указывают на изменения в IX–X вв., более выразительно – со второй половины IX в., когда вдоль ловатско-днепровского отрезка скандинавско-византийского торгового пути (от Новгорода до Киева) начинают фиксироваться поселения неаграрного характера (торгово-ремесленные и раннегородские – по Н.А. Макарову), а также «*появление особых форм*

[1] Еще более яркий пример – в недавней статье А.Н. Кирпичникова: «*Древнерусское государство поэтапно создавалось с 862 по 882 год*». Имеется в виду правление Рюрика и Олега, в результате чего была создана «*федеративная империя*» (!!! – *Я.Р.*) [Кирпичников, 2012, с. 24]. Об империи далее, но столь четкое определение появления государственности на Руси в статье авторитетного ученого вызывает удивление. Куда точнее о том же написал Н.Ф. Котляр: «*Даже если 882 год не приблизительная, а точная дата прихода Олега в Киев, он знаменовал собой лишь первый шаг на пути создания государства*» [Котляр, 2012а].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

престижного потребления, особых категорий статусных вещей и выделяющихся по своему характеру погребальных памятников, призванных служить знаками властных отношений и особого положения социальной элиты». При этом «*материальные следы выделения знати как особой социальной группы и кристаллизации властных институтов вплоть до середины X в. более заметны на Севере, чем на Юге*». Раньше там началось и формирование торгово-ремесленных центров. В целом же «*урбанизация принимает широкие масштабы лишь в середине – второй половине X в…., не ранее второй четверти X в. появляются захоронения в деревянных камерах – одна из выразительных категорий погребальных памятников, связанных с древнерусской элитой… Важнейшей предпосылкой формирования новых форм политической организации в лесной зоне Восточной Европы послужило расширение сельскохозяйственного производства и экономический подъем сельских областей*», начавшийся, судя по росту числа поселений, в X–XI вв. [Макаров, 2012, с. 449–455]. Этим явлениям способствовало и наступление климатического оптимума, о чем уже шла речь выше.

Археология также свидетельствует о роли скандинавов в рассматриваемых процессах. Если во второй половине IX в. артефакты скандинавского происхождения фиксируются только на севере – от Ладоги до Верхнего Поднепровья, то в X в. они известны во всех «*ключевых точках*» пути «Из Варяг в Греки» [Макаров, 2012, с. 455]. А.П. Толочко вообще категорично утверждает, что «*элита этого Киевского государства была скандинавской. … и археология нам говорит о том же*» [http://polit.ru/article/2014/04/22…]. Другой украинский археолог в капитальном исследовании о мечах викингов, доказывает, что среди норманнов на Руси были не только представители элиты, но и рядовое мужское население [Андрошук]. Эти материалы заставляют усомниться в категоричности утверждения о том, что появление норманнов в Восточной Европе источниками фиксируется лишь весьма приблизительно [Горский, 1999].

Однако Макаров, стараясь остаться над схваткой норманистов с их оппонентами, подчеркивает, что основные социально-политические события разворачивались именно на юге региона в силу демографического фактора: относительно редкого населения на севере и значительно большей его плотности на юге, в очагах более раннего развития земледелия и первоначальной концентрации славян. «*Именно Юг, в его широком географическом понимании, долгое время оставался исходной базой для славянского расселения на Русской равнине*» [Макаров, 2012, с. 455–456], что, собственно, объясняет итоговый восточнославянский характер возникавшего государства.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Время вождеств на Руси, по крайней мере, вдоль пути «Из Варяг в Греки», завершается, судя по исчезновению небольших укрепленных резиденций, в конце X – первой половине XI в. К этому времени обособленность местных князей, возглавлявших племена, удаленные от Днепровского торгового пути, была преодолена [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 73–74, 79–80; Горский, 1999, с. 50; Горский, 1999а; Горский, 2012а; Макаров, с. 458–459]. Определенной вехой на пути к государству было и изменение на Руси правил престолонаследия от младшего сына – к старшему в середине XI в. [Климов, Кабаченко].

К середине X в. относится, по последним археологическим данным, и устойчивое функционирование пути «Из Варяг в Греки» [Пузанов, 2007, с. 194]. Торговля по нему становится регулярной, что также является косвенным указанием формирования государственности в регионе. Тогда же, после трагической истории с древлянским походом Игоря его вдова – Ольга – навела порядок и со сбором даней, что также отразило формирование элементов государственности. «*Экономической основой новой власти становилась постоянно функционирующая система налогообложения*» [Темушев, 2015, с. 89].

То есть процесс перерастания вождеств в более четко структурированные сообщества, с определенными правилами управления и престолонаследия был длительным. Не зря, как отмечалось, даже французское королевство при первых Капетингах (всё те же вторая половина X – начало XII в.) еще строго не соответствовало определению *государства*.

Питерский русист И.Я. Фроянов, исходивший из отсутствия в Киевской Руси классов, не считал ее государством и относил к потестарному обществу [Фроянов, 1991, с. 21]. Показательна реплика одного из лучших ныне знатоков древнерусских письменных источников, московского исследователя И.Н. Данилевского. «*К сожалению, даже характеристика Киевской Руси как потестарного государства, т. е. негосударственного государства, противоречива по своей сути. К тому же она не отвечает на простой и в то же время очень важный вопрос: как же представляли себе это “государство“ его подданные (а заодно и правители)?*» [Данилевский, 1998, с. 168][1].

Справедливый вопрос. И далее «*обитатель Киева, а тем более Новгорода, не говоря уже о других городах и весях Восточной Европы X – начала XII в., был бы несказанно удивлен, если бы вдруг узнал, что он – подданный Древнерусского государства. Во-первых, он вряд ли представлял себе, что такое “государство”. Само это слово появи-*

[1] Подобную же терминологическую неточность допустил и могилевский историк А.Б. Кузнецов, в своей вполне аргументированной статье назвав Древнюю Русь конца IX–X вв. – потестарным государством [Кузнецов, 2011].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лось в источниках лишь в XV в. (один из первых случаев его употребления относится к 1431 г.). Причем значения его сводились к понятиям: "определенная территория, страна, земля, государство" или "правление, царствование; власть государя". Впрочем, и само слово "государь" стало употребляться в современном значении лишь при Иване Грозном… Во-вторых, даже если бы ему объяснили значение этого слова, он все еще оставался бы в неведении относительно того, что означает название государства, в котором он жил. Словосочетания "Древнерусское государство" и "Киевская Русь" для него ничего не значили… Патриотические чувства древнерусского человека были обусловлены прежде всего принадлежностью его к тому, что сегодня называют "малой родиной". Вместе с тем каждый житель Древней Руси… знал, что он живет в Русской земле. Другой вопрос, была ли она для него государством» [Данилевский, 1998, с. 169][1].

Здесь – другая сторона проблемы: попытка проникнуть в тогдашнее миропонимание. Но такой подход уводит от принимаемого современными исследователями полит-антропологического анализа, ибо он основан на иной системе координат, выработанной на основе всех наших современных знаний. Это – вид извне, как бы сверху, а современники исследуемой эпохи были внутри ее…

Рассуждая о политическом статусе Киевской Руси, Данилевский приложил к ней основные государствообразующие признаки. Он отметил отсутствие такого необходимого фактора, как четкость границ и неясность пределов компетенции киевских князей, едва ли выходившей за рамки «*"островков" собственно княжеского хозяйства*». И продолжает: «*Можно было… из Киева реально управлять колоссальной территорией, протянувшейся от Ильменя до нижнего течения Днепра*». Признавая, что могут быть разные точки зрения на государственность Киевской Руси, исследователь отмечает, что «*всякий раз, когда тот или иной автор пишет о Древнерусском государстве, ему следует четко определять, что именно он подразумевает под этим словосочетанием*» [Данилевский, 2001, с. 153–156]. Разбирая далее, как источники трактовали самоидентификацию древнерусского населения, автор не находит четкого ответа и на этот вопрос. А в заключение призывает «*провести своеобразную инвентаризацию отечественного (а возможно, и зарубежного) опыта разработки и использования понятийно-категориального аппарата исторических исследований*» [Данилевский, 2001, с. 167].

Показательно восприятие политического статуса Древней Руси не историками при их обращении к тем временам. Например, в по-

[1] Своих великих князей царями они стали называть после падения Константинополя, во второй половине XV в. [Синицына, с. 62].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

знавательной и вполне исторически адекватной передаче о налогах в древнерусское время ее автор, известный российский экономист А.П. Починок говорил о Руси как государстве с упоминаний о русах в IX–X вв. Но переходя к истории создания системы налогообложения, он не мог не признать, что «*на той территории государства как механизма, обеспечивающего права граждан, естественно, не было*». И далее: «*Олег начинает потихонечку создавать систему налогообложения… потому что ему надо платить воинам, ему надо строить вот эти суда, и ему нужно все-таки заниматься построением какого-никакого государства*» [http://echo.msk…]. То есть, обращаясь к конкретике, экономист, да еще побывавший в ранге российского министра по налогам, хорошо чувствовал грань между государством и тем, что ему предшествовало. Но, не вникая, естественно, в «кухню историков», не знает, как назвать это предшествующее состояние.

В данном контексте, очевидно, надо рассматривать и безоговорочное определение Руси второй половины X в. как *государства* в весьма добротном учебном пособии [Петрухин, Раевский, с. 321–331]. Там тоже указано на упорядочение сбора даней Ольгой. Также обращено внимание на то, что при Святославе дружина стала уже не только варяжской, но и славянской, что свидетельствует о консолидации пришлой и местных военных сил. А это тоже – этап создания государственности. В том же ряду – и крещение Руси при Владимире, что означало осознанное стремление элит подняться над прежними традициями и получить сакральный мандат на господство, чего не предоставляли языческие культы, сложившиеся в условиях первобытного равенства.

То есть процесс государствообразования на Руси уже обозначился. Но насколько новые порядки к концу X в. вытеснили старые? Отсюда и вопрос: считать ли государством общество, в котором еще только начинаются соответствующие преобразования, или же отнести это наименование ко времени, когда новые формы становятся ведущими. Теоретически, на мой взгляд, логичнее считать государством следовало бы то, что уже состоялось. Но, как видно, процесс государстообразования столь длительный, с размытыми этапами, что четкие определения часто выглядят неточно, ибо привязываются к конкретному времени и не учитывают динамику исторического развития.

Тем не менее, как и в дискуссии о *феодализме*, определение статуса Древней Руси хотя и имеет некоторый схоластический характер, но важно для понимания основ древнерусского общества как важного составного элемента восточноевропейской цивилизации. Особенно это необходимо при ее сопоставлении с другими локальными цивилизациями того времени. Без чего, в свою очередь, невозможно адекватно

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

оценивать историческое развитие Европы и, шире, место восточноевропейских обществ в современном глобальном мире.

Как бы в ответ на пожелание Данилевского попытку рассмотреть проблему древнерусской государственности в контексте современных подходов предпринял ученик и последователь Фроянова А.Ю. Дворниченко. Киевскую Русь IX–X вв. как этап восточнославянского политогенеза он относит **к компаундным (сложным) вождествам**. Затем, в XI–XII вв. это был конгломерат городских общин во главе с князьями, наподобие древнегреческих полисов, раздробленных, прежде всего, особенностями ландшафта. На Руси мешала объединиться «*мощь общинной организации*», вооруженного народа. Не существовало ни единой древнерусской народности, ни Древнерусского государства. «*Если бы это государство было, его не могли бы уничтожить никакие монголы*». Поскольку после монголов восстанавливать было нечего, «*бывшие волости Киевской Руси послужили строительным материалом для создания двух архаических с европейской точки зрения государств: Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского*» [Дворниченко].

Полисная концепция Древней Руси Фроянова–Дворниченко – особая тема. Она имеет сторонников, но больше – критиков и требует особого разбора[1]. Здесь же хотелось бы отметить, что, по моему мнению, в греческих полисах и древнерусских городах-волостях-округах много внутренних, но принципиальных различий, прежде всего социальных. Древнегреческое общество, как уже отмечалось, опиралось на мелких собственников, породивших известную демократию. На Руси индивидуальная земельная собственность отсутствовала, а была сильна, как и отмечал Дворниченко, община. Аналогии в городской организации – больше внешние. Может надо все-таки оставить полисы их изобретателям – грекам. А по отношению к Руси использовать понятие Ключевского – городовая Русь?... Города эти возникали как очаги контроля над путем «Из Варяг в Греки», о чем уже писалось выше. И управляли в них дружины со своими предводителями, а не мелкие собственники, как в Древней Греции…

Но сомнения Дворниченко в возможности отнесения домонгольской Руси к сложившимся государствам вполне обоснованы. Впрочем, и иные тогдашние европейские страны, как отмечалось, считаются государствами в строгом значении термина весьма условно, с оговорками.

[1] Нельзя не отметить довольно резкую, даже грубую форму полемики в работах Фроянова, не часто встречающуюся в научной литературе. Возможно, это объясняется критикой его работ по методологическим и политическим причинам в 70 – середине 80-х гг. Но концепция Фроянова действительно в свое время подтолкнула русистов к пересмотру многих представлений о древнерусской истории [Шинаков, 2009, с. 38, 316].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

При рассмотренном разбросе мнений об этапах формирования древнерусского государства (представлено здесь далеко не всё), надо вернуться к терминам. На это недавно обратил внимание Крадин, заметивший, что часто исследователи не понимают друг друга, вкладывая в термин *государство* разный смысл. Сам он исходит из представления **о государстве как особой форме управления сложного общества специальным аппаратом власти – бюрократией**. Справедливо при этом замечая, что формирование государства «*проще представить как теоретическую модель, но трудно зафиксировать на конкретных исторических примерах*». Ибо история совершается непрерывно, а исследователи фиксируют лишь отдельные опорные вехи. «*При этом какие-то компоненты могут меняться быстро, какие-то медленно, какие-то стороны жизни являют результат внутренней трансформации, другие подвержены внешним воздействиям и диффузии…*». Поэтому и возникли концепции, в которых выделяются промежуточные фазы, такие как предгосударство (протогосударство, чифдом, вождество), «*раннее государство с зачатками аппарата власти, но без частной собственности (…варварское или сословное государство)*», «*сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью…*». Далее он выделяет шесть признаков раннего государства, подчеркивая появление в нем специального административно-судебного аппарата и письменных кодексов. Приложив выработанную схему к Древней Руси, исследователь отмечает, что дружина, хотя и «*стала кузницей кадров древнерусской государственности*», но самих «*дружинников нельзя рассматривать как полноценный аппарат управления*», ибо «*они исполняли поставленные задачи по мере необходимости и от случая к случаю (все таки чиновник и офицер это не одно и тоже)*». И отсюда следует вывод, что «*полный набор признаков раннего государства появляется только в XI в.*» (подчеркнуто мной. – *Я.Р.*) [Крадин, 2012].

Столь подробное изложение небольшой статьи с обширными цитатами отражает, на мой взгляд, предельно емкий анализ проблемы именно в полит-антропологическом контексте, чем, собственно, и известен автор. Но некоторые комментарии все же, рискну представить, ибо Крадин, как специалист, прежде всего по кочевому Востоку, не заметил некоторых особенностей европейской истории.

Речь идет о *частной собственности*, отсутствие или наличие которой он включил в системообразующие признаки государственности. В связи с этим хотелось бы вернуться к началу статьи Крадина, где он призывал определяться с терминами. Что понимать под *частной собственностью*? Безусловной она стала в античном мире и вернулась при становлении капитализма, как его один из фундаментальных

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

признаков. В средние века она была очень даже условной, то есть ограниченной системой обязательств при сеньориальном феодализме Запада и весьма неопределенной, гарантированной лишь волей правителя – на Востоке.

При этом у германцев собственность, как писалось выше, вытекала из аллодиальных прав, дополненных в варварских королевствах римскими юридическими нормами. Но уже в Восточной Европе, у славян, а уж тем более на классическом Востоке подобных традиций и отношений к собственности не было вплоть до прихода туда буржуазного права. Там сложилась другая система, в которой собственность соединялась с верховной властью первых лиц – правителей. Если считать оба варианта собственности единой формой, тогда Крадин в своем подходе прав. Но, думается, учитывая разные результаты развития Запада и Востока, речь надо вести, все-таки, о различных формах собственности: западная гарантировала индивидуальное развитие, восточная его подавляла. Однако государства на Востоке существовали, причем с более ранней поры, чем в Европе. Ибо общая собственность формировалась уже при родовом строе и из него перетекала в патриархальную собственность ранних правителей при отсутствии прав рядового населения, что и породило, собственно, специфическую собственность Востока, которую частной не назовешь.

Итак, в «чистом виде» *частная собственность* появилась лишь в одном случае – в античном мире, а, значит, не была всеобщей формой государствогенеза, и, следовательно, не может включаться в ряд общих признаков формирования государственности. А вот замечания Крадина о роли и месте дружины не только обоснованы, но и остроумны (в сравнении чиновника с офицером)[1]. Отсюда и справедлив его вывод о хронологии ранней древнерусской государственности. Здесь, как видим, этот вывод вполне встраивается в общую схему истории Руси.

Сжатую, но внутренне логичную концепцию формирования предгосударственной организации вдоль пути «Из Варяг в Греки» недавно представила Е.А. Мельникова. Она оправданно поместила рассматриваемые процессы в контекст социально-политических преобразований последней трети I тыс., напомнив о созданном викингами торгово-военном сообществе, которое (по Лебедеву) охватило «*всю северную периферию Европы от северо-западной Франции и Англии на западе до Средней Волги на востоке*». Именно это образование, активность которого породила торговые связи Северной Европы с Ближним Востоком, наложило серьезный отпечаток на формирование древнерусской

[1] Это сравнение актуально, кстати, не только для далекой предгосударственной поры: в истории немного примеров удачного администрирования военных. Разве только в периоды внешней опасности…

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

государственности. Торговая деятельность викингов привела их в Ладогу и на Днепр, вплоть до Киева, как опорного пункта «*для плаваний в Византию*». Потребность в организации торговли способствовала усилению *полиэтничной* дружины (в которой скандинавы составляли не слишком большую часть). Содержание этой дружины, в том числе и за счет местного населения сформировало предгосударственные структуры – вождества (*вождийства* в переводе Мельниковой) [Мельникова, 1995; Мельникова, 2012а]. При этом, основываясь на привлекаемых источниках, автор присоединяется к тем, кто ведет отсчет вождеств в Восточной Европе, от севера Руси (от Ладоги и Рюрикова городища в Новгороде) и, как бы между делом, соглашается с теми, кто называет это образование Русским каганатом, не придавая этому, очевидно, существенного значения.

Учитывая ведущую роль дружины в создании предгосударственных структур, Мельникова, вслед за некоторыми полит-антропологами, назвавшими рассматриваемый тип общественной организации «военным», предлагает более точный, по ее мнению, термин: *дружинное государство* [Мельникова, 1995, с. 22]. Но *государства* то, как такового, если точно следовать полит-антропологической терминологии, еще ведь не было, что делает определение неточным. Еще раз напомню сравнение Крадиным дружинника с чиновником… Вероятно, приложив новые подходы к анализу генезиса государственности, Мельникова еще сохранила и прежние представления, при которых историки «размашисто» относили к государствам все общественные структуры, возникавшие при распаде родовых отношений.

Подчеркивая, что «*особенно темны причины и пути*» зарождения древнерусского государства, Мельникова не считает основной причиной военную активность в регионе и возвращается к незаслуженно отвергнутой в советской историографии торговой теории В.О. Ключевского. И после соответствующего анализа делает вполне обоснованный вывод: «*В жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает <u>предгосударственное образование</u>*» [Мельникова, 1995, с. 23–31]. Подчеркнутое нами заключительное определение, в отличие от предложенного в той же статье «дружинного государства», намного точнее определяет характер тогдашнего общества.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Значение международной торговли в возникновении Руси подчеркивает Макаров, присоединяясь к некоторым современным зарубежным русистам: «*В качестве основного объединительного начала здесь выступают не потребности внутреннего экономического роста, не культурное единство восточного славянства и даже не военная сила дружинной знати, а сеть возникших на трансъевропейских торговых путях поселений, спаянная общими экономическими интересами, но развивавшаяся без органической внутренней связи с местной средой*» [Макаров, 2012а, с. 19]. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что данный вывод сделан археологом, привыкшим опираться, прежде всего, на реальные артефакты и, следовательно, менее ангажированным традиционными воззрениями, чем историки, опивающиеся на нарратив[1].

Также, основываясь на археологических наблюдениях, среди факторов, способствовавших развитию древнерусского общества, Макаров указывал на окультуривание ландшафтов в процессе сельскохозяйственного развития [Макаров, 2012а, с. 20]. На это же, а именно на роль распространения с IX в. озимой ржи, что способствовало обособлению знати и, затем, горожан, обратил внимание и историк Древней Руси А.Н. Поляков, отметивший при этом и роль международной торговли в генезисе древнерусской государственности [Поляков, 2005, с. 86–87]. Но в концепции Полякова эта роль была второстепенной, ибо он рассмотрел историю Руси как процесс создания особой цивилизации, потому основной счел именно внутреннюю причину[2].

Попытку анализа становления древнерусской государственности в IX – середине XI в. в контексте общих процессов генезиса государств в Северной, Центральной Европе и на Балканах, в сочетании с влиянием степи предпринял специалист по археологии Древней Руси Е.А. Шинаков. Он обратил внимание на сочетание множества форм (моделей), или путей, смешавшихся в формировании Руси.

Восточная Европа IX в., замечает автор, – конгломерат разноуровневых и разнотипологических протогосударственных образований. Отсюда споры о древнерусской государственности IX–X вв. Автор выделяет 5–6 зон потестартности (отношение власти и властвования) на этапе вождеств «*с разными уровнями и типами социально-политических порядков («мудрые поляне», «живущие звериным обычаем радимичи, вятичи и северяне»…)*» [Шинаков, 2001; 2009, с. 22, 33, 160]. Важным

[1] Впрочем, бывает по всякому. Вспомним, как увлекался, отрываясь от фактов, такой специалист и в древнерусской истории, и в археологии, как академик Рыбаков: «*Он был не просто патриотом, а несомненно русским националистом или, как сейчас принято формулировать, ультра-патриотом – он был склонен пылко преувеличивать истинные успехи и преимущества русского народа во всём, ставя его выше всех соседних. Он был готов очищать и украшать его историю*» [Клейн, 2004, с. С70].

[2] О «цивилизационных» воззрениях Полякова см. ниже.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

элементом исследования Шинакова является комплексное сопоставление государствогенеза на Руси с аналогичными стадиями становления государств в Скандинавии, у западных славян и болгар [Шинаков, 2009, с. 302–307]. К этой части работы Шинакова мы еще вернемся.

Шинаков также применил термин «дружинное государство», но, в отличие от Мельниковой, отнес его существование ко второй половине X–XI в. [Шинаков, 2009, с. 9–10]. Для этого времени термин более приемлем, ибо на Руси уже формируются раннегосударственные черты. Хотя исследователь признает его неполноту и подчеркивает, что и до отмеченного времени, как и после XI в. были лишь отдельные *элементы дружинной государственности*. И вообще, так как на Руси не было такого законодательного отделения народа от оружия, как в ряде других стран (от Англии до Японии), автор признает неточность данного определения [Шинаков, 2009, с. 18–19]. Кстати, отсутствие на Руси юридически оформленного военно-служилого сословия (так как не существовало индивидуальных прав на землю – в отличие от германского аллода на западе и японских порядков на Дальнем Востоке) затушевало переход от дружинного периода – сложного вождества – к государственности в начале II тыс.

Итак, чем же была Киевская Русь? Для определения ее социально-политического лица желательно отвлечься от ее дискуссионной этнической составляющей. Согласимся, что «*Ранняя Киевская Русь возникла как государство варягов-руси – вне зависимости от того, кого понимать под этим словом – скандинавов-Rootsi (Ruotsi) или западных славян, как некогда считал С.А. Гидеонов*» [Александров-Деркаченко, С. 201].

Представляется, что определенным шагом к трансформации вождества в раннее государство является урбанизация – появление раннегородских центров, в которых формируются новые формы деятельности, выходящие за рамки потребностей первобытного общества, прежде всего, уже отделенные от аграрной жизни ремесленники, торговцы, обслуга вождей.

У чехов такое население, в те же X–XI вв., прослежено близ укрепленных резиденций в так называемых *служебных поселках*. Считается, что оно было зависимым, возможно, происходило из бывших рабов [Bohač, S.153; Snašil, S.340; Štěpánek, S. 211–212]. На поселениях Руси аналогичные по функциям и статусу жители отмечены лишь во второй половине XVI – первой половине XVII в. на Северо-Востоке, в иной обстановке [Флоря, 1987, с. 147; Флоря, 1992].

При сходных формах земельной собственности у западных и восточных славян на рубеже I–II тыс. – господстве коллективного землевладения – отсутствие указанных поселений отражает различия исход-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ных факторов образования государственности. В Восточной Европе первоначально преобладал «внешний» дружинный слой. У западных славян дружины были этнически едины с подчиняемым рядовым населением, ибо создавались, как отмечалось, при конфронтации с внешними силами.

У восточных славян в условиях их довольно свободного расселения, при отсутствии консолидирующих угроз от непосредственных лесных соседей – балтов и финно-угров – государствообразующими оказались торговые пути, функционирование которых и породило новую, внеплеменную организацию управления заинтересованными в торговле пришлыми людьми. Для них все окрестное местное население становилось объектом подчинения, и создавать особые поселения зависимой обслуги им, очевидно, не было особой нужды. Тем более, что торговцами, по сути, эти дружинники были сами, а ремесленными изделиями обеспечивали себя той же торговлей. Отношение к местному населению здесь наглядно продемонстрировал известный эпизод с повторным походом князя Игоря на древлян в 945 г. и его гибелью, что демонстрирует, говоря сегодняшним языком, отношения оккупантов к туземцам[1]. В такой ситуации особые «служебные поселения» были излишни и показательно, что они появились лишь тогда, когда на Руси уже сложилась поместная система в рамках единого этнополитического организма, что проследил с XIV–XV вв. в Подмосковье археолог С.З. Чернов [Чернов].

Возвращаясь к появлению раннегородских центров, отметим, что к таковым нередко относят первые укрепленные поселения на местах будущих городов, и от этих дат отсчитывают их возраст. Но, как уже отмечалось, в IX в. это были лишь резиденции вождей с дружинниками. Город, как известно, многофункциональное поселение, возникавшее после обрастания указанных резиденций ремесленно-торговым слоем и при наличии административно-политических функций [Горский, 1989; Данилова, 1989; Кобрин][2].

---

[1] В определенной степени «*гибель князя Игоря стала знаковой. Она свидетельствовала о необходимости дальнейшей политической интеграции страны... И эти меры жестко проводила Ольга, сделав династию Рюриковичей правящей на Руси*» [Свердлов, 2003, с. 181–183]. И, прежде всего, была упорядочена система сбора даней [Петрухин, Раевский, с. 315, 320], что стало этапом, очередной ступенькой в формировании государственности на Руси.

[2] Нельзя не отметить известную сложность выделения ранних городов из всей массы укрепленных поселений раннего средневековья. Поэтому в литературе, особенно археологической, выработан целый набор городских признаков [Куза, с. 55–70, 164; Платонова; Тимощук, 1988; Тимощук, 1990а, с. 131–138; Риер, 2000, с. 170–172]. Но, при этом, далеко не всегда можно с уверенностью приложить выделенные признаки к конкретному поселению, особенно при ограниченных площадях раскопок и плохой сохранности культурного слоя, что характерно практически для каждого древнего города, если он продолжает функционировать.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Такие центры в Восточной Европе возникали с конца IX в. на пути «Из Варяг в Греки», прежде всего, в местах волоков и пересадок, затем, в X–XII вв., по мере укрепления и экспансии основных держателей Днепровского пути – киевских князей – и в соседних землях [Алексеев, 2006, кн. 2, с. 3–44; Баран, 1998, с. 249–250]. Нельзя отказать в точности Пайпсу: «*Государство* (на Руси. – *Я.Р.*) *не выросло из общества, не было оно ему и навязано сверху. Оно скорее росло рядом с обществом и заглатывало его по кусочку*» [Пайпс, с. 38]. При этом все чаще как основополагающая причина появления Руси как раннего государства вспоминается *торговая теория* Ключевского, повторенная Пайпсом. А.П. Толочко в современной стилистике назвал Киевскую Русь не столько политическим организмом, сколько *торговой кампанией* [http://geno.ru…]. Отсюда – не столь уж существенно, что из норманнов оказало влияние на создание древнерусской государственности лишь то незначительное меньшинство, которое, как окружение Рюрика, несло франкское влияние [Горский, 2010, с. 36–46; Горский, 2012, с. 21–23]. Действовала внутренняя логика: в сходных условиях происходили сходные процессы. Тем более, что, как вполне убедительно заметила Мельникова, викинги на востоке Европы, в ее специфических условиях – разбросанности населения, отсутствия сухопутных дорог и социальной стратификации до конца I тыс. – изначально были ориентированы именно на торговлю [Мельникова, 2012б, с. 26–29].

При этом Киев формировался как центр торговли собираемой данью, в котором княжеская власть выступала в роли контролера и администратора этого процесса [Сагайдак]. В такой системе власть киевских Рюриковичей, возникающую именно через контроль над торговлей вполне можно рассматривать, опять таки в современных терминах, как *крышевание* купцов. Что, отмечает польский исследователь Лешек Слупецкий, типично для раннесредневековых государств в Европе, которые ему напоминают мафию как структуру, обеспечивавшую крестным отцам криминальных семейств большую власть и доходы. Причем мафия – именно в ее изначальном понимании: семья, клан и близкие к ним люди. Основной источник их доходов – чисто криминальный: сбор дани (поборы), похищение людей и торговля ими (рабами, военнопленными), грабеж соотечественников и чужеземцев. По мнению Слупецкого, такая система возникла под влиянием развращенных позднеримской загнивавшей империей германских воинов. Такими были и раннепольское государство первых Пястов, и изначальная Русь [Słupecki].

Думается, что и без позднеантичного влияния внутренние традиции тогдашних варваров были аналогичными. Ибо позволительным считалось все, что идет на пользу родичам и близким друзьям. К осталь-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ным допустимо все, что полезно для собственного выживания[1]. Лишь христианизация и общий рост культуры постепенно избавляли людей от такого поведения (да и то далеко не всех, и в наше время тоже). Известный «наезд» Игоря на древлян – яркая иллюстрация бандитизма тогдашних князей, как и реакция Ольги, разобравшейся не по справедливости, а «по понятиям»[2].

По сути – перед нами еще догосударственная система, из которой, однако, по мере усиления князей и нарабатывания административного опыта постепенно складывалась фискальная система ранних варварских государств [Темушев, 2012]. В данном контексте вполне уместно рассматривать авантюристами правивших в Киеве до Олега – Аскольда и Дира [Франклин, Шепард, с. 92]. Впрочем, и первые Рюриковичи был и такими же…

Касаясь политического статуса Руси при первых Рюриковичах, выше определенного как сложное вождество, надо отметить, что оно сохранялось и позднее. Несмотря на христианскую легитимацию власти при Владимире, ее устойчивость еще долго определялась личностями, опиравшимися на племенные и дружинные традиции. Вспомним конфликты между сыновьями Владимира.

Здесь уместно будет обратиться и к определению сущности возникавшего государства, ибо в новейшей российской исторической литературе и публицистике, очевидно, под влиянием политических реалий, в Руси X–XI вв. обнаруживают «**имперские черты**» и от них прослеживают истоки будущей Российской империи [Горин]. Собственно, ответ уже был дан Горским [Горский, 2004, с. 116–121; Горский, 2010, с. 82–89]. Но, коль ведущий исторический журнал России – «Вопросы истории» – вернулся к «империи Рюриковичей», в дополнение к уже опубликованной реплике [Риер, 2012а] проанализируем представленные аргументы. Их автор, кандидат юридических наук А.Г. Горин исходит из того, что распространенное представление о Древнерусском государстве как федерации не соответствует тогдашним реалиям и задается вопросом: «*Но могла ли органически, путем согласительных процедур, вырасти и длительное время существовать федерация такого масштаба с населением в 4,5-5 млн человек в период раннего Средневековья? Кажется, история не знает подобных примеров.* ***Иное дело империя*** [выделено Гориным]. *Имперская форма поли-*

[1] Версия о *варягах – рекетирах* используется и российскими политиками [http://www.ng.ru/politics/2014...].

[2] Этот эпизод может рассматриваться и как пример конфликта внешней военной силы с местной племенной знатью, в которой обычно побеждала возникавшая надплеменная структура. Предполагается, что распространившийся в то время титул *каган* был взят скандинавами у хазар для противопоставления себя местным славянским племенным вождям, именовавшимся в источниках *князьями* [Мельникова, 2010, с. 143–146].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тической интеграции больших пространств – обычное явление и в древности, и в Средние века» [Горин, с. 110].

Представляется, однако, что Горину, как юристу, логичнее было начинать не с признаков «имперскости» Древней Руси, а с анализа самого понятия, которое должно иметь конкретно-историческое звучание. И если бы автор вывел некую четкую формулу, то и ладно – пусть будет империя. Ибо действительно, термин *федерация* для того времени – явная модернизация. Но – размер, разве это признак. Римская республика была побольше, но до начала новой эры ее империей не называют и она ею не была по административно-политическому устройству. Другим признаком Горин называет экспансию [Горин, с. 111]. Но ведь все средневековые государства воевали, причем постоянно, однако не все располагались на окраине тогдашнего культурного мира, как Русь, которой было куда расти. Кстати, на запад, где были достойные соперники, Русь не расширялась. То же относится к Польше и Венгрии, распространявшим свою власть также на более слабых соседей. Автор, ссылаясь на коллег, утверждает: «*Государство, образованное в результате завоеваний, в теории государства и права принято называть империей*» [Горин, с. 111]. Но если это прямолинейное утверждение перенести в древность, то все государства, оставившие память в истории, окажутся империями.

Признаком империи, по Горину, является так же особое ядро (центр). У Каролингов, на которых ссылается Горин, такое ядро было весьма размытым, а при преемниках Карла Великого и вообще рассыпалось... Священная Римская империя ядра вообще не имела, но современники ее таковой называли. Автор выделяет и роль варягов. Но норманны создали и герцогство Нормандию, и Сицилийское королевство, сменили династию в Англии и в Киеве, но нигде не стали именоваться императорами. А если коснуться притязаний киевских князей на титулы [Горин, с. 113], то разве у государей других крупных государств их не было? Но если окружавшие соседи их не признавали, как это было с Болеславом Храбрым в Польше в 1025 г. то и титул не закрепился за потомками такого «самозванца». Княжескую титулатуру подробно, в контексте данного сюжета рассмотрел Горский, отметив, что «императоров» здесь не было. Другие рассуждения на ту же тему [Горин, с. 114] – умозрительны.

Так же нечетко выглядят и рассуждения об империи на Руси у Назаренко. В полемике с А.П. Толочко он выводил идею империи из общих рассуждений тогдашних книжников (из известных нам текстов) о значении и месте высшей политической власти. Но сравнивая с титулатурой Оттона I после битвы 955 г. на р. Лех, которого императором назвал Видукинд, Назаренко приводит лишь Иллариона, именовавшего Ярослава Мудрого каганом и граффити Софийского собора

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

с титулом цезарь [Назаренко, 1999, с. 182]. Но это – лишь гиперболы, подчеркивавшие значимость личностей. Питерский историк русского средневековья А.И. Филюшкин справедливо обратил внимание на опасность некритичного использования единично появлявшихся в источниках титулов (каган в IX–XI вв., великий князь в XI–XII вв.), «*в которых уловить какую-то систему удается не без затруднений. Между тем, соблазн генеральных обобщений на основе скудного материала велик, и не все ученые смогли его избежать. Здесь же требуется максимальная исследовательская осторожность, чтобы не "спрямить" сложную и противоречивую схему развития титулатуры русских правителей, не "вычитать" в ней смыслы, которые титул в ту эпоху еще не содержал*» [Филюшкин, с. 8]. С учетом этого замечания заслуживает внимания анализ применения титулов *каган* и *князь*, предложенный Мельниковой [Мельникова, 2010]. Можно указать и на интересные рассуждения о применении титула *хаган* (каган) у скандинавов, знакомых через торговлю с хазарами [Франклин, Шепард, с. 56–57, 81].

В другой, более поздней статье Назаренко вновь возвращается к «имперскости» при анализе феномена Киева как стольного города, сравнивая Русь с раннесредневековыми государствами Западной Европы, не имевшими столиц, но формировавшие империи [Назаренко, 2009]. Автор прямо не пишет о соответствующем статусе Руси, но призывает обратить внимание на феномен Киева, отличающийся даже от ситуации в соседней Польше, где административный и церковный центры не совпадали. Но ведь и Киев центром оставался недолго, потеряв в XII в. свой статус. То есть Киевская Русь как единое пространство не оформилась, «*находилась в состоянии брожения*» [http://polit.ru/article/2008…].

В целом термин *империя* для тогдашней Руси не является историческим: ни ее жители, ни соседи им не пользовались. Так надо ли множить надуманные сущности? Для рассматриваемой общности их и так достаточно: Древняя Русь, Киевская Русь, Древнерусское государство. И все они небесспорны. Первое из них неопределенно общо; второе – неточно, ведь были и другие центры, причем достаточно самостоятельные; третье в свете теории генезиса государственности – нечетко и хронологически, и типологически…

Возвращаясь **к процессу формирования государственности**, следует особо выделить XI в. – от правления Ярослава Мудрого, когда возникло писаное право – серия «*княжеских* узаконений», кодекс гражданских законов [Франклин, Шепард, с. 315–316], известная как Русская Правда. Она, как и варварские Правды у германцев, отразила становление единых норм во владениях правителя и, очевидно, стремление к унификации административных процедур, что и означало воз-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

никновение новой формы сознания, по крайней мере у правящего слоя, в дальнейшем развивавшейся в т.наз. государственную (т.е. что дóлжно быть для пользы власти). Но это – в дальнейшем.

Первые же варварские Правды были, как известно, прежде всего, записями обычного права. И даже вставляемые в них нововведения осмысливались как обычаи предков, выдавались за них. Иначе могли быть неприняты [Никольский, с. 7–10]. То есть сами первые Судебники, в том числе и Русская Правда, свидетельствовали не столько о наличии государства, сколько о начале его строительства. Показательно, что в постепенно формировавшейся структуре власти на Руси в виде удельных князей (по сути – вассалов) и сюзерена в Киеве сохранялись родовые представления о субординации и самой власти. Как заметил П.П. Толочко, «*Ростислав Мстиславич согласился на предложение князей занять великокняжеский стол при условии, что они будут считать его своим отцом…*» [Толочко, 2011, с. 31]. Впрочем, родовые традиции, сохраненные в семейных образах, были характерны не только для древности и средневековья (вспомним римский и византийский способ передачи власти через усыновление). Формула «отец нации» актуальна и в наше время для относительно архаичных обществ.

Из родовых институтов вырастали и всевозможные советы при князьях, формировавшиеся из их ближайшего дружинного окружения. Определенную веху, фиксировавшую наличие государственных начал, можно видеть в институте летописных *тысяцких*, распространение которых определенно фиксируется с конца XI – начала XII в. В их компетенции «*определенно находилась сфера гражданского судопроизводства в городе и селе*». Выполняли они и высшие, после князя, военные функции, были воеводами, что особо прослеживается во второй половине XII в. [Толочко, 2011, с. 113–119]. В них, таким образом, можно видеть функционально обособленный институт, не связанный с прежними традициями и присущий новой, государственной организации.

Так сложное вождество перерастало в раннее государство. Но, как и везде на данном этапе, ресурсов наиболее активного лидера не хватало для преодоления частных интересов возникавших локальных элит, и после его смерти началась сегментация (раздробленность, удельный период) XII–XIII вв. [Горский, 2007, с. 133 сл.]. Сегментация была заложена той неопределенностью в системе единовластия и наследования, которая, что вполне естественно, существовала в основанных на обычаях законах Ярослава и его наследников (Пространная редакция Русской Правды)[1].

[1] Общее толкование тогдашнего законодательства и его применения, без отвлечений на детали и спорные суждения, можно найти во взгляде со стороны [Франклин, Шепард, с. 355–360].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Местные элиты возвышались по схеме эпохи Ярослава Мудрого и, шире, по общей схеме развития формировавшихся государственных образований (княжеств – королевств) во всей тогдашней Европе. Происходило это на фоне медленного, но неуклонного хозяйственного прогресса, взаимосвязанного с относительной политической стабилизацией в регионах. И там, где у соседей сохранялось хотя бы относительное равенство сил, прогресс распространился и на последующие столетия. В Восточной Европе, граничившей со степью ситуация, как известно, была иной…

Каков же был **социальный характер возникшего государства**. Но, прежде, можно ли говорить о нем в единственном числе? Современные политические реалии на постсоветском пространстве возродили существовавшие и ранее представления о том, что сложившаяся в советской историографии концепция древнерусского единства, с центром в Киеве, противоречит историческим фактам [Моця; Толочко, 2012а]. В этом есть основания, но надо ли вообще спорить об исходном едином центре государственности у восточных славян? И уж тем более вспоминать политически ангажированные определения, вроде «*Древнеукраинского государства*» [Назарова, с. 316].

Создание государства, как уже рассмотрено – процесс многосторонний и длительный. Как показывает история ранних варварских королевств, они редко вырастали из единого и стабильного ядра. Так и Русь. С конца VIII в. на ее будущей территории было несколько центров: и Старая Ладога, затем Новгород, и Полоцк, и Киев. Последний постепенно возвысился, и как первый форпост на пути южного импорта, и в силу, очевидно, большей плотности населения в благодатной лесостепи, и, отсюда, обеспечивавший преобладание ресурсов для местных князей. Географическое положение Киева сделало его и наиболее близким в Восточной Европе к Византии. В XI – начале XII в. именно Киев стал ядром единого политического образования – *Русской земли* [Горский, 2010, с. 47]. Это единство отразилось и в общности материальной и духовной культуры домонгольской Руси, что четко прослеживается по археологическим данным как во многом еще языческого сельского мира (курганы), так и христианского города (обилие типологически единых артефактов) [Риер, 2003, с. 86].

Но уже в XII в. отмечается распад политического единства – возникают (или выходят из повиновения) удельные княжества, чьи лидеры действуют в собственных интересах, с учетом, естественно пожеланий местных элит. «*Наиболее распространено представление об окончательном распаде государства после 1132 года – года смерти киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха*». И появились именно самостоятельные государства, а не уделы. Пока-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

зательно, что территориально они не были связаны с более ранними образованиями IX–X вв. [Горский, 2010, с. 49–51].

Таким образом, с XII в. можно уже вести речь о множественности древнерусских государств. Единство сохранялось в материальной и духовной культуре, что, однако, как известно, никогда не мешало *политической раздробленности* (или *самостоятельности*, как кому больше по душе). То, что почти везде во власти закрепились родственники – Рюриковичи, сути не меняло.

Показательно, что сторонник традиционной точки зрения о древнерусском государственном единстве вплоть до монгольского нашествия, П.П. Толочко, тем не менее, признает наличие «*ржавчины удельного сепаратизма*», отсутствие «*у князей сознания, что все они принадлежат к единому этническому, политическому и церковному пространству…*» и выражает удивление, что в такой ситуации вплоть до прихода монголов еще функционировали княжеские съезды [Толочко, 2011, с. 77–78]. Отражением нараставшей политической самостоятельности отдельных земель – княжеств стало и появление с XII в. дополнительного титула – *великий князь* [Филюшкин, с. 27–40, 239].

Собственно, домонгольская Русь развивалась, как уже отмечалось, в рамках общеевропейских политических процессов: от ранних монархий – вождеств – к дроблению на локальные владения, из которых формировались отдельные ранние феодальные государства, которые в дальнейшем вновь объединялись, чаще всего на этно-географической основе (Англия, Франция, Польша, Чехия, Скандинавские королевства), реже – в рамках случайных военно-политических конгломератов (Сицилийское королевство, королевство Обеих Сицилий, Германская империя…). На Руси же в дальнейшее развитие вмешалось, как известно, монгольское нашествие – сказалось географическое «проклятие» – соседство с агрессивным кочевым миром, от чего была избавлена остальная Европа (кроме Византии, которую также ждала печальная участь быть разгромленной кочевниками, хотя и бывшими – османами).

В итоге, ближайшие к степи древнерусские земли утратили лидерство. На северных лесных просторах постепенно возвысилось Московское княжество. Западные княжества искали союзников против Орды и, в конечном счете, нашли их в молодых и активных литовских князьях. Этот новый этап развития государственности в западной части восточноевропейского региона (междуречье Днестра, Днепра и Западной Двины) рассмотрим позднее.

Здесь же обратимся **к анализу социальных порядков Древней (домонгольской) Руси**, которые определили исторические судьбы региона вплоть до нашего времени. Мне уже доводилось обращаться к данной теме [Риер, 2003, с. 70–85]. Добавлю некоторые дополнительные соображения и аргументы.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Жестко установленная в советской историографии связь между формированием государства с появлением классов и, отсюда, с возникновением феодальных порядков с IX в. (концепция Б.Д. Грекова) вызывала возражения уже со времени своего появления [Юшков, 1925; Юшков, 1939][1]. Ее пересмотр, хотя и в рамках ортодоксального для советской историографии формационного подхода, предпринимался с разных позиций в 60–70-е гг. [Зимин; Черепнин, 1972]. Решительный отказ от сложившегося догматизма предпринял И.Я. Фроянов [Фроянов, 1980], возвратившийся к давним теориям общинно-вечевого строя, городских волостей, городов-государств, аналогии которым нашел в античном полисе [Свердлов, 1992]. Он «*справедливо подвергает сомнению "классовую сущность" государственных отношений и социальных конфликтов в древней Руси, которая постулировалась советской историографией*» [Петрухин, 2006, с. 169].

Но аргументы Фроянова и его учеников о существовании на Руси до XII в. родового строя не нашли широкой поддержки. «*Стремление И.Я. Фроянова обозначить "особый путь" Руси представляет собой, очевидно, реакцию на попытки вписать историю России в европейские схемы, однако удовлетворительной его теорию – единственную на сегодняшний день альтернативную "феодальной модели" – признать нельзя*» [Стефанович, с. 153]. Не соответствует она и археологическим свидетельствам [См., напр., Риер, 1988]. Спорным было и само сопоставление с классическими полисами, что уже отмечалось выше (см. с. 294). Очевидно, сами рамки формационной концепции сузили эвристические возможности подхода Фроянова, ибо требовалось динамично развивавшееся, переходное общество четко «приписать» к определенной социально-экономической ячейке – если не феодализм, то что? А если еще не государство, то значит только родовое общество. Отсюда, вероятно, и обращение к античным структурам, которые тоже, как уже отмечалось, по одному из мнений, были не совсем государствами.

Отход от упрощенной марксистской парадигмы обогатил постоянно ведущиеся среди историков-русистов дискуссии учетом новейших тенденций мировой историографии и позволил по-иному интерпретировать известные факты. Русь X–XI вв. чаще стали называть государством дофеодальным, варварским, позднее, как отмечалось, дружинным. Подчеркивалось отсутствие на Руси основных признаков феодальных порядков – поземельной власти знати. Пока же права князей на землю определялись еще позднеплеменными традициями [Горемыкина, 1991, с. 136–136; Горский, 1982; Горский 1986; Горский, 1999;

[1] Об обстановке, в которой создавалась концепция Грекова см. [Данилевский, 1998, с. 167]. Развитие представлений о *феодализме* и дискуссии о нем в российской и советской историографии представлено: [Горский, 2010, с. 57–66].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Гудавичюс, 1983; Дворниченко, 1988; Данилова, 1994, с. 145, 175–176; Котляр, 1992; Котляр, 1998; Котляр, 1998а; Мельникова, 1992; Мельникова, Петрухин, 1986; Назаренко, 1996, с. 172–176,180; Свердлов, 1992, Свердлов, 1993; Толочко 1992, с. 24–42; Фроянов, 1991; Фроянов, Дворниченко; Хорошкевич].

Продолжив этот ряд определений, я предлагал, учитывая тенденции общественного развития – постепенное формирование и развитие именно феодального уклада как ведущего – данный этап восточнославянской государственности назвать протофеодальным [Риер, 2000, с. 210]. Теперь же, спустя 10 лет, представляется, что в стремлении обязательно дать четкое определение развивавшегося процесса есть отголосок того догматичного истмата, через который прошли все советские историки.

Очевидно, поэтому И.Н. Данилевский для ответа на вопрос «была ли Киевская Русь государством» обратился и к мнениям не скованных известной догмой досоветских российских историков. И пришел к следующему: «*Называть государством Киевскую Русь можно, только при одном условии: если принять "мягкое" определение государства, не настаивая на необходимости для признания его существования наличия четкой классовой структуры общества, единых границ, языка, культуры, этноса, экономического и правового пространства. Остается лишь уточнить, с какого времени существовало такое "негосударственное" государство. Судя по всему, о государстве в полном смысле этого слова речь может идти с того момента, когда не только князь, но и его наместник стали спокойно собирать дань с той или иной территории. А еще точнее – с того момента, когда князь прекратил ездить в полюдье*». К этому добавляется создание единого законодательства, которое началось при Ольге, а закончилось при Ярославе Мудром [Данилевский, 1998, с. 166–169; Климов, 2013].

В приведенных рассуждениях демонстрируется длительность процесса, который сложно уложить в современные терминологические рамки. Отсюда и познавательные возможности представленного выше анализа современных полит-антропологических подходов, которые позволяют избегать жестких определений для переходных обществ.

Итак, с X в. отмечается, сначала спорадическое, затем более заметное усиление княжеской власти. В 1097 г. Любечский съезд закрепил за князьями и боярами права на земли отцов, а незанятые земли переходили под управление князей. В этом уже можно видеть элемент перехода к новой, государственной организации. Но лишь элемент, ибо знать обслуживали еще только жившие по княжеским и боярским селам зависимые люди. Так появились волости (от глагола володети).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Режим Любечского съезда, отметил А.П. Толочко, ввел понятие волости как условного держания. Родовой суверенитет разрушался – возникли земельные держания нового типа – бенефиции, жалуемые пока еще только киевским князем [Толочко, 1992, с. 35–38]. Таким образом, в X–XI вв. началось конструирование новых отношений, постепенно формировавших порядки, называемые теперь феодальными. При этом решения, закрепленные в 1097 г. создавали еще не столько политическую систему, сколько политическую культуру [Франклин, Шепард, с. 397–400], т.е. принципы функционирования этой системы.

В XII в. на основе новых правил формируются самостоятельные, суверенные княжества – земли [Горский, 1992]. Появление в XI–XII вв. индивидуального землевладения феодального типа выдвинуло на первый план вместо всей дружины другую социальную верхушку – земельную аристократию из числа тех же старших дружинников, **бояр** и сумевшей превратиться в них часть старой племенной знати. В течение XII в. многие аристократы заменяются в управленческом аппарате младшими дружинниками и людьми, вообще не связанными с дружиной. В источниках появляются термины – **дворяне**, т.е. люди княжего двора, лично служившие князю и зависимые от него [Котляр, 1998, с. 68–69; Назаров, 1992]. В XI–XII вв. распространение новых, феодальных форм владения и управления отражается и в археологических материалах – активном росте резиденций новой знати [Загарульскі, 1998, с. 167–171; Риер, 1996; Риер, 2000, С. 174–178, 210]. В процессе этого «обояривания» земель (по Л.В. Черепнину) началось, вероятно, и втягивание свободных крестьян-общинников в податные отношения – то есть то, что в марксистской историографии называлось внеэкономическим принуждением и рассматривалось как основной элемент феодальных порядков [Свердлов, 1993].

Следует заметить, что до XI в. прослеживается типологическая близость процессов становления государственности в Скандинавии и на Руси [Мельникова, Петрухин; Шаскольский, 1986]. Аналогично происходил процесс формирования государственности и у западных славян. Это позволило высказать идею о существовании в VIII–XI вв. Балтийской цивилизации [Лебедев, 1999]. Но затем начинают накапливаться отличия, ибо складывавшаяся на Руси система государственного феодализма сдерживала формирование сеньориального слоя, что было характерно для Скандинавии.

Своеобразие княжеского землевладения на Руси, отмечал А.П. Толочко, состояло в том, что оно вырастало из его верховной собственности на всю государственную землю и долго сохраняло с ней связь и преемственность. Правом распределения этих земель обладал Великий князь в Киеве, и частая его смена вела к новому переделу волостей

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

или подтверждению их статуса: волости предоставлялись в держание на короткий срок, и их долго нельзя было превратить в наследственные владения. Домениальные земли князя не обязательно сопрягались с его волостью, и он легко переходил с одного стола (удельного княжения) на другой и на новую волость, ничего не теряя. Следовательно, перемещение князей – это способ государственного регулирования землевладения (от преобладания, заметим, собственности на землю у верховной власти).

Отсюда – «усеченность» отношений сюзеренитета-вассалитета на Руси XI–XIII вв. Но это, по мнению Толочко, не являлось неразвитостью вассальных отношений; здесь они базировались на других отношениях землевладения. Волости раздавались только князьям, которые становились вассалами. Бояре из этой системы исключались до второй половины XII в. Их земельные владения – «села», «жизни» – были безусловными, наследуемыми, т.е. вотчинами. Эти бояре – служилая знать, придворные. В этом – сходство с Византией, где складывание вассальной системы разбивалось о мощную стену бюрократии и центральной власти. Подобная система сдерживала вассально-ленные отношения и в Древней Руси [Толочко, 1992, с. 176–181]. Но на Руси данная форма имела иные причины.

«*Причины отмеченной особости – в указанной выше прочности общины, не ослабевшей в первые века II тыс., как у славян в Центральной Европе под западноевропейским влиянием. Из-за отсутствия аллодиальных традиций князья не могли формировать условные земельные держания для своей администрации. Поэтому и не формировались вассально-ленные отношения. Дружинники, не получая земли, долго не превращались в служилое сословие – дворян и оставались привязанными к княжеским резиденциям. Как следствие, вместо служилого слоя мелких землевладельцев (как на Западе, а позднее, и в центре Европы), княжеская администрация стала формироваться из министериалов – личных рабов знати (холопов). Некоторые общеевропейские традиции – взаимоуважение и взаимообязанности великих и удельных князей, вышедшие из позднеродовых дружинных обычаев, не развились, как на Западе, а подавлялись отсутствием института частной собственности на землю. Но, как было прослежено на примере Центральной Европы, это не препятствовало восприятию основ западной модели. Ибо знать, заинтересованная в земле, стремилась закрепить свою власть над нею, то есть – к частной собственности (естественно, феодальной, то есть условной – на условиях несения службы сюзерену)*» [Риер, 2003, с. 73].

У восточных же славян описанные выше традиции общего землепользования закрепились как бы в генетической памяти еще со времен

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

знакомства их предков с гуннами. И постоянно подпитывались набегами очередной волны степняков (половцами, печенегами, монголами).

А «*именно тогда, когда на Руси установилось господство удельных княжеств (XII – начало XIII в.) и началось оседание на землю не только князей, но и их бояр – на страну обрушилось монгольское иго. Ордынская традиция с дарованием власти конкретному князю прекратила развитие западной системы "сеньор-вассал" и закрепила традицию "государь-подданный". Такие государи-князья ликвидировали возникавшие формы вассалитета (то есть договорных начал и взаимообязательств с нижестоящими) и с XV в. служилый человек – боярин – стал даже не подданным князя, а его холопом. Показательно, что Русь, в отличие от остальной Европы, почти не знала боярских замков. Если в Западной Европе переход к централизации происходил от вассалитета, то на Руси – от министериалов-холопов, что типологически, как отмечалось, было ближе византийской модели, где вертикальные связи тоже преобладали над горизонтальными. Так сложилось из-за отсутствия у бояр четко оформленных (в традиции и законодательстве) прав земельной собственности. Сказалось и то, что в Московской Руси централизация происходила и вызывалась не внутренними предпосылками, а необходимостью борьбы с внешней опасностью, прежде всего – с Ордой. Кстати, это традиционное ощущение угрозы извне и необходимости, несмотря ни на что, иметь сильную державу, отпечаталось в российском менталитете надолго* [Лурье]. *Гипертрофия государственности, свойственная Руси, также сближала ее с Византией, как, впрочем, и с Востоком*» [Риер, 2003, с. 73–74].

Отсюда замедленность процесса феодализации. Переход к зрелым феодальным порядкам на Руси из-за нашествия Батыя и зависимости от Орды оказался весьма протяженным по времени и смещенным в главных формах [Назаров, 1992]. Создание характерных для европейского феодализма вотчинных владений отмечается лишь с XIV в. [Данилова, 1994, с. 183; Юшко, 1997, с. 86]. И даже во второй половине XVI – первой половине XVII в. в Северо-Восточной Руси отмечено «служилое» деревенское население, которое в западнославянских государствах исчезло уже в XII–XIII вв. [Флоря, 1987, с. 147].

Представляется, однако, что специфика русского феодализма связана не только с монгольским игом. Она связана и с тем общинным коллективизмом, который в силу вышерассмотренных, прежде всего природно-географических условий, подавлял и подавил естественную тягу крестьян к частному ведению хозяйства [Милов, 1992; Милов, 1993; Милов, 1998, с. 554–555]. Сказалась и общая разреженность населения, ибо концентрация людей ведет и к интенсификации хозяйственной деятельности,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и к дальнейшей консолидации сознания, что равносильно, подчеркивал французский медиевист П. Шаню, ускорению социализации [Максимов, с. 176]. При невысокой плотности российского населения целостность страны могла существовать только при единстве власти.

Впрочем, идея об особом, государственном феодализме на Руси, в отличие от западного, сеньориального, сформулированная Черепниным, отвергается Горским. Ибо, как замечает последний, ссылаясь на новые исследования, в том числе на упоминавшуюся выше монографию С. Рейнолдс, и в Западной Европе в чистом виде господства сеньорий не было. «*Исследователи западного Средневековья по сути дела обнаруживают черты, которые давно зафиксированы на Руси, и историками-русистами всегда рассматривались как отечественные отклонения от "правильного" феодализма.*» [Горский, 2010, с. 65–66]. Однако, как уже отмечалось, само понятие *феодализма* столь многозначно, что прилагать его к каждой стране надо с оговорками и пояснениями. *«"Феодализм" стал этикеткой, эмблемой других, более глубоких проблем, для изучения которых требуется, на наш взгляд, перемена самой исследовательской точки зрения (от абстрактных теорий к реальности)…»* [Лукин, 2006, с. 145].

Остается вернуться к предложенной широкой трактовке феодализма как системы, при которой такие социальные категории, как *власть* и *собственность* включают *владение землей* и *власть над ее обитателями*, проистекающую из свойственной доиндустриальным обществам роли *земли* как единственной кормилицы. При такой трактовке, заметим, рабовладение становиться лишь одной из форм феодализма с абсолютной властью над населением, непосредственно работающим на земле. Отсюда, кстати, и поиски рабовладения как формации в Древней Руси [Горемыкина], и сравнение российского крепостничества с рабством[1].

В любом случае, со второй половины XI в. на Руси, как отмечалось, появляется княжеское, затем, с начала XII в., боярское и церковное землевладение с зависимыми людьми и даже управителями боярскими хозяйствами [Горский, 2010, с. 70–71; Зимин, с. 143, 234]. А это уже, в принципе, аналогично выделенной в Западной Европе, первоначально у позднекаролингских франков т.наз. *сеньории бана* – тому самому сочетанию земельных прав с властью над подданными, что и есть *феодализм*. В XI в. отмечаются и княжеские пожалования земель дружинникам (села) [Горский, 1984; Горский, 2010, с. 73][2].

[1] В российской историографии это сравнение обычно отвергают [См., напр. Супоницкая]. И напрасно [Риер, 2008б].

[2] О воинах, сидевших "по селам", свидетельствует и появление в XI–XII вв. на сельских кладбищах дружинных погребений [Алешковский, с. 84–85].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Хотя отдельные укрепленные усадьбы появились и до XI в., специфические черты резиденций знати они приобретали, как и на Западе, с установлением феодальной раздробленности. Именно этим, думается, и объясняется пик создания таких городищ-резиденций на Руси в XII в. Археологические материалы свидетельствуют о всеобщности данного процесса в древнерусских землях. Локальные исследования в Среднем и Верхнем Поднепровье, в Подмосковье, Северной Буковине и в некоторых других регионах позволяют проследить ход феодализации детальнее.

Территории, свободные от резиденций – замков в XI–XII вв., очевидно, еще оставались вне процессов феодального подчинения. В то же время в наиболее населенных среднеднепровских землях замки нередко отстояли друг от друга на 5-8 км. Все это свидетельствует о формировании на Руси в XI – первой половине XII в. феодальных порядков с массовым созданием боярского землевладения [Древняя Русь, с. 48; Загорульский, 2004, с. 290; Никольская, с. 92–96; Риер, 2000, с. 174–178]. Те же процессы демонстрируют и письменные источники [Горский, 2010, с. 74–75; Яковенко, с. 18–19].

Началась указанная феодализация в рамках единой политической организации и суверенитета киевских князей над всеми землями складывавшегося государства. Но, как известно, именно процессы укрепления земельных прав знати при естественной в тех условиях слабости центральной власти приводили к политической раздробленности. И с XII в. те же права земельных раздач получают удельные князья, которые, следовательно, обрастают собственным служилым элементом. На Западе их назвали *вассалами*.

К Руси этот термин не подходит из-за нечетко оформленных прав служилой корпорации – не появилась аналогичная западноевропейской процедура вступления в права владения с соответствующей клятвой (оммаж – фуа – инвеститура). Кое-что из этого было, как, например, клятвы дружинников. Но не сложилось четкой юридической процедуры, закрепленной в символике («мир жестов»). Как отмечалось, причина этих отличий на Руси, прежде всего, в отсутствии аллодов, а отсюда – традиций отчуждения земли в частные руки. В итоге служилые, получавшие от князя наделы, в отличие от западных бенефициариев, оказывались как-бы в подвешенном состоянии, как и их собратья на Востоке (кроме Японии, где тоже существовали традиции частной земельной собственности). Сказывалось и отсутствие римского юридического влияния.

Но это – второстепенно. Ибо у германцев благодаря аллоду уже в начале новой эры дружинники и конунги давали друг другу **взаимные** обязательства (что и закрепилось потом в оммаже). На Руси та-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ковой взаимности не было. Оттого здесь не сформировалось рыцарство с четко очерченными правами, которые не мог преступить ни один сюзерен (король, герцог, барон…). На Руси права на землю такой традицией не гарантировались, что не позволяло служилому сословию солидарно выступать против возможного княжеского произвола. Оттого начавшееся «озамкование» на Руси не привело к консолидации и оформлению, повторяю, особого сословия – рыцарей, замки которых становились символами незыблемости их прав на феоды. Петрухин вообще категоричен: «*На Руси не было каменных замков, те немногочисленные укрепленные пункты XI–XII вв., которые в отечественной историографии иногда трактуются как "замки феодалов", скорее всего, представляли собой погосты, центры, куда свозилась дань, подати. Вотчинники предпочитали селиться на своих усадьбах в городах (Б.А. Рыбаков называл их "коллективными замками")*» [Петрухин, 2006, с.168].

Показательно, что указанные резиденции раньше появились и были многочисленнее в западных пределах древнерусских княжеств, связанных некоторыми узами с западнославянскими государствами и венгерским королевством. Здесь нельзя не отметить, что основной строительный материал на Руси – дерево – не способствовал сохранности этих резиденций в дальнейших бурных событиях, в отличие от запада, где многие каменные замки сохранились и доныне. Поэтому укрепленных дворов (деревянных замков) на Руси могло быть и больше, чем теперь выявлено. Но их социальная роль здесь была, несомненно, иной, чем на Западе, в том числе в Польше и Чехии. Впрочем, не только сооружение замков, но и само содержание тяжеловооруженных всадников было на Руси ограничено природными, почвенно-климатическими условиями [Назаров, 2003, с. 52].

Вопрос о частной земельной собственности на Руси требует отдельного рассмотрения. О ней пишут часто. Но как-то нечетко. Например, в своей недавней обобщающей работе о средневековой Руси, написанной с учетом новейших изысканий, Горский буквально на одной странице изложил следующее: «***Сектор частной собственности был представлен селами княжескими и боярскими***. *Князья могли отдавать свои села в кормление, но не боярам, а низшей категории двора «слугам вольным». Такая структура господствовала до середины XIV века. Она представляла собой по сути модификацию той, что существовала в домонгольский период.* ***Частное землевладение было по прежнему распространено мало***. *Консервация государственных форм эксплуатации была вызвана в первую очередь необходимостью выплаты дани в Орду, для чего использовались про-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

веренные механизмы получения государственных доходов (выделено мной. – *Я.Р.*)» [Горский, 2010, с. 77][1].

Дело в том, что в древнерусских источниках прямая связь службы с землевладением не прослеживается. И «*вообще, землевладение сеньориального типа вплоть до XIV в. если и существовало на Руси, то в любом случае не имело первостепенного значения; основные доходы знать в Древней Руси извлекала не из эксплуатации земельных владений (вотчин), а из военной и административной службы князю (т.е. обогащалась военной добычей и доходами от исправления должности – так называемыми кормлениями)*» [Стефанович, с. 151].

Так *какая же собственность* была? Или здесь надо, как в случае с *феодализмом*, разбираться с понятием? Представляется, что в тогдашней Руси, учитывая изначальное отсутствие аллода, была собственность «восточного типа», которая не охранялась той степенью традиционных гарантий, как на Западе[2]. То есть она давалась, но исключительно по воле верховного правителя. И по его же воле могла отбираться. Причем не только в случае нарушения вассальной клятвы, что соблюдалось в Западной Европе, а по произволу, как, кстати, произошло при Иване Грозном с боярскими правами. Так ведь, как отмечалось, и самой взаимной клятвы дарителя и принимающего дар на Руси не было.

Можно ли считать порядки Древней Руси «феодальными», спрашивает Горский? «*Исходя из представления о феодализме, сложившегося в течение XVIII–XIX веков, как о сеньориальном строе с развитой вассально-ленной системой однозначно нет: частная крупная земельная собственность вплоть до XIV столетия была на Руси распространена относительно мало, вассальные отношения носили преимущественно одноступенчатый характер (князь – служилый человек). Но… эта "классическая модель" в действительности не*

[1] С учетом разнообразия применения эпитетов к Руси: *Древняя, Средневековая, Киевская* отметим, что при всей близости они несут разную смысловую нагрузку. «Древняя» и «Киевская» относятся к домонгольскому времени. «Средневековая» охватывает весь период, отведенный для него историками «*от формирования государства "Русь" (IX–X вв.) до конца XV в., когда для обозначения государства, сложившегося на северо-востоке древнерусской территории, начинает употребляться термин "Россия". Эта верхняя граница совпадает с наиболее признанной границей для средневековья Европы в целом. Термин Русь понимается как хороним и этноним, обозначавший все восточнославянские земли и всех восточных славян*» [Средневековая Русь, с. 3–4]. Название *Россия* прижилось в XVI в. вместо *Русь*, а сам термин, как заметил Л.С. Клейн, сформировался в Византии под влиянием библейских упоминаний народа рос [См. http://polit.ru/article/2012/10/23...].

[2] Наличие крестьянских земельных наделов, возможно с правом передачи по наследству, предполагает в подмосковных монастырских хозяйствах с XIV в. московский археолог С.З. Чернов, называя их аллодами [Чернов, с. 32]. Но насколько это было распространено?

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

существовала. В других регионах средневековой Европы наблюдается вплоть до нового времени как раз принципиально сходная с Русью картина…» [Горский, 2010, с. 78–79]. Но «*если перестать настаивать на понимании "феодализма" как исключительно сеньориальной системы с разветвленными вассально-ленными отношениями (т.е. на представлении, сложившемся столетия назад), если относиться к нему как к условному термину, то вполне можно определять такое общество как "феодальное"*» [Горский, 2010, с. 81]. С этим вполне можно согласиться.

Но мнение «*о принципиальном типологическом единстве общественного развития стран Европы в эпоху Средневековья*» [Горский, 2010, с. 81] выглядит, исходя из вышеизложенного, упрощенным. Различия существовали и в крестьянском, и в господском землевладении, особенно в юридических его формах. Не случайно столь существенная разница в хронологии. Ведь и сам Горский пишет: «*Типологическую специфику общественный строй России приобрел после формирования к концу XVI столетия системы крепостного права*» [Горский, 2010, с. 81].

В Западной Европе, вспомним, эта система складывалась (в разных странах) с IX до начала XII в., а в XIV–XV вв. изживалась. Опять же, существование свободных городов на Западе, чего не познала Русь. Новгород и Псков, которые часто считают за таковых и сравнивают с итальянскими городами-государствами [См. напр., Кагарлицкий, с. 90], ими не были. Ибо управлялись не бюргерами (т.е. горожанами), а окрестной земельной аристократией, имевшей свои усадьбы в этих городах[1].

Археолог В.Л. Янин, на основании сведений о том, что богатство венецианских купцов, с которыми нередко сравнивают новгородскую знать, опиралось не только на торговлю, но и на земельные владения (латифундии) в Леванте, высказал мнение о возможности сопоставлять олигархов из обоих городов [Янин, 2004]. Представляется, ученый упустил из виду существенную деталь: венецианские олигархи выросли именно из торговой элиты – пополанов (потомственных горожан, ремесленников, купцов, банкиров); новгородские «политические близнецы» (потому как тоже олигархи) происходили из дружинной

[1] «*В Новгороде вопреки распространенному мнению была не демократия, а феодальная олигархия*», как заметил Н. Бравцев [http://www.diletant.ru...; См. также: http://polit.ru/article/2011...]. Мысль вполне адекватная, хотя и приведена на «дилетантском» сайте. При этом верховной собственности на землю новгородские бояре не имели. Она принадлежала вечу [Андреев, с. 107]. Вече же составляло основу городского управления и стояло над князьями [Горский, 2001а]. То есть верховная собственность на землю Новгородской и Псковской республик была не частной, в отличие от итальянских городов-государств, а корпоративной.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

знати, для которых торговля была не основой жизни, а лишь дополнительным средством обогащения. Ментальность и, отсюда поведение у торговцев и воинов – не только разные, но и противоположные: для воина, тем более знатного целью является власть и владение, для купца – прибыль и выгода. Вспомним дворянское презрение к «торгашам». И, наконец, известно, что дворянское (феодальное) правление везде привело, в итоге, к упадку и было сменено именно буржуазией, в том числе и теми же «торгашами», создавшими более прогрессивную систему – капитализм, обеспечивший ускоренное и более равномерное социальное развитие для широких масс. Но это уже, понятно, иная тема.

В целом, конечно, Русь в XII – первой половине XIII в. социально-политически развивалась, пусть это началось и чуть позднее, чем на западе (из-за демографической разреженности и специфики землепользования), но в том же направлении. Медленное, может, точнее – **неспешное** развитие Руси обуславливалось, как заметил историк Руси В.Т. Пашуто, и неразвитостью социально-экономических отношений тех народов, среди которых расселялись восточные славяне [Свердлов, 1997, с. 126]. Однако <u>именно соседство со степью, от чего была избавлена не только Западная, но и Центральная Европа, изменило здесь направление развития, провернув его на Восток.</u>

Анализируя специфику Руси, уместно будет обратиться к **цивилизационному подходу** к истории. Он оказался весьма плодотворным, особенно в сравнении с формационным догматизмом [См., напр. Риер, 2003]. Но, как и любое популярное понятие, его толкование настолько расширилось, что стало использоваться для обоснования исключительности исторических судеб отдельных народов. Это вызвало резкие возражения сторонников единства исторических процессов, поставившие под сомнения правомерность цивилизационного подхода вообще [Шнирельман, 2009].

В.А. Шнирельман обратил внимание на то, что модное в современной русскоязычной историографии понятие цивилизации взято на вооружение не только консервативными, но реакционными, шовинистически настроенными российскими учеными и публицистами. Понятие локальных цивилизаций, как считает автор, разрушило представление о едином историческом процессе и позволило обосновывать особость и исключительность российской истории, доказывать исключительность и прогрессивность евразийства как желательного пути развития[1].

Уважаемого коллегу, очевидно, впечатлила активная, если не сказать агрессивная проссийская евразийская тусовка, пытающаяся

[1] В абсолютизации «*частного и особенного в историческом развитии*» упрекал сторонников цивилизационного подхода и Свердлов [Свердлов, 2003, с. 656].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

манипуляциями с историей обосновать идеи и практику известного российского мессианства[1]. Но мало ли профанов и политически озабоченных дилетантов крутится вокруг истории. Вообще, в интернетных поисковиках на запрос «цивилизации» чего только не найдешь. Едва ли из-за них правомерно отбрасывать сам цивилизационный подход к анализу исторических процессов и концепции локальных цивилизаций.

Занимаясь средневековьем, использовав цивилизационный подход, я пришел к заключению, что множественность в определении цивилизаций вполне уместна, позволяет «отвязаться» от жестких формулировок, за которые упрекают многих ее сторонников, начиная с А. Тойнби. Явление множественно, амбивалентно. Локальных цивилизаций, или «типов цивилизаций» (И. Кузнецов), или «субцивилизационных моделей» (Г. Померанц) может быть не только много, но много может быть и их определений. «*Методологической ошибкой было бы полагать, что существуют какие-то единственно верные, раз и навсегда данные, абсолютные типологии и возможно лишь их совершенствование, уточнение или ниспровержение*» [http://polit.ru/article/2007…]. И если это признать, то понятие «цивилизации» работает [Риер, 2003; Риер, 2006]. Евразийцев же сколько раз разбирали «по косточкам», в том числе и сам уважаемый автор [Шнирельман, 2002], что вновь возвращаться к той полемике нет нужды [Подробнее см. Риер, 2000(а); Риер, 203, С. 10–11].

Но у критиков концепции локальных цивилизаций есть и иные аргументы. Шнирельман указывает на отсутствие строгого определения понятия «цивилизация» и критериев ее обнаружения. Но в этой неопределенности и заключается эвристическая ценность концепта. Как сложно, многогранно, подвижно человечество в своих многомиллионных проявлениях, так аморфно и само определение цивилизаций. В зависимости от конкретных исторических условий у разных сообществ могут выделяться и переплетаться между собой различные признаки, не обязательно строго соотносимые друг с другом.

Позволю вспомнить свое уже опубликованное определение. **Цивилизации – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей.** При таком подходе в равной степени, в отличие от формационного, сочетаются антропологические (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географи-

[1] Концепт «российская цивилизация» взят и на вооружение в современной российской официальной политике, причем именно в мессианском представлении [http://inosmi.ru/russia/20121212...].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ческая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность, при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними [Риер, 2003, с. 15].

В общем, отказ от цивилизационного подхода представляется неоправданным [Риер, 2012б]. Но, как и в случае с пониманием феодализма, работа с *цивилизациями* требует исследовательской аккуратности. Последнее относится и к применению данного концепта к Древней Руси. Имеется в виду серия статей и монография о древнерусской цивилизации оренбургского историка А.Н. Полякова [Поляков, 2005–2010].

Прежде всего, автор весьма своеобразно подошел к понятию *цивилизация*. И в статьях, и в книге он приводит свое понимание этого понятия как данность, без доказательств. На замечание в одной из моих статей по поводу отсутствия обоснования для применяемого термина, причем выведенного за рамки европейского контекста [Риер, 2006. с. 180], Поляков ответил, «*что в статье о возникновении древнерусской цивилизации… вовсе не делается попытка доказать существование особой цивилизации в Древней Руси. Данная мысль была в ней изначальной установкой и не доказывалась. Древнерусская цивилизация представляется мне частью ныне существующей Русской цивилизации, о чем писали и пишут многие авторы… Что касается признаков цивилизации – в статье они играли роль основных фактов, которые свидетельствуют о динамике и времени зарождения цивилизации у восточных славян*» [Поляков, 2010, с. 6].

Представляется, что автор смешивает понятие *цивилизации как этапа в человеческой истории* (после дикости/первобытности) с понятием *локальные цивилизации*. Если же включать Древнюю Русь в единую Русскую цивилизацию, это будет политически ангажированным упрощением. Очаг зарождения Руси не совпадает с ее нынешним ядром: тогда – Киев, теперь – Москва. Отсюда – название *Русская цивилизация* едва ли будет приемлемо для Украины, да и для Беларуси. Вспомним название книги украинского политика, второго ее президента – Л. Кучмы: «Украина – не Россия» (пусть так думают даже в Украине не все, но это существенно, как и наличие обособившегося государства).

Если понятием *Русская цивилизация* охватывать все восточнославянские земли, как делает далее Поляков, и переносить его в современность, получается оправдание имперских притязаний нынешней России (собирание *исконно русских земель*). И куда тогда отнести полутысячелетнюю историю Великого княжества Литовского с ее иным цивилизационным кодом (западными чертами)? Но ведь и ВКЛ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

именовало себя, в том числе, и *русским* княжеством! Может, исходя из логики автора и его ссылок в дальнейшем тексте на советско-марксистские походы, вернуться к Древней Руси как к «колыбели трех братских народов»? То есть, все таки надо разделять *Древне-* и *Русскую цивилизации*. Ведь в отличие от китайской цивилизации с ее трехтысячелетним географическим, этническим и политическим единообразием, восточные славяне в процессе развития утратили былое единство: и политический центр сместился, и этносы хотя и недалеко, но разделились, и исторические судьбы до ликвидации Речи Посполитой были разными.

Автор ссылается на Н.Я. Данилевского, который сформулировал идею «*Славянского культурно-исторического типа (Русской цивилизации)*», как пишет Поляков [Поляков, 2010, с. 15]. Но знак равенства между этими понятиями поставил Поляков, а не Данилевский[1]. И в дальнейшем тексте автор, постоянно используя термин *цивилизация*, свое общее представление о нем четко не раскрывает вплоть до заключения в своей монографии. Да и там понимание данного понятия не обосновывает критическим анализом существующих точек зрения, как это он делает в своей монографии по конкретным проблемам истории Руси.

Но ведь существует огромная общетеоретическая литературе о *цивилизациях*. Об их феномене пишут диссертации[2]. Нельзя игнорировать и вышедшее в последние годы многотомное обобщающее исследование теории и истории цивилизаций Б.Н. Кузыка и Н.В. Яковца, один из томов которого посвящен именно *восточнославянской цивилизации* [Кузык, Яковец, 2006; Кузык, Яковец, 2008][3]. Представляется, кстати, что вариант названия «восточнославянская цивилизация» для объекта исследования Полякова выглядит исторически корректнее, точнее.

Выше я привел собственное определение локальных цивилизаций.

У Полякова же *цивилизации*, по сути, смешаны с *формациями* [Поляков, 2010, с. 46–53, 445, Рис. Б.2 – Типология цивилизаций]. На первое место у него выходит экономический, производственный фактор и связанные с ними социальные порядки. Не случайно упоминание соответствующих категорий – базиса и надстройки со ссылками на В.И. Ленина и И.В.Сталина [Поляков, 2010, с. 50]. Но ведь оба они – не

[1] Во взглядах Н.Я. Данилевского, как уже отмечалось, далеко не все бесспорно (см. выше, а также [Риер, 2000а]).

[2] Отмечу лишь некоторые из последних, где приведена основная литература [Левченко; Прокофьева; Самусенко].

[3] Важно отметить, авторы опираются не только на российскую, но и на зарубежную литературу.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

историки и, уж тем более, не специалисты в теории цивилизаций. При этом использование зарубежного литературного опыта, в том числе и по истории Древней Руси, в исследовании Полякова не просматривается. В итоге появляется «*феодальная цивилизация*» [Поляков, 2010, с. 51].

Чем такой подход отличается от уже, в общем-то, преодоленного в постсоветской историографии формационного, который, конечно же, имеет право на существование, но не отражает всего богатства исторических процессов, что уже многократно доказано, в том числе и в выше указанной литературе о цивилизациях.

Впрочем, в одном месте своей монографии автор как-то неожиданно при своем подходе к рассматриваемому понятию приводит весьма удачную, емкую формулу – «*Цивилизация – как форма жизнедеятельности*» [Поляков, 2010, с. 36]. Вот и вспомнить бы о биолого-демографических и эколого-географических факторах, лежавших в основе становления и развития всех человеческих сообществ. Но этого нет. А есть «*Цивилизация, которую мы привыкли называть Киевской Русью*» [Поляков, 2010, с. 65]. Да, просто было при господстве «единственно верного учения»: назвал эпоху, например, феодальной и всем советским историкам понятно, о чем речь. Особенно, если можно опереться на основополагающую статью в газете ЦК КПСС «Правде» или в журнале «Коммунист», как было, например, при завершении дискуссии о периодизации русского феодализма. Теперь же автор волен выбирать приемлемую концепцию или разрабатывать свою – но и **обосновывать** ее должен! Сила привычки здесь не аргумент.

В авторском описании цивилизации, как замечено выше, явно просматриваются формационные черты. Например, «*Важнейшим признаком цивилизации является наличие городов*» [Поляков, 2010, с. 72]. Здесь вновь явно смешаны понятия *цивилизации* и *цивилизованности*. И куда в этом случае отнести кочевые сообщества? В доцивилизационную эпоху? С этим едва ли согласятся соответствующие специалисты [См., напр.: Грайворонский, Яскина; Дашковский, Тишкин; Жумангабетов; Крадин, 2001; Крадин, 2006; Крадин, 2007; Скрынникова, 2006; Хазанов, 2000]. Кстати, автору свойственно игнорирование компаративистики, сопоставлений хотя бы с соседями Руси.

Значительное место уделено доказыванию определения времени возникновения древнерусских городов [Поляков, 2010, с. 72–76, 87–99], приводятся многочисленные ссылки на труды историков и археологов. Но эта проблема в целом для Древней Руси уже решена, и, прежде всего, археологами [Древняя Русь…, с. 51–94]. А вот следующее наблюдение, на мой взгляд, заслуживает внимания. «*Русская*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

цивилизация складывается в результате взаимодействия славян с местным населением… При этом господствующей силой были, несомненно, славяне. Славянская культура оказалась, если можно так сказать, сильнее всех остальных, она поглотила и растворила в себе как местные, так и пришлые культурные системы…» [Поляков, 2010, с. 87]. Здесь действительно обращается внимание на специфичность восточнославянской этнической матрицы, довольно органично взаимодействовавшей в процессе расселения с туземными народами. Но дело, думается, не в специфике «*русской цивилизации*», а в особенностях изначального славянского этногенеза, в сложении славянства еще в железном веке из разнородных культур того времени на обширных пространствах от Повисленья на западе до Поднепровья на востоке. Именно гетерогенность происхождения славян, в отличие, например, от территориально обособленных в Скандинавии протогерманцев предотвращала отторжение «других» в процессе славянского расселения, о чем уже писалось выше [См. также Риер, 2011].

Рассматривая вехи развития древнерусской цивилизации автор обращается к концепциям философов А.Я. Флиера и А.С. Ахиезера, которые рассматривают Россию как особую цивилизацию [Поляков, 2010, с. 134]. Поляков, однако, не увидел разницы между *русской* и *российской* цивилизацией. Но она существенна: в первом случае – четкие этнические признаки, во втором, в большей степени – территориальные, что выглядит и точнее, и политкорректнее. У названных авторов вернее проработано и таксонометрическое соотношение терминов. Флиер в рамках *российской цивилизации* выделяет Древнюю, Московскую Русь и т.д. как «субцивилизации». Ахиезер пишет о цивилизационных *моделях*. В обоих случаях видно соотношение категорий, общего и частного. У Полякова же одна цивилизация (древнерусская) входит в состав другой (русской). Но в разных местах текста он повторяет и лаконично завершает в заключении, что «*древнерусская цивилизация не успела достигнуть вершины своего развития. На стадии подъема она была разгромлена монгольскими полчищами, которым не сумела противостоять. Ее развитие было прервано и под влиянием внешних условий пошло совсем по другому пути*» [Поляков, 2010, с. 403]. Значит не было просто вхождения одного общества в другое.

Но есть и иная точка зрения. Философ В.Л. Цимбурский считает, что нельзя говорить о русской цивилизации ни для эпохи Киевской Руси, ни для веков, когда Русь была частью Ордынской системы. Первым фактором становления этой цивилизации был крах Византии и эмансипация русских от Средиземноморья – возникновение идеи

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Третьего Рима. Главным фактором становления русской цивилизации он, и вслед за ним А.И. Филюшкин считают уничтожение Орды и ее обломков, движение русских на восток, к Тихому океану [От Орды к России…, с. 236].

«*Началом русской истории…*, – пишет Поляков, – *является, зарождение древнерусской цивилизации и государства. Явления эти разные, но, тем не менее, предполагавшие друг друга и происходят они фактически одновременно… Становление цивилизации на Руси начинается с конца IX века, длится в течение X-го, и заканчивается в начале XI столетия… (Образование Киева и Русской Земли, строительство первых городов, введение христианства). Главным содержанием… было формирование социального ядра, основ древнерусской политической системы и древнерусской культуры…, распространение цивилизованного (городского) образа жизни*» [Поляков, 2010, с. 135].

О хронологии процесса речь уже шла. Что касается роли городов, то с учетом размера территории и числа первых городов (автор называет Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк и Ладогу, т.е. лишь города на пути «Из Варяг в Греки») едва ли можно утверждать в качестве системообразующего признака «*распространение городского образа жизни*». Не зря этот период далеко не всеми исследователями воспринимается как безоговорочно государственный. Подлинный контроль выделившегося сословия над территорией возникал, как отмечалось в ходе «окняжения» и «обояривания», массового оседания знати на землю, то есть в XII в., что, кстати, отражено у Полякова на графике, обозначившим резкий рост монументального строительства в этом столетии [Поляков, 2010, с. 451, рис. Б.15].

Большое внимание автор уделяет возникновению **социального ядра** древнерусской цивилизации, которое вполне справедливо видит в **боярстве** [Поляков, 2010, с. 117–118). Но связывает все это исключительно с городами, постепенно подводя к полисной концепции Древней Руси. Но он не обратил внимания на такой маркер, как сельские укрепленные поселения – городища-резиденции, о чем я писал еще 1988 г. в контексте изучения времени появления феодального сословия у западных и восточных славян [Риер, 1988]. Впрочем, не заметил той статьи автор, вероятно потому, что не интересовался сравнительными материалами с других территорий – методологическая ошибка многих историков-русистов. Обратный пример – В.Д. Королюк, Б.Н.Флоря и их ученики, то есть специалисты по зарубежной славистике, но изучающие ее в контексте общеславянского и, шире, общеевропейского средневековья.

Далее рассмотрено монгольское нашествие. Надо сразу заметить, что автор придерживается традиционных взглядов на сугубо отрица-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельную роль этого события и справедливо видит в нем причину смены вех в тогдашней русской истории. Он подчеркивает возникшую двуликость княжеской власти на Руси: «*С одной стороны, князь по-прежнему возглавлял городовую волость, с другой – был “служебником“ ордынского хана… На северо-востоке Руси формировалась новая политическая система*» [Поляков, 2010, с. 136].

Вот с этого, заметим, и начинается ***Русская цивилизация***: меняется не только политическая система, меняются и социальные порядки – исчезает ответственность князей перед подданными – та самая корпоративность, создается деспотическая пирамида, в которой нижестоящие бесправны перед вышестоящими, формируется известная в дальнейшей русской истории традиция личного бесправия. Традиция, которую удачно подхватили и развили московские князья, сформировав самодержавную систему.

Тут же автор замечает и ВКЛ, к которому отошла «*значительная часть земель вместе с бывшей столицей Руси*». Она же «*затем, по наследству досталась новому политическому образованию – Речи Посполитой... И каждая часть «некогда единой Киевской Руси стала развиваться независимо друг от друга, каждая своим путем…*» [Поляков, 2010, с. 137]. Здесь сложилась, как известно, другая социально-политическая и экономическая система: продолжилось развитие своеобразной корпоративности правящего сословия, укреплялась самостоятельность и городов, которая уже при Речи Посполитой доросла до самоуправления… Вот и есть цивилизационный раздел, если все процессы укладывать в цивилизационные формы.

Особо автор рассматривает и анализирует социально-политическое устройство Древней Руси и его динамику. Он справедливо отмечает, что общественный строй Киевской Руси нельзя рассматривать «*в рамках марксисткой теории общественно-экономических формаций, ибо на Руси применялись различные типы производственных отношений – рабовладение. Разные виды найма, данничество…, крепостничество*» [Поляков, 2010, с. 210]. Так ведь современная историография уже отошла от прямолинейности формационного подхода, в котором за основу бралась западноевропейская модель развития, лучше изученная и потому долгое время принимавшаяся за классическую. Специфичность Руси и состояла в особенностях ее социально-экономических укладов, которые автор внимательно рассматривает. Здесь можно прокомментировать лишь отдельные детали.

Автор рассматривает социальную структуру дружинников и вообще городских жителей и, на этой основе, особенности общественных порядков Руси. Среди прочего он отмечает, что в городские общины

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

входили и купцы, которые и воевали совместно с боярами, и даже были землевладельцами. Но социальный престиж их был ниже, ибо они занимались «неблагородным» и «неприличным» для свободного человека делом – торговлей, с точки зрения того времени [Поляков, с. 232]. Автор не сравнивает цивилизационные особенности, но в данном случае четко видны отличия от Запада уже в древнерусское время, что, наряду со спецификой поземельных отношений делает понятным легкость поворота к Востоку, совершенного Александром Невским.

Хозяйственной ячейкой Киевской Руси, пишет автор, было село, под которым подразумевался участок освоенной земли с двором хозяина, не обязательно жившего там постоянно, имевшего основной двор в городе [Поляков, 2010, с. 241]. Но так могло быть только в городских окру́гах. А что было дальше, при огромных территориях Руси, куда нога не только князя, но и его дружинника могла не ступать годами? Поляков ссылается на В.В. Седова, проследившего еще в середине 50-х годов прошлого века существование малодворных сельских поселений без следов огороженных дворов, как городах [Поляков, 2010, с. 242]. Таких свидетельств уже накопилось множество [Буров; Никольская; Риер, 2000; Риер, 2010а]. Но у археологов нет данных о принадлежности этих селищ каким-либо владельцам. Требуется наличие письменных данных. Но таковые единичны, а только известных археологам сельских поселений той эпохи насчитываются сотни. И сколько среди них господских сел?

Далее следует показательная фраза: «*Чей бы труд использовали землевладельцы, он не менял характера их отношений между собой и потому не оказывал решающего влияния на формирование типа цивилизации*» [Поляков, 2010, с. 253]. Здесь, как бы автор не маскировал свои воззрения, все равно в основе *цивилизации* он видит *формационные признаки*!

Особо рассматривается социальная структура земледельческого населения. Не вдаваясь в ее анализ, а многие доводы автора весьма убедительны, хотелось бы отметить, что известная нечеткость в древнерусских источниках – признак неустоявшегося состояния, довольно бурного процесса социальных преобразований среди той части населения, которая в силу разных обстоятельств или теряла землю, или ее изначально не имела, или, при ее наличии, не могла себя прокормить. Очевидно, причины разорения земледельцев были разнообразными, так же как права и возможности их господ, что и отражалось в разных формах зависимости. Все это – свидетельство динамичного развития происходивших в домонгольской Руси социальных преобразований. При этом складывались и попеременно менялись местами в качестве

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ведущих и рабовладельческий уклад, и феодальный (поземельная/личная зависимость, или сочетание обеих)[1].

И завершает обширную главу о социально-экономическом развитии следующий вывод. «*Экономический уклад в Киевской Руси базировался на верховной собственности городской общины на землю коллектива совладельцев земли (дружины), основанного на равноправии. Дружина могла состоять как из родственников, так из побратимов и просто товарищей. Этот коллектив гарантировал свободу и права. Производство организовывалось людьми, объединенными родственными, товарищескими или соседскими отношениями. Произведенный продукт попадал не только к владельцу и непосредственному пользователю земли, но и на «общий пир», в дружинную братчину, в которую он входил*» [Поляков, 2010, с. 310]. То есть, перед нами коллективный эксплуататор земли и трудившихся на ней – **«корпоративный» феодал** – почти по Марксу.

Таким образом, заключает автор, «*в основе социальной структуры Руси находились замкнутые социальные группы… все вместе они образовывали крупные социально-экономические и политические объединения – городские общины…*» [Поляков, 2010, с. 310].Эта структура отразилась и во внешнем облике древнерусских городов: *«Основной их чертой была полицентричность, характерная для полисов»*. Все это *«характерно для полисных социальных систем. Это позволяет утверждать, что в Киевской Руси сложился полисный тип цивилизации*» [Поляков, 2010, с. 311]. Но, какая, все же, полисная система представляется. Надо уточнять понятие «полис», ибо в истории известен один полис – античный, породивший и сам термин, о чем уже шла речь выше. Однако все рассмотренное от греческих полисов весьма далеко.

В заключении приводится более полное авторское понимание цивилизации. «*В данном труде была предпринята попытка рассмотреть историю древнерусского общества, опираясь на модель исторического познания, выработанную самим автором. Метод исследования строился на особом понимании смысла цивилизации и типологии, составленной исходя из данного смысла… Основа циви-*

[1] При этом надо учитывать, что и *рабство*, и *крепостничество* – достаточно условные термины, под которыми в разное время понималось разное состояние. Например, западноевропейские крепостные классического средневековья (X–XIII вв.), лично зависимые, но с гарантированными правами на наделы и российские крепостные XVIII – первой половины XIX в., которых можно было продавать без земли – разные явления, хотя в литературе обозначаются одним термином. Очевидно, что для западного общества с известными городскими свободами, не говоря уже о дворянских, имевшиеся ограничения вполне смотрелись как закрепощение. В России же, при подконтрольности всех сословий «крепость» была жестче, касалась не только поземельных прав и свободы передвижения, но самой личности зависимого человека. С западной точки зрения это даже не крепостничество, а *рабство* [Риер, 2000, с. 36–37; Риер, 2008б].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лизации – это единство социально-экономического уклада и базовых ценностей (культурно-экономический базис)», которые *«создают социальную среду обитания, определяют характер связей человека, а характер связей устанавливают поведенческие рамки. Так смыкаются сознание отдельного человека и единство общества»* [Поляков, 2010, с. 391–392).

Здесь хотелось бы заметить, что поскольку о цивилизациях есть масса определений, надо хотя бы на них сослаться и показать, чем они не удовлетворяют автора. В данном же подходе отсутствует, как уже отмечалось, географический фактор, не менее формировавший личность, чем экономика и социальные связи. Да и экономика, еще раз подчеркнем, тоже во многом формировалась природной средой, которая влияла и на поведенческие черты.

Но вернемся к тексту. «*Любая цивилизация представляет собой сложную систему, характерной чертой которой является ярко выраженное социальное расслоение. Ядро системы образуют слои, освобожденные от необходимости заниматься производительным трудом и обладавшими благодаря этому наибольшей степенью свободы. Отношения внутри этого слоя определяют образ цивилизации в целом. На основе культурно-экономического базиса этих отношений можно выделить три основных типа цивилизации, присущих сельскохозяйственному обществу: полисный, вотчинный и феодальный*» [Поляков, 2010, с. 392]. Значит, вотчина понимается вне феодальных структур?

Получается, что *цивилизации* определяются в итоге **политической надстройкой,** складывавшейся в аграрных экономиках. А где здесь постулированная **культура**, в том числе и бытовая, межличностная? Дальше автор смещается в формационную концепцию, по которой общества делятся по типу **организации производства.** Но ведь понятие цивилизации иное, основанное на соединении экономического, социокультурного, географического и биологического.

Далее: «*Киевская Русь – это самобытная цивилизация… первый этап в развитии “русского общества”*» [Поляков, 2010, с. 393]. С этим можно согласиться. Затем: «*История Древней Руси практически не связана с европейской… Характерные ячейки и связи, которые, охватывая только Русь, создавали иной, по сравнению с Европой, социально-экономический уклад... Киевская Русь сложилась на основе ряда восточнославянских территориальных (или племенных) союзов. Ядром… стали поляне, словене, частично, кривичи», а также отдельные финно-угорские племена. «организационную роль сыграли» неясного происхождения русы*» [Поляков, 2010, с. 393]. Здесь Поляков, кстати, сузил набор племен, забыв про древлян, радимичей, дрегови-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чей и т.д., может потому, что они не вошли в состав будущей Московской Руси? Но ведь составной частью Древней Руси они были!

Следующая мысль: «*Русская цивилизация складывается в результате взаимодействия славян с местным населением… и норманнами*» [Поляков, 2010, с. 395]. Весьма корректно продемонстрировано вяряжское влияние, но «запрятано» в общей фразе о расселении на финно-угорских землях. А днепровские балты вообще забыты!

И еще: «*Как политическое целое Русь представляла собой особого рода империю… При этом Киев никогда не был официальной столицей…*» [Поляков, 2010, с. 396]. «*Политическая обособленность волостей была естественным и единственным состоянием Киевской империи*» [Поляков, 2010, с. 401]. Здесь опять без анализа термина в приложении к конкретному явлению. И тогда что это за империя?

В целом же, монография Полякова – итог многопланового исследования, прочитав которую молодой читатель получит весьма полное представление о Древней Руси. Профессиональный историк обретет пищу для размышлений, что и представлено выше. Возможно, представленные замечания покажутся излишне критичными. Но только потому, что из объемного текста были выбраны лишь те суждения, которые вызвали возражения и комментарии. Все остальное оценивается весьма положительно. Изложенные комментарии навеяны названием книги, стремлением автора вписать все рассмотренное в концепт *цивилизации.* При таком подходе требуются, как отмечалось, широкие сопоставления – компаративистский подход. Его в рассмотренной книге нет. И это не минус работы – нельзя объять необъятное. Тем более что это признается как общее место современной российской историографии [Сравнительная история, с. 3]. Однако, если автор действительно желает убедить читателя в наличии специфической древнерусской цивилизации, включить древнерусскую историю в цивилизационный дискурс, надо, хотя бы боковым зрением, охватить и соседние регионы, и проблемное поле используемого понятия.

Социальная структура древнерусского общества с учетом достижений современной полит-антропологии недавно была проанализирована ижевским историком В.В. Пузановым. «*На Руси XI – начала XII в., как и в раннесредневековой Европе общество рассматривало свою структуру в дуалистических формах. Реконструируется и троичная схема: духовенство – знать – простые люди. Однако она имеет другую основу, чем знаменитая трехфункциональная схема западноевропейского "высокого средневековья": молящиеся – воюющие – пашущие. Русская триада соответствует дофеодальному, варварско-*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

му обществу с его делением на знать и простых людей. Включение в эту бинарную схему третьего социального элемента – духовенство – выделенного по функциональному принципу, усложняло представления о структуре социума, но не меняло их существенно» [Пузанов, 2009].

Автор при этом обратил внимание на специфику основных письменных источников, используемых историками. В частности, заметил, что в «Повести Временных Лет» «*Книжник пытался создать свою версию нового богоизбранного христианского народа, идеальные черты которого, вероятно, он отразил в характеристике полян: смысленность, мудрость, стыдение, братолюбие (столь важное для древнерусской книжной общественно-политической традиции). Поэтому, славяне, под пером летописца, даже будучи язычниками, ведут себя едва ли не по канонам Нового завета. Славяне становятся жертвой народов, обуянных гордыней, они гонимы, гонимы несправедливо. Они всей своей дохристианской предысторией как бы подготавливают*» [Пузанов, 2009а]. То есть прямое следование источникам может приводить, и, как мы отмечали, приводит к искажению происходивших процессов в сторону их модернизации.

Начало государственности Пузанов видит в появлении городов-государств со второй половины X в., которое «*эволюционировало в федерацию земель (городов-государств) с центром в Киеве*». При этом «*Асинхронность политогенеза в разных частях восточнославянского мира придавала Руси конца X – начала XI в. сложный и неоднородный характер – она сочетала в себе элементы и суперсоюза племен, и федерации земель (то есть, являлась образованием переходным от суперсоюза "племен" к союзу /федерации/ земель). Окончательно "федерация" оформляется в середине XI в. Ядром ее станет бывшая Полянская земля, включая и районы наиболее сильного русо-полянского влияния – так называемая Русская земля в "узком смысле слова"… Ведущую роль в политических процессах X – начала XI в. на Руси играли те регионы и центры, где зафиксировано наиболее активное присутствие скандинавов*», которые в дальнейшем пополняли свои дружины «*славянскими элементами*» [Пузанов, 2007, с. 241–260, 615; Пузанов, 2009; Пузанов, 2009а].

Предложенная Пузановым схема представляется вполне адекватной нынешним знаниям. Но – вновь о терминах – что такое в данном контексте *города-государства*? Ведь понятие взято из североитальянской истории, в которой устройство городов и их политическое положение было совершенно иным. К уже отмеченному выше добавлю, что в североитальянских городах-государствах господствовали **не князья со своими дружинниками, как на Руси (т.е. протофеода-**

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лы), а собственно горожане (бюргеры, ит. – пололаны), т.е. представители не связанного с землевладением третьего сословия – **будущие буржуа**. Древнерусские же города формировались, да и развивались как феодальные центры (имея в виду феодализм как сочетание политической власти с земельной собственностью). Из княжеского окружения выходили и городские посадники, осуществлявшие административную власть в городах, сводя на нет в большинстве городов роль народных собраний [Рогожин, с. 26–27]. Отсюда и дальнейшая **специфика средневековых русских городов, так и не превратившихся в самоуправляемые коммуны**, из которых в Западной Европе вырос культурный (Возрождение), затем технический прогресс и капитализм. Очевидно, для древнерусских реалий надо подыскивать иные термины: города здесь, созданные землевладельческой знатью, так и остались центрами феодального властвования. Иными словами, **урбанизация на Руси не выходила за рамки феодальной системы и не рождала рыночные отношения**, что надо учитывать тем, кто часто вспоминает скандинавское определение Руси как «Гардарика» (страна городов).

Указанные особенности легли в основу понятия *Российская цивилизация*, уже вошедшей в исторический словарь как категория «*эвристически небесполезная, если не сказать – эвристически необходимая*» [Рашковский, 2008, с. 70]. На ее специфике, как заметил И.Н. Данилевский, сказалось византийское влияние, откуда на Русь пришло подчинение духовной сферы светским интересам и светским государям. А от него, во многом – подчинение мелких территориальных единиц властной воле государя и, в конечном счете, «*отрицание роли и значения личности конкретного «рядового человека» во властных и управленческих процессах*» [Рашковский, 2008, с. 71]. Или, как писал еще в 1879 г. русский публицист Л.А. Полонский в либеральный журнал «Вестник Европы»: «*Развитие законности у нас истекало непосредственно от одной власти, не имело характера договора даже и в те времена, когда к участию в ней приглашались представители наших бесформенных сословий в лице земских соборов или дум*». Часть текста с этой фразой, кстати, была вырезана тогдашней цензурой [Стасюлевич, с. 199]. И присяга верности служилых людей, которую «*стали приносить государю только в относительно позднее время – не ранее середины XIV в., …носила не частноправовой, а публичный, государственно-служебный характер, т.е. в сущности это была присяга подданных, а не вассалов*» [Стефанович, с. 152]. Как итог, в России, по формулировке Пайпса, сложилось «вотчинное государство», в котором правители владеют страной, а не просто управляют ею [http://polit.ru/article/2012/07…].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Впрочем, есть и иное объяснение сложения на Руси института подданства, в отличие от западного вассалитета. Оно опирается на представление о том, что если «*западноевропейский вассалитет сложился из сочетания договорного принципа с началом господства и подчинения… на Руси в отношениях князя и знати это начало проявляется только приблизительно с конца XII в. и сразу включается в христианскую парадигму в связи с идеей богоустановленности власти*». И далее «*Бояре иногда называют себя холопами, а князя, которому они служат, господином, но это надо понимать не как патронат или вассалитет, а как выражение подданства*» [Стефанович, с. 156]. И в этом автор видит особость российской истории [Стефанович, с. 157–158].

Но тут уж, представляется: «что в лоб, что по лбу». Вассалитет – это *взаимообязательный* договор, за нарушение которого ответственность нес, в том числе и старший, сюзерен, даже король (вспомним право на дворянское восстание при нарушении королем данного слова, как, напр., в английской Великой Хартии вольностей). Король здесь, опять вспомним известное: «первый среди равных». Подданство же предполагает наличие прав только у старшего, носителя власти. Власть – сакральна, т.е. поднята над земными нормами. Это – по сути – древнекитайский легизм, согласно которому власть всесильна и всегда права. Сами же подданные – бесправны. Отсюда холопство отнюдь не иносказание, а действительный рабский статус, что и отразилось, в, правда более поздних боярских челобитных царям: «раб твой Ивашка, Петрушка» и т.д.

Такое «овосточивание» Руси началось с монгольского нашествия. Точнее, с известной тактики, выбранной Александром Невским, сделавшей его ответственным не перед народом (как при столкновениях со шведами и крестоносцами), а перед ордынскими ханами.

Подчеркнем, что оценка роли Александра Невского в изменении места княжеской власти на Руси должна исходить не из последствий, известных нам, а из конкретной обстановки того времени, реалий, наступивших после ордынского набега и предыдущего опыта отношений Александра с западным миром. В той политической ситуации, причем на крайнем северо-западе Руси, крестоносцы казались ближе и потому опаснее монголов [Беляев, с. 9]. К тому же, в отличие от крестоносцев-католиков, монголы вполне лояльно относились к православию.

Горский, например, считает, что Александр Невский был расчетливым, но не беспринципным политиком и действовал соответственно сложившейся обстановке[1]. Он отвергает обвинение Александра

[1] Был хитрым политиком [Пайпс, с. 88]. Это подтверждается довольно точной и без пафоса характеристикой ситуации 1240–1242 гг. вокруг Новгорода и роли Александра в ней [Кагарлицкий, с. 73–74]. Впрочем, споры о деятельности князя Александра, причем как с позиций фактов, так и мифов остаются актуальными [Бегунов; Данилевский, 2003; Долгов; Линд].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в пособничестве Орде и считает недоказанным обвинение в предательстве брата [Горский, 2004, с. 206–222]. Деятельность князя можно трактовать и так, что в сложный момент истории он взял на себя инициативу [Маутхаузерова] и, по Тойнби, ответил на вызов времени. Тем более, что иной подход, предпринятый другим князем, Даниилом Галицким, для противодействия монголам пошедшим на унию с Римом и в 1254 году коронованным папской курией королем галицко-волынских земель, не спас эту часть Киевской Руси от западных соседей [Новичков, с. 37].

Впрочем, ответственность за «поворот к востоку» в большей степени лежит уже на преемниках Александра [Феннел, с. 214], а его мифологизация в значительной степени связана и с недостаточными сведениями о нем [Шенк]. При этом нельзя упускать из виду, что «*Александр Ярославович, кстати, и был одним основателей Московской Руси. Великие князья и цари московские, в частности его сын Данила Александрович, были его прямыми потомками*» [http://www.ng.ru/ideas/2015-09…]. Однако, как бы там ни было, в исторической перспективе поворот действительно произошел. Князья оторвались от традиционных связей с населением и в отношениях с ним власть стала *монологичной* [Ахиезер, с. 240][1]. И более существенно: «*Русь получила сценарий двойного налогообложения, в результате которого за триста лет монгольского ига она потеряла темп и не вписалась в график европейского Возрождения*» [http://www.echo.msk.ru/blog/kokh…].

Так в процессе адаптации к новым политическим реалиям – ордынскому подчинению – в Северо-Восточной (Московской Руси) сложилась своеобразная *контактная* цивилизация, расположенная в Европе, но воспринявшая восточные государственные порядки [Подробнее см.: Хачатурян, 2004; http://polit.ru/article/2007/01…]. Отсюда очевидно, что Древняя (Киевская и удельная) Русь не имела непосредственного политического преемника: Московская Русь формировалась на колонизованных землях. Междуречье же Днепра – Днестра – Немана оказалось в другом, также новом образовании – ВКЛ, о чем речь пойдет далее.

Но, прежде чем обратиться к проблемам создания одного из крупнейших средневековых государств Восточной Европы – **Великого княжества Литовского**, вернемся к началу восточнославянской государственности, ибо она, в значительной степени, формировалась на тех же территориях, где сложилось ВКЛ.

Итак, **белорусские земли в составе древнерусского сообщества и возникновение ВКЛ**. Полагаю, называть Древнюю Русь имен-

[1] Показательную подборку фактов о вовлеченности удельных князей в ордынские дела и отрыв их жизни в своих княжествах см.: [Селезнев].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

но так – *сообществом* – будет исторически корректнее. Ибо, как подробно рассмотрено выше, при территориальном единстве (вдоль пути «Из Варяг в Греки») и общности: социальной (варяги как «цементирующий» слой), династической (единый княжеский род), этнической (говорившее на одном языке население) и культурной (общие верования, отразившиеся в курганной культуре, затем в православии) неустойчивое политическое единение существовало лишь в период сложного вождества (конец IX – первая половина XI в.). Наступившая затем эпоха формирования государственности породила сонм удельных княжеств и «феодальные республики» Новгород и Псков. Тесно связанные между собой политические и внешнеэкономические интересы их элит были разнонаправлены, что и породило известную раздробленность, или, чтобы избегать негативной коннотации, можно использовать нейтральный термин – *сегментация*.

Первым среди указанных княжеств обособилось, как известно, уже к середине X в. Полоцкое, менее других связанное с Рюриковичами династически и сложившееся на ответвлении от основного направления пути «Из Варяг в Греки» [Гісторыя Беларусі, т. 1, с. 150; Франклин, Шепард, с. 362–363, 367–368]. Сложившиеся на нынешней территории Беларуси Туровское и, частично, Смоленское княжества оставались тесно связанными с Киевом. Так на нашей территории возникли первые государственные образования.

Здесь нельзя умолчать о том, что история белорусской государственности выходит за пределы чисто академических изысканий и вызывает общественный интерес, по крайней мере, уже с конца XIX в. и связана с развитием национального самосознания. Среди нарождавшейся белорусской интеллигенции первым, кто соединил национальные интересы с научным изучением начальных этапов складывания государств в белорусских землях, был в конце XIX – начале XX в. профессиональный историк М.В. Довнар-Запольский. Уже в одной из своих ранних работ о дреговичах и кривичах до XII в. он особо выделил роль Полоцкой земли в начальной истории Беларуси и заложил, как заметил недавно немецкий белорусист Райнер Линднер, «*матрицу историографического мифа белорусской государственности*» [Лінднэр, с. 81–85, 450–452][1]. Позднее, развивая тему, Довнар-Запольский сформулировал концепцию, которая и поныне принимается рядом белорусских историков, а также популярна в обществе:

[1] Но этот миф, как известно, даже в отвергаемом серьезными историками изложении Н.И. Ермоловича о начале Беларуси [Насевіч, Свяжынскі, с. 268], все же привлек внимание к нашей ранней истории и после всплеска публицистики 90-х гг. породил ряд серьезных работ, чьи результаты отражены, в том числе, и в многотомнике по истории Беларуси [Гісторыя Беларусі, т. 1; Гісторыя Беларусі, т. 2].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

1) древнерусские племена не составляли этнографического целого;

2) Древнюю Русь связывали воедино лишь «внешние интересы» (торговля и борьба с соседями);

3) «русские» из белорусских земель в XIII в. добровольно вошли в единое с литовцами государство под началом литовских князей и это было на пользу обоим народам [Караў, с. 9].

Заметим, хотя племенные различия восточных славян не следует преувеличивать, о чем уже шла речь выше, но, тем не менее, и наличие этноопределяющих украшений, выделенных по археологическим данным [Спицын, с. 305–306][1], и известные летописные племенные княжения свидетельствуют о существовании внутренних отличий, осознаваемых тогдашними восточными славянами.

Тезис о единстве «внешних интересов» вполне соответствует торговой концепции Ключевского, поддерживаемой многими современными российскими историками, что также отмечалось.

Третий тезис также вполне приемлем при нынешних наших познаниях (о чем речь пойдет ниже). Так что намеченный Довнар-Запольским подход оказался вполне научно обоснованным. Но затем вмешалась политика. Ученый принимал участие в создании БНР, а, затем, в становлении исторической науки в БССР. Но подготовленная им «Гісторыя Беларусі» получила резко отрицательный отзыв как написанная с немарксистских, националистических позиций и была опубликована лишь в 1994 г. [Доўнар-Запольскі]. Последовавшие в начале 30-х гг. прошлого века репрессии среди белорусской интеллигенции надолго отвадили историков от анализа белорусского государствогенеза вне господствовавшей с 30-х гг. концепции триединого братства восточных славян. Попытка московских и минских ученых провести в 70-е гг. прошлого века конференцию по этногенезу белорусов была пресечена на уровне руководства компартии БССР. Хотя изданные в 1973 г. тезисы предстоящей конференции были выдержаны в строго научном ключе, без всякой «политической крамолы» [Этногенез белорусов].

Но в те же годы, во многом, на мой взгляд, благодаря научным интересам академика Б.А. Рыбакова, началось углубленное изучение древнерусской истории в соединении с довольно значительными к тому времени достижениями археологов. И в рамках этой тенденции Полоцкую землю как почти самостоятельное государство, обособившееся от Киева, с территорией, сопоставимой с крупными тогдашними западноевропейскими монархиями, исследовал московский археолог Л.В. Алексеев, опубликовавший по защищенной кандидатской

[1] Справедливости ради следует отметить, что этноопределяющие типы славянских украшений были выделены еще раньше А.А. Спицина, во второй половине XIX в. немецким археологом С. Мюллером [Тейлор, с. 289].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

диссертации монографию [Алексеев, 1966]. Тема ему, как вспоминал Леонид Васильевич, была подсказана научным руководителем, Рыбаковым, вероятно, в память о своей молодости. Тогда, после аспирантуры Рыбаков некоторое время работал в Беларуси, результатом чего стала публикация о радимичах, оставившая след в нашей археологии [Рыбакоў]. Последующее возвращение в Москву, как вспоминал Борис Александрович, спасло его от упомянутых репрессий по отношению к белорусской интеллигенции в начале 30-х гг.

Монография Алексеева создала прецедент и позволила исследовать историю княжества без оглядок на сложившиеся в 30–50-е гг. концепции древнерусского единства [Заяц, 2013, с. 22 сл.]. Параллельно рос и общественный интерес к началам белорусской истории. И когда после образования независимой Республики Беларусь расширились возможности изучения истории страны в «национальном контексте» [Касцюк], актуализировалась идея о начале нашей государственности с первого исторически зафиксированного государства на ее территории – Полоцкого княжества. Резоны в этом есть. Действительно, оно было и самым обширным и, как отмечалось, наиболее самостоятельным из других политических образований на нашей территории. Но здесь необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, тогдашнее население мыслило иными категориями, и жители Полоцкого княжества не осознавали себя гражданами особого государства. Вообще понятия *гражданства* тогда не существовало. А подданными они были у конкретного князя. Тем более, что тогдашние границы владений были неустойчивыми и определялись соотношением сил соседей в каждом конкретном отрезке времени.

Во-вторых, самоидентификация населения формируется, как известно, при соприкосновении с чужаками. Изначально потому так естественно и возникли уделы в древнерусских землях, что и князья, и их подданные не ощущали локальной изоляции: язык, религия, порядки оставались общими. И лишь постепенно, по мере укрепления самостоятельности, происходило у полочан становление собственной «внешней политики» – установление связей, прежде всего, с Прибалтикой. Новый этап в истории княжества начался в XIII в. с появлением на его рубежах действительно иных: крестоносцев на северо-западе и монголов на юге и юго-востоке. Но об этом чуть ниже.

В-третьих, особо следует подчеркнуть, что выделять для рассматриваемого времени белорусские земли исторически некорректно, ибо таковыми они становятся после XVI в., когда формирование белорусского этноса произошло на географически определенной территории, за которой в XVII в., наконец, закрепилось название “*Белая Русь*” [Белы; Насевіч, 1993, с. 17; Марзалюк, 2000; Марзалюк, 2001; Пилипен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ко, 1991, с. 4, 91–107; Піліпенка, 1992; Піліпенка, 1993; Старасценка][1]. А потому и преемственность нашей государственности от Полоцкого княжества весьма условна.

И уж тем более ее нельзя выводить, как это делал известный историк белорусского права И.А. Юхо. В опубликованной недавно рукописи из его архива, со ссылками на Рыбакова и Геродота читаем: «*В Среднем Поднепровье сарматы уничтожили одно из сколотских царств по Тясмину и сильно потеснили северное царство… Из этого утверждения следует, что северное (Киевское царство существовало еще до прихода сарматов на Скифию, т.е. до II в. до н.э. О существовании государств у народа Восточной Европы до н.э. свидетельствует древнегреческий историк Геродот, который писал, что в 513 г. до н.э. на совещание к скифским государственным и военным руководителям прибыли цари соседних народов*» [Юхо, 2012, с. 11].

Эту мысль Юхо развивал в начале 90-х гг. в публичных выступлениях и учебном пособии для студентов: коль к северу от Киева были цари, а там, в том числе на юге Беларуси, в указанное время жили геродотовы невры, то значит, у них уже было государство. И с этого времени он начинал отсчет государственности на наших землях [Юхо, 1992, с. 4–5, 53–54]. Это можно было бы воспринимать как курьез – юристу свойственно исходить из буквы текста; копаться же в контексте, в данном случае в отдаленной истории – не его амплуа. Но когда я услышал в дискуссии на научной конференции в 2009 г. от тогдашнего директора института социологии Академии наук Беларуси И.В. Котлярова фразу о том, что белорусские историки, мол, всё еще спорят о начале нашей государственности, а она уже была во времена Геродота, оказалось, что идея авторитетного белорусского правоведа не только пустила корни, но и дала плоды… Пришлось вступиться за коллег. И напомнить, что поскольку античные ученые не очень разбирались в первобытных порядках, то всех варварских вождей воспринимали привычными для себя монархами (βασιλεύς – басилевс, др. греч., dux, rex – лат.)[2]. Не стал бы об этом писать, но, как видно, такие наивные представления распространены не только у дилетантов, но и среди близких к историкам ученых-гуманитариев.

Но если убрать избыточное, с конкретно-исторической точки зрения представление о Полоцкой земле как первоначальном именно

[1] Вспоминается, как на одной из научных конференций после выступления мне был задан вопрос: «Почему я все время говорил не о белорусских землях, а применял более громоздкую конструкцию – территория современной Беларуси?». Ответил, что в рассматриваемое время (речь шла о X–XIV вв.) Беларуси еще не было.

[2] Термин *василевс* первоначально использовался древними греками применительно к вождю племени, возглавлявшему войско [Голубев, 2008, с. 29; Тураев].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

белорусском государстве, то действительно – это княжество вполне заслуживает названия первого государственного образования на нашей территории. Ибо, и это многократно фиксировалось в литературе, именно Полоцк, во-первых, по женской линии не был напрямую связан с Рюриковичами, а во-вторых, первым проявил свою самостоятельность. Этим княжество отличалось от сложившегося тоже на будущей белорусской территории Туровского княжества, остававшегося в более тесной связи с Киевом, потом с Галичем. Смоленское княжество также было теснее связано с Киевом.

Современные белорусские исследователи существенно дополнили представления о Полоцком княжестве. Обращено внимание, что его динамичная политическая консолидация была связана с необходимостью установления контроля над местными балтами в процессе славянского расселения в Подвинье с VIII в. Это стимулировало раннее становление новых административных структур в условиях формирования полиэтничного, надплеменного образования, в которое входили и разные группы кривичей, и восточные балты и, позднее, по мере приращения территорий, отдельные анклавы с дреговичским и радимичским населением[1].

А началось это еще до закрепления Рюриковичей в Киеве [Дук, с. 69; Заяц, 1993, с. 9]. То есть Полоцкое княжение формировалось параллельно Киевскому и на ранних этапах его можно считать вождеством, постепенно преобразовывавшемся в раннее государство. При этом, как и Рюрик, первый известный Полоцкий князь – Рогволод – также, скорее всего был скандинавом, связь с которыми прослеживалась и в XI в., что отразилось в письменных и археологических материалах [Гісторыя Беларусі, Т. 1, с. 153–154; Дук; Заяц, 2013а; Магалінскі, с. 16 сл.; Риер, 1976, с. 188–191][2].

Развитие Полоцкого княжества в XII в. было связано с отмечаемым в это время резким ростом числа поселений, что отразило «демографический взрыв» [Клімаў, 2007]. Напомню, что наиболее динамично социальные преобразования, и, в первую очередь, выделение знати происходили там, где для нее была достаточной концентрация обслуживающего населения. А уже в процессе разрастания Полоцкое княжество стало делиться и на собственные уделы [Заяц, 1993; Насевіч, 1993, с. 14; Семенчук].

Туровское княжество, основой которого были дреговичи, уже в середине X в. оказалось под контролем киевских князей, назначавших на

[1] Антропологические данные свидетельствуют о матримониальной специфике славянского освоения региона: пришельцы – славянские мужчины брали в жены местных жительниц [Емельянчик, с. 8–9]

[2] Упоминавшийся выше польский исследователь Дучко допускает происхождение основателя полоцкой княжеской династии Рогволода от принцессы Ингеборг, дочери норвежского короля [Duczko, S. 108].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тамошний престол своих представителей. А с начала XII в. княжество перешло под непосредственное управление Киева [Гісторыя Беларусі, Т.1, с. 169–174]. В XI в. в Туровское княжество вошли лишь за столетие до того освоенные славянами западно-балтские земли Верхнего Понеманья [Віцязь, 2011; Віцязь, 2012; Пивоварчик].

Показательно развитие юго-восточной окраины белорусских земель, населенной радимичами. Здесь не сложилось даже устойчивого вождества, хотя какие-то племенные структуры у них были, настаивает О.А. Макушников. Отсутствие у них объединения в составе Древней Руси он объясняет ограниченностью демографического потенциала – то есть малочисленностью населения на обширной территории Посожья, которая оказалась между такими центрами, как Киев, Чернигов и Смоленск. Ограниченность местных людских ресурсов, по мнению исследователя, компенсировалась привлечением инородного населения, чье присутствие доказывается иноэтничными находками, особенно распространившимися именно во время формирования ранней государственности, в XI–XII вв. [Макушников, с. 149–158].

Так в X–XII вв. на территории позднейшей Белой Руси формировались первые государственные образования. В XI–XII вв. уже фиксируются обособленные резиденции знати, что, как указывалось выше, на западнославянских материалах, четко указывает на формирование административно-служилого слоя – основы новых, надплеменных, а значит, государственных форм управления. Аналогичные административные функции выполняли и появлявшиеся ранние города [Археалогія, с. 168–337; Віцязь, 2011, с. 223–225; Віцязь, 2012, с. 235–240; Загорульский, 2004; Заяц, 2013б; Клімаў, 2007; Клімаў, 2007а; Кошман, 2006; Кошман, 2010; Кошман, 2008, с. 41–42; Мяцельскі, 2004; Мяцельскі, 2010, с. 64–115; Пивоварчик, с. 21].

Общественные порядки XI в. можно отнести к *раннефеодальным*, при которых ещетолько начинались процессы оседания знати на землю с нечеткими владельческими правами на нее. Более определенными земельные права знати становятся в XII в., когда происходит консолидация местной племенной элиты – бояр – с разросшимися княжескими родами – Рюриковичами и Рогволодовичами (в Полоцке), с созданием княжеских (домены) и боярских (вотчины) владений [Гісторыя Беларусі, Т. 1, с. 239–243]. С этого времени можно вести отсчет начала государственности на наших землях. При этом Полоцкое княжество в силу территориальных, этнических и династических причин выделялось наибольшей самостоятельностью вплоть до, в определенные периоды, полной независимости[1].

[1] Как пример самостоятельности можно упомянуть походы против Ливонского ордена в начале XIII в. [Подробнее см.: Александрович].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Исходя из изложенного бросается в глаза совершенно ошибочная сравнительная периодизация истории России и Беларуси в общеисторическом контексте, предложенная В.А. Космачем. В представленной синхронистической таблице он включил историю Беларуси и России в общемировую периодизацию. Но, механически перенеся западноевропейскую хронологию в Восточную Европу с V в. н.э. у него начинается и «киевский период» российской истории и «полоцкий период» истории Беларуси [Космач, с. 6]. Неточность таких построений, полагаю, комментариев не требует, но упоминается здесь как пример формальной и потому неудачной синхронизации исторических процессов.

Дальнейшие судьбы населения будущих белорусских земель оказались тесно связанными с развитием северо-западных соседей – **литовских племен**, у которых изживание первобытности происходило позднее, в сравнении с западными и южными соседями – германцами и славянами. Связано это, прежде всего с природно-демографическими особенностями балтских земель.

Можно согласиться с С.П. Витязем, заметившим, что «*древние балты считаются исключительно консервативным, малоподвижным обществом, что в определенной степени обусловлено специфичным ладншафтом восточноевропейской лесной полосы (представление о котором может дать Беловежская пуща, последний реликтовый лес в Европе)*» [Віцязь, 2012, с. 163]. Отсюда – экстенсивное хозяйство, распыленность населения и его бедность, что замедляло как становление знати, так и превращение ее в решающий фактор общественного прогресса. Ибо, как уже отмечалось, для возникновения устойчивого военно-административного сословия было необходимо наличие стабильного избыточного продукта для отчуждения. В тогдашних условиях постоянное содержание дружин было возможно лишь при концентрации рядового населения на компактной территории, чему указанные ландшафты не способствовали.

При этом, в отличие от славян, балтские племена не были знакомы с лесостепной земледельческой культурой. Приморское расположение не дало им и тех стимулов, которые имели германцы. Сказалось, во-первых, различие береговой линии. Изрезанные, во многом скалистые берега Скандинавии способствовали мореходству. Пологое мелководное, песчанистое побережье Восточной Прибалтики, наоборот, было пригодно лишь для мелкосидящих лодок, что, наряду с обширным равнинным ландшафтом, ориентировало балтов вместо моря на противоположные от побережья восточноевропейские лесные просторы, которые они и заселили от балтийского побережья вплоть до верховьев Днепра и Волги. Там они существовали в тех же

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

условиях, что и их северные и восточные соседи – финно-угры, вообще не достигшие стадии государственности до подчинения их восточными славянами.

Считается, что большинство балтских племен сохраняло родовые отношения и в развитом средневековье [см., напр., Дук, с. 66; Кульпин, Петкевич, с. 81]. Но, несмотря на немногочисленность[1], они отличались стойкостью, отбиваясь в X–XII вв. как от киевских князей, так и от викингов [Гісторыя Беларусі, Т. 1, с. 195; Петкевич, с. 305]. Впрочем, вероятно, и тех, и других интересовали не столько леса с бедными почвами и редким населением, сколько стратегически важное балтийское побережье и торговые пути по Неману и его притокам в направлении к Днепру. Но именно разбросанность населения делала его малоуязвимым.

Уже с конца VII в. н.э. у балтских племен фиксируются хозяйственные и социальные изменения. Отмечено появление укрепленных усадеб, наборы дорогих украшений – свидетельства выделения знати. Погребения с воинским инвентарем интерпретируются как доказательства появления дружинников. В их боевом снаряжении прослеживается норманнское влияние.

Больше свидетельств о дружинниках у балтов появляется с X в., а массовыми они становятся уже в XI–XII вв. Э. Гудавичюс даже пишет о «*викинговом литовском обществе*», о заимствовании у норманнов земельных порядков – «*одальном праве*» [Гудавичюс, с. 30; Жулкус]. Гудавичюс, кстати, замечает, что с XI в. в письменных памятниках соседей *литвой*, литовцами называют все балтские племена региона. Но думается, ближе к истине мнение А. Норкунаса: «*Сформировавшиеся в нижнем и среднем течении реки Нерис, между Неманом и Даугавой (Зап. Двина) литовские племена сумели в силу особенностей этно-социального строения выделиться в центральном мире балтов… Лидирующее положение литовцев в регионе особенно проявилось в IX–XII вв. Модели этносоциальных структур других балтских племен, несмотря на общее происхождение и культурную близость, оказались застойными. В направлении феодального общества эти племена развивались несравнимо медленнее… В X в. получил развитие процесс формирования южнолитовских племен на востоке мира ятвягов в междуречье Немана-З. Буга. В 1009 г. здесь впервые письменно упоминаются литовцы*» [Норкунас].

Надо заметить, что «*типологические параллели из викингов*» Гудавичюса среди белорусских историков восприняты критично [Насевіч, Свяжынскі]. Они, действительно, выглядят несколько декларативно. Но, с другой стороны, характер сельского расселения литовцев, при-

[1] К 1000 г., уже разделившиеся на западных (пруссы, ятвяги) и восточных (литовцы, курши, латыши), они насчитывали около 480 тыс. человек [Петкевич, с. 305].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чем от средневековья до нашего времени был хуторным, что напоминает северогерманские культурные ландшафты, отражавшие, как уже отмечалось, существование именно индивидуальных крестьянских хозяйств – аллодов [Риер, 2000, с. 197–198].

В Восточной Прибалтике хуторное расселение также было обусловлено природой – сельскохозяйственные угодья формировались на свободных от лесов и болот небольших по размерам всхолмлениях аналогично шведским одалям. Так что хуторной, индивидуалистичный характер землепользования вполне мог породить форму, аналогичную скандинавскому одалю. Тем более, что индивидуализм литовского крестьянства фиксировался и в конце XIX в. Его критиковал такой сторонник общинных порядков и историк русской общины как А.А. Кауфман [http://polit.ru/research...]. На восточноприбалтийскую систему индивидуального крестьянского землепользования, как известно, опирался, как на пример, в своей аграрной реформе П.А. Столыпин.

Конечно, индивидуальное землевладение в балтийских землях во многом связано и с влиянием крестоносцев. Но если вспомнить, что немецкие порядки укоренились в Прибалтике, а например, в Поволжье, где со времен Екатерины II сложилась большая колония немецких крестьян, не были восприняты местным населением, то вполне можно согласиться с тем, что индивидуальные крестьянские хозяйства и были особенностью балтов – литовцев, причем даже без влияния викингов, которых Гудавичюс привел как дополнительный аргумент.

В XII в. «*сложился предгосударственный союз литовских племен во главе с первичным центром бассейна Нерис*» [Норкунас]. Пик процессов консолидации литовского общества пришелся на время Миндовга – вторую треть XIII в., когда воедино сплелись внутренние и внешние факторы. К внутренним можно отнести укрепление и консолидацию дружинного слоя (знати). Недостаточность источников не позволяет обстоятельно проследить развитие процесса.

Впрочем, это относится и к большинству европейских варваров, да и вообще древних народов. Ибо в такое переходное время у них обычно отсутствовала письменность. Больше повезло, как известно, древним германцам, имевшим «своего» Тацита. По аналогии с ними можно предположить, что постепенное накопление количества дружинников, происходившее как во время внутренних конфликтов, разраставшихся по мере роста населения, дележа угодий и захватов припасов, так и в ходе внешних походов. Вышеуказанные следы норманнского влияния в вооружении могут указывать как на участие викингов (как и варягов на Руси) во внутренних усобицах, а так же об участии литовских воинов в дальних походах тех же норманнов. В походах происходило не только

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

накопление богатств и оформление дружинного слоя, но и выделение вождей, постепенно забиравших в свои руки управление местным населением. На эти процессы у литовцев ушло около 3-х столетий. Гудавичюс определяет данный – дружинный – период в 200 лет. Считает его долгим и вину за это возлагает на Русь, в меньшей степени – на Польшу, неоднократно совершавшие походы на литовцев в XI в. И лишь последующее раздробление Руси, замечает он, позволило литовцам «*обрести свободу*» [Гудавичюс, с. 33].

Но если продолжить сопоставление с древними германцами, то вспомним, что появление дружины у них Тацит констатирует уже в I в. н.э. А первые варварские т. наз. королевства (вождества, как уже было определено) возникли у них же лишь к концу IV–V в., т.е. спустя почти полтысячелетия. Литовцы этот путь перехода к вождеству прошли, как видно, быстрее, так же, кстати, как восточные славяне, что уже рассматривалось. Да и сами походы воинственных соседей, что уже отмечалось на многих примерах, учитывая как их скоротечность, так и узкий территориальный охват (только вдоль передвигавшейся дружины), имели не столько разрушительный эффект, сколько консолидирующий. Сопротивлявшееся население приучалось создавать организацию для отпора – свою дружину, которая становилась постоянной силой, что возвышало ее вождей, приобретавших легитимность.

Можновладство (период раздробленности) в Польше и распад Руси на уделы, и тут Гудавичюс прав, позволили литовцам перейти в наступление. Агрессивность литовских племен, очевидно, стимулировалась теми же интересами, которые в свое время направляли в римские провинции германцев, искавших там отсутствовавшее среди соотечественников богатство. Литовские дружинники то же самое искали в более богатых древнерусских и, в меньшей степени, из-за удаленности, в польских землях. Эти походы ускоряли социальную дифференциацию литовского общества, в котором именно в XII–XIII вв. формировалась собственность знати. Гудавичюс подчеркивает, что в условиях формирования *одального права* литовский социум развивался по германскому, а, значит, западноевропейскому пути – создания обособленных индивидуальных владений, в противоположность восточнославянским общинным порядкам [Гудавичюс, с. 33–36].

Недостаток источников не позволяет четко представить это развитие. Но природные условия Юго-Восточной Прибалтики действительно способствовали формированию небольших хозяйств типа одалей. Только, в отличие от Скандинавии, земельные владения здесь ограничивались не горами, а болотистыми низменностями, как в Нидерландах, где в раннем средневековье складывался такой же аграрный пейзаж – на сухих водоразделах. В итоге появились мелкоконтурные

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

угодья, характерные, кстати, для региона и теперь. Аналогично формировалось и сельское расселение в соседней Северо-Западной Руси [Риер, 2000, с. 23–26]. Близкая ситуация была и в северорусских черносошных волостях, где при дискретно-гнездовом типе расселения распространялись крестьянские наследственные владения, но бóльшие по размерам из-за разреженности населения. При этом на Севере и Северо-Востоке Руси эти владения ограничивались не горами и не болотами, а тайгой.

К факторам, стимулировавшим усиление у литовцев роли дружины и консолидации знати следует добавить и появление в регионе крестоносцев. Борьба с тяжеловооруженным западным воинством активизировала и поиски союзников, что способствовало накоплению внешнеполитического опыта: формировались более разнообразные отношения литовской элиты с Новгородом, Псковом, Полоцком, Волынью, что было существенным элементом в процессе преобразования литовского общества при Миндовге, подчинившим своей власти литовские земли, вероятно, в 40-е гг. XIII в.

Очевидно, успехам Миндовга, помимо известной для таких личностей агрессивной целеустремленности, способствовала его активность в южном направлении – в зажиточные, но ослабленные усобицами, а затем и монгольским нападением древнерусские земли, и, прежде, во владения Полоцка, на который его влияние стало распространяться уже к 1240 г.[1] Именно эти земли и обеспечивали дружину Миндовга необходимыми ресурсами, коих им недоставало в собственно литовских владениях. Впрочем, считать созданное Миндовгом объединение государством, как часто читаем в литературе, если строго следовать политантропологическим понятиям, еще преждевременно.

Известная в его правление жестокая борьба за власть свидетельствует о еще не сложившейся в среде знати иерархии, об отсутствии у нее четких представлений о своих функциях и роли. Импровизации Миндовга с крещением, потом возвращением в язычество демонстрируют поиски им опоры для оправдания своей власти, выходившей за рамки родовых традиций. Перед нами – типичное вождество, под водительством Миндовга превращавшееся из простого в сложное. Убийство Миндовга вместе с сыновьями в 1263 г. в результате заговора его же приближенных можно рассматривать и как реакцию на жестокости его правления [Гудавичюс, с. 40–74; Дзярнович, Носевич, Назарова; Насевіч, 1993, с. 27–50; Петкевич, с. 309–311]. Показательно, что дружина во времена Миндовга, как и на Руси в IX–X вв., занималась гра-

[1] Если в XI–XII вв., по данным летописей, в литовские земли с Руси отмечено четыре похода, то в XIII в. только через Туровское княжество на Волынь литовцы проходили не менее восьми раз [Гісторыя Беларусі, Т. 1, с. 195].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

бежами и полюдьем, что также было свойственно именно предгосударственной ситуации [http://dspace.nbuv...].

Последовавшая за убийством Миндовга кровавая борьба его преемников демонстрирует отсутствие устоявшейся системы управления. Старая, родовая, уже была разрушена. Новая, которую мы называем государственной, еще только создавалась. «*При Миндовге началась кристаллизация более ясного династического самосознания… Возникает концепция государства как территории… После смерти Миндовга соперничество за обладание престолом шло только внутри его семьи…* ». Но, все же, «*несмотря на то, что процесс формирования династии заметно продвинулся вперед, смута второй половины XIII в. роду Миндовга утвердиться не позволила*». В итоге, «*несмотря на большие усилия историков, до сих пор не удалось убедительно обосновать возможные генеалогические связи между родами Миндовга и Тройдена или Тройдена и Гедимина… А косвенные данные скорее говорят об отсутствии прямого родства. Традиция позднейших Гедиминовичей не знает ничего определённого ни о правлении Миндовга, ни о княжении Тройдена*». Но «*все эти роды… происходили из т.н. "Литовской земли", т.е. тех земель современной Восточной Литвы и Западной Белоруссии, которые с самого образования Литовского государства оставались политическим и экономическим ядром страны. Отсюда происходил род, уже позже, в летописях XVI в., ретроспективно получил имя Гедимина (Гедиминовичей), возвысился в период смуты и внутреннего кризиса XIII в., затянувшегося после убийства короля Миндовга*» [Петраускас, с. 98–99].

Далее Р. Петраускас отмечает, что среди литовской знати в XIII в. вполне могли быть и иноземцы: «*"Литовцы", упоминаемые тогдашними источниками, – это не только люди, говорящие на одном языке…, сколько представители конкретного политического образования… Такие "литовцы" вскоре появились и в тех русских землях, которые раньше всего стали частью формирующейся политической организации (Новогрудской, Полоцкой и др.*» и далее: «*Важнейшим источником власти литовской знати была… власть и авторитет по отношению к живущим поблизости людям*»[1]. Правление Миндовга автор относит к архаичным формам кланового типа [Петраускас, с. 104–105, 108].

Очевидно, во времена Миндовга и его непосредственных преемников их верховная власть еще не признавалась самой элитой, по крайней мере ее частью. Поэтому применение к эпохе Миндовга в но-

[1] Об этом же, кстати, писал и Юхо, вполне справедливо проводя параллели с варягами на Руси: термин «*"літва"… ў XI–XIII стст. ён быў не этнічным, а сацыяльна-прафесійным. Літвінамі, або літвой, называлі вольных ваяроў-язычнікаў, таксама як руссю, або варагамі, а потым казакамі, называлі не этнічныя, а сацыяльна-прафесійныя групы вольных воінаў*» [Юхо, 2003, с. 10].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вейшем обобщающем труде по истории Литвы на русском языке термина *государство* [История Литвы, с. 17, 25, 30–34] с точки зрения полит-антропологии выглядит неточным. То же относится и к монографии А.К. Кравцевича, в которой он также пишет о *державе Миндовга* [Краўцэвіч, с. 192 и др.].

Ситуация изменилась лишь в первой половине XIV в., при Витене и Гедимине, когда власть окончательно перешла к их роду, земли которого располагались, примерно, в междуречье средних течений рек Немана и Няриса [Гудавичюс, 1985, с. 37]. В этот период происходило активное формирование власти литовских князей в Полоцкой, Туровской и Берестейской землях как через военный нажим, но чаще через договоры и брачные союзы [Гудавичюс, 2005, с. 74–84; Краўцэвіч, 1998, с. 223–226; Петкевич, с. 313–315; Петраускас, с. 100–102; Флоря, 2003, с. 28].

Очевидное отсутствие у Витеня властных амбиций вывело в лидеры его младшего брата – Гедимина – и сделало именно его основателем династии. И хотя старшие сыновья Гедимина после смерти отца презрели его волю, устранив того, кому он завещал трон, но права рода Гедиминовичей уже не оспаривались. Это продемонстрировало совместное, по сути, правление Ольгерда и Кейстута, что положило начало специфической системе правления в княжестве – диархии, известной раннегосударственной форме организации власти. Вспомним, например, начало Второго Болгарского царства, а из древности – Спарту.

Итак, еще раз: **эпоха Миндовга – это завершение процесса перехода к государственности**, при которой еще сталкивались прежние, родовые, первобытные формы социальной организации (племенные княжения, соперничество местных предводителей со своими дружинниками, договорные начала при определении общего, верховного правителя) с новыми формами правления (выдвижение победившего в соперничестве правящего рода, формирование знати с представлениями о властной субординации). Такие общества, как отмечалось, можно относить к *сложным вождествам*. **Эпоха Витеня и Гедимина – уже вполне оформленное *раннее государство*.** В эту эпоху история Литвы тесно переплетается с историей соседних древнерусских княжеств.

Геополитическая ситуация в регионе породила взаимную заинтересованность в друг друге литовской и соседних восточнославянских правящих элит. Польский исследователь отметил редко встречаемый симбиоз в создании единого государства [Kosman, S. 50]. На этой основе уже со времени Миндовга и его наследников происходит оформление Великого княжества Литовского (ВКЛ) – по сути, политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

[Баранаускас, с. 30–39; Великое..., с. 83–84; Віданава, 2000; Дворник, с. 267; Краўцэвіч, 1998а, с. 23–24; Краўцэвіч, 2000, с. 180; Семенникова, 2000, с. 68–69]. В итоге Литовская знать получила доступ к обширным ресурсам Поднепровских земель, а восточнославянские верхи – не увязшую во взаимных склоках и усобицах силу, способную организовать не только сопротивление агрессорам, но и самим проводить активную внешнюю политику.

Представляется, что литовские дружинники в данном случае сыграли ту же роль, что и норманны при создании Нормандского герцогства на севере будущей Франции в X в., Сицилийского королевства в XI в., а так же в активизации процесса государствообразования в Древней Руси. Если пользоваться известными идеями Л.Н. Гумилева о пассионарности, к тогдашним литовцам это понятие вполне подходит. Тем более, что в процессе расширения политического влияния литовских князей и создания ВКЛ ими и их дружинниками, возможно, могло как-то осознаваться давнее (в железном веке), нахождение балтов в Верхнем Поднепровье и Подвинье [Топоров].

Так на наших землях и – шире – в Поднепровье сложилось государство с преобладающим восточнославянским православным этносом, соответствующими языком и культурой и литовским названием [Археалогія Беларусі, с. 5; Великое..., с. 88–89; Гісторыя Беларусі, Т. 2, с. 80–82; Дворник, с. 268; Насевіч, Свяжынскі, с. 260, 294; Kosman, S. 54–64; Риер, 2001; Риер, 2003, с. 86–87]. При этом литовским князьям хватило понимания «не рушить старины», то есть сохранять в присоединенных землях местные обычаи и порядки, что способствовало политическому объединению. Гибкую систему управления разных частей и уделов, сложившуюся в ВКЛ, внимательно рассмотрел еще Довнар-Запольский [Довнар-Запольский, с. 66–68]. «*Для поддержания стабильности государственной системы важно было соблюдать традиционный уклад жизни населения, навязывание иных по содержанию и процедуре изъятия налогов-дани грозило опасностью разрушения хрупкого равновесия “Литовско-Русского” государства*» [Темушев, 2015, с. 253].

Вообще-то, подобная тактика была характерна для наиболее успешных завоевателей. Вспомним эпоху арабской экспансии и время Дамасского халифата с религиозной и культурной толерантностью тогдашних арабов. Да и монголы на Руси также предпочитали не вмешиваться во внутренние распорядки, и с православной церковью поладили.

Впрочем, литовская знать, хотя и не чуралась интеграции со славянско-православной элитой, сохраняла свою особость, и, очевидно, в качестве противовеса проявляла заинтересованность в связях с за-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

падом, где располагался другой естественный ее союзник в борьбе с крестоносцами – Польша. Через нее, вместе с католичеством воспринимались и другие элементы западноевропейской цивилизации, которые в течение XV–XVI вв. существенно преобразовали внутреннюю жизнь славянского населения ВКЛ. С упадком и гибелью Византии здесь усилилось и западное культурное влияние: в XIV–XVI вв. распространяется готика, а с середины XV в. – и ренессансные мотивы [Тумаш, с. 463–467].

Однако, в том, что касается наших земель, следует согласиться с В.Л. Носевичем: «*Западный вектор не имел местных корней, но в течение столетий после Кревской унии действовал через посредство государства, понемногу становился привычным (хотя это и не могло затушевать его чужеродные черты). Восточный вектор был более традиционным, поскольку и Московская, и местная "Литовская" Русь были прямыми преемницами одной цивилизации – Киевской Руси XI–XIII вв., сокрушенной татарским нашествием. Но это не значит, что те черты, которые сформировались в Московском государстве в тесном и обоюдоостром взаимодействии с Золотой Ордой и придали ей черты особой, качественно новой цивилизации, были совершенно близки и понятны жителям Великого княжества Литовского. В какой-то мере эта цивилизация тоже стала чуждой, внешней, отождествление с ней требовало определенной адаптации*» [Носевич, 2004, с. 105].

Диссонансом к представленному материалу и выводам из него выглядит роль ВКЛ в оценке уже упоминавшегося российского исследователя В.И. Пантина: «*В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западнохристианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине*» [Пантин, 2012, с. 96]. Чего здесь больше, незнания исторической «фактуры» (автор сего пассажа, напомню, пришел в историю из химии), или политической ангажированности?

Во-первых, ВКЛ никого не «отрезало», а сложилось не менее естественно в той обстановке, как и Московская Русь и даже несколько раньше ее.

Во-вторых, *западнорусскими* земли приднепровских славян стали лишь после разделов Речи Посполитой, когда оказались в составе России в конце XVIII в. (Левобережная Украина – с середины XVII в., после Переяславской Рады).

В третьих, в рамках ВКЛ эти земли сохранили географический и исторический континуитет с Древней (Киевской) Русью, в отличие от Северо-Восточной Руси, формировавшейся на далекой окраине

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

древнерусского «мира» и даже вне его пределов там, куда из-за ордынского угнетения ушла часть древнерусского населения.

Итак, **на нашей территории государственность последовательно формировалась в рамках древнерусских княжеств, прежде всего – Полоцкого, затем – в рамках ВКЛ.** Начальное время появления именно государственных структур, очевидно, надо отсчитывать с «удельного периода» Руси, с XII в.

При этом, учитывая средневековые этнополитические реалии, в рассмотренное время можно вести речь не о собственно белорусской государственности, а о становлении и развитии государств на будущих белорусских землях. Поскольку в средние века население здесь уже было стабильным и постепенно складывалось в белорусский этнос, его представители – в первую очередь местная шляхта – естественно, входили в соответствующие государственные институты и административно-политические структуры. Языком, на котором велась государственная документация, как известно, был древнерусский, в последующем, вследствие его распространенности среди формировавшегося белорусского населения, вполне обоснованно названный *старобелорусским*. **Все это позволяет видеть в рассмотренных процессах начало формирования собственно белорусской государственности**, которая, однако, не была реализована в период формирования национальных государств в Европе из-за известных драматичных событий второй половины XVI–XVIII вв. Но эти проблемы уже выходят за рамки тем, очерченных в данных Очерках.

Выводы.

1. Географические условия Восточной Европы – равнинный рельеф и континентальный климат – способствовали длительному сохранению у восточных славян сплоченной общины без формирования обособленной крестьянской земельной собственности. В таких условиях переход от родовой к территориальной, соседской общине начался в конце I тыс. н.э. и завершился в XI–XII вв.

2. Социальное расслоение четко фиксируется с VIII–IX вв. появлением городищ – резиденций знати.

3. С конца VIII в. на Среднем Днепре начинает формироваться потестарное общество: осуществляется переход от родовой организации к предгосударственной форме – вождеству. Существенное влияние на этот процесс оказали Хазарский каганат и военно-купеческие отряды норманнов.

4. Политический статус Руси при первых Рюриковичах определяется как сложное вождество.

5. Время вождеств на Руси, по крайней мере, вдоль пути «Из Варяг в Греки», завершается к концу X – первой половине XI в. С этого време-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ни, особенно с правления Ярослава Мудрого начинает формироваться раннегосударственная организация.

6. В Древней Руси формировались раннефеодальные социальные порядки, но без гарантий прав на землю служилому слою, что воспрепятствовало появлению рыцарства.

7. С XII в. отмечается множественность древнерусских государств: формируются самостоятельные, суверенные княжества – земли. В рамках этого процесса складываются первые государства на территории будущей Беларуси.

8. Полоцкое княжество формировалось параллельно Киевскому и на ранних этапах его можно считать вождеством, постепенно преобразовывавшемся в раннее государство. Оно первым проявило самостоятельность по отношению к Киеву, тогда как Туровское княжество оставалось подчиненным ему.

9. У балтских племен в силу их географического расположения долго сохранялись родовые отношения. Дружины с предводителями определенно прослеживаются с X в., но массовыми становятся в XI–XII вв. Тогда же первое среди литовских племен вождество в бассейне р. Нерис, в XIII в. при Миндовге превратилось из простого в сложное. Раннее государство можно фиксировать с первой половины XIV в., с эпохи Витеня и Гедимина.

Итогом длительного процесса политического развития со времени Миндовга и до начала XIV в. стало формирование Великого княжества Литовского, политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

> «Даже обыкновенный, заурядный историк, который, может быть, думает и утверждает, что он пассивно воспринимает и доверяется лишь данному, и тот не является пассивным в своем мышлении, а привносит свои категории и рассматривает при их посредстве данное»
>
> [*Гегель*, с. 65]

Как уже отмечалось во введении, **поскольку прошлое нельзя воспроизвести, даже в виде эксперимента, достоверность исторических интерпретаций можно определить проверкой на логичность.** То есть, если некое событие или процесс выявлены, поняты и изложены правильно, то их последствия также должны быть именно такими, какие вытекают из известных нам источников. Если же эти последствия плохо увязываются с предыдущей историей, значит или мы ее плохо поняли, или у нас недостает, что часто бывает, информации.

Чем же, все-таки, интересно прошлое? Соглашусь с мнением петербургского филолога и историка Евгения Голлербаха: «*В истории, что бы мы ни думали об этом, все повторяется*» [http://www.svoboda.org/content/transcript…]. Не адекватно, конечно. Ведь накапливается опыт, расширяются информационные потоки. Но так же как люди, благодаря единой для своего рода физиологии, в принципе, одинаково реагируют на внешние раздражители, так и человеческие сообщества в своей реакции, «ответах на вызовы» реагируют сходными, подобными друг другу способами. Задачи историков – выявлять эти общие закономерности и их проявления в конкретных случаях. И если выявляются противоречия, объяснять их причины и последствия. Естественно, поскольку в истории как науке властвует не факт, а его интерпретации, историк должен осознавать всю полноту своей ответственности. Постараемся помнить об этом и в выводах.

История становления государственности в средние века актуальна тем, что именно в эту эпоху сформировались основные европейские государства, в той или иной конфигурации существующие и поныне. История их долгого, порой мучительного создания многое проясняет в судьбах народов континента.

Хотя нередко в литературе государствами называются любые образования уже с поздней первобытности, мы попытались доказать, что это не точно. Строго говоря, к государствам в их современном понимании следует относить сообщества с устойчивыми институтами и формами управления, которые принимаются и исполняются не только самой властью, но и, по крайней мере, большинством населения.

Насилие и принуждение, вопреки привычному в нашем сознании определению государства как органа угнетения, изначально не было ведущим.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Государство возникло не сразу, а, как было показано, лишь тогда, когда власть становилась наследственной, как и принадлежность к правящему сословию, которое отделялось от остального населения. И постепенно основная задача государств от организации и защиты всех жителей сузилась до организации, обеспечения и защиты своих структур.

В рассматриваемое время это произошло при становлении феодальных порядков. Именно тогда государственная власть стала восприниматься как отделенная от общества сила с особыми правами. И такое представление просуществовало в Европе до эпохи Просвещения, когда из новой, буржуазной среды выделилось представление об *общественном договоре* народа с выбранными им администраторами (чиновниками) об организации управления в общих интересах. Но эти представления возникли и привились там, где уже в средние века сложилась культура городского самоуправления и, производно от этого – рыночных свобод. Общества, не знавшие городской демократии, сохранили отношение к государству, как власти деспотической, в духе древнекитайского *легизма*. Именно эту форму, опираясь на российский опыт, воспроизвел В.И. Ленин в известном понимании государства как аппарата насилия и принуждения.

Если же вернуться ко времени становления государств, то четких определений тогда, естественно, не было. Названия из документов того времени, которые переводят как царство, королевство, держава, империя отражают, как правило, или представления самих составителей, обычно из духовенства (чаще это тексты договоров между правителями или военачальниками), или весьма условные переводы нашего времени, приспособленные к современным представлениям и понятиям[1]. При этом практически все европейские средневековые тексты, под влиянием христианства и отдельных античных примеров (времен Римской империи) подводили свои описания и определения под древние образцы. Оттого буквальное восприятие значения многих терминов может грозить ошибкой[2]. Очевидно, поэтому распространенные в современной литературе названия «государство» в применении к самым ранним этапам их формирования можно считать условными, фиксирующими лишь начало создания того, что станет государством в будущем. А переходный период от первобытности к государству правильнее же будет определять как *вождество*.

Процесс массового строительства государственности в Европе растянулся, как было показано, почти на целое тысячелетие, начавшись с образования «варварских королевств» на территории разрушенной западной части Римской империи и приграничных с нею землях. Германцы раньше других европейских варваров начали выходить из первобытности, прежде всего из-за специфического размещения на континенте – на бедных землях вдоль изрезанных берегов Скандинавии, что способствовало развитию мореходства и выходу за пределы первоначального расселения. Отсюда – динамизм хозяйственного развития в начале новой эры способствовал «*росту общественного богатства, что создавало возможность*

[1] Подробнее мы на этом останавливались при анализе «империи Рюриковичей».

[2] Это мы разбирали на примере белорусского историка права И. Юхо.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

для содержания большего числа людей, не занятых производительным трудом. Возрастающая по численности знать испытывала потребность в накоплении богатств, средством добывания которых становились походы на земли Римской империи (у германцев) и Византии (у славян). Такие походы были как бы подготовительным этапом к переселению» [Буданова, Горский, Ермолова, с. 255].

Кельты, до германцев самые активные в лесной зоне Европы, в силу своей распыленности не сумели нигде добиться такой концентрации населения, каковая могла бы обеспечить у них обособление знати. В итоге они встретили римлян разрозненными племенами и наскоро организованными союзами, что было недостаточно для борьбы с уже вполне сложившимся римским государством. Иными словами, кельты успели создать только начальный этап потестарных обществ – вождества.

Германцы, расселяясь в Центральной Европе на бывших кельтских землях, довольно быстро достигли римских территорий. Соприкосновение с Империей, безусловно, ускорили у них формирование дружин и переход к вождествам. Начало этого процесса обозначено уже в сообщениях Тацита, то есть в I в. н.э. Ускорен он был вторжением гуннов и продолжался на Западе вплоть до VIII–IX вв. Самые ранние государства у германцев появились прежде всего в бывших римских владениях, позже – за их пределами, но вблизи. Так что влияние Рима в государствогенезе германцев было велико.

Славянское население, удаленное от античного мира, в политическом аспекте развивалось медленнее. Соседство с Византией не ускорило эти процессы, ибо славяне, в отличие от германцев, если и оказывались на позднеримской территории (в Византии), то растворялись там в местном населении. Первое вождество, затем переросшее у них в раннее государство – Первое Болгарское царство – возникло на Нижнем Дунае к концу VII в. под воздействием тюрок-болгар. В Центральной Европе первое славянское вождество фиксируется еще раньше, в 623 г. – Само. Но к середине столетия оно распалось практически без следа, ибо создано было исключительно из-за внешней угрозы – аваров и не имело внутренних предпосылок: наличия устойчивой социальной верхушки – уже выделившейся знати.

Самостоятельно протогосударство возникло на том же Среднем Дунае позднее, в IX в. у моравян, но и то вследствие противостояния немецкому нажиму. В польских землях племенная консолидация началась в IX в., а раннегосударственные черты можно увидеть лишь к концу правления Болеслава Храброго, к началу XI в. Аналогичные процессы у чехов происходили в X–XI вв.

Полабские славяне не успели даже консолидироваться в сложное вождество. На Балтике, в западном Поморье государственность формировалась, в большей степени, под влиянием торговли и за ее счет. Попытки вендских королей опираться на более широкие слои населения успеха не имели из-за отсутствия структурированной знати, еще не осознавшей необходимость новой, надплеменной организации.

Похожая ситуация складывалась к рубежу I–II тыс. на северо-западе Балкан, у сербов и хорватов. Им мешали консолидироваться и ландшафт-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ные особенности – горный рельеф, разделявший заселенные долины. Ранняя государственность из вождеств там складывается не ранее XI–XIII вв.

Специфичным было появление **Венгерского королевства**. Оказавшись в Паннонии, они в исторически короткое время сформировали внешнюю оболочку государственности. Но эта быстрота сказалась в дальнейшем – венгерская элита еще не одно столетие никак не желала укладываться в государственные порядки. Отсюда многочисленные заговоры, смены королей вплоть до конца средневековья и турецкого разгрома. **В румынско-молдавском регионе** только в XIV в. сложились предпосылки для формирования раннегосударственных форм, ускорили сложение которых опять таки внешние опасности, прежде всего – турецкая.

В Восточной Европе стержнем общественно-политических преобразований оказался торговый путь «Из Варяг в Греки», вдоль которого сами торговцы, и одновременно воины организовали стабилизирующие формы – сначала простые вождества, потом – сложное с центром в Киеве. С удельного периода оно переросло в раннее государство – названную много позднее историками Киевской Русью.

Здесь движущей силой, в отличие от Запада, в том числе и от западных славян, оказались разноэтничные дружины, которые укрепившись в опорных центрах, стали постепенно осваивать восточнославянскую периферию – племенные княжения. Из этого конгломерата, уже при ассимилированных иноплеменниках возникли удельные княжества с разной степенью независимости. Среди них наибольшую самостоятельность, особенно во внешних связях, приобрели, кроме Киевского, Полоцкое и Галицко-Волынское княжества, а также северо-западные городские республики. Но монгольское нашествие прервало плавное течение событий.

В этих условиях серьезной оказалась и угроза крестоносцев с северо-запада. Она же ускорила и вызревание условий для выхода из первобытности балтов. В XIII в. у них сложилось вождество, в XIV в. переросшее в раннее государство – Великое княжество Литовское, которое оказалось стабилизирующим фактором в Поднепровье и Подвинье.

А дальше на восток, на базе вассальных от Орды княжеств постепенно возникало новое государство – Московская Русь. Но это уже – другой сюжет.

Процессы создания государств в разных регионах Европы различались не только хронологией.

В Западной Европе сложилась система вассально-ленных отношений с существенной автономией местных феодалов, с гарантированными правами на земельные владения, при которых суверенными землями монарха считались лишь его семейные, родовые именья. Эта система опиралась на синтез германских аллодов и дружинных порядков с римским правом, античным отношением к собственности. Из таких порядков выросли западные монархии, в которых короли были ограничены четкими правами дворянского сословия, что не только предотвратило формирование авторитарных форм правления, но и породило сословно-представительные учреждения. Показательно, что такие порядки распространились на все

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

территории, где государства создавались германцами, даже отдаленные от Рима. Имеется в виду Скандинавия и Британия после завоевания англо-саксами. Очевидно, главным для такой формы организации власти были германские традиции аллодиального землевладения.

Иная форма государственности преобладала в государствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, где одной из важнейших черт стало опережающее утверждение централизованного управления подданными. Причиной этого, еще раз укажем, была более прочная, чем у германцев, община, в которой отсутствовали безусловные наследственные права на семейные наделы типа аллода. Из-за этого у славян в рассматриваемое время не сложилось представлений о возможности индивидуального владения землей. Наоборот, в ментальности надолго сохранялось первобытное осознание общности прав на землю как на совместное достояние общины и (или) племени. Отдельными участками можно было пользоваться, но не более того. С выделением княжеской власти право наделения землей перешло от общины к правителю. Но и он не мог ни сам «приватизировать» землю, ни позволить это сделать другим. В этом был источник силы княжеской власти, но и, одновременно, источник ее потенциальной слабости. Не имея права наделять землей своих военных слуг-дружинников, князья вынуждены были держать основную дружину при себе, содержать ее, для чего им и приходилось настойчиво бороться за централизованный сбор ренты с подданных. На это, на выколачивание податей и даней, на эксплуатацию податного населения, уходила основная энергия княжеской власти, в том числе и самой дружины.

В Западной же Европе короли, опираясь на сложившиеся еще в варварской среде представления об индивидуальных наследственных земельных наделах, раздавали земли в такие же владения своим военным слугам и, тем самым, снимали с себя заботы об их содержании. Это на определенном этапе вело к ослаблению королевской власти и той «разнузданной» раздробленности на Западе, которую не испытали славянские народы при переходе к развитому средневековью. Но избавление королевской власти от бремени повседневной заботы о государственной экономике избавило и подданных западных государств от содержания огромного административного и фискального аппарата, чьей единственной целью было собирать и перераспределять подати. В итоге и у трудящихся, и у правящего сословия на западе континента оставалось больше ресурсов для собственного существования, что, в конечном счете, способствовало ускорению общих темпов развития и последующему вытеснению из общественно-экономической жизни всего феодального сословия в ходе так называемых буржуазных преобразований.

Формировавшиеся в Центральной Европе государства имели столь много общего, что «*невозможно преодолеть впечатление, что они строились по единой модели, либо самопроизвольно возникшей, либо заимствованной откуда-то в готовом виде*» [Тржестик, 1987, с. 125]. Исследователь назвал эту модель среднеевропейской и подчеркнул, что она не была обусловлена этническим единством региона. Ведь наряду с чехами

Электронный репозиторий МГУ имени А.А. Кулешова

и поляками аналогичные черты сложились не только у славян-земледельцев, но и у венгров – изначально кочевников.

Особенностью группы, которую обычно называют дружинной аристократией, нобилитетом или раннефеодальным дворянством в Центральной Европе было отсутствие у нее прав собственности на большие земельные владения и на непосредственных производителей. Свое положение она приобретала лишь благодаря службе правителю и его роду. Прибавочный продукт, собиравшийся именем князя, затем распределялся среди «верных людей» в соответствии с иерархией занимаемых ими должностей, личными заслугами или желанием государя. Таким образом, не частная собственность на землю и людей, а обладание должностями при дворе и в провинциях открывало знати путь к превращению в реально господствующее сословие, оформлявшееся в XI–XII вв.

В такой ситуации основной опорой центральноевропейских государств стала так называемая «градская организация», т.е. территориальное, юридическое, полицейское и военное управление, опирающееся на грады (укрепленные резиденции), в которых жили чиновники, наместники правителя-князя. Но действенность такого контроля зависела от численности государственного аппарата. Этот аппарат необходимо было также содержать и награждать.

На Западе эту проблему решали путем выделения ленов (феодов) из владений правителя. В центральноевропейских государствах избрали другое решение: правитель предоставлял своим людям долю из своих же доходов. То есть, он давал им не землю и людей, а часть того, что взималось с подданных и свозилось в грады. Все правящее сословие, таким образом, жило на государственные доходы и материально зависело от правителя. Такую централизованную систему обеспечения потребностей правящего сословия питала и соответствовавшая ей централизованная система управления экономикой. Ученые назвали ее «служебной системой». Она ориентировалась не на организацию производства, а на удовлетворение самых различных потребностей государственного аппарата; должна была не производить материальное имущество, а предоставлять все необходимые службы, содержать, снабжать и обслуживать правителя и его людей. На Западе нечто подобное существовало лишь в имениях правителей и церкви, и в гораздо меньшем масштабе [Тржестик, 1987, с. 126].

В славянских государствах Центральной Европы осознание индивидуальных прав на землю происходило под внешним влиянием, по инициативе знати, желавшей сравняться с правами своих западных собратьев-феодалов. Создание феодальных поместий и преобразование королевской власти из централизованной в договорную с феодалами-вассалами началось с XI–XII вв. раздачей иммунитетов, Золотыми буллами и завершилось лишь в XIV–XVI вв. формированием сословных монархий с выборными королями и внедрением в крестьянский мир так называемого немецкого права с четко очерченными обязанностями и правами крестьян на земельные наделы. В условиях начавшегося изживания феодальных порядков в западноевропейской экономике (усиления роли городов и рыночного хозяйства)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

центральноевропейские страны оказались в хозяйственной зависимости от Запада. Образование сословных монархий в Центральной Европе также ослабило государства региона.

Похожими были и судьбы балканских государств. На их развитии сказалось сильное влияние Византии. Но, в отличие от последней, у них не произошло обожествления, сакрализации верховной власти. Вследствие этого и церковь, несмотря на первоначальную почти полную зависимость от князей, в конечном счете, не оказалась в столь сильном подчинении от светской власти, как в империи. Но судьбы балканских государств оказались трагичнее из-за турецкой агрессии, прервавшей естественный ход событий.

Дальнейшее развитие центральноевропейских государств, как отмечалось, происходило в рамках сближения с западными соседями как в хозяйственном, так и в политически-династическом аспектах. «*Начиная с XII в. судьбы чехов, словаков, поляков, хорватов и словенцев оказались тесно связанными с Западной Европой: в большинстве случаев западноевропейские модели давали импульс возникновению и оказывали влияние на развитие их социальной, религиозной, литературной и культурной жизни. В этой ситуации логично предположить, что политическая организация этих стран также определялась западноевропейскими институтами*» [Дворник, с. 160].

Важным катализатором становления государственности практически у всех европейских народов была христианская церковь. Заинтересованное в поддержке духовенство активно помогало правителям в укреплении их власти. Эта помощь создавала определенный моральный и идеологический микроклимат, позволявший знати обосновывать свою роль в обществе. Ведь первобытные, родовые традиции, допускавшие возвышение старейшин и вождей, препятствовали формированию наследственных правящих кланов. Правители с окружавшими их дружинниками оставались членами племен, принципиально равными остальным сородичам, но наделенными особыми правами на управление. Стремление же этих сил выделиться, обособиться противоречило принципам первобытного равноправия. Легче было завоевателям, и тогда государственность формировалась быстрее, как, например, в Болгарии. На Руси присутствие иноплеменных дружинников-варягов со своими предводителями также ускорило создание государства (по сравнению с Западной Европой это произошло примерно в 2 раза быстрее, в течении лишь двух столетий – в X–XI вв.). Яркий пример – динамичное превращение Полоцкого вождества Рогволода в самостоятельное княжество при Рюриковичах. Но и здесь, как и в Болгарии при Борисе, крещение стало существенной вехой и ускорило построение государственных структур.

Крещение, принятие новой веры, освященной непонятными, но все равно почитаемыми варварами атрибутами позднеримской культуры выделяло новообращенных среди своих соплеменников, как бы узаконивало их право управлять. Крещение выводило неофитов за рамки первобытных традиций. Церковь поощряла это осуществлением особых обрядов коронации и наделения титулами. Так принятие христианства превращало знать

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в особую касту. Последующее крещение остальных подданных в создаваемых государствах не только не изменяло положение знати, но и еще более разрушало первобытные традиции. П.П. Толочко подчеркнул роль православной церкви в создании древнерусской государственности [Толочко, 2011, с. 185–190]. Но ту же роль, хотя и в несколько иной форме, сыграла и Римская церковь на западе Европы. Она также освящала власть монархов и государственные порядки.

В принятии новой религии значительную роль играло и стремление молодой знати занять самостоятельное место в политической структуре Европы, установить равноправные отношения с христианскими соседями. При этом правители стремились не допустить попадания своих государств в зависимость от более сильных государств. Неслучайны повсеместные и настойчивые попытки этих правителей обеспечить церковную самостоятельность своих владений путем создания особых церковных епархий или даже особой автокефальной церкви. Вспомним усилия болгарского царя Бориса в IX в., создание Гнезненского архиепископства в результате целенаправленной политики польских Пястов в 1000 г., неоднократные попытки чешских Пржемысловичей добиться создания архиепископства в Праге. На этом историческом фоне представляется, что и особое архиепископство для Великой Моравии было результатом целенаправленной деятельности великоморавских правителей, интересы которых отстаивали перед папской курией Кирилл и Мефодий.

Показательно, что те силы из знати, которые противились крещению и демонстрировали приверженность старым порядкам, быстро терпели поражение. Вспомним хотя бы бунт сына царя Бориса – Владимира – в Болгарии. Там же, где княжеская власть оказывалась неспособной опереться на новую религию, как в полабских землях, государственность не сохранялась.

Усиливавшаяся, в том числе с помощью церкви знать, вырвавшаяся за рамки прежних традиций, получила возможность укреплять свое положение и за счет остальных соплеменников, перенося на них формы эксплуатации, принятые по отношению к завоеванным народам. Родовые земельные владения представителей правящего сословия начинают расти за счет «общенародных угодий», увеличиваются поборы. Так начинается процесс феодализации, в котором государственная власть из общенародной превращается в эксплуататорскую.

Для стабильности ранних государств большое значение приобретал порядок передачи власти преемникам. Обычай требовал раздела имущества умершего между всеми сыновьями, что и было характерно для вождеств – первого этапа построения государственности. Выделение особой доли старшему сыну, который обычно становился верховным правителем, вступало в противоречие с первобытной демократией, что вызывало многочисленные конфликты, усобицы между наследниками и затягивало преобразование вождеств в ранние государства. На начальных этапах задача сохранения государственной целостности обычно решалась, как мы видели, физическим устранением братьев и других родственников-конкурентов. В дальнейшем, с развитием феодальных порядков, в Западной Европе возник принцип май-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ората. Вместе с христианством он распространился и в странах Центральной Европы. Но он не укоренился настолько, как на Западе, что, вероятно, было связано с отсутствием здесь аллодиальных традиций.

По мере консолидации раннегосударственных образований и в стремлении правящих династий к легитимности своего положения формируются и идеологические обоснования особости того или иного народа и прав его правителей. Появляются предания, утверждавшие происхождение правящего рода от предков, получивших власть чудесным образом, при помощи богов (или самих являвшихся богами). Можно вспомнить миф о происхождении династии Меровингов от потомков спутницы Христа – Магдалины. Миф снижал святость Христа и потому не поддерживался официально в средние века, но дошел до наших дней. То же относится и к преданию о предках чешского княжеского рода Пржемысловцев (Пржемысловичей). Пржемысл и «пророчица» Либуша были первоначально богами, «чудесный брак» которых обеспечивал плодородие земли и, следовательно, главные условия существования их племени. С этим браком стало связываться представление о появлении власти и общественного порядка, что отражает переосмысление легенды в интересах княжеской власти.

В процессе формирования государственности происходили не только социальные, религиозные, но и этнополитические изменения: образовывались новые общности, называемые обычно *народностями*, важным элементом которых становилось этническое самосознание. При неустойчивых, часто менявшихся государственных границах формировавшееся этническое самосознание в условиях нередкой политической разобщенности сохраняло память об общем происхождении, единстве языка и культуры. Характерный пример – история *словаков* и *хорватов*, сохранивших самобытность в условиях власти венгров, или *карантанцев (словенцев)* – оказавшихся под немецким, затем австрийским господством. В иных условиях из единых этнических массивов могли выделяться отдельные народности, что и произошло с восточными славянами в условиях политических изменений первой половины II тыс. – сложения государственности, распада на уделы, а, затем, формирования новых территориально-политических общностей в условиях монгольской агрессии с востока и конфликтов с крестоносцами на западе.

Особо следует отметить наши земли и, шире, Восточную Европу. Сложные процессы развития этой части континента в силу обширности территории, соприкосновения нескольких этнических массивов (славян, балтов, финно-угров), соседства с беспокойным кочевым миром евразийских степей, крайняя ограниченность источников о начальных этапах государствогенеза породили много нерешенных проблем. Прав П.П. Толочко: «*Приходится констатировать, что, несмотря на большое число работ, проблема древнерусской государственности так и не получила адекватного разрешения. Суждения историков оказались не только разноречивы между собой, но, нередко, и внутренне противоречивы. Сказанное относится как к пониманию социальной природы отдельных властных институтов, так и древнерусской государственности в целом. Для одних Русь X–XIII вв. полноценное*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сословно-классовое государство, для других – общинно-родовое образование». И далее он полемизирует с теми, кто сомневается в существовании единого Древнерусского государства [Толочко, 2011, с. 5–8].

Здесь, очевидно, надо остановиться. Ибо основные точки зрения были рассмотрены выше, и следует признать существование в данном вопросе такой же патовой ситуации, как и в поисках начала славян. Что ж, признание наличия нерешенных проблем позволяет наметить направление дальнейших поисков, в чем, собственно, и состоит суть любой науки.

В целом же, как было показано, процесс формирования государств в средневековой Европе включал в себя целый спектр природно-географических, этно-демографических, хозяйственных и социально-политических преобразований, охватывавших I – начало II тыс. н.э. Сравнительный анализ этих преобразований представлен в предлагаемой сводной таблице становления исходных структур государствообразования у европейских варваров (табл. 1).

В таблице показано хронологическое развитие основных социальных слоев варварского мира и идеологических процессов (христианизации) в нем. Распространение укрепленных резиденций и христианства везде в тогдашней Европе довольно четко определяло выделение государствообразующего слоя – знати. Резиденции фиксировали ее обособление, а новая религия сакрализировала (освящала) ее особые права в прежних племенных структурах. Состояние социальных групп (крестьян, дружинников, затем рыцарей, правителей) определяло уровень развития конкретных обществ в соответствующие хронологические периоды. Имеются в виду внутрикрестьянские взаимоотношения (прежде всего организация землепользования: коллективные или подворные, семейные права на землю), которые определяли и темпы, и порядок формирования правящего слоя, а также характер его землепользования. От данных процессов зависели, как отмечалось, направленность, темпы и формы преобразования дружинников в обособленное сообщество профессиональных воинов – рыцарей, а также знати. Состояние и права знати определяли и уровень власти правителей. Таким образом, развитие указанных структур определяло весь процесс создания государств на рассмотренных территориях.

Регионы, выделенные в левой колонке таблицы, сгруппированы по принципу единства социальных структур и темпов их развития. Названия регионов даны условно, в сочетании этнических и географических признаков. Данные о франках представлены с IV в., ибо ранее их в Галлии не было. Вопросы во многих ячейках о славянах и литовцах отражают отсутствие внятных сведений о состоянии поземельных и собственнических отношений в соответствующие столетия.

Как видно, наиболее четким признаком, хотя и с трудом выявляемым, прежде всего, по археологическим данным, являлось крестьянское землепользование. Там, где оно было общинным, дольше сохранялось первоначальное равенство и медленнее вычленялась знать. Там, как у франков и вообще у германцев, где уже изначально (в рассматриваемых хроноло-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гических рамках) существовало индивидуальное (подворное) землепользование (аллоды), знать выделялась раньше, ибо она могла закреплять за собой земельные владения.

Соответственно, и все остальные процессы генезиса государства: структурирование дружины как особого надплеменного аппарата управления и принуждения, превращение прежних племенных военных предводителей – вождей – в правителей (конунгов, впоследствии королей у германцев, князей у славян), христианизация были, как рассмотрено выше, жестко связанны с формами организации крестьянского землепользования и землевладения.

Сами государства, если исходить из современных теорий политогенеза, в процессе формирования проходили 3 стадии, обозначенные в таблице цифрами. Под протогосударствами (вождествами) (№ 1 в таблице 1) понимаются образования с уже сложившейся дружиной и правителями, но еще без сакрализации власти последних, возможной частой сменяемостью благодаря сохранению большой роли массовых первобытных структур: народных собраний и советов старейшин в разных формах. Дружина и ее предводители еще окончательно не отделились от народа.

Для ранних государств (№ 2 в таблице 1) характерно уже отделение дружины как управляющей силы, формирование особого правящего слоя – знати. Но, при этом, отсутствовал такой привычный нам атрибут государства, как эксплуатация рядового населения. Знать, как правило, жила за счет военной добычи, труда неполноправных (обычно иноплеменников, военнопленных) и нерегулярных, часто добровольных подношений населения контролируемых территорий как платы за охрану и несение третейских судебных функций.

Наконец, с началом регулярного сбора податей с собственного населения и появления для этого соответствующей, финансируемой за счет народа структуры принуждения и насилия формируется привычное для нас традиционное государство (№ 3 в таблице 1).

Безусловно, объединение указанных параметров в единой таблице потребовало предельной схематизации и обобщения. Каждый регион и каждая структура, в свою очередь, имеют локальные типологические и хронологические варианты, о чем уже шла речь в наших Очерках. Цель представленной таблицы – выделить и сопоставить основные тенденции развития и наглядно синхронизировать процессы образования государств у европейских варваров.

Общая хронология становления варварских государств в раннесредневековой Европе представлена в заключительной сводной таблице (таблица 2). Как видно, процесс этот на первый взгляд выглядит довольно хаотично. Что естественно для почти целого континента с разными природными условиями и разной близостью/удаленностью от соседей. Запад располагался и теперь располагается в умеренной климатической зоне с обширным выходом к незамерзающим морям. Также Запад, как и Юг, находился в зоне влияние античного общества. Восток континента от всего этого был удален, климат там – континентальный. Но, главное, он граничил со степью и всеми производными от этого соседства «радостями» общения

Электронный архив Библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

с кочевниками. При этом, заметим, агрессивность последних определялась также естественными причинами – в бедных ресурсами степях иной тип хозяйства, кроме кочевого скотоводства, был невозможен. Но он требовал обширных, неокультуренных площадей. Оказывавшееся в зоне их интересов земледельческое население они или попросту сметали, расширяя за их счет территории своих кочевий (как Дикое Поле в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье), или использовали в качестве дополнительных источников существования. Ибо кочевая жизнь не рождала столь необходимое для развития жизни профессиональное ремесло. Да и растительная пища была не лишней. В принципе, без нее кочевник мог прожить, но она могла храниться, ее можно было откладывать в запасы, чего не могло предоставить животноводство.

Но и «внутри» выделенных регионов Европы были свои различия. Северо-восток континента с таежной растительностью был слабо заселен и его жители – охотники и промысловики из финно-угров – так и не успели в средние века развиться до государственной организации. Близкие к ним по размещению балты создали свою государственность, но относительно остальной Европы, поздно, да и то благодаря объединению с ближайшими восточнославянскими соседями. ВКЛ, если кратко, во многом укрепилось древнерусскими раннегосударственными традициями.

Народы Центральной Европы – западные славяне, довольно дружно, вследствие общего происхождения и единой природной среды, перешли к потестарным обществам. Ну, а дальше развивались исходя из местных обстоятельств (наличия очагов плотного населения, уровня активности тех, или иных знатных родов) и действий соседей (примеры: отношения Великой Моравии и Немецкого королевства в IX в., поглощение полабских и поморских славян немцами). Пример Венгрии – уникален как демонстрация быстрого преобразования кочевого социума в оседлое, типично европейское государство.

Народы Северных Балкан – южные славяне и потомки фракийцев (румыны) развивались под влиянием соседей, прежде всего – Восточной Римской империи – Византии. Наиболее существенным оно сказалось на Болгарии, что и видно на схеме (табл. 2). В меньшей степени это влияние проявилось в истории Сербии. Хорватия и Карантания оказались в зоне германского и римского воздействия.

Наконец, народы Западной Европы в наиболее благоприятных для континента географических условиях, с умеренным римским влиянием, и, что важно, почти без давления со стороны номадов (кроме гуннов), развивались устойчиво и последовательно. Скандинавский регион можно было выделить особо. Но, имея исходную базу в германских хозяйственных, социальных и культурных традициях, он постепенно сближался с западноевропейским обществом, пока не слился с ним к завершению «классического» средневековья.

Таков был итог развития государственности в средневековой Европе – основе ее нынешнего существования со всеми его достижениями, сложностями и противоречиями.

Электронный абонемент ЦНБ БГУКИ им. А.А. Кулешова

Таблица 1

Развитие социально-политических структур в варварской Европе I – начала II тыс.

Регионы \ Века	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Франки в Галлии	--	--	--	⌂ +	**1**⌂ + Ω	**1**⌂ + † Ω	**1**⌂ + † Ω	**2**⌂◙ +‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω
Германцы Центральной Европы	⌂ +	⌂ +	⌂ +	?+	⌂ +	⌂ +	⌂ +	**1**⌂ + †	**2**⌂ +‡ † †	**3**⌂◙ ‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω	**3**◙ ‡ † Ω
Британия	▮	▮	▮	▮	▮	▮⌂ +	**1**⌂ + Ω	**1**⌂ + Ω	**2**⌂ + Ω	**2**⌂◙ +‡ † Ω	**3**⌂◙ +‡ † Ω	**3**◙ +‡ † Ω
Скандинавия	⌂▮	⌂▮	⌂▮	⌂▮	⌂▮	⌂▮	⌂▮	**1**⌂▮ +	**1**⌂▮ +	**1**⌂▮ + Ω	**2**⌂▮ + † Ω	**3**⌂▮ +‡ † Ω
Славяне Центральной Европы	?	?	?	?	▮	▮	▮	**1**▮ +	**1**▮ + Ω	**1**▮ + † Ω	**2**▮ + † Ω	**3**▮⌂ + ‡ † Ω
Сербы, хорваты на Балканах	?	?	?	?	▮	▮	▮	▮	**2** ⌂ ◙ + Ω	**2**▮⌂◙ + † Ω	**3**▮⌂◙ + † Ω	**3**▮⌂◙ + † Ω

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Болгары					▇	▇	**1**▇ Ω	**1**▇ Ω	**2**▇⌂◙ + Ω	**2**▇⌂◙ + † Ω	**3**▇⌂◙ + † Ω	**3**▇⌂◙ + † Ω
Славяне Восточной Европы	?	?	?	?	▇	▇	▇	**1**▇ +	**1**▇ + Ω	**1**▇ + † Ω	**2**▇ + † Ω	**3**▇ + † Ω
Литва	?	?	?	?	?	?	?	⌂ +	⌂ +	⌂ +	**1**⌂ +	**2**⌂ + Ω

? – нет данных (ранняя община – ?)
▇ – коллективное землепользование
⌂ – индивидуальные крестьянские дворы
◙ – зависимые крестьянские дворы

+ – дружина, знать
‡ – рыцарство
† – христианизация
Ω – короли, князья

1 – протогосударство (потестарное общество)
2 – раннее государство (с сохранением традиционных прав свободного населения)
3 – государство с развитыми структурами

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Таблица 2

Хронология становления варварских государств в раннесредневековой Европе
(В – вождества; СВ – сложные вождества; РГ – ранние государства; Г – государства)

Регионы	Страны \ Века	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
Западная Европа	Франки / Франция	В	СВ	СВ	СВ	РГ	РГ	РГ		Г	Г	
	Британия / Англия											
	Скандинавия											
Центральная Европа	Само											
	Великая Моравия											
	Чехия											
	Польша											
	Полабские племена											
	Поморские племена											
	Венгрия											
Северные Балканы	1-е Болгарское царство											
	Сербия											
	Хорватия											
	Босния											
	Карантания											
	Албания											
	Румыния											
Восточная Европа	Русь											
	Литва / ВКЛ											

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус А. «Государство Само»: проблемы археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей – М., 1987. – С. 66–74.

Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991.

Акимова О.А. Легитимация власти в раннесредневековых государствах на западе Балкан: между Римом и Константинополем// Древня Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 3–5.

Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. – М., 2000.

Алаев Л.Б. “По последним данным разведки мы воевали сами с собой” (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // Восток. – 2002. – № 4. – С. 51–63.

Алаев Л.Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. – М., 2007.

Алаев Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. – 2009. – № 2. – С. 209–220.

Александров-Деркаченко П. Особенности национальной идеи в зимний период // Свободная мысль. – 2013. – № 1. – С. 199–204.

Александрович С.С. Война Полоцкого княжества с крестоносцами (1203–1216 гг.): борьба за города Прибалтики // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. – Мн., 2007. – С. 33–35.

Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – М., 1966.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. – Кн. 1–2. – М., 2006.

Алексеев С.В. Славянская Европа V–VI вв. – М., 2008.

Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 70–90.

Алимов Д.Е. Хорваты в эпоху расселения на Балканах // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. – М., 2001. – С. 3–7.

Алимов Д. «Приходите владеть нами…» // Родина. – 2012. – № 9. – С. 25–26.

Алимов Д.Е. «Понять Моравию»: новая попытка // Studia Slavica et Balkanika Petropolitana // 2015. – № 1. – С. 223–242.

Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000.

Ангелов Д. Образуване на българската народност. – София, 1971.

Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. – М., 2007.

Андреев В.Ф. Существовал ли княжеский домен в Новгородской земле XIII–XV веков? // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 100–107.

Андрошук Ф. Мечи викингов. – К., 2013.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Археалогія Беларусі. – Т. 4. – Мн., 2001.

Атлас истории средних веков. – М., 1951.

Ауров О.В. Испания от античности к средневековью // Вестник древней истории. – 2012. – № 1. – С. 212–220.

Ахиезер А.С. Специфика российской цивилизации // Цивилизации. – 2004. – № 6. – С. 217–242.

Афанасьев Ю.Н. История и современность // http://you1917-91.narod.ru/afanasyev_istoriya.html

Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Монгольская империя: результаты и перспективы исследования // Восток. – 2005. – № 2. – С. 146–150.

Бартфилд Т.Дж. Номадный пасторализм во внутренней Азии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 415–441.

Баран В.Д. Давні слов'яни. – Т. 3. – К., 1998.

Баран Я.В. Слов'янська община (за матеріалами поселення Рашків I): автореф. дис… канд. істор. наук. – К., 1992.

Баранаускас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum. – Баранавічы, 2002. – С. 29–44.

Баткин Л.М. Начинающий медиевист – в гостях у Люблинских // Одиссей. – 1998. – М., 1999. – С. 223–245.

Баччи М.-Л. Демографическая история Европы. – СПб., 2010.

Башкатов Ю.Ю. Типология жилищ славянской линии развития (на материалах I–V вв.н.э.) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Вып. 1. – Тула, 2008. – С. 326–339.

Бегунов Ю.К. Русские источники о Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 55–58.

Белевец В.Г. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций восточноевропейской лесной зоны в Белоруссии: постановка проблемы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Вып. 1. – Тула, 2008. – С. 209–236.

Белы А. Хроніка Белай Русі. – Мн., 2000.

Белявец В.Г. Насельніцтва вельбарскай культуры на тэрыторыі Беларусі (другая палова II – сярэдзіна IV ст.): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук. – Мн., 2009.

Беляев Л.А. Московская Русь: от средневековья к новому времени. – М., 2005.

Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. – Мн., 2000. – С. 235–258.

Береш Ю. Современное состояние исследований славянских городищ в Восточной Словакии // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 2. – С. 204–207.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Бессмертный Ю.Л. Климат и сельское хозяйство во Франции (800–1800 гг.) // Общество и природа. – М., 1981. – С. 169–180.

Бессмертный Ю.Л. Феодальная революция XI в.? // Вопросы истории. – 1984. – № 1.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986.

Боголепов М.А. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. Землеведение. – М., 1907.

Боголепов М.А. Колебания климата и историческая жизнь. – М., 1912.

Боголепов М.А. Периодические возмущения климата. – М., 1928.

Бойцов М.А. Архиепископ Трирский объезжает свои владения // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М., 2004. – С. 317–359.

Бокль Г.Т. История цивилизаций: История цивилизации в Англии. – М., 2000. – Т. 1.

Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 198–206.

Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 15–36.

Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Государство и исторический процесс. – Т. 1–3 // Восток. – 2007. – № 5. – С. 186–188.

Бондарь А.Н. Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 19–26.

Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. – М., 1982.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л., 1983.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. – М., 1988.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. – 2000. – С. 115–142.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. – Ч. 1: Роль среды. – М., 2002.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. – М., 2008.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М., 2000.

Буданова В.П. Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизации. – 2002. – № 5. – С. 168–192.

Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. – СПб., 2011.

Будур Н. Повседневная жизнь викингов. IX–XI века. – М., 2007.

Булкин В.А., Герд А.С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 67–76.

Электронный репозиторий МГУ имени А.А. Кулешова

Буров В.А. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология. – 1990. – Вып. 2. – М., 1995. – С. 168–179.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: ведение. – М., 2006.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. – М., 1983.

Васильев Л.С. Вневременной феномен выдающейся личности и европейский феномен индивидуальности // Одиссей. – 1990. – М., 1990.

Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 96–114.

Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – М., 2001.

Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 1: Древний Восток и античность. – М., 2007.

Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 2: Восток и Запад в средние века. – М., 2007(а).

Васильев Л.С. Феномен феодализма // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 148–161(б).

Васильев Л.С. Всеобщая история. – Т. 3: От средних веков к новому времени (XVI–XVIII вв.). – М., 2008.

Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннего Средневековья // Средние века. – 2007. – Вып. 68 (4). – С. 34–65.

Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. – 2010. – № 4. – С. 20–33.

Вахрушев В.С. О статусе аристократии в древней Греции // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 175.

Великое княжество Литовское // Родина. – 1993. – № 3. – С. 81–93.

Вен П. Как пишут историю. – М., 2003.

Вергей В.С. Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach slowian. – Kraków, 2005. – S. 487–502.

Віданава І.А. Значэнне пярыяду феадальнай дробнасці ў сярэднявечнай гісторыі Беларусі // Праблемы гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. – Мн., 2000. – С. 201–204.

Віданава І.А. Як пераадолець міфатворчасць ў беларускай медыевістыцы, або што такое феадальная дробнасць // Terra historica. 1. – Мн., 2002. – С. 92–96.

Видейко М.Ю. Украина: от антов до Руси. – К., 2009.

Віцязь С. Поліфункцыянальныя аспекты засялення Верхняга Панямоння ў раннім сярэднявеччы // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 213–228.

Віцязь С. Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурныя трансфармацыі ў Верхнім Панямонні. – Мн., 2012.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. – М., 2011.

Влит ван дер Э.Ч.Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 387–412.

Волынец А.О. Институт «сыновнего королевства» в державе франков: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Мн., 2012.

Воробьев М.В. Государство и общественное производство в Японии до середины VII в. // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. – М., 1989. – С. 132–154.

Воробьев В.П., Куриц С.Я. Патологии государственного уровня. Родовые травмы и хронические болезни системы власти в России // Независимая газета. – 28.10.2011 (http://www.ng.ru/ideas/2011-10-28/5_patologii.html).

Восленский М. Номенклатура. – М., 2005.

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М., 2007.

Восточные славяне. Антропология и этническая история. – М., 2002.

Всемирная история. Раннее средневековье. – Мн.; М., 2000.

Вяргей В.С. Помнікі тыпу Прага-Карчак і Лукі Райкавецкай // Археалогія Беларусі. – Т. 2. – Мн., 1999. – С. 317–348.

Гавритухин И. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // Гісторыка-археалагічны зборнік. – № 18. – Мн., 2003. – С. 123–138.

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – СПб., 1997.

Гайдар Е. Сотворение Европы // Вестник Европы. – 2004–2005. – Т. XIII–XIV. – С. 24–57.

Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. – М., 2002.

Гамбожапов А.Д. История кочевых цивилизаций Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева // Восток. – 2003. – № 3. – С. 121–129.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 2000.

Герро А. Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. – 2006. – С. 77–113.

Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011.

Гісторыя Беларусі. – Т. 1. – Мн., 2007.

Гісторыя Беларусі. – Т. 2. – Мн., 2008.

Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. – СПб., 2007.

Голубев В.С. Эволюционный и исторический возраст страны: постановка проблемы // Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история. – Вып. XXXVI. – М., 2012. – С. 5–10.

Голубев О.Е. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? // Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 1. – Мн., 2008. – С. 27–33.

Горемыкина В.И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. – Мн., 1982.

Горемыкина В.И. Возникновение собственности на землю. – Мн., 1991.

Горин А.Г. Об имперском государственном устройстве Древней Руси X–XI вв. // Вопросы истории. – 2011. – № 9. – С. 110–116.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Горский А.А. К вопросу о предпосылках и сущности феодализма на Руси // Вестник МГУ. – Сер. История. – 1982. – № 4.

Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. – 1984. – № 9. – С. 17–28.

Горский А.А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. – 1986. – № 8.

Горский А.А. От «племенных» центров к центрам феодальных княжеств // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М., 1989. – С. 201–203.

Горский А.А. «Земли» и «волости» (К вопросу о территориально-политической структуре Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 15–17.

Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 43–52.

Горский А.А. The Emergence of Rus 750–1250. – L.-N.Y., 1996. Средневековая Русь. – Ч. 2. – М., 1999. – С. 194–204 (а).

Горский А.А. Ветви славянского дерева // Родина. – 2001. – № 9. – С. 22–23.

Горский А.А. К вопросу об этапах складывания республиканского строя в Новгороде // Норна у источника судьбы. – М., 2001. – С. 70–78 (а).

Горский А.А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. – М., 2004.

Горский А.А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. – М., 2007. (http://bookz.ru/authors/anton-gorskii/rus_-ot_471.html).

Горский А.А. Русское средневековье. – М., 2010.

Горский А.А. Формирование посадничества на Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 50–54.

Горский А.А. Приглашение Рюрика на княжение // Исторический вестник. – Т. 1 (148). – М., 2012. – С. 6–23 (а).

Горюнов А.В. Существуют ли в действительности локальные цивилизации? // Философия и общество. – 2011. – № 1. – С. 66–84.

Грайворонский В.В., Яскина Г.С. Диалог цивилизаций: взаимодействие кочевой и других культур Центральной Азии // Восток. – 2002. – № 1. – С. 150–156.

Григорьев В.В. Трансформация этнического и политического пространства Европы в IV–VI вв. н.э. под влиянием гуннов: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Мн., 2014.

Гринин Л.Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 5–29.

Гринин Л.Е. От раннего к развитому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 523–556.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006а. – С. 85–163.

Гринин Л.Е. Раннее государство и демократия // Там же. – 2006б. – С. 337–386.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. – Т. 1. – М., 2007.

Гринин Л.Е. Природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. – 2011. – № 2. – С. 168–198.

Гудавичюс Э.С. Европейское дофеодальное общество // Труды АН Лит. ССР. Сер. обществен. наук. – Вильнюс, 1983. – № 4.

Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в балтском регионе. – Рига, 1985. – С. 35–44.

Гудавичюс Э. История Литвы. – Т. 1: С древнейших времен до 1569 года. – М., 2005.

Гудзь-Марков А.В. История славян. – М., 1997.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001.

Гуревич А.Я.Территория историка // Одиссей. Человек в истории. – 1996. – М., 1996. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/gur_terrist.php).

Гуревич А.Я. Двоякая отвественность историка // Новая и новейшая история. – 1997. – № 5.

Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических исследований: сборник аналитических и реферативных обзоров. – М., 1998. – С. 10–33.

Гуревич А.Я. Избранные труды. – Т. 1: Древние германцы. Викинги. – М.–СПб., 1999а.

Гуревич А.Я. Средневековый мир. – СПб., 1999б. – Т. 2.

Гуревич А.Я. К истории понятий. «Феодальное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. – 2002. – С. 261–293.

Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей: Человек в истории. – № 1. – 2006. – С. 11–49.

Гуревич А.Я. Диалог современности с прошлым // Одиссей. – 2007. – С. 5–18.

Гусаков М.Г., Патрик Г.К. Проблема этногенеза балтов. Ранний период. Индоевропейцы // Балто-славянские исследования. – 2009. – С. 211–224.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. – М., 2010.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М., 1998.

Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // Ab Imperio. – 2001. – № 3. – С. 147–168.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. – М., 2001 (а).

Данилевский И. Призрак желательной истории // Родина. – 2003. – № 12. – С. 88–90.

Данилевский И. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие»? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 112–114.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1995.

Данилова Г.М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. – Петрозаводск, 1969.

Данилова Л.В. Деревня и город на стадии их первоначального обособления // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М., 1989. – С. 195–198.

Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. – М., 1994.

Даценко Н.М., Иващенко Н.Н. Учет нелинейности отклика дендрохронологических рядов на изменения температуры воздуха при тысячелетних реконструкциях климата // Тр. Гидрометцентра России. – 2005. – Вып. 340. – С. 68–76 (method.hydromet.ru/publ/tr/tr340/dacenko.rtf).

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Кочевая альтернатива социальной эволюции // Восток. – 2005. – № 5. – С. 194–196.

Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. – М., 2001.

Дворниченко А.Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. – 1988. – № 1.

Дворниченко А. А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 79–82.

Дементьева В.В. «Современная античность и античная современность» (историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // Вестник древней истории. – 2008. – № 3. – С. 12–223.

Дзермант А., Санько С. Балцкая аўтахтанісцкая мадэль этнагенезу беларусаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – Вып. 15. – С. 290–298.

Дзярнович О.И., Носевич В.Л., Назарова Е.Л. Год Миндовга // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. – М., 2004. – С. 287–295.

Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994.

Довженок В.И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н.э. и в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия в СССР Сб. 1. – М., 1952.

Долгов В. Сквозь темное стекло. Александр Невский перед «судом истории» // Родина. – 2003. – № 12. – С. 86–87.

Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР – М., 1985.

Дробушевский А. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 76–83.

Дубровский И.В. Как я понимаю феодализм // Одиссей. – 2006. – С. 50–62.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Дук Д. Полоцк – 1150 // Родина. – 2012. – № 9. – С. 66–69.

Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). – М., 1983.

Думанов Х.М., Смирнова Я.С. Правовое сознание. К уточнению понятия «обычное право» // Восток. – 2000. – № 1. – С. 32–39.

Духовная культура Китая: энциклопедия. – Т. 1: Философия. – М., 2006.

Дэвис Н. История Европы. – М., 2006.

Евдокимов В.И. Предисловие // Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – М., 1995.

Евдокимов В.И. Отец русской геополитики // Независимая газета. – 22.05.2013. (http://www.ng.ru/nauka/2013-05-22/12_mechnikov.html).

Ерасов Б.С. Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления» // Восток. – 2000. – № 4. – С. 5–17.

Емельянчик О.А. Формирование антропологических особенностей и адаптивного статуса населения Беларуси XI–XIX веков (по данным краниологии): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Мн., 2011.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеофизические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. – СПб., 2010.

Жебин А.З. КНДР: традиции и современность // Восток. – 2003. – № 4. – С. 85–96.

Жемличка Й. Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987.

Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991.

Жих М. К проблеме «русского каганата»: Древняя Русь и ее степные соседи // Русин. – Кишинев. – 2009. – № 3. – С. 147–157 (http://www.hrono.ru/statii/2010/zhih05.php#_ftn9#_ftn9).

Жулкус В. Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. – М., 2004. – С. 153–163.

Жумангабетов Т.С. Право собственности на землю у средневековых кочевников // Восток. – 2003. – № 4. – С. 113–116.

Загорульский Э.М. Возникновение Минска. – Мн., 1982.

Загарульскі Э.М. Заходняя Русь IX–XIII стст. – Мн., 1998.

Загорульский Э.М. Вищинский замок XII–XIII вв. – Мн., 2004.

Загорульский Э.М. Проблема датирования начала славянского этногенеза // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мн., 2006. – Вып. 1. – С. 153–168.

Загорульский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. – Мн., 2013. (Второе издание: 2014).

Захаров А.О. Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) // Восток. – 2005. – № 6. – С. 5–21.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Заяц Ю.А. Менская зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

Заяц Ю.А. Земли и уделы до середины XIII в. на территории Беларуси в трудах Л.В. Алексеева // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 22–27.

Заяц Ю.А. Завершение восточноевропейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 28–33 (а).

Заяц Ю.А. Меньск и его пригороды // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 38–55 (б).

Зимин А.А. Холопы на Руси. – М., 1973.

Ибрагимов К.Х. Особенности общинной поземельной собственности в России // Вопросы истории. – 2007. – № 12. – С. 117–125.

Изменчивость климата Европы в историческом прошлом. – М., 1995.

Ионов И.К. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – М., 2007.

История Востока. – Т. II: Восток в средние века. – М., 1999.

История Европы. – Т. 1. – М., 1988.

История Европы. – Т. 2. – М., 1993.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – Т. 1. – М., 1985.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – Т. 2. – М., 1986.

История Литвы. – Вильнюс, 2013.

История средних веков. – М., 1980.

История Югославии / под ред. Ю.В. Бромлея [и др.]. – Т. 1. – М., 1963.

История южных и западных славян. – Т. 1: Средние века и Новое время. – М., 2001.

Кагарлицкий Б. От империй к империализму. – М., 2010.

Калинина Т.М. Хазарский каганат как раннегосударственная структура // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 67–72.

Каняшин Ю.Н., Серовайский Я.Д. О структуре аграрного пейзажа в Алемании VIII–IX вв. // Средние века. – 2001. – Вып. 62. – С. 61–83.

Каратовская В.В. Варяжский вопрос в зеркале массового исторического сознания современного российского общества // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2011. – С. 304–306.

Караў Дз.У. Прадмова // Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994. – С. 3–15.

Карлин Л.Н., Самусевич И.Н. Глобальный климат, история и культура // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 1. – С. 130–138.

Карнейро Л. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–95.

Карнейро Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 55–70.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Карпюк С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // Вестник древней истории. – 2007. – № 1. – С. 244–257 (Электронный вариант:http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/11823810).

Карпюк С.Г. Климат и география в человеческом измерении. – М., 2010.

Касцюк М.П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Ч. 1. – Мн., 1993. – С. 3–5.

Каштанов С.М. Об отношениях к собственности в момент перехода от племенного строя к государству // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 89–92.

Кенигсбергер Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. – М., 2001.

Кинвер М. Годичные кольца выявили связь климата с крахом империй // http://www.bbc.co.uk/russian/science/2011/01/110115_climate_society_links.shtml.

Кирпичников А.Н. Снаряжение русского всадника в IX–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. – М., 1970. – С. 22–23.

Кирпичников А. Государственной России – 1150! // Родина. – 2012. – № 9. – С. 23–24.

Кирьянов А.В. Земледелие восточного славянства VI–IX вв. // Возникновение и развитие земледелия. – М., 1967. – С. 181–189.

Кислов А.В. Климат в прошлом, настоящем и будущем. – М., 2001.

Кислов А. Климат в прошлом, настоящем и будущем // http://polit.ru/lectures/2010/12/01/climat.html.

Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 6–23.

Классен Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.

Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб., 2004. – С. 70.

Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. – СПб., 2007.

Клейн Л.С. Спор о варягах. – СПб., 2009.

Клименко В.В. Высокие культуры: климат и история // Восток. – 1998. – № 4.

Клименко В.В. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. – 2000. – № 1. – С. 5–31 (http//abuss/narod.ru/Biblio/Klimenko).

Клименко В.В. Климат и история в средние века // Восток. – 2003. – № 1. – С. 5–41.

Клименко В.В., Климанов В.А., Федоров М.В. История средней температуры Северного полушария за прошедшие 11000 лет // Доклады российской Академии наук. Секция наук о земле. – 1996. – Т. 348. – № 4. – С. 111–114.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. // Вестник МЭИ. – 1999. – № 2. – С. 85–93.

Клименко В.В., Мацковский В.В., Пахомова Л.Ю. Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в Северо-Восточной Европе (VIII–XVII вв.) // Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история. Вып. XXXVI. – М., 2012. – С. 47–87.

Клименко В.В., Мацковский В.В., Пахомова Л.Ю. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в средние века // История и современность. – № 2. – 2012а. – С. 130–163.

Климов Е.В. Титулатура правителя в Древней Руси // Вопросы истории. – 2013. – № 8. – С. 153–158.

Климов Е.В., Кабаченко А.П. Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI в. // Вопросы истории. – 2009. – № 12. – С. 37–43.

Клімаў М.В. Аб адной групе паселішчаў на тэрыторыі Полацкага Падзвіння ў XI–XIII стст. // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. – Ч. 1. – Витебск, 2007. – С. 33–35.

Клімаў М.В. Аб некаторых аспектах працэсу феадалізацыі на терыторыі Беларусі // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. – Мн., 2007а. – С. 205–207.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. – М., 1981.

Кобрин В.Б. Русский город как центр феодального властвования // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М., 1989. – С. 195–193.

Козак Д. Венеди. – К., 2008.

Койчева Е., Кочев Н. Болгарское государство с середины VIII до конца IX в. // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1981.

Колебания климата за последнее тысячелетие. – Л., 1988.

Колесник В.И. Экономические возможности кочевых обществ // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 142–152.

Контлер Л. История Венгрии. – М., 2002.

Кореневский А. «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // Ab Imperio. – 2001. – № 3. – С. 123–143.

Королев А.С. Сборник Русского исторического общества. Том 8 (156). – М.: Русская панорама, 2003. – 320 с. // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 167–169.

Коротаев А.В. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 265–291.

Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М., 2003.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. Возникновение ислама. Социально-экологический и политико-антропологический контекст. – М., 2007.

Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 24–83.

Космач В.А. История как наука: Предмет и проблемное поле, специфика исторических законов и периодизация // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. – 2001. – № 1(19). – С. 3–8.

Котляр Н.Ф. Север или Юг (К вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 29–32.

Котляр Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1998. – С. 25–28.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. – СПб., 1998(а).

Котляр Н.Ф. Канун государственности: очаги политиогенеза // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 109–114.

Котляр Н. Начало Руси, или споры вокруг 862 года // Родина. – 2012. – № 9. – С. 70–73 (а).

Кошеленко Г.А. Проблемы становления государственности Древней Греции // Конференция «Проблемы превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное»: тезисы докладов. – М., 1984. – С. 36–41.

Кошеленко Г.А. К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме // Вестник древней истории. – 1990. – № 1. – С. 93–94.

Кошман В. Тапаграфія і фартыфікацыя гарадзішчаў Бярэзінска-Дняпроўскага міжрэчча ў X–XIII стст. // Гісторыка-археалагічны зборнік. – № 21. – 2006. – С. 109–118.

Кошман В. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. – Мн., 2008.

Кошман В. Гарадзішча Свіслач: праблемы, перспектывы, вынікі даследаванняў помніка // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 19. – Мн., 2010. – С. 202–205.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток, 1992.

Крадин Н.Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. – 2000. – № 3. – С. 5–16.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000а. – С. 314–336.

Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. – 2001. – № 5. – С. 21–32.

Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М., 2004. (http://lib.rus.ec/b/187525/read).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Крадин Н.Н. А.М. Хазанов. Кочевники и внешний мир // Восток. – 2004. – № 1. – С. 192–195.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 490–511.

Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006а. – С. 184–208.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы, 2007.

Крадин Н.Н. Динамика процессов становления раннего государства на Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 121–126.

Красильщиков В.А. Превращение доктора Фауста. – М., 1994.

Краснов Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // Советская археология. – 1967. – № 1. – С. 3–21.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М., 1971.

Краўцэвіч А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. – Мн., 1998.

Краўцэвіч А.К. Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XIII – пачатку XIV ст. і генезіс дзяржавы па пісьмовых і археалагічных крыніцах: аўтарэф. дыс. ... доктара гіст. навук. – Мн., 1998 (а).

Краўцэвіч А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. – Rzeszów, 2000.

Крылов П.В. «Восток и (или) запад» – оптический обман мифологии пространства или географические «места памяти»? // Цивилизации. – 2006. – № 7. – С. 269–277.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М., 1988.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.

Кузнецов А.Б. Источники обеспечения благосостояния древнерусской знати в конце IX–X вв. // Романовские чтения – 3. – Могилев, 2007. – С. 17–19.

Кузнецов А.Б. Древняя Русь конца IX–X вв. – потестарное государство // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі. – 2011. – № 1. – С. 19–24.

Кузнецова А.М. Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 2002.

Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. – СПб., 2011.

Кузьмин А.Г. Начало Руси. – М., 2003.

Кузык Б.Н., Яковец Н.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Т. I: Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. – М., 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Н.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Т. IV: Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. – М., 2008.

Кульпин Э.С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке // Серия «Социоестественная история». – Вып. XII. – М., 1999.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Кульпин Э.С. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. // Природа и самоорганизация общества. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – Вып. XXII. – М., 2002. – С. 119–137.

Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. – 2004. – № 6. – С. 127–158.

Кульпин Э.С. Демографические и миграционные процессы тюрков и славян в Восточной Европе в XIV–XVII вв. // Восток. – 2005. – № 4. – С. 14–24.

Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М., 2007.

Кульпин Э.С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. – М., 2008. – № 1. – С. 196–207.

Кульпин Э.С. Социоестественная история. – Волгоград, 2014.

Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт. Серия «Социоестественная история». – Вып. 1. – М., 1993.

Кульпин Э.С., Петкевич К. Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 80–94.

Кучера М.П. Дослідженння городищ на Волині й Поділлі // Археологія. – 1978. – № 29. – С. 62–72.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб., 2008.

Ле Руа Лядюри Э. История климата с 1000 года. – Л., 1971.

Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 67–76.

Лебедев Г.С. Varangica в контексте отечественной культуры последних десятилетий // Скандинавские чтения 1998 г. – СПб., 1999. – С. 5–17.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб., 2005.

Левченко Е.Н. Россия в современном цивилизационном процессе: автореф. канд. дис. – М., 2007.

Лесман Ю.М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне: этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 12–18.

Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 44–54.

Ліндпэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыянальны працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. – СПб., 2003.

Линдквист Т. Политическая и экономическая структура Шведского государства раннего Средневековья // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 136–138.

Литаврин Г.Г. Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10.

Литаврин Г.Г. Византия и славяне. – СПб., 2001а.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Литаврин Г.Г., Наумов Е.П. Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991.

Ловмяньский Г. Основные черты позднеплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных государств. – К., 1972.

Ловмяньский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории. – 1977. – № 12.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. – М., 2007.

Луговской В.М. Миф о неисчерпаемости интеллектуальной мощи // http://www.ng.ru/science/2012-10-24/14_myth.html.

Лукин П.В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. – 2006. – С. 134–150.

Лукин П.В. «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского // Славяноведение. – 2008. – № 2. – С. 25–40.

Лурье С.В. Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. Вып. 2. – Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1995. – С. 138–155.

Львова Э.С. Взаимодействие кочевников и земледельцев: африканский вариант // Восток. – 2001. – № 4. – С. 39–47.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1968. – № 152.

М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 196–207.

Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Об общественном строе восточных славян VIII–IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. – Л., 1978.

Магалінскі І.У. Вытворчасць, тыпалогія і храналогія вырабаў з каляровых металаў X–XVII стст. з тэрыторыі Полацка: аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук. – Мн., 2013.

Магаршак Ю. Метод последовательных приближений в истории России от Рюрика до наших дней // http://www.ng.ru/science/2011-09-14/14_history.html.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин, 2001 (https://app.box.com/shared/o6zcg3oq1u).

Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества. – К.; М., 2004.

Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. – М.; Вологда, 2012. – С. 449–459.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Макаров Н. Кладовая ранней Руси // Родина. – 2012. – № 9. – С. 17–22 (а).

Максимов С.Н. Место России в концепции «серийной истории» П. Шоню // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. – М., 1995. – С. 174–181.

Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в. – Гомель, 2009.

Малярчук Б. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Том 1. – № 1. – 2009. – С. 23–27 (http://ru.rjgg.org).

Марзалюк І. Дык усё ж такі, да якой цывілізацыі належылі ў сярэднявеччы беларускія землі // Край. – Магілёў, 2000. – С. 27–30.

Марзалюк І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // Гістарычны альманах. – Т. 5. – Гародня, 2001. – С. 3–22.

Марзалюк І. Новыя крыніцы па гісторыі славянскага рассялення ў Магілёўскім Падняпроўі і Пасожжы // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 97–118.

Марсина Р. Славяне и мадьяры в конце IX–X в. // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991.

Мартынюк И. За оградой славянофильства: Николай Данилевский – шпенглерианец... картезианец // Ab Imperio. – 2001. – № 1–2. – С. 439–463.

Мачинский Д.А. Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. – Санкт-Петербург, 2002.

Маутхаузерова С. Александр Невский и его эпоха // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 59–64.

Мачинский Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. – XI в. н.э. (контуры концепции) // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 120–130.

Медведев А. К вопросу о финале культуры штрихованной керамики // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 97–118.

Мельникова Е.А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 38–41.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1992–1993. – М., 1995. – С. 16–31.

Мельникова Е.А. “Князи” и “каган” в ранней титулатуре Древней Руси // Исследования по истории и народов средневековой Европы. – СПб., 2010. – С. 142–147.

Мельникова Е.А. Киевская Русь и Скандинавия. – М., 2011.

Мельникова Е.А. Возникновение древнерусского государства в североевропейской перспективе // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 156–161.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Мельникова Е. …И Рюрика не было бы без Шарлеманя // Родина. – 2012. – № 9. – С. 30–35 (а).

Мельникова Е.А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник. – № 1(148). – М., 2012. – С. 24–39 (б).

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. – М., 1986. – С. 99–108.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во II-м тысячелетии: экономика, история и современность. – М., 1996.

Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? – М., 2005.

Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – М., 1995 (2006).

Микулич А.И. Геногеография и этническая история народонаселения Беларуси по данным антропологии // Балто-Славянские исследования 1997. – М., 1998. – С. 584–592.

Мікуліч А. Беларусы ў генетычнай прасторы. Антрапалогія этнасу. – Мн., 2005.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. – 1992. – № 4-5. – С. 37–56.

Милов Л. Если говорить серьезно о частной собственности на землю // Свободная мысль. – 1993. – № 2. – С. 77–88.

Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 86–87.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998.

Мілян Т. Виникнення та функціонування ранньослов'янских пам'яток у межиріччі верхі'ів Дністра та Західного Бугу // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 170–177.

Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. (http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/).

Минасян Р.С. О появлении пашенного земледелия в Верхнем Поднепровье и Северо-Западных областях РСФСР // Археологический сборник. Вып. 24. – Л., 1983. – С. 81–89.

Миницкий Н.И. Методы построения научного и образовательного исторического знания: автореф. дис. … докт. ист. наук. – М., 2007.

Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах соплеменников // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 169–171.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. – М., 1974.

Морган Л.Г. Древнее общество. – Л., 1934.

Моця А. Откуда есть пошла земля Российская // Родина. – 2012. – № 9. – С. 75–78.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Мун А.В. Сущность концепции «Восточного общества» К.А. Виттфогеля и ее истоки // Известия российского государственного педуниверситета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 27–34.

Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. – СПб., 2001.

Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. – СПб., 2008.

Мячикова И.И. Ретроспективный анализ генезиса графической символики кривичей дохристианского периода // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социально-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. – Ч. 1. – Витебск, 2007. – С. 35–38.

Назаренко А.В. Frűzeit des Ostslaventums. Darmstadt. 1992 // Средневековая Русь. Вып. 1. – М., 1996. – С. 154–185.

Назаренко А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя в Киевской Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. «Князь в Киевской Руси: Власть, собственность, идеология». – Киев, 1992 // Средневековая Русь. – Ч. 2. – М., 1999. – С. 164–193.

Назаренко А.В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне. – М., 2009. – С. 103–113.

Назаров В.Д. О статусе «слуг» в средневековой Руси // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 49–53.

Назаров В. Честь боярская. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках // Родина. – 2003. – № 12. – С. 52–55.

Назарова Е.Л. Середньовічна Эвропа: Погляд з кінця XX ст. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. – М., 2004. – С. 311–317.

Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. – Мн., 1993.

Насевіч В., Свяжынскі У. Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка // Беларускі гістарычны агляд. – Мн., 1999. – Т. 6. Сш. 1–2. – С. 261–272.

Неклесса А.И. Преодоление пределов. Русский мир: цивилизация многих народов // Независимая газета. – 14 декабря 2012.

Непомнин О.Е. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.) // Восток. – 2002. – № 2. – С. 207–208.

Нефедов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток. – 2003. – № 3. – С. 5–22.

Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург, 2007.

Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. – М., 2008.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Нидерле Л. Славянские древности. – М., 1956.

Никольская Т.Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М., 1981.

Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. – М., 2004.

Новичков Н. Европа и Россия: два пути к демократии (исторический экскурс) // Современная Европа. – 2008. – № 3. – С. 29–41.

Норкунас А. «Племенной литовский народ на востоке» (резюме) // ArvydasNorkūnas. Gentinė Lietuvių tautarytuose. – Vilnius, 2001. – P. 160–169. – norkunas.ru.

Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Мн., 2004.

Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на Восток // Лесная и лесостепная зона Восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов. Вып. 1. – Тула, 2008. – С. 142–160.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. – М., 1991.

Олейников Ю. Природный фактор в истории российско-польских отношений // Природа и самоорганизция общества. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXII. – М., 2002.

От Орды к России: круглый стол // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 205–238.

Павленко Ю.В. Происхождение цивилизации: альтернативные пути // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 115–128.

Павлов В.И. К стадиально-формационным характеристикам восточных обществ в Новое время // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. – М., 1979. – С. 173–329.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 2004.

Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М., 2003.

Пантин В.И. Историческая роль России: между Западом и Востоком // История и современность. – 2012. – № 2. – С. 93–112.

Пенской В.В. Военно-техническая революция второй половины IX–X в. и проблема образования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 196–201.

Першиц А.И. У истоков эксплуатации // Восток. – 2005. – № 1. – С. 25–29.

Петкевич К. Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 304–334.

Петров П. Образуване на българската държава. – София, 1981.

Петровская Е. Концепт по заявкам // Диалог искусств. – 2013. – № 5 (http://polit.ru/article/2013/12/08/ep261113/).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Петраускас Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2012. – № 1. – С. 95–116.

Петрухин В.Я. Феодализм перед судом русской историографии // Одиссей: Человек в истории. – 2006. – С. 161–170.

Петрухин В. Кто и зачем призывал варягов? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 27–29.

Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В. Пруссия и Русь: Средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. – 2008. – № 5. – С. 77–83.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М., 2004.

Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. – М.; Л., 1928.

Пешков М.А., Петров А.М., Бондаренко Д.М., Гордон А.В., Рашковский Е.Б., Иванов С.М. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время // Восток. – 2000. – № 6. – С. 171–178.

Пивоварчик С.А. Городища X–XIII вв. Белорусского Понеманья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Мн., 1994.

Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Виттфогель (1896–1988) // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=Wittfog.htm&id=739.

Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. – Мн., 1991.

Піліпенка М.Ф. Новы погляд на этнагенез беларусаў // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. – Мн., 1992. – С. 34–40.

Піліпенка М.Ф. Фарміраванне пачатковай этнічнай тэрыторыі беларускага народа // Да этнічнай гісторыі Беларусі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч. 1. – С. 24–25.

Пиотровский М. Интервью // Новое время. – 2005. – № 1–2.

Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 173–187.

Поляков А.Н. Образование древнерусской цивилизации // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 72–89.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 67–86.

Поляков А.Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 52–64.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: вехи развития // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 70–82.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: вопросы социальной мобильности // Вопросы истории. – 2009. – № 9. – С. 65–80.

Поляков А.Н. Киевская Русь как цивилизация. – Оренбург, 2010.

Поппер К. Логика социальных наук // http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3959.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. – Т. 1. – М., 1938.

Приходнюк О.М. Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст.н.э.). – К., 1975.

Прокофьева Г.П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: автореф. канд. дис. – Хабаровск, 2001.

Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. – СПб., 2001.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. – Ижевск, 2007.

Пузанов В.В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII–начало XII в.): дисс. … доктора ист. наук. – Ижевск, 2009. (http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-drevnerusskoi-gosudarstvennosti-sotsialno-politicheskie-i-etnokulturnye-transfor).

Пузанов В.В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII–начало XII в.): автореф. дис. … докт. ист. наук. – Ижевск, 2009а. (http://www.ceninauku.ru/page_12547.htm).

Пчелов Е.В. Был ли древнерусский Рюрик Рориком Ютландским? // Вопросы истории. – 2012. – № 10. – С. 97–109.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982.

Райков А.В. Л.Б. Алаев: община в его жизни // Восток. – 2001. – № 6. – С. 178–181.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006.

Раннефеодальные государства на Балканах. – М.,1985.

Раппопорт П.А. О типологии древнерусских поселений // Краткие сообщения Института археологии. – 1967. – Вып. 110. – С. 3–9.

Рассадин С. Славяне и кочевники на Дунае между 469 и 568 гг. // Гісторыка-археалагічны зборнік. – № 18. – Мн., 2003.

Рассадин С.Е. «SamoserdceSlowianszczyzny», или сюрпризы так называемой славянской прародины // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 9. – Мн., 2005. – С. 5–7.

Рассадин С.Е. По следам ас-Сакалиба. К вопросу о ранней славянизации Среднего Поднепровья // Гісторыка-археалагічны зборнік. – № 20. – Мн., 2005(а). – С. 107–121.

Рассадин С.Е. Первые славяне. – Мн., 2009.

Рассадин С. Актуальные проблемы славянского этногенеза // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 185–189.

Раткош П. Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. – М., 1985.

Рашковский Е.Б. Средние века: становление цивилизационного лика Европы // Цивилизации. – 2006. – № 7. – С. 129–164.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рашковский Е. Судьбы России: цивилизационный анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 70–80.

Решин А.И. Дар и некоторые аспекты становления феодализма // Средние века. – 2004. – № 65. – С. 3–44.

Риер Я.Г. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 179–191.

Риер Я.Г. Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X–XII вв. // Методы естественных наук в археологии. – М., 1987. – С. 50–56.

Риер Я.Г. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 123–128.

Риер Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // Российская археология. – 1996. – № 1. – С. 114–121.

Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. – Могилев, 2000.

Риер Я.Г. Заметки на полях одной книги: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация // Веснік МДУ. – 2000. – № 2–3. – С. 175–187 (а).

Риер Я.Г. Приднепровье в средние века // Lietuvos Archeologija. – 2001. – No 21. – P. 293–298.

Риер Я.Г. История средних веков. – Ч. 1–2. – Могилев, 2001а.

Риер Я.Г. История средних веков. – Ч. 3. – Могилев, 2002.

Риер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.

Риер Я.Г. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Часть 1: Славяне и их соседи в средние века: учебное пособие. – Могилев, 2005.

Риер Я.Г. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2006. – Тт. XIX–XX. – С. 165–187.

Риер Я.Г. Историческая демография. – Могилев, 2006а.

Риер Я.Г. Монголия, Корея и страны Юго-восточной Азии в средние века. – Могилев, 2007.

Риер Я.Г. Археология средневековой европейской деревни: общие черты и региональные особенности. – Могилев, 2008.

Риер Я.Г. Еще раз о происхождении славян: основные концепции славянского этногенеза в начале XXI века // Веснік МДУ. – 2008. – № 4. – С. 244–260(а).

Риер Я.Г. О значении и задачах компаративистики в исторических исследованиях // Романовские чтения – 4. – Могилев, 2008. – С. 94–95(б).

Риер Я.Г. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства // ВИ. – 2009. – № 10. – С. 166–169.

Риер Я.Г. Об особенностях запада и востока Европы в средние века: заметки на полях новой книги о Золотой Орде // Веснік МДУ. – 2010. – № 1. – С. 15–27.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Риер Я.Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным. – Могилев, 2010а.

Риер Я.Г. Об особенностях славянского этногенеза в контексте ранней истории европейских народов // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 190–194.

Риер Я.Г. Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В.В. Клименко // Человек и природа в пространстве и времени / Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXXVI. – М., 2012. – С. 261–298 (http://www.isras.ru/publ.html?id=2457).

Риер Я.Г. Стоит ли за империю копья ломать? // Вопросы истории. – 2012а. – № 8. – С. 175.

Риер Я.Г. Реплика по поводу статьи: Шнирельман В.А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Веснік МДУ. – 2012б. – № 1. – С. 94–96.

Риер Я.Г. Климат и становление цивилизаций // Романовские чтения – 8. – Могилев. – 2012в. – С. 12–14.

Риер Я.Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии междисциплинарным подходам (на примере книги П.В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») // Природа и общество в эпоху перемен. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – Вып. XXXVIII. – М., 2014. – С. 221–253 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Kulpin_sbornik_final_2014.pdf).

Риер Я.Г. В поисках исторических закономерностей // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 42–62.

Рогалев А.Ф. Белая Русь и белорусы (в поисках истоков). – Гомель, 1994.

Рогожин Н.М. Проблемы развития государственности России X–XVII в. // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. – М., 2006. – С. 22–46.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. – М., 1976.

Рыбакоў Б.А. Радзімічы // Працы сэкцыі археалогіі. – Т. 3. – Мн., 1932.

Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. – 1962. – № 4.

Рыбаков Б.А. Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // Краткие сообщения Института археологии. – 1964. – Вып. 99. – С. 21–23.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987.

Рыжков В. Главный по России // Известия. – 27.01.2006.

Рэвяка К., Фядосік В. Старажытная Грэцыя і Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 1. – С. 8–15.

Савельева И. «“Исторический поворот” за границами истории» опубликована в сборнике «Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв.». – М., 2012.

Сагайдак М.А. Город и власть // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 218–223.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Саламон М. Противоборство Восточной и Западной империй и возникновение новых государств в Центрально-Восточной Европе ок. 1000 г. // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 229–230.

Салическая правда / под ред. проф. В.Ф. Семенова. – М., 1950.

Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. – М., 1976.

Самусенко Г.П. Российская цивилизация: автореф. канд. дис. – Армавир, 2009.

Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 130–136.

Сванидзе А.А. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма // Средние века. – 2003. – Вып. 64. – С. 382–389.

Сванидзе А.А. Феодализм перед судом истории // Средние века. – 2006. – Вып. 67. – С. 253–256.

Свердлов М.Б. Образование древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 62–66.

Свердлов М.Б. Спорные проблемы становления феодализма на Руси: комплексный метод в сравнительно-историческом анализе // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1993. – С. 68–70.

Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. – СПб., 1997.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. – СПб., 2003.

Седин А.А. Оружие из городища Никодимово // V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні. – Магілёў, 1994. – С. 7–16.

Седин А.А. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня из городища Никодимово. – Могилев, 2012.

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1960. – № 92.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М., 1970.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М., 1979.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.

Седов В.В. Славяне в древности. – М., 1994.

Седов В.В. Очерки по археологии славян. – М., 1994(а).

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995.

Седов В.В. Русский каганат// Отечественная история. – М., 1998. – № 4. – С. 3–14.

Седов В.В. Les Slavs. Les Origines (I-er- VII-e siècle après J.-C.). – Paris, 1999. – 159 p. // Российская археология. – 2000. – № 3. – С. 198–202.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Седов В.В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской Академии наук. – 2003. – Т. 73. – № 7. – С. 594–605.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. – М., 2005.

Селезнев Ю. Русь – залесская Орда? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 124–127.

Селунская Н.А. «Сеньория, община и вассалитет простолюдинов», или «презумпция невиновности Рейнольдс» // Одиссей. – 2006. – С. 114–133.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск, 2000.

Семенов И.Г. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX – первой половине X века // Славяноведение. – 2010. – № 2. – С. 3–11.

Семенов И.Г. О происхождении династии хазарских каганов и времени образования хазарского каганата // Восток. – 2010. – № 5. – С. 5–14 (а).

Семенов Ю. «Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России». – М., 2008.

Семенчук Г.Н. Формирование и развитие территории Полоцкой земли в IX – первой половине XII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Мн., 1993.

Сидоров А.И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII–IX вв. // Средние века. – 2003. – № 64. – С. 3–34.

Синицына Н. «Новый царь Константин новому граду Константину». Становление русского государства в XV в. // Родина. – 2003. – № 12. – С. 62–65.

Скрынникова Т.Д. Монгольское кочевое общество периода империй // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 344–355.

Скрынникова Т.Д. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 512–522.

Слепцов А. История климата Восточной Европы в последние два тысячелетия // Природа и самоорганизация общества. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – Вып. XXII. – М., 2002. – С. 210–211.

Слупецки Л. От племенных структур к раннему государству в средневековой Европе: что вызвало изменения – криминальная подоснова? // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 249–250.

Соколов М. Политические режимы в высшем образовании // http://postnauka.ru/longreads/12745

Соколов С.В. Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб., 2009. – 400 с. // Славяноведение. – 2010. – № 2. – С. 3–11.

Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. – 1956. – Т. XXV.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Соловйова Г.Ф. Замок Рогачівських князів // Слов'яно-руські старожитності. – К., 1969. – С. 111–113.

Сорокина О.А. Антропологические особенности древнего населения Восточной Европы // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 г. – Мн., 2009.

Спенсер Ч. Политическая экономия становления первичного государства // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 137–154.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. – 1899. – Вып. VIII.

Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. – М., 2003.

Средневековая Русь. – Вып. 1. – М., 1996.

Старасценка В. Этнанімія беларусаў у XI–XVII стст. // Магілёўская даўніна. – 2001. – № 9. – С. 33–40.

Степанов Ц. Болгарские государственные образования IV–IX вв.: от вождества к раннему государству // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 255–258.

Стефанович П.С. Боярская служба в средневековой Руси // Одиссей. – 2006. – С. 151–160.

Стёпин В.С. Культура // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С. 61–71.

Супоницкая И.М. Русский помещик и американский плантатор // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. – М., 2003. – С. 279–301.

Тарновский К.Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // Вопросы истории. – 1954. – № 4.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. – Т. 1: Анналы. Малые произведения. – Л., 1969.

Тейлор И. Славяне и арийский мир. – М., 2009.

Темушев С.Н. Начальный этап складывания налогово-даннической системы древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: становление государственности. – М., 2012. – С. 274–278.

Темушев С.Н. Налоги и дань в Древней Руси. – Мн., 2015.

Терпиловский Р. Киевская культура. Некоторые итоги и проблемы дальнейшего изучения // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 207–211.

Тимащук Б.О. Давньоруська Буковина. – К., 1982.

Тимощук Б.А. Об археологических признаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. – М., 1988. – С. 69–89.

Тимощук Б.А. Начало классовых отношений у восточных славян (по материалам поселений Украинского Прикарпатья) // Советская археология. – 1990. – № 2. – С. 62–76.

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. – М., 1990а.

Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, Религия, Культура. – М., 2005. (http://httpadmw.rubooksdrevnie-germantsy--byt--religiya--kultura/, http://bookz.ru/authors/mal_kol_m-todd/varvari_759.html).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М., 1991.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – К., 1992.

Толочко П.П. В поисках загадочного русского каганата // Восточная Европа в Средневековье. – 2004. – С. 44–51.

Толочко П.П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. – СПб., 2011.

Толочко П.П. Истоки древнерусской государственности // Древняя Русь и средневековая Европа: складывание государств. – М., 2012. – С. 286–289.

Толочко П.П. «Русский мир» и Украина // Родина. – 2012. – № 9. – С. 83–84 (а).

Толочко П.П. Ранняя русь: история и археология. – СПб., 2013.

Топоров В.Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. – М., 1990. – С. 4–14.

Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М., 2000.

Тржештик Д. Великая Моравия и возникновение государства Пржемысловцев // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. – М., 1985. – С. 167–172.

Тржештик Д. Средневековая модель государства периода раннего средневековья // Этно-социальная и политическая структура раннеславянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 124–131.

Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991. – С. 94–95.

Тумаш В. Важнейшыя моманты культурных працэсаў Беларусі // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава, 1998. – С. 455–485.

Тураев Б. Царь на древнем Востоке // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – М., 1993. – Т. 74. – С. 230–254.

Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. – М., 2010.

Уваров П.Ю. История историка. Думают ли историки? А если думают, то зачем? // Одиссей. – 2003. – С. 303–331.

Уваров П.Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. – 2004. – № 5 (http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_17-pr.html).

Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей: Человек в истории. – № 1. – 2006. – С. 5–10.

Уикхэм К. Что марксизм сделал для истории средневековья и что он еще сделает // Средние века. – 2007. – Вып. 68(1). – С. 36–55.

Уколова В.И. Исторические судьбы познания истории // Проблемы исторического познания. – М., 1999.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Уоллес-Хедрилл Дж.М. Варварский Запад. Раннее средневековье. 400-1000. – СПб., 2002.

Усков Н. Почему Россия отстала от Европы // http://www.snob.ru/selected/entry/69908.

Фадеева И.Л. Формы владения и собственности в Европе и на Ближнем Востоке в древности и средневековье // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 64–93.

Фейгин М. Гидравлическое государство// http://www.gramotey.com/?-open_file=1269007000 (http://ej.ru/?a=note&id=9060).

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. – М., 1989.

Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма. – М., 2000.

Филюшкин А.И. Титулатуры русских государей. – М.; СПб., 2006.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР – М., 1987.

Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., 2010.

Флиер А.Я. История культуры от инстинкта к обычаю, от обычая к свободе // История и современность. – 2013. – № 2. – С. 36–51.

Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М., 1981. – С. 103–116.

Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 142–151.

Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественные записки. – 1992. – № 2. – С. 56–74.

Флоря Б.Н. Христианство в Древнепольском государстве во 2-й половине X – 1-й половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. – М., 2002.

Флоря Б. Точка распада. «Вся Русь» в политике Вильно и Москвы // Родина. – 2003. – № 11. – С. 28–33.

Флоря Б.Н. «Хроника» Винцента Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому средневековью // Средние века. – 2007. – Вып. 68(4). – С. 92–106.

Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М., 2005.

Фонт М. Проблемы государственного развития в Центральной и Восточной Европе в X–XII веках // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. – М., 2006. – С. 11–21.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. – СПб., 2000.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. – СПб., 2004.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л., 1980.

Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 57–93.

Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб., 1992.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988.

Фурсов А.И. Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное становление европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 13–70.

Фурсов А. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М., 2008. – С. 6–72.

Фядосік В.А. Праблемы метадалогіі святовай гісторыі ў Беларусі // Гістарычны альманах. – Т. 4. – Гародня, 2001. – С. 48–60.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2000.

Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 468–489.

Ханкевич О.И. Политико-правовые аспекты развития античной демократии // Праблемы гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. – Мн., 2000. – С. 70–76.

Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. (http://postnauka.ru/longreads/10918).

Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации. – 2004. – № 6. – С. 187–201.

Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Искусство и цивилизационная идентичность. – М., 2007. – С. 289–301.

Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. – 2007. – Вып. 68(1). – С. 6–35.

Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 181–195.

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. – СПб., 2009.

Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизация. – М., 1993. – Вып. 2.

Херрманн Й. Основные задачи, проблемы и результаты археологических исследований в области ранней истории, проведенных в ГДР за период с 1965 по 1970 г. // Berichte über den II. Internationalen Kongreβ für slawische Archäologie. – Berlin, 1973. – Bd. III. – S. 261–268.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Херрманн Й. Ruzzi, Forsderen Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 162–168.

Холл Т.Д. Монголы в мир-системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 442–467.

Хорошкевич А.Л. Русский средневековый город XI–XV вв. в историографии ФРГ (1974–1983) // История СССР в современной западной немарксистской историографии. – М., 1990. – С. 135–157.

Хоскинг Дж. Может ли Россия стать национальным государством? // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 33–50.

Цатурова С.К., Алтухова Н.И. «Культурное средневековье»: обсуждение «Словаря средневековой культуры» / под ред. А.Я. Гуревича (М. 2003) на ассамблее медиевистов ИВИ РАН // Средние века. – 2005. – Вып. 66. – С. 265–273.

Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археологія. – К., 2003. – № 1 (http://iananu.kiev.ua/archaeology/2003-1/zukerman.htm).

Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. – М., 1958.

Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной собственности в IX–XV вв. // А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Пути развития феодализма. – М., 1972. – С. 126–251.

Чернов С. Взлет на холмы. Раннемосковское общество и внутренняя колонизация // Родина. – 2003. – № 12. – С. 29–33.

Чиркович С. М. История сербов. – М., 2009.

Шадыра В. Да пытання аб славянскім рассяленні на тэрыторыі Беларускага Падзвіння // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 146–151.

Шавли Й. Венеты: Наши давние предки// http://sventovid.narod.ru/TXT3H/venetyl/hOl.htm.

Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. – М., 1986. – С. 95–99.

Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X веков // ВИ. – 1969. – № 10. – С. 87–105.

Шенк Ф.Б. Русский герой или фантом? Заметки к истории почитания Александра Невского // Родина. – 2003. – № 12. – С. 91–93.

Шинаков Е.А. О так называемой «византийско-болгарской» модели государственности в славянском мире // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. – М., 2001. – С. 126–128.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – М., 2009.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ширинский С.С. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материлам курганов IX–X вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. – К., 1988. – Т. 2. – С. 319–322.

Шмидт Е. Скандинавы в Смоленском Поднепровье и Подвинье в IX–X вв. н. э. // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 21. – 2006. – С. 74–77.

Шмидт Е.А. Славяне в междуречье Днепра и Западной Двины в IV–XII вв. // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мн., 2011. – С. 61–67.

Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский феодализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. – 2002. – № 4. – С. 3–20.

Шнирельман В.А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Историческая психология и социология истории. – М., 2009. – Т. 2. – № 2.

Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1989. – № 2. – С. 76–94.

Штер Н., Шторх Х. Погода – Климат – Человек. – СПб., 2011.

Шувалов П.В. Славяне и германцы в Среднем Подунавье в 488/489–566/568 гг // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 115–120.

Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. – М., 2007.

Щеглов А.Г. «Феодальная мутация»: шведский вариант? (Обзор материалов сборника: Birgerjarlstid – enbrytningtid? Sex föreläsningar från ett symposium I Stockholm våren 2001. Stockholm, 2002) // Средние века. – 2005. – Вып. 66. – С. 128–140.

Щукин М.Б. Семь миров древней Европы // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 56–62.

Щукин М.Б. Реплика по поводу «киевской культуры» // Европейская Сарматия. – СПб., 2011. – С. 239–244.

Эстилл Г. Новый взгляд на английское государство, ок. 700–1100 гг. // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 340–345.

Этногенез белорусов: тезисы докладов на научной конференции по проблеме «Этногенез белорусов». – Мн., 1973.

Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мн., 1992.

Юхо Я.А. Канцэпцыі фарміравання Вялікага княства Літоўскага // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 9. – С. 10–12.

Юхо И.А. Государство и право Киевской Руси – Украины в VII–XVI вв. // Гісторыя і дзяржаўнасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце. – Мн., 2012. – С. 11–37. (http://www.law.bsu.by/pub/31/6161.pdf).

Юшко А.А. К итогам археологического изучения Москвы и Подмосковья // Российская археология. – 1997. – № 4. – С. 79–92.

Юшко А.А., Чернов С.З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская этнография. – 1980. – № 2. – С. 116–125.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Юшков С.В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского университета. – Т. III. – Вып. IV. – Саратов, 1925.

Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. – М.; Л., 1939.

Якобсон В.А. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток (Oriens). – 1997. – № 1.

Якобсон В.А. Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории. – 2012. – № 1. – С. 81–125.

Яковенко Н. Українська шляхта з кінца XIV – до середини XVII століття. – К., 2008.

Янин В.Л. Новгород и Венеция // Восточная Европа в Средневековье. – М., 2004. – С. 64–69.

Янин В. В Новгороде демократию сожрали олигархи // Известия. – 7 сентября 2007.

Ясперс К. Истоки истории и ее роль. – М., 1991. – Вып. 1.

Этногенез белорусов: тезисы докладов на научной конференции по проблеме «Этногенез белорусов». – Мн., 1973.

Bialeková D. Pobedim. Slovanské hradisko a sidliska z 9. storočia. – Nitra, 1975.

Bohač Z. K některým geografickým aspektům středověkého osidleni v našich zemich // Historická geografie. – 1973. – No. 10. – S. 151–169.

Bradley R.S. Climate of the Last Millennium // Holocene Working Group Workshop, Bjerknes Centre for Climate Research, August 2003 (http://stephenschneider.stanford.edu/Publications/PDF_Papers/Bradley.pdf).

Brachmann H. Gösitz-Kesigesburch. Zur Geschichte der Hauptburg des sorbischen Stammes der Colodici // Simbolæ Prahistoræ. – Berlin, 1975. – S. 211–226.

Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Zu ihrer Geschichte und Kultur in 6. Bis 10. Jahrhundert – auf Gerund archäologischer Quellen // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin, 1978. – Bd. 32.

Brachmann H. Der mittelalterliche Befestigungsbau. Untersuchungen zu Stellung und Funktion der Wehrbauten im Geneseprozeß der mitteleuropäischen Feudalgeselschaft // EAZ. – 1985. – Jg. 26. – H. 3. – S. 457–467.

Burroughs W. Climate Change in Prehistory. – Cambridge: University Press, 2005.

DąbrowskaE. WielkiegrodywdorzeczugórnejWisły – próbaklasifikacii // Archeologia Polski. – 1971. – R. XVI. – Z. 1/2. – S. 445–464.

DąbrowskaE. WielkiegrodydorzeczagórnejWisły. Ze studiów nad rozwojem organizacji terytorialno-plemiennej w VII–X wieku. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973.

Dąbrowska E. Etapy kstaltowania się osadnictwa grodowego i formowania organisacji grodowzch u slowian zachodnich we wczesnym średniowiezu w Lądzie nad środkową Wartą // Poznań, 1978.

Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jarhhundert. – Berlin, 1985.

Электронный абонемент МГУ имени А.А. Кулешова

Domański G. Osadnictwo nad dolną Nysą Lużycką we wczesnym średniowieczu // Slavia antiqua. 1984. – T. 29. – S. 65–103.

Donat P. Haus und Hof // Die Slawen in Deutschland. – Berlin, 1970.

Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. – Berlin, 1980.

Donat P. Zur Frage des Bodeneigentums bei den Westslawen (Ein Diskussionsbeitrag) // Jahrbuch für Geschichte des Feudslismus. – Berlin, 1980a. – Bd. 4. – S. 9–26.

Donat P. Hausbau und Siedlung // Die Germanen. – Berlin, 1983. – S. 81–90.

Donat P., Lange E. Botanische Quellen und Probleme der Landwirtschaftsentwicklung im ersten Jahrtausend // Zeitschrift für Archäologie. – 1983. – Jg. 17. – No. 2. – S. 223–247.

Duczko W. Ruś wikingów. – Warszawa, 2007.

Ennen E., Janssen W. Deutsche Agrargeschichte. Vom Neolithikum bis zur schwelle des Industriezeitaltes. – Wiesbaden, 1979.

Gardawski A. Chodlik. Wczesnośredniowieczny zespół osad-niczy. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.

Gensen R. Frühmittelalterlich Burgen und Siedlungen in Nordhessen // Ausgrabungen in Deutschland. – Mainz, 1975. – T. 2. – S. 313–337.

Godłowski K. Pierwotne siedziby Słowian. – Kraków, 2000.

Goehrke K. Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1968. – T. 16. – S. 1–52.

Goehrke K. Frűzeit des Ostslaventums. – Darmstadt, 1992.

Górska I., Paderewska L., Pyrgała J., Szymański W. Grodziska Mazowsza i Podłasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976.

Grebe K. Die slawische Siedlung von Branderburg (Havel) – Neuendorf (Vorberict) // Ibid. – 1966. – Jg. 11. – H. 3. – S. 157–166.

Grimm P. Zum Verhältniss von Dorf, Hof und Burg in Nordwestthüringen im 12./13. Jahrhundert // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. – Berlin, 1977. – Bd. 30. – S. 427–446.

Gringmuht-Dallmer E. Zur Funktion jungslawischer Inselsiedlungen westlich der Oder // Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slave. – Bratislava, 1979. – T. 1. – S. 347–352.

Gringmuht-Dallmer E. Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berucksichtigung der Siedlungsgebiete. – Berlin, 1985.

Haarnagel W. Die Grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau, Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur. – Wiesbaden, 1979.

Hejna A. Vývoj osidleni v dolnim Posázavi a na Beneśovsku v době přemyslovské // Archæologia historica. – 1982. – No. 7. – S. 185–195.

Herrmann J. Die vor- und frühgeschichten Burgwall Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam. – Berlin, 1960.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Herrmann J. Einige Fragen der slawischen Burgenentwicklung zwischen mittleler Elbe und Oder // Sl. Ant. – 1963. – T. 10. – S. 185–206.

Herrmann J. Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. bis 13. Jahrhundert. – Berlin, 1965.

Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. – Berlin, 1966.

Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und deselschaftliche Verhältnisse der slawischen stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. – Berlin, 1968.

Herrmann J. Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtforschung in der DDR in den Jahren 1965–1970 // Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. – Berlin, 1970. – Bd. 1. – S. 133–159.

Herrmann J. Burgen und Befestigungen des 12. Und 13. Jh. in landesherrlichen Territorialpolitik und bäuerlicher Siedlung in der weiteren Umgebung von Berlin // Zeitschrift für Archäologie. 1986. – Jg. 20. – H. 1. – S. 201–235.

Hilczerówna Z. Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początku XI w. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967.

Hilczerówna Z., Urbańska-Łosińska A. Rozwój terenów osadniczych u schylku starożytnosci i we wczesnym średniowieczu w południowej cześci województwa zielonogórskiego // Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Warta. – Zielona Góra, 1970. – T. 2. – S. 49–114.

Historia kultury materialnej Polski w zarysie. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1978. – T. 1.

http://civilg8.ru

http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/13542/%D0%9F%D0%98%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%9D

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/280/%D0%92%D0%98%D0%A2%D0%A2%D0%A4%D0%9E%D0%93%D0%95%D0%9B%D0%AC

http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/14208/13-Dubonis.pdf?sequence=1

http://echo.msk.ru/programs/fis/951987-echo

http://geno.ru/news/4307

http://geopolitics.nm.ru/ratzel.html

http://inosmi.ru/arctica/20110823/173716325.html

http://inosmi.ru/latamerica/20120226/186926370.html

http://inosmi.ru/russia/20121212/203258722.html#ixzz2Erf4mUHZ

http://inosmi.ru/world/20121220/203547471.html#ixzz2FcVX2PdI

http://inosmi.ru/world/20130303/206532410.html#ixzz2MVFhDy7S

http://inosmi.ru/world/20130310/206798509.html#ixzz2NAHe4jyr

http://inosmi.ru/world/20150719/229178578.html#ixzz3gMZMU9b6

http://kannelura.info/?p=10173

http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/sb5.html

http://mirslovarei.com/content_soc/gidravlicheskoe-obshhestvo-13458.html

http://mirslovarei.com/content_soc/vostochnyj-despotizm-13539.html

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

http://muller.lbl.gov/pages/iceagebook/history_of_climate.html
http://polit.ru/analytics/2010/10/07/igor.html
http://polit.ru/article/2007/01/29/kuznezov
http://polit.ru/article/2007/11/16/yanov
http://polit.ru/article/2008/02/22/russia
http://polit.ru/article/2009/02/04/ukr
http://polit.ru/article/2011/08/06/novgorod
http://polit.ru/article/2012/02/17/sokolov
http://polit.ru/article/2012/05/28/antinormanism_kuzm
http://polit.ru/article/2012/07/25/pipes
http://polit.ru/article/2012/08/24/danilevsky_books
http://polit.ru/article/2012/08/24/Vikings_Rus
http://polit.ru/article/2013/10/22/ps_climate
http://polit.ru/article/2012/10/23/rissia
http://polit.ru/article/2014/04/22/tolochko_interview1
http://polit.ru/article/2014/07/12/kurilla
http://polit.ru/article/2014/12/04/interview_gippius
http://polit.ru/news/2010/05/29/zaliznyak_live
http://polit.ru/research/2011/04/14/dolbilov.html
http://polit.ru/article/2015/03/21/klejn_balanovskaya_2
http://postnauka.ru/faq/10030
http://razgovornik.3bb.ru/viewtopic.php?id=960
http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%E5%F7%ED%E8%EA%EE%E2,_%CB%E5%E2_%C8%EB%FC%E8%F7
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%82%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C,_%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85
https://ru.wikipedia.org/wiki/Харальд_I_Синезубый
https://ru.wikipedia.org/wiki/Кнуд_Великий
http://shalygin.ru/strannik.htm
http://shraibman.livejournal.com/556766.html
http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopic=7813&st=400
http://www.countries.ru/library/culturologists/ratcel.htm
http://www.diletant.ru/polls/131
http://www.echo.msk.ru/blog/kokh/843820-echo
http://www.echo.msk.ru/blog/russkiysvet_dot_narod_dot_ru/937111-echo
http://www.echo.msk.ru/blog/spb_msk/885409-echo
http://www.echo.msk.ru/programs/assembly/701249-echo
http://www.echo.msk.ru/programs/code/848319-echo
http://www.echo.msk.ru/programs/code/1109346-echo/#element-text
http://www.echo.msk.ru/programs/dithyramb/936794-echo
http://www.iglt.ru/teachters/index.php?e_id+55
http://www.inosmi.ru/ukraine/20100816/162177931.html
http://www.kataklizmic.narod.ru/faktu.html

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

http://www.kulhin.ru/artikle.php?article_id=8
http://www.lenta.ru/news/2011/11/22/warm
http://www.lenta.ru/news/2011/11/25/carbon
http://www.livelib.ru/author/158018
http://www.ng.ru/ideas/2013-09-06/5_western.html
http://www.ng.ru/politics/2014-11-06/3_tasks.html
http://www.ng.ru/ideas/2015-09-23/5_ideas.html
http://www.novayagazeta.ru/columns/67028.html
http://www.ogoniok.com/archive/1999/4621/34-12-16
http://www.polit.ru/analytics/2010/09/13/shpana.html
http://www.polit.ru/article/2008/02/22/russia
http://www.polit.ru/article/2013/04/17/theend
http://www.polit.ru/lectures/2005/11/14/pomerants.html
http://www.polit.ru/lectures/2007/02/15/klimenko.html
http:/www./polit.ru/lectures/2010/03/18/uchebniki.html
http://www.polit.ru/lectures/2010/12/01/climat.html
http://www.polit.ru/lectures/2010/03/23/history.html
http://www.polit.ru/lectures/2010/03/11/lankov.html
http://www.polit.ru/news/2008/08/26/tectonic
http://www.polit.ru/news/2010/12/24/davydov_live
http://www.polit.ru/science/2009/12/15/climate.html
http://www.portalostranah.ru/view.php?id=125
http://www.realty.polit.ru/article/2010/03/16/lankov
http://www.smi2.ru/oxlo/c16640/newspreview
http://www.socionauki.ru/book/files/social_macroevolution/recenziya_kradin.pdf
http://www.svobodanews.ru/content/article/24099450.html
http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24332683.html
http://www.svoboda.org/content/article/24933757.html
http://www.svoboda.org/content/transcript/24812615.html
http://www.washprofile.org/ru/node/6605

Kalita C. Etnos słowiański a państwo narodowe // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. – Гомель, 2007. – С. 297–299.

Kosman M. Historia Białorusi. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1979.

Kudrnač J. Die ältesten slawischen Burgwälle in der Tschechoslovakej // Siedlung, Burg ind Stadt. Studien zu ihren Anfängen. – Berlin, 1969. – S. 171–182.

Kudrnač J. Klučov – staroslovanské hradiště ve střednich Čechach (K počátkum nejstaršich slovanských hradišť v Čechach). – Praha, 1970.

Kudrnač J. Die Anfänge der slawischen Burgwälle in Böhmen // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. – Bratislava, 1979. – T. 1. – S. 447–452.

Kokowski A. Starożitna Polska: Od trzeciego wieku przed Christusem do starożitnosci. – Warszawa, 2006.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Kurnartowski S. Przemiany techniki uprawy roli w czasach międzu epoką brązową i wczesnym średniowieczem a rozmiszczenie stref zasiedlenia // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. – 1966. – T. 8.

Kurnatowski S. Nowsze teorie na temat pierwotnych siedzieb Slowian w świetle analizy paleodemograficznej // Slavia Antiqua. – 1977. – № 24.

Kurnartowski S., Wiślański T. Rola archeologii w badaniach historiczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. – 1966. – T. 8. – S. 49–55.

Jankuhn H. Geschichte Schleswig-Holsteins. Die Frühgeschichte. – Neumünster, 1957.

Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. – Berlin-New Jork, 1977.

Janssen W. Königshagen. Ein archäologisch-historischer Beitrag zur Siedlungsgeschichte des südwestlichen Harzvorlandes. – Hildesheim, 1965.

Janssen W. Studien zur Wüsrtungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. – Köln, 1975.

Janssen W. Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters // Das Handwerk in vor- und frühgeschichte Beiträge. – Göttingen, 1983. – S. 261–316.

Janssen Wil. Mittelalterliche Burgenbau am Niederrhein, zur Verhältnis von archäologischen Befung und schriftlicher Bezihung // ZfAdM. – 1975. – Bd. 5. – S. 121–128.

Kamińska J. Grodziska stożkowate sladem posiadłosti rycerskich XIII–XIV wieku // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodżi. Seria archeologiczna. – 1960. – No. 13. – S. 43–78.

Łabuda G. O formach osadnictwa wczesnośredniowiecznej wsi polskiej (w zwiąsku z książka Zofii Podwińskej) // Kwartalnik historii kultury materialnej. – 1975. – R. 23. – S. 99–113.

Lamb H.H. Climate: Present, Past, and Future // L.: Barnes and Noble Publ., 1977. – Vol. 2.

Lange E. Botanische Beitrage zur mittelalterlichen Siedlungsgechichte zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. – Berlin, 1971.

Levi-Strauss C. Structural Anthropology. – London, 1967.

Lowmianski H. Poczatki Polski. – T. IV. – Warszawa, 1970.

Leciejewicz L. Nowa postać świata. Narodziny średniowiecznej cywilizacji europejskiej. – Wrocław, 2000.

Łodowski J. Dolny Śląsk na początku średniowiecza (VI–X w.). – Wrocław, 1980.

Łosiński W. Z badań nad przemianami gospodarczymi w starszych fazach wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim // Archeologia Polski. – 1971. – R. XVI. – Z.1/2. – S. 431–444.

Łosiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI). – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.

Łosiński W. Osadnictwo plemienne Pomorza (VI–X wiek). – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1982.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Łosiński W. Dynamika zasiedlenia ziem pomorskych u schilku doby plemiennej (VI–XI w.) // Studia z dzieów i kultury zachodniej slowiańsczyzny. – Poznań, 1983. – S. 107–119.

Mann M.E., Bradley R.S., Hughes M.K. Global-scale temperature patterns and climate forcing over the past six centuries // Nature. – No. 392. – 23 April 1998. – P. 779–787.

Mapa grodisk w Polsce. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964.

Marschalleck K. Burgenprobleme zwischen Elbe und Oder // Frühe Burgen und Städte. – Berlin, 1957. – S. 29–43.

Meřzinský Z. Čechy v dobe Slovanskej // Archæologia historica. – 1985. – No. 10.

Modzelewski K. Grody i dwory w gospodarcze polskiej monarchii wczesnofuedalnej // Kwartalnik historii kultury materialnej. – 1975. – R. 21. – No. 1, 2.

Mrusek H.J. Thüringische und sächsische Burgen. – Leipzig, 1965.

Muller Richard A., MacDonald Gordon. Ice Ages and Astronomical Causes: data, spectral analysis. Springer-Praxis. 2000. (http//muller.lbl.gov/pages/IceAgeBook/history_of_climate.html).

Müller-Wille M. Mittelalterliche Burghügel „Motten" im nordlichen Rheinland // Beiheft der Bonner Jahrbücher. – Köln, 1966. – Bd. 16.

Olczak J., Siuchniński K. Typologia wczesnośredniowiecznych grodisk Pomorza środkowego // Slavia antiqua. – 1976. – T. 23. – S. 111–152.

Piontek I. Antropologia pradziejowa i wczesnohistoryczna. Spory o etnogenesę slowian: ustakenia archeologów i wątpliwości antropologów fisycznych // Perspektywy rozwoju antropologii w Polsce. Piąnty warsztaty antropologiczne. – Warszawa, 2002. – S. 27–40.

Pirenne J. Les grands courants de l'histoire universelle, De. 1-7, Neuchâtel / Paris 1945–56.

Pitterová A. Typy nejastarších slovanských sidlišt vesnického charakteru a jejich vývoj ve světle archeologicých pramenů // Česky lid. – 1968. – R. 55. – Č. 2–3.

Podwińska Z. Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. – Wroclaw-Warszawa-Gdańsk, 1971.

Poulik J. Mikulčice – sidlo a pevnost knižat velkomorawských. – Praha, 1975.

Poulik J. K orazce vzniku předvelkomoravských hradišť // Slovenská archeologia. – 1988. – T. 36. – Č. 1. – S. 189–216.

Primitive, Archaic, and Modern Econovics // Essays of **K. Polanyi**. – New York, 1968.

Pulleyblanke G. Oriental Despotism by Karl A. Wittfogel // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – Vol. 1. – No. 3. – Oct., 1958. – Pp. 351–353 (http://www.jstor.org/stable/3596378).

Rajewski Z. Wczesnośredniowieczne ośrodki wiejskie w świetle dotychczasowego stanu badań // Pierwsza sesia archeologiczna Institutu historii kultury materialnej polskiej Akademii Nauk, 1955 r. – Warszawa-Wrocław, 1957. – S. 299–318.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. – N.Y.; Oxford, 1994.

Rozwój osadnictwa w rejonie Burzenina nad Wartą od VI do XIV wieku. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.

Schlette F. Zum Besiedlungskontinuität und Siedlungskonstanz in der Urgeschichte // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. – Berlin, 1969. – Bd. 25. – S. 11–25.

Schmidt V. Lieps: eine slawische Siedlungskammer an Südende des Tollensees // EAZ. – 1986. – Jg. 27. – H. 2. – S. 271–277.

Schuldt E. Die Holzbau bei den nordwestslawischen Stämmen vom 8. Bis 12. Jahhundert. – Berlin, 1988.

Słupecki L. From tribal structures to early States in medieval Europe and what caused the Change – criminal Background? // Древняя Русь и средневековая Европа: становление государственности. – М., 2012. – С. 248–250.

Snašil R. Průzkum zaniklých středověkých sidlišť na jihovychodni Moravě v 1964 až 1968 // Archeologické rozhledy. – 1970. – R. 22. – S. 332–344.

Spate O.H.K. The “Hydraulic Society” // Annals of the Association of American Geographers. – Vol. 49. – No. 1. – Mar., 1959. – Pp. 90–95 (http://www.jstor.org/stable/2561293).

Stalsberg A. There were no Vikings in old Rus! // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 250–255.

Struve K.W. Sächsische und slawische Burgen in Holstein // Frühen zu vor- und frühgeschichten Denkmälern. Mainz/Rhein. – 1968. Bd. 10. – S. 43–55.

Struve K.W. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins // Ausgrabungen in Deutschland 1950–1975. – Mainz, 1975. – Teil 3. – S. 98–122.

Szymański W. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnośredniowiecza. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967.

Šolle M. O zakladnich vývojových stadiich zapadoslovanského hradiska podle českého výzkumu // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. – Warszawa-Wrocław-Kraków, 1968. – T. 4. – S. 176–195.

Šolle M. Staroslovanské hradisko: Charakteristika, funkce, vývoj a význam. – Praha-Vyšehrad, 1984.

Štěpánek M. Opevněná sidliště 8.-12. Stoleti ve středni Evropě. – Praha, 1965.

Timpel W. Archäologische Quellen zur Funktion mittelalterlicher Befestigungsanlagen // Burg und Stadt in Geschichte und Gegenwart. Wissenschaftliche Zeitschrift. Jena. 1979. – Bd. 28. – S. 349–360.

Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. – Princeton University Press, 2009.

Timpel W. Gommerstedt: Ein hohmittelalterlicher Herrensitz in Thüringen. – Weimar, 1982.

Unverzagt W., Schuldt E. Tezerow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. – Berlin, 1963.

Urbańczyk P. Władza I polityka we wczesnym średniowieczu. – Wroclaw, 2000.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Urbańczyk P. Rola archeologii w badaniach nad początkami państwa polskiego // Najstarszy dzieje Podlasia w świetle źródeł archeologicznych. – Siedlice, 2001. – S. 229–237.

Weidemann K. Untersuchungen zur Kultur- und Siedlungsgeschichte Norddeutschlands im frühen Mittelalters // Ausgrabungen in Deutschland. 1950–1975. – Mainz, 1975. – T. 3. – S. 3–16.

Wędzki A. Rozwój osadnictwa i podziały teritorialne ziemi lądzkiej do konca XIV wieku // Slavia antiqua. – 1966. – T. 13. – S. 1–141.

Wielowiejski J. Zagadnienie przełomu w techtice uprawy roli w piewszym tysiącletiu N.E. na ziemiach Polskich // Kwartalnik historii kultury materialnej. – 1955. – T. 1.

Willerding U. Über Klimaentwicklung und Vegetationsverhältnisse im Zeitraum Eisenzeit bis Mittelalters // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen. – 1977. – S. 357–405.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Yale university Press. – Massachusetts, 1957.

Zeman J. Neistarši slovanské osidleni Čech // Památki archeologické. – 1967. – T. LXVII. – Č. 1. – S. 115–235.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА 3

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ
Основные задачи и проблемы истории 4

Очерк 1
СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ФАКТОРЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ..... 14

Очерк 2
ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНОСТИ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ
И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ 37

Очерк 3
ПРИРОДА, ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ
И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.... 65

Очерк 4
О НОВЫХ МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИХ ПРОДУКТИВНОСТИ..... 115

Очерк 5
СТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ВАРВАРСКИХ
ГОСУДАРСТВ 142

Очерк 6
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У ЮЖНЫХ
И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН 181

Очерк 7
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.... 269

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 354

ЛИТЕРАТУРА 369

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова